ВАДИМ ПАНОВ

ХАОСОВЕРШЕНСТВО

АНКЛАВЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хаос овладевает миром. Он поглощает государства и Анклавы, и даже всемогущая СБА не способна с ним справиться.

Хаос овладевает умами. И вот уже запуск Станции — новой надежды человечества — грозит обернуться мировой катастрофой.

Как остановить Апокалипсис?

Последователи сетевого пророка уверены, что только Цифра приведет цивилизацию к процветанию и свободе. Верхолазы в растерянности.

Главы правительств пытаются сохранить власть. А антиквар Кирилл Грязное собирает в одну команду легендарного ломщика, талантливого механика, гениального инженера и свою дочь Патрицию — Избранную, способную разговаривать с Богами.

Но лишь тогда, когда Копье пронзит сердце Земли, вновь запустится Вечное Колесо и мир сделает первый шаг от Хаоса к Совершенству.

- ПРОЛОГ
- АВГУСТ
- ИЮНЬ
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- АВГУСТ
- ИЮЛЬ
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *

- * * *
- АВГУСТ
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- АВГУСТ
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- Словарь
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

ПРОЛОГ

Лишь почитая богов и Храмы
побежденных, Спасутся победители.

Эсхил «Агамемнон»

Жизнь есть движение.

И оспаривать эту аксиому столь же глупо, как опровергать существование земного притяжения. Любители почесать языком, разумеется, находятся, но ничего, кроме снисходительной улыбки, их потуги не вызывают.

Жизнь есть движение.

Мы живем только потому, что постоянно движемся, причем как в прямом смысле этого слова: убегая и нападая, работая и занимаясь спортом, так и в переносном: постоянно развиваясь, совершенствуясь, познавая новое и, соответственно, поднимая себя на более высокую ступень развития. Мы не останавливаемся. Мы стремимся вперед. Мы движемся.

Но в то же самое время умение оставаться неподвижным, а значит — незаметным, играет весомую роль в спектакле повседневности. Оно одинаково полезно и военному, и охотнику, и хищнику, и тому, кто занимает в пищевой пирамиде местечко пониже. Терпеливый крокодил обеспечит себе сытный ужин, а притихшие под кустом зайчата избегнут встречи с голодной лисой.

И Олово, который мог посостязаться в скорости и с крокодилом, и с гепардом, в совершенстве владел искусством сохранять неподвижность.

Невысокий, на первый взгляд — щуплый, затянутый в маскировочный комбинезон армейского образца, он приник к толстой ветке, нависавшей над оленьей тропой, и не шевелился, ожидая, когда небольшое стадо, что мирно паслось в полукилометре к северу, соберется на водопой. Когда и как олени пойдут к реке, Олово знал точно — за последние месяцы он досконально изучил повадки местной живности. Еще полчаса, максимум минут сорок, и вожак, голову которого украшали массивные красноватые рога, привлечет к себе внимание коротким ревом. Выждет, убеждаясь, что услышан всеми, и важно ступит на ведущую к реке тропу. Следом потянутся окруженные телятами самки, а в арьергарде — молодые бычки, одного из которых ждет приглашение на ужин. Седло черного оленя, приготовленное в «тулупе» из ароматных трав, Олово считал

вкуснейшим в этих краях лакомством.

При мысли о предстоящем пиршестве охотник едва заметно улыбнулся, однако в следующий миг насторожился — вожак издал тревожное мычание.

«Что случилось?»

Заметить притаившегося на дереве врага олени не могли, к тому же засаду Олово устроил с подветренной стороны, а значит… Еще один сигнал рогатого, и охотник понял причину тревоги: на расположенный к северо-западу каменистый пригорок медленно и важно поднялась пятнистая кошка.

«Соседка!»

Ужин отменяется? В первый момент показалось именно так — встревоженные олени бросились на восток, однако припустившая с пригорка пятнистая отрезала стаду путь на равнину, и вожак повернул на юг, к кустам, редким деревьям и… к Олово.

Охотник подобрался.

Прыгать на удирающего от хищника зверя задача не из простых, однако Олово в себе не сомневался. А о том, чтобы жертва оказалась под деревом, позаботилась кошка, совершившая резкий рывок, заставив стадо еще раз изменить направление.

«Сейчас!»

Вожак и самки с детенышами пробежали правее, через кустарник и по высокой траве. А вот умные молодые бычки устремились на тропу: по ней ведь легче, быстрее, а значит — безопаснее. Двое, трое, опять двое…

Олово дождался последнего в группе бычка, смертоносной тенью соскользнул с ветки, ловко оседлав жертву, и тут же, не давая перепуганному оленю опомниться, взмахнул ножом. Располосованное горло оросило мир горячей кровью, бычок покатился по земле, а Олово, за мгновение до того спрыгнувший с его спины, подскочил и прижал дергающуюся в последних судорогах жертву к земле.

— Всё, всё… — то ли пытался утешить, то ли просил прощения. — Всё…

Приглашение на ужин доставлено.

Стадо стремительно миновало полоску кустарника, вышло к реке, но не остановилось, преодолело поток вброд — благодаря тонкому слуху охотник различил плеск воды — и ушло на открывающуюся дальше равнину.

Олово отпустил бычка, присел на корточки и принялся неспешно вытирать нож. Он знал, что скоро прибудет гостья, и не ошибся: примерно через минуту высокая трава мягко разошлась, и появилась пятнистая голова. Когда требовалось, крупные

местные кошки умели приближаться незаметно, великолепно используя для маскировки и траву, и кустарник.

— Привет, — коротко произнес Олово. Пятнистая не ответила, но смотрела на человека без

агрессии. И без любопытства. Скорее — выжидающе. Хотела знать, понял ли двуногий, что она пришла за своей долей.

— Ты умнее, чем ка-азалось, — признал человек.

Кошка вновь промолчала. Вышла из травы, продемонстрировав Олово длинное мускулистое тело, потянулась и уселась.

«Где моя доля?»

Они познакомились на третий день пребывания Олово на равнине, вскоре после того, как он поохотился на оленей в первый раз. Недовольная зверюга явилась в

тот самый момент, когда Олово тащил тушу к пещере: выскользнула из кустов, хлестнула себя хвостом по бокам и выдала угрожающий рык, сообщив, что местные охотничьи угодья зарезервированы. Олово, которому понравилось на равнине настолько, что он решил остаться здесь навсегда, ответил не менее угрожающим рычанием, поправил лежащую на плечах тушу и потопал по своим делам, ожидая удара в спину. Но не дождался. То ли пятнистая решила повременить, то ли была смущена поведением наглого новичка. Отступила.

Той же ночью Олово прошел по следам кошки и отыскал тщательно спрятанное логово, в котором посапывали трое котят. Трогать не стал, понадеялся, что пятнистая поймет сигнал, и не ошибся. На следующую ночь состоялся ответный визит — кошка пришла к пещере и почти час сидела в тридцати шагах от разведенного у входа костра. Смотрела, оценивала, затем растворилась в темноте, и недели две они с Олово жили, не замечая друг друга.

А сегодня пятнистая неожиданно предложила союз. Олово вырезал из туши интересующие его куски, упаковал их и поднялся на ноги.

— Оста-альное твое.

Кошка склонила голову набок. Взгляд ее зеленых глаз оценивающе ощупал остатки оленя.

— Всё честно. — Олово еще раз посмотрел на тушу, усмехнулся и сделал шаг назад. — Прия-атного аппети-та-а.

Пятнистая двинулась вперед.

— Увидимся-а.

Она в очередной раз не ответила, но Олово и не требовалось. Он знал, что его поняли.

АВГУСТ

Что есть власть?

«Возможность отдавать любые приказы», — услужливо подсказал внутренний голос. Большой любитель поспорить и продемонстрировать свою значимость. Внутренний голос был отъявленным честолюбцем, весьма хвастливым, самодовольным, и каждая одержанная победа подбрасывала дровишек в костер его тщеславия.

«Приказы?» — переспросил Джезе.

«Любые».

«Не слишком ли мелко? Фельдфебель тоже отдает приказы».

«Любые… — Чувствовалось, что сравнение собеседника покоробило. — А как насчет исполнения любых желаний?»

«Своих ли?»

«А чьих?»

Оказавшись на вершине, человек попадает в центр переплетения интересов самых разных групп, группировок и группировочек, что стоят между правителем и вверенным его попечению народом. По-настоящему неограниченная власть — миф. Или будешь лавировать между кланами, или станешь заложником ближайших сторонников. И еще неизвестно, что лучше. Неизвестно-Раньше Папа Джезе не задумывался над сутью власти. Лез вверх ради процесса, лез, потому что мог, потому что наслаждался своей силой и превосходством над конкурентами. Потому что подъем на вершину был в его жизни таким же естественным делом, как сон или дыхание. Увлекательной игрой он был, острым состязанием, но теперь… Теперь ставки выросли настолько высоко, что привычно легкое отношение к победам стало казаться неуместной шуткой. Так что же дает власть?

«Возможность стать богатым», — брякнул один из роящихся над головой духов Лоа. И захихикал.

— Да уж… — Джезе скривился.

Карабкаться на вершину ради денег? Какая пошлость.

«Не будь наивным. Деньги правят миром».

— Назвать тебе людей, у которых эта фраза вызовет презрение? Они есть сейчас, они были раньше. Прошли сотни лет, но люди их помнят, потому что не золото было их целью, а чистая, как дистиллированная вода, власть.

Вот только зачем, черт побери, она нужна?! «Ты разве не знаешь?» — на этот раз отозвался целый сонм духов.

Почести, богатство, возможность отдавать приказы и очень

долгая жизнь. Не вечность, конечно, но сила Буду существенно добавит к тому, что предлагает медицина. Жизнь на вершине, наслаждения, взрослые игры и… и тоскливые вечера у камина, по меткому выражению этого мерзавца Щеглова.

Жизнь для себя. Жизнь в полнейшем одиночестве, потому что душа живет вдали. Жизнь наполовину или вообще не жизнь. Такова его плата.

Индивидуальный, мать его, взнос.

«Ты больше не принадлежишь себе», — прошептал дух.

— Один раз вы меня уже обманули, — хрипло ответил Папа.

«Мы не обманывали». «Просто кое-что изменилось». «Непредвиденное».

Джезе закрыл глаза и вновь, как во время разговора с

Мишенькой, погрузился в воспоминания. В сладкие воспоминания о страстной встрече в соборе Тринадцати Пантеонов. Лицо любимой женщины, ее прикосновения, ее дыхание, ее тепло. Нет — ее жар. Нет! Не ее жар, а их. Их общий костер увидел Джезе и в очередной раз осознал, что сгорел тогда дотла. И Патриция сгорела. Только она знала, на что шла, а он — нет.

«Получается, она тоже тебя обманула!»

«Бедный, бедный Джезе…»

«Ужасно, когда нельзя никому довериться».

«Не слезы ли на его глазах?»

Они роились вокруг и зубоскалили. Ехидничали. Откровенно насмехались. Их якобы шутливые замечания становились все более дерзкими, однако уколы порождала не сила, совсем не сила. Духи Лоа понимали, что случившееся в соборе Тринадцати Пантеонов изменило Папу, однако до сих пор не смогли ковырнуть глубже, чем он позволял. Возможно, сейчас, после разговора со Щегловым, защита даст сбой и они узнают его нового? Того, которого боялся сам Джезе.

«Что ты нашел в этой девке?»

— В девке?!

Разъяренный Папа сдавил обнаглевшего духа в кулаке.

А в следующий миг осознал, что все невидимые твари Лоа замолчали.

А еще через секунду осознал, что сделал.

Защита пробита, и ошарашенные духи разлетелись, бросая испуганные взгляды на нового Джезе.

«Ты изменился…»

«Ты другой…»

— Там, в соборе, мы совершили невозможное, — тяжело объяснил Папа.

То ли себе, то ли плененному невидимке. Патриция!

Их любовь, их костер, их пожар. Вершина, на которую они поднялись. Вершина, которой можно достичь только вместе, и только через костер.

Он стал другим. Не мог не стать и стал, однако долго, очень-очень долго не принимал перерождения. То ли боялся, то ли не был готов, то ли предвидел реакцию сил, служению которым посвятил свою жизнь.

«Ты не имел права так поступить!»

«Ты не должен был меняться!»

«Ты стал чужим!»

Папа поднял руку и внимательно посмотрел на бьющуюся в ловушке жертву. На олицетворение мощи Католического Буду.[1] На невидимого повелителя незримого.

И услышал:

«Пусти…»

Тихое, недовольное, обиженное и немного испуганное.

И понял, почему парившие в соборе Тринадцати Пантеонов духи с недоверием смотрели на костер их с Патрицией любви. Почему стали помогать Ахо.

— Вы меня боитесь. «Ты стал чужим!»

— Напротив, мои маленькие невидимые друзья, — покачал головой Джезе. — Теперь мы с вами окончательно породнились.

А Католическое Вуду обрело второго, после Святого Мботы, великого пророка, который…

— Иисус, — прошептал Папа, принимая первое в своей жизни видение.

Глобальную картину, ужатую в короткий информационный пакет без всякого, мать его, шифрования. То ли первая передача, то ли случайная связь, то ли дурацкая шутка с целью проверить свойства нового преемника в сети избранных.

— Иисус! — повторил Джезе, выпуская духа и сдавливая руками переполненную посланием голову. — Помедленнее! Господи, пожалуйста, помедленнее!

Он знал все на свете и ничего конкретно. Он видел судьбы людей, но не мог сосредоточиться ни на одной из них. Он был всемогущим наблюдателем, отстраненно взирающим на потуги, и управлял всей жизнью на Земле. Он был, и его не было. В своих коротких скитаниях везде и нигде Джезе окончательно познал суть Станции и восхитился величием замысла. А потом поразился чудовищной его жестокости. Он увидел, что будет и что будет потом, после «что будет». Всех возненавидел и простил.

А потом запретил себе жалеть себя.

А потом открыл глаза и понял, что лежит на полу. Что боль

стихла, что он не спятил, не «коротнул» от информационной перегрузки, зато чувствует необыкновенный прилив сил. Понял, что произошедшее — его суть, его новое Я, его истина. Понял и смирился.

«Ты не уйдешь», — с тихой радостью и неимоверной печалью произнес дух.

— Да, — подтвердил Папа. — Я не уйду.

Потому что впереди их ждут страшные испытания и людям, собравшимся на площади перед храмом Иисуса Лоа, нужен вождь. И другим людям, которые смотрят прямую трансляцию, тоже нужен вождь. Миллионы, сотни миллионов людей верят и надеются на лучшее. У миллионов, у сотен миллионов из них нет ничего, кроме веры и надежды. И он, Папа Джезе, обязан остаться, потому что вера их — он. И надежда их — он. Потому что отныне и до самой смерти он и есть Католическое Вуду.

Что такое власть, Папа Джезе?

Возможность вести людей к цели, которую ты видишь и в которую веришь. Ответственность перед теми, кого ведешь.

Любой другой ответ не имеет смысла. Любой другой ответ приведет его к любимой женщине. Любой другой ответ приведет Папу туда, куда рвется его сердце, где живет его душа. Любой другой ответ приведет его в место, которое будет сниться Папе всю оставшуюся жизнь. В место, вспоминая о котором он будет плакать без слез всю оставшуюся жизнь. В место, где он мог бы обрести счастье.

Но вот беда — не было у Джезе другого ответа.

А значит, и счастлив он не будет.

— Я — пастырь. Так уж получилось.

Папа медленно поднялся на ноги, сделал пару шагов и угрюмо посмотрел в зеркало. На отражение человека, отдавшего другим свою душу. На отражение человека, облаченного в белые одежды настоятеля храма Иисуса Лоа.

ИЮНЬ

Анклав: Москва. Территория: Болото. «Инновационное бюро Лакри». В основе любых великих свершений лежат нудные совещания

— Пресс-служба СБА официально подтвердила, что вчерашний сбой сети, в результате которого четыре часа «лежало» тридцать процентов Франкфурта, стал результатом согласованной атаки на Анклав тритонов Сорок Два. Убытки от очередной выходки сетевого террориста превысили…

Патриция, повинуясь взгляду отца, выключила некстати заголосивший коммуникатор и кашлянула, показывая, что можно вернуться к разговору.

Кирилл же пригладил короткие светлые волосы, медленно обвел взглядом собеседников, выбрал Руса и негромко поинтересовался:

— Я слышал, тритоны взломали бюро.

— Пытались, — уточнил тот, проклиная свою забывчивость. Чертов коммуникатор был «заряжен» на новости и автоматически включался в начале основных выпусков.

— Тритоны пытаются ломать всех, — вступился за Лакри Ганза. — Ничего особенного.

— Все меня не интересуют, пусть сами справляются, — тяжело произнес Кирилл. — А сервер бюро должен оставаться в неприкосновенности.

— Машина отрезана от сети с самого начала проекта, — напомнил Рус. — В ней нет «железа», способного установить соединение. И она слишком хорошо спрятана, чтобы можно было подключиться через…

— Терминалы, — буркнул Грязнов. — Машина в бункере, но вы работаете отсюда.

Мозгом «Инновационного бюро Лакри» служил суперкомпьютер с пятнадцатью «поплавками», разрешение на который Кирилл раздобыл благодаря мощным связям на самой верхушке иерархической пирамиды Анклава Москва. Пряталась чудо-машина в глубоком бункере и обеспечивала Рустаму с компанией потрясающе высокий уровень вычислений. Как раз такой, какой и требовала поставленная Грязновым сложная и

предельно секретная задача, — именно поэтому Кирилл беспокоился насчет мер безопасности.

— Вы представляете, что будет, если вас на самом деле взломают?

— Я вычислил придурков через семьдесят секунд после начала атаки, — тихо сообщил молчавший до сих пор Чайка. — Заблокировал им доступ и позвонил по номеру, который вы дали.

— А если бы тебя не оказалось на месте?

— Меня и не оказалось, — пожал плечами Илья. Когда Рустам сообщил о попытке взлома, я сидел в кабаке на Мясницкой. Оттуда и работал.

Чайка, Илья Дементьев, был не простым ломши-ком — одним из двенадцати великих, одним из «любимчиков Поэтессы», о которых по сети гуляли сборники легенд. Официально Илья считался мертвым, да еще убитым самим Мертвым, то есть — мертвее не бывает, на деле же чувствовал себя прекрасно. Ну, настолько прекрасно, насколько может себя чувствовать человек, всего месяц назад покинувший страшно гостеприимную Африку.

Здоровью Чайки ничего не угрожало, однако на душе ломщика было неспокойно.

— Я не оставил бедолаг после звонка, — продолжил он, исподлобья глядя на Кирилла. — И знаю, что через четыре минуты их накрыл летучий отряд безов.

На самом деле Илья подключился к «балалайке» одного из тритонов и его глазами наблюдал вторжение беспощадных бойцов СБА. Еще год назад сетевые роботы обязательно отследили бы такое подключение, но сейчас Чайке хватило и стандартных защитных действий — миллионы тритонов изгадили сеть почти до полной неработоспособности.

— Придурков арестовали или положили? — лениво осведомился Кирилл.

Но Илью интересовало другое:

— Вы сдали тритонов Мертвому?

— Это самый быстрый и надежный способ избавиться от них.

— Объяснение так себе.

Теперь на Грязнова смотрели все: и Чайка, и Рус, и Ганза, и Патриция.

Ненависть к всесильному директору московского филиала СБА Максимилиану Кауфману была одним из краеугольных камней в фундаменте, на котором объединилась собравшаяся в Бюро компания. И если идеолог проекта не гнушается работать с Мертвым, то фундамент может дать трещину.

— Мы на войне, Илья, — пожал плечами Кирилл. — А потому я использовал и буду использовать впредь все средства, которые

сочту нужными.

— Но ведь мы воюем против Мертвого!

— Основная прелесть ситуации заключается в том, что он об этом не знает, — усмехнулся Грязное. И перешел в атаку: — Через кого, по-твоему, я сделал тебе фальшивые документы? Прошу прощения — настоящие документы.

— Через…

Беглый каторжник прекрасно понимал, что обеспечить ему новое, «почти настоящее» имя можно было лишь через СБА. Понимал, но гнал мысли прочь, поскольку в данном случае речь шла о его благополучии.

— Это стоило дорого, но оно того стоило, — продолжил между тем Кирилл. — А еще, раз уж мы заговорили о нормах безопасности, хочу предупредить, что все вы, мои дорогие партнеры, внесены в VIP-список московского филиала СБА

— Мы все? — удивленно поднял брови Лакри.

— Времена сейчас непростые, вы же, случается, появляетесь на улицах без охраны.

А присутствие в списке особо охраняемых персон гарантировало, что безы будут защищать «дорогих партнеров» даже ценой собственной жизни.

— Теперь, когда мы утрясли мелкие вопросы, я бы хотел перейти к главной части встречи, — проворчал Грязное. После чего покосился на коммуникатор и вытер со лба пот.

Они сидели за длинным столом в подвале одного из ангаров «Инновационного бюро». Кондиционер работал на полную, однако не успевал охлаждать воздух — слишком уж много аппаратуры появилось в последнее время в не очень большом помещении. Измерительные приборы и связанные с суперкомпьютером рабочие станции практически не выключались, тут же стенды, тут же набитые электроникой шкафы, и тут же, в углу, наполовину разобранная «Ламборджини» — памятник новейшим технологиям. Двигатель машины использовал новую энергию «Науком», и именно с желтого спорткара начался проект, над которым трудились собранные Гряз-новым гении.

Проект, призванный разрушить грандиозные планы Максимилиана Кауфмана.

Кирилл, на правах лидера, занял место во главе стола. Широкоплечий, но совсем не атлет. Массивный, но отнюдь не толстый. Лицо круглое, подходящее простаку-фермеру, но взгляд серых глаз выдает глубокий ум. Кирилл был одним из трех компаньонов «Шельман, Шельман и Грязное», ведущей антикварной фирмы планеты, имеющей представительства во

всех Анклавах, торговал, так сказать, историей, а потому не поленился внести в свой облик «загадочные» детали. Он коротко стриг светлые волосы, однако на затылке носил пятнадцатисантиметровую косичку, в которую была вплетена черная веревочка. Левое ухо антиквара украшала покрытая причудливой вязью золотая серьга, а на тыльных сторонах ладоней были вытатуированы черные руны. Ни дать ни взять — маг.

Справа от Кирилла расположилась его дочь — Патриция. Красавица с тонким, узким лицом и длинными каштановыми волосами, чью стройность иногда ошибочно принимали за хрупкость. Пэт обожала скорость, гоняла на спортивных машинах, самолетах, вертолетах и даже совершила спейс-слалом — сама управляла шаттлом. Вот и в бюро она приехала не с отцом, в массивном, неторопливом и надежном, как танк, внедорожнике «ГАЗ Тайга», а на скоростном «Судзуки Плутон». Одежда соответствовала: кожаные брюки и куртка, которую она сняла, оставшись в игривой майке. И еще одна деталь, на которую обращали внимание все, кому доводилось встречаться с Патрицией: с недавних пор ее организм отторгал вживленные чипы, а потому на столе перед девушкой лежал коммуникатор.

Хозяин бюро, Рустам Лакри, оказался напротив Пэт. Худощавый, невысокий, с короткими черными волосами и черными от смазки руками, он очень редко вылезал из рабочего комбинезона, а потому походил на заурядного техника. Что, в принципе, частично отражало действительность: Рус был гениальным механиком, человеком, способным создать устройство для любых целей, и лишь пацифистские убеждения не позволяли Лакри принять необычайно щедрые предложения, которыми его засыпали «Науком» и другие оружейные корпорации.

Рядом с Лакри горой возвышался Ганза — обладатель длинных волос, длинного носа, длинного подбородка и длинных рук, в одной из которых он привычно держал банку пива. Цветастая рубаха расстегнута до живота, волосатая грудь выставлена напоказ. Голос громкий, заглушающий всех, манеры оставляют желать лучшего, но голова… Именно светлая, хоть и лохматая, голова позволила Ганзе придумать новую энергию.

Чайка пристроился последним, не напротив Ганзы, как следовало бы, а за ним. С одной стороны, неудобно — при разговоре приходилось подаваться вперед. Зато когда Чайка откидывался на спинку стула, то полностью пропадал из поля зрения собеседников. Поджарый, выглядящий много моложе своих тридцати с хвостиком лет, Илья казался студентом и не

стеснялся пользоваться этой своей особенностью. Но не здесь, потому как все присутствующие прекрасно знали и его настоящий возраст, и квалификацию. Лучший ломщик современности, один из двенадцати великих, создатель несокрушимого тс-вируса, ставшего едва ли не главным оружием тритонов. Тем не менее последователем Сорок Два Чайка не был, и голову, подобно большинству правоверных ней-кистов, не брил. Напротив, вырвавшись из Африки, Илья вживил себе наны и теперь, как Ганза, мог похвастаться почти такими же длинными волосами.

— Как продвигается проект?

— Успешно! — оптимистично заявил Ганза.

— Вяло, — буркнул Рус.

— Непонятно, — добавил Илья.

Патриция улыбнулась и занялась изучением собственных ногтей. Кирилл же внимательно оглядел ребят, вздохнул и вежливо попросил:

— Уточните, пожалуйста.

Всего несколько недель назад Грязное считал, что самое трудное позади: его гении, каждый из которых был жизненно необходим для проекта, согласились работать в команде. Главный кандидат на звание «человек тысячелетия», бежавший из легендарной Африки ломщик и владелец тюнинговой компании — разношерстная группа, собранная вместе усилиями Патриции и Кирилла. Объединить столь разных людей удалось идеей, главный посыл которой звучал просто: человечество в тупике. Выход есть — новая энергия, однако в настоящий момент Станцию полностью контролирует Мертвый, и разрушить его монополию можно только с помощью небольшой, но шумной аварии. Строительство будет отброшено на несколько месяцев назад, и этот факт, вкупе с поведением государств, заставит Кауфмана поделиться секретом со всем миром.

Первая неделя не принесла проблем: Ганза вводил Илью и Руса в суть дела, подробно рассказывал о принципах совершенного им открытия и о секретах строительства Станции. Слушатели вникали. Кирилл радовался. Но чем больше Илья и Рус узнавали, тем четче проявлялось их собственное мнение и вырисовывались оригинальные идеи, вступающие в противоречие с замыслами Ганзы. Столкновение было неизбежно. Первый крупный скандал случился через шесть дней: Чайка заявил, что цель недостижима, поскольку их затея требует тотального контроля над всеми системами Станции, а одному ему не потянуть. Три дня Рус и Ганза доказывали ломщику обратное и в конце концов доказали. Но при этом лохматый насмерть разругался с Лакри. Через два дня Патриции удалось

восстановить мир, но тем же вечером перебранка вспыхнула вновь: Илья и Рус накинулись на Ганзу…

Две последние недели из подвала бюро беспрестанно доносились ругань и взаимные обвинения, плавно переходящие в оскорбления, но, несмотря на это, а может — благодаря этому, дело двигалось. Дух соревнования, желание продемонстрировать идиотизм коллег заставляли парней выворачиваться наизнанку, и сегодня Кирилл рассчитывал услышать хорошие новости.

— …главная проблема в том, что Станция вырабатывает не энергию, а вещество, удержать которое крайне сложно…

— Вот я и говорю: поставить столб нереально, — огрызнулся Рус.

— Сложно — да, но реально.

— А как же идея «пустого выхлопа»?

— Он не будет заметен. Просто авария, просто сбой — о нем не узнают за пределами Станции.

— А ты хочешь попасть в новостные каналы?

— Мы сразу определились, что должна быть шумиха в прессе.

— Обязательно, — поддакнул Кирилл.

— «Всплеск»?

— Велика вероятность неуправляемой реакции.

— Девяносто пять процентов — это не «велика вероятность», — язвительно добавил Чайка. — Это гарантия.

Доклад, на который надеялся Грязное, состоялся. Однако увлекшиеся гении предпочитали использовать собственные, понятные только им термины, не обращая на слушателей никакого внимания. Они продолжали спор, а Кирилла интересовал результат.

— Столб и только столб, — подвел итог Ганза. — Его даже со спутников увидят.

— С точки зрения воздействия на публику — это идеальный вариант, — кивнул Грязное.

— Вопрос в том, сможешь ли ты синхронизировать работу всех систем Станции?

Все посмотрели на Чайку.

— Да, — после короткой паузы кивнул ломщик. И спрятался за лохматого.

Патриция едва заметно выдохнула:

— Вот видишь! В этом случае…

— Но поток рванет в обоих направлениях, — перебил девушку Рус. Он желал продолжить спор.

— Ты забыл о дырке?

— А мы поднимем столб прямо над ней?

— Разумеется! — с энтузиазмом подтвердил Ганза. —

Скважина находится в самом центре Главного Энергоблока.

— Довольно удачно, — негромко прокомментировал Чайка.

— Я с самого начала планировал использовать скважину в качестве накопителя. Ты видел схему…

Илья кивнул.

— Да, помню.

Но ломщика, очевидно, смутила прозорливость Ганзы.

— Что с самим столбом? — поинтересовался Кирилл. — Я от физики далек, но мне кажется, поднять его непросто.

— Идея есть. — Рус почесал в затылке. — Немного «сырая», но…

— Отличная идея! — Ганза допил пиво и немедленно открыл новую банку. — Я проверил расчеты и даю голову на отсечение, что твоя конструкция сработает как надо.

В присутствии Грязнова гении, не желая расстраивать заказчика, старались демонстрировать «взаимопонимание».

— Но как мы убедим руководство Станции возвести в Энергоблоке новую конструкцию? — кисло осведомился Чайка. — Боюсь, на это даже лоббистских усилий Пэт не хватит.

Патриция была внучкой Романа Фадеева, владелицей транснационального финансового монстра «Фадеев Group», что делало ее если не хозяйкой Станции, то уж точно одним из главных ее акционеров. Именно Пэт должна была доставить на строительство Чайку и Руса.

Однако вопрос Ильи касался других материй, а потому ответил на него Ганза.

— Руководство Станции — это я, — расхохотался лохматый. — Во всяком случае, научное руководство.

— То есть ты скажешь, и Мертвый построит? — недоверчиво прищурился Чайка.

— Он не понимает и трети того, что я говорю. Скажу, что возникла необходимость в новой конструкции, — и он построит, — убежденно отозвался Ганза.

И залпом допил пиво.

Первый этаж личного ангара Рустама был загроможден оборудованием не меньше, а может быть, даже и больше, чем подвал. Помимо рабочих станций и электронных приборов, здесь стояли станки, на которых Лакри лично вытачивал некоторые из нужных ему деталей, и испытательные стенды. А также диван с парой кресел для отдыха и холодильник для пива. Довершала картину свалка в дальнем углу, которую Рус иронично называл «оперативным складом» и в которой можно было обнаружить все, начиная с карданного вала и заканчивая миниатюрным чипом.

В последнее время Лакри появлялся на первом этаже редко —

работа заставила его переместиться в подвал, и верхний уровень поступил в единоличное владение Матильды. Сюда она приезжала после Университета, здесь занималась, ожидая, когда Рус освободится и они отправятся домой. Здесь принимала гостей — ту же Патрицию — или, как теперь, развлекала не допущенных на совещание спутников Кирилла. Сегодня таковых было двое: Филя Таратута, исполняющий при Грязнове роль «бухгалтера на все руки», и Олово, слуга-телохранитель. И если второй предпочитал помалкивать, то Филя привычно разливался соловьем, благо Матильду он знал с пеленок и мог без стеснения затронуть любую тему. Впрочем, стеснения он не ведал и при общении с совершенно посторонними людьми.

— Нет, — ответила Матильда на заданный только что вопрос, — управлять мотоциклом я не научилась.

Помимо всего прочего, Рус возглавлял байкерский «вагон» «Warriors of the Swamp» и был известен в этом качестве не меньше, чем гениальный инженер. С мотоциклом Лакри управлялся великолепно, а потому неумение и нежелание Матильды оседлать железного коня вызывало у Таратуты естественное непонимание.

— И какова же causa causarum?[2] У тебя такой учитель под боком.

— Не мое.

Ответ вызвал очередную улыбку:

— Ultra posse nemo obligatur,[3] да?

— Да, — кивнула Матильда.

Она училась на медицинском факультете Университета, а потому понимала большую часть цитат «бухгалтера на все руки».

— Эх, солнышко, да кто из нас знает, что его, а что нет? И кем бы мы стали, если знать… — Филя локтем толкнул задремавшего в кресле Олово: — Скажи?

— Что? — поинтересовался тот, не открывая глаз. За разговором слуга не следил.

Одетый в традиционные для себя рубаху с широким воротом, шаровары и расшитые восточным орнаментом тапочки, Олово не привлекал бы внимания, не покрывай его тело и бритую голову черные узоры татуировок, оставляющие чистым лишь невыразительное лицо. Они придавали слуге мистический ореол.

Ждать и отдыхать Олово предпочитал, погрузившись во внутренний космос, а потому, оказавшись в ангаре, тут же уселся в кресло, взял на колени старинного знакомца — местного рыжего кота по кличке Козявка — и дремал, почесывая довольную животину за ухом.

— Что?

— Я спрашиваю, кем бы ты стал, если бы знал, кем должен стать?

Неожиданный вопрос заставил и Олово, и Козявку недоуменно вытаращиться на Филю. Матильда прыснула смехом.

— Что?

— Si tacuisses, philosophus mansisses.[4]

Таратута важно поправил лацкан замызганного пиджака, машинально покосился на древний портфель, который всегда таскал с собой, — имущество по-прежнему стояло около дивана, — и вновь принялся пытать Матильду:

— Рус тебя бьет?

На пухлой физиономии возникло участливое выражение, и лишь очень внимательный наблюдатель смог бы догадаться, что Филя шутит.

— Пусть только попробует, — грозно пообещал не оценивший юмора Олово.

Матильда находилась под покровительством слуги, что гарантировало гипотетическим обидчикам весомые неприятности.

— Господи, я ведь не тебя спрашиваю, — всплеснул руками Таратута. — Занимайся скотом.

— Котом.

— Тебе виднее. — И вернулся к девушке: — Бьет?

— Филя, с чего такая глупость?

— Ну, байкер и все дела… Я где-то читал, что у них это in rerum natura.[5] Нажрется пива, и давай кулаками махать.

— Не наш случай.

— То есть у вас любовь?

— Самая настоящая, — твердо подтвердила Матильда.

— Повезло… — Филя попытался погладить Козявку, но не преуспел, убрал руку, среагировав на продемонстрированные когти, зевнул, посмотрел на часы, прислушался и, услышав топот на лестнице, удовлетворенно хмыкнул: — Кажется, закончили.

Патриция покинула подвал первой, упорхнула, сказав, что хочет поговорить с Матильдой. Ганза и Чайка ушли следом, на ходу продолжая обсуждать особенности предложенной механиком конструкции. А вот Рус задержался.

— Кирилл! Я должен с вами поговорить.

— О чем?

Грязнов, который только собрался выбраться из-за стола, остался в кресле и дружелюбно посмотрел на Лакри.

— Я беспокоюсь о своих людях, — твердо и серьезно произнес тот.

Несколько мгновений Грязнов пристально смотрел на парня,

после чего кивнул:

— Очень хорошая тема для разговора, Рус, очень правильная. — Вытащил из кармана платок, с сомнением посмотрел на него, убрал, достал из другого кармана свежий и вытер пот. — У тебя есть люди, и ты считаешь себя обязанным заботиться о них.

— Они не мои…

— Оставь, — вальяжно махнул рукой Кирилл. — Ты правильный человек, Рус, я в тебе не ошибся. — Помолчал. — Я ждал этого разговора.

Он достал золотую коробочку, вытряхнул на ладонь несколько белых пилюль и проглотил их, запив водой из пластиковой бутылки.

Лакри на мгновение сбился: неужели он настолько предсказуем? Но в следующий миг вспомнил, с кем говорит, и успокоился. Грязнов был антикваром, но только потому, что хотел быть антикваром. А вот возможности его выходили далеко за рамки, очерченные для продавца древностей, пусть даже и самого известного в мире. Кирилл был игроком, и этим все сказано.

— Скоро я отправлюсь на Станцию, — осторожно продолжил Рус.

— Верно.

— Пэт и Матильда тоже.

— А еще Мамаша Даша, Таратута, Олово… Здесь не останется никого.

— Похоже на бегство.

— Мы идем туда, где должны быть.

Ни слова больше, никаких объяснений.

«Мы идем туда, где должны быть».

Лакри чувствовал, не знал, а именно чувствовал, что за проектом, за Грязновым и Патрицией, прячется нечто большее. Что за декларированным желанием подарить человечеству новую энергию скрывается некая

тайна. В конце концов, Ганза мог просто передать техническую информацию тому же Китаю и снять все вопросы. Но не передал. Не захотел? Или не мог? Или все дело в тайне?

Почему, черт возьми, так важно устроить аварию?

— Что тебя смущает, Рус?

— Не понимаю, зачем вы отправляете на Станцию всех близких.

— Там спокойнее.

Учитывая складывающуюся вокруг Станции ситуацию, слова Кирилла могли показаться издевкой, однако Рустам знал, что

Грязнов ошибается редко. И если он сказал, что на Станции, которую постепенно окружают войска крупнейших государств планеты, будет спокойнее, чем в Анклаве, значит, так оно и есть.

— А куда денутся мои ребята?

— Не на Станцию, — коротко ответил Кирилл. Судя по скорости ответа, он был заготовлен заранее.

Но и отказом фраза антиквара не прозвучала.

— Есть и другие безопасные места?

— Чуть менее безопасные, чем Станция, но куда спокойнее Москвы. К тому же у этих мест есть большой плюс — там будут рады видеть команду знаменитого Лакри.

Рустам прищурился:

— О чем вы говорите?

— О промышленной зоне «Науком», которую корпорация выстроила неподалеку от Станции.

Лакри вздрогнул:

— Я не хочу служить «Науком»!

Рустаму до сих пор снился город, сметенный с лица земли с помощью его разработок. Нечасто, но снился. Не город даже, а камни, смешанные с мясом и горем. Кусочек рукотворного ада имени «Науком». И его, Рус-тама, имени.

— На кону жизни твоих людей.

— Кирилл!

Он ведь все это знает! И о городе, и о кошмарах. Знает! Так почему же…

— Я понимаю, что выглядит предложение гадко, но другого выхода нет, — с неожиданной проникновенностью произнес Грязнов. — Я могу поговорить со своими друзьями из «Науком», и, уверен, они с радостью примут на работу Рустама Лакри и всех его людей. Ты получишь главное: пропуск в промышленную зону — и спрячешь там друзей. Ты их спасешь, Рус. Я не шучу.

— То оружие, которое я придумаю за эти месяцы, убьет гораздо больше людей, чем я спасу, — горько ответил инженер. — Мы оба это знаем.

— «Науком» известны твои принципы, и они сделают все, чтобы не потерять тебя во второй раз. Я думаю, они предложат тебе заняться чем-нибудь мирным, например транспортом. Получишь собственную лабораторию, фактически то же бюро, только под крылом корпорации.

— Вы можете это устроить?

Рус вспомнил вопросы, которыми подозрительный Чайка засыпал Грязнова в начале разговора. Вопросы о связях с Кауфманом.

«Все страньше и страньше…» — как говорила Алиса.

— Я могу устроить очень много вещей, — усмехнулся Кирилл. — И спасение твоих парней, поверь, далеко не самая сложная из них. Не будь у меня серьезных связей, нашего проекта попросту не существовало бы.

— Но почему вы не с ними?

Кирилл не просто вписан в существующий порядок, он входит в число управляющих им людей. В чем смысл его попыток разрушить систему? В чем тайна?

Промолчать Грязнов не мог, но отвечать так, как хотелось бы Рустаму, не стал.

— Потому что наверху оказываются люди двух типов: игроки и члены команды. Я игрок, Рус, у меня есть принципы, которые я считаю нужным защищать. — Грязнов помолчал. — Я не публичный человек, Рус, но я к этому никогда и не стремился, слава меня не прельщает. Все остальное у меня есть: и власть, и богатство. И я употребляю их для того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным. Я считаю, что должен это сделать, и я это делаю. Такой ответ тебя устроит?

— Более чем.

Рус знал, что такое принципы. Именно они в свое время заставили его уйти из «Науком», хотя талант давно бы уже сделал его миллионером.

Прикоснуться к тайне не получилось, но Кирилл в очередной раз сумел отыскать нужные слова.

— Это все, о чем ты хотел поговорить?

— Вы же знаете, что нет.

— Знаю, — улыбнулся Грязнов.

И вопросительно поднял брови. Лакри едва заметно покраснел.

— Я хотел поговорить о Матильде. О нас с Матильдой. Отца у девушки не было, а потому по серьезным вопросам следовало обращаться к неофициальному опекуну.

— Долго же ты собирался, — наигранным тоном недовольного папаши протянул Кирилл. — Вы уже больше года живете вместе.

Шутит или нет? Непонятно. С одной стороны, племянница Мамаши Даши не доводилась Грязнову родственницей, да и времена сейчас другие, более свободные. С другой — Кирилл не раз подчеркивал, что традиции для него важны.

— Я… я прошу у вас руки Матильды, — промямлил инженер. И неуклюже закончил: — Вот.

— А что невеста? — деловым тоном поинтересовался антиквар.

— Надеюсь, согласна.

— В таком случае, сынок, у тебя есть мое благословение.

— Честно говоря, я потрясен прозорливостью «Науком», — криво усмехнулся Чайка. — Построить Энергоблок над самой глубокой в мире скважиной… Разве это не опасно?

— Там прочная порода, — объяснил Ганза. — А шахта уже не самая глубокая в мире — глубочайшая. Двадцать тысяч триста четырнадцать метров. «Науком» купил полигон, когда дырка едва дотягивала до двенадцати, и возобновил бурение, используя самые современные технологии.

— Об этом я и говорю: «Науком» взял и возобновил бурение, — продолжил гнуть свою линию Илья. — Ради чего?

— Восемь лет назад я подписал с корпорацией контракт, — сообщил Ганза. — Предположил, что мне понадобится емкий накопитель, и решил, что шахта, с точки зрения безопасности, то, что нужно.

— Ты был уверен в успехе?

— Я всегда уверен в успехе.

— И «Науком» поверил тебе на слово? Лохматый гений вздохнул и терпеливо поведал:

— Илья, ты пропускаешь мимо ушей главное: «Науком» поверил не в меня, «Науком» поверил в то, что я сказал. «Науком» понял, что станции, вырабатывающей новую энергию, понадобится мощный накопитель. Я предложил шахту, идея была принята. Теперь понятно?

— Теперь — да, — медленно ответил Чайка. Вопросы оставались, однако Ганзе удалось на время

ослабить обуревающие ломщика сомнения.

— А вот у меня есть серьезный вопрос к тебе. — Лохматый гений стал предельно серьезен. — На совещании ты сказал, что сможешь взять под контроль все системы Станции. Ты знаешь, насколько сложный это комплекс. Поэтому я повторю вопрос: ты уверен в себе?

— Я знаю, что делает со мной «синдин» и на что я становлюсь способен, — негромко ответил Чайка. — Я смогу.

— Они смогут, — твердо произнесла Патриция. — Черт возьми, отец, они смогут!

— Ты сомневалась?

— До сих пор мы строили планы, а сейчас они становятся реальностью. Это…

— Заставляет нервничать?

— Будоражит.

— Ты становишься нетерпеливой.

— И мне нравится.

Грязнов благодушно рассмеялся.

«Судзуки» остался в бюро — пришло время плановой проверки, — и Пэт возвращалась домой вместе с отцом. Таратута сидел за рулем бронированного внедорожника, Олово занял соседнее сиденье, перегородку поднять не забыли, а потому Грязнов беседовал с дочерью без свидетелей.

— Иногда меня трясет от нетерпения, хочется, чтобы все случилось как можно скорее, хоть завтра, — призналась Патриция. — Но при этом я немного боюсь. Дергаюсь из-за того, что парни могли ошибиться в расчетах и нас ждет неприятный сюрприз.

— Ганза не ошибается.

— Ганза — настоящая машина. — Вспомнив о лохматом любителе пива, девушка тепло улыбнулась. — Он все подготовит, перепроверит, построит, но ведь завершать проект предстоит Чайке. Ему предстоит сыграть финальный аккорд.

— Не доверяешь Илье?

— Не в том смысле, который ты вложил в вопрос, — подумав, ответила Патриция. — Я знаю, что Чайка возьмется, несмотря на все свои сомнения. Это вызов, а Чайка слишком часто отступал, чтобы бросить все в очередной раз. Он возьмется, он хочет это сделать, но я боюсь, что задачка окажется ему не по зубам.

— Если это не сделает Чайка, это не сделает никто. С этим утверждением Патриция спорить не стала.

— Мы подвели ребят к черте, — продолжил после паузы Кирилл. — Мы зажгли их, заставили петь их души, мы нашли нужные слова, а главное — мы в них не ошиблись. Мы собрали блестящую команду и раскочегарили ее до самого последнего предела. Они хотят сделать то, что нам нужно. И они это сделают. Или подохнут. — Грязнов усмехнулся и уточнил: — Или мы все подохнем.

* * *

Анклав: Цюрих. Анклав: Москва. Договариваться нужно вовремя

Этот разговор был невозможен — президент СБА Ник Морали и директор московского филиала Службы Максимилиан Кауфман, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Это было соперничество двух тигров, двух личностей, двух сильных мужчин, каждый из которых, закусив удила, стремился к собственной цели. Каждый отстаивал свой путь, а потому не выгода стояла на кону, а принцип.

Этот разговор был невозможен, но он не мог не состояться.

Откровенный разговор двух смертельных врагов.

Схватка длилась давно и подходила к финалу. Копья сломаны, кони убиты, доспехи изрублены, в руках мечи, впереди рукопашная. И… и безнадежная попытка отыскать компромисс.

— Хотел поговорить? — осведомился Кауфман.

Директор московского филиала СБА выглядел обыкновенно: черный костюм, черная спортивная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, непременные черные перчатки на руках — выбранный стиль мог показаться слишком театральным, однако, едва собеседник сталкивался со взглядом пронзительных голубых глаз Максимилиана, всякое желание острить пропадало. Со взглядом очень умных, очень цепких и очень холодных глаз. Взгляд Кауфмана заставлял позабыть и о костюме, и о невзрачной внешности. Взгляд Кауфмана показывал, что свою кличку — Мертвый — Макс, вполне возможно, получил именно из-за него, ибо не было в этом взгляде ни эмоций, ни чувств — только жесткость да холодный, равнодушный расчет.

Моратти же, на фоне Кауфмана, выглядел образцом жизнелюбия и радушия. Высокий, плотный, подвижный, он казался постаревшим паркетным красавчиком, заполучившим высокий пост по большой протекции, но люди, которые так думали, очень и очень быстро расплачивались за свою ошибку. Ник действительно был карьеристом, мастером подковерных интриг и аппаратных войн, однако и крови он в своей жизни видел много, и лить ее не боялся.

Несмотря на различие в фантиках, «конфетки», смотревшие

друг на друга через сеть, были весьма похожи.

— Хотел поговорить, — подтвердил Ник. — Начистоту.

— А смысл?

Драка началась не вчера и даже не позавчера, и Мертвый искренне не понимал причину, побудившую Моратти вызвать его на разговор. Предложить капитуляцию? Сообщить о капитуляции? Невозможно. Их противостояние давно преодолело момент, когда одна из сторон могла выбросить белый флаг, и теперь игра шла на полное уничтожение. Чего бы это ни стоило победителю.

— Сегодня у меня была большая делегация верхолазов из Кейптауна.

— Очень мило.

Ник знал, что Мертвый попытается вывести его из себя, а потому, собрав в кулак всю волю, не обращал внимания на поведение московского директора.

— Тритоны гробят экономику.

— Я служу в СБА, — язвительно напомнил Кауфман. — Я в курсе.

— За последние десятилетия мы сумели выстроить неплОхой мир, — спокойно продолжил Ник. — Не без недостатков, но неплохой. У нашего мира мощный костяк, который пока держится, однако мясо уже начало отваливаться. Электронные коммуникации находятся под постоянным давлением, атаки идут непрерывно. Транспорт, управление хозяйством — все рушится. С тех пор как тритоны отыскали источник «поплавков», их число растет невероятными темпами. И чем их больше, тем больше паникуют верхолазы. Они теряют веру в СБА.

— СБА — не церковь.

— Спасибо, что напомнил, — Моратти не смог удержаться от саркастического замечания. Тут же укорил себя, но не смог. В конце концов, даже у его выдержки есть пределы.

— Мы не справляемся с сетевым террористом, который, как ты правильно заметил, рушит мировую экономику, — взял слово Мертвый. — Ничего удивительного, что верхолазы недовольны.

— Они в панике.

— Извини, я неверно выразился.

На самом деле Кауфман сказал именно то, что хотел. Ситуацию он понимал не хуже президента.

— Все дело в идеологии. СБА всегда была регулятором, инструментом. Мы не насаждали власть, мы поддерживали порядок, а идеологией занимались корпорации. Точнее — не занимались. — Моратти взмахнул кулаком. — Свободное предпринимательство! Свободный рынок! Отсутствие

политических партий и чиновников! Считалось, что этого достаточно, но все рушится.

— На самом деле чиновники никуда не делись, — заметил Макс. — Кто мы с тобой, Ник, как не бюрократы?

— Граждане Анклавов привыкли к свободе, а теперь она ведет к хаосу.

— К хаосу ведет Сорок Два. И только потому, что развил нашу бестолковую предпосылку до полноценной идеи. До принципа абсолютной свободы.

— Как бы там ни было, Сорок Два ведет мир к хаосу.

— Я знаю.

Моратти подался вперед:

— Но если СБА начнет закручивать гайки, мы получим бунты. А не закручивать гайки мы не можем, потому что это единственный способ удержать мир на плаву.

— Для чего ты все это рассказываешь?

Вопрос Кауфмана подвел черту под вступлением и направил разговор в основное русло. Четкий вопрос, на который президент СБА обязан дать не менее четкий ответ — чего он хочет.

— У государств есть идеология, Макс, — негромко произнес Ник. — Плохая. Но есть. А у нас нет. Государства всегда будут ставить на своих, играть на противопоставлениях, на разнице интересов. Китайцы, вудуи-сты, индусы, европейцы… Все тянут одеяло на себя. В Америке уже поговаривают о восстановлении «Дома на холме», который выведет мир из кризиса. Европейцы и омарцы грезят мировым халифатом, а вудуисты тянутся к Европе, но… Но при всех недостатках государства дают внятную концепцию развития, и люди с пониманием отнесутся к закручиванию гаек. Мы думали, что справимся без идеологии, и мы обанкротились.

Свободный рынок оказался хорош всем, кроме одного: он не справился с людьми.

— Верхолазы хотят к государствам? — поинтересовался Кауфман. — Или все дело в том, что ты не видишь другого выхода?

— Другого выхода нет. — Моратти помолчал и с горькой уверенностью закончил: — Идея Анклавов себя изжила.

— Я так не считаю, — неожиданно мягко ответил Мертвый.

— Наше преимущество — экономика, но Сорок Два гробит ее.

— Ты забыл о Станции, — прежним тоном произнес Кауфман.

— Если бы забыл, то не завел разговор, — осторожно сказал Ник. — Станция — наш единственный козырь.

— И ты решил выложить его на стол?

Мертвый задал вопрос очень вежливо, деликатно, но от этого

его язвительный смысл только усилился.

— Я признаю, что козырь этот — у тебя, — вздохнул президент СБА. — И поэтому прошу. На самом деле — прошу. В первый и последний раз прошу: сыграй его. Станция станет мостиком между Анклавами и государствами, объединит нас, объединит мир и вытянет его из дерьма.

— Временным мостиком, — уточнил Кауфман. — Как ты правильно заметил, Ник, каждое государство тянет одеяло на себя.

— Твоя энергия позволит им заглянуть вперед, увидеть новые перспективы и…

— И отказаться от сиюминутной выгоды? Моратти замолчал. А Мертвый зло усмехнулся.

— Перспектива потому и называется перспективой, что она далеко. На нее нужно работать. Ради нее необходимо от чего-то отказываться. Хватит ли у государств воли использовать возможности новой энергии для будущего? Ведь в кризисе не только Анклавы, в кризисе все. А война всегда считалась прекрасным выходом из тупиковых ситуаций.

— Мы соберем конференцию, подпишем юридически обязывающие документы…

— Которые не будут стоить даже бумаги, на которой их напечатают.

— Но ведь ты все равно отдашь им энергию!

— Когда буду уверен, что они не устроят с ее помощью последнюю мировую войну. Когда ткну их носом в перспективу и смогу гарантировать, что они не смогут от нее отказаться.

Прозвучало, мягко говоря, самонадеянно. Ник прищурился.

— Сможешь гарантировать?

— Смогу, — уверенно отрезал Кауфман.

— Не слишком ли много ты на себя берешь?

— Ровно столько, сколько могу потянуть. Все остальное берут другие.

— Кто?

— Не ты.

Отказ? Окончательный и бесповоротный? На первый взгляд все выглядело именно так, однако Моратти не мог не попытаться зайти еще с одной стороны.

— Макс, я понимаю, что ты беспокоишься о долгах «Науком», о тех кредитах, что вы собрали под строительство Станции. Но ты прекрасно знаешь, что эти вопросы легко решить. Часть долгов спишем, остальные выкупят государства в счет платы за технологию.

Но произнося последние слова, президент СБА понял, что это

предложение заинтересовало Кауфмана еще меньше, чем разговоры об идеологии.

— Я с тобой не торговался, Ник. И долги «Науком» — последнее, что меня волнует в этой истории.

— Почему?

— Потому что я услышал от тебя то, что ты не сказал, — Станцию будут штурмовать. Ведь так?

Прямой вопрос — прямой ответ.

— Ты сам подвел государства к этому решению.

— Почему они не хотят подождать до запуска? Понятно же, что после него я отдам технологию.

— Тебе не верят. Твои действия кажутся странными.

— Какие? — Резким движением Кауфман взлохматил серые волосы. — Кроме повышенной секретности, разумеется.

— «Науком» стягивает производства к Станции.

— К источнику новой энергии, — уточнил Мертвый. — Это логичная оптимизация производственного процесса.

— Плохое объяснение.

— Другого нет.

— Но если все так просто, какого черта ты не соглашаешься раскрыть технологию сейчас?

— Я уже ответил.

— Не веришь государствам?

— Не верю.

— Почему?

— Потому что то, что легко дается, — невысоко ценится. Если я продам технологию сейчас, государства сочтут это своей победой. Что бы я ни попросил взамен, какие бы условия ни выставил — они все равно решат, что победили. Эта продажа станет концом Анклавов.

— Анклавы обанкротились.

Странное, если не сказать — преступное, заявление прозвучало в устах президента СБА весьма весомо. Он искренне верил в то, что говорил. А вот Кауфман придерживался другой точки зрения.

— Государства обанкротились еще раньше, когда допустили появление Анклавов. Ты просто не понимаешь, что наблюдаешь противостояние мертвецов. Заполучив технологии силой, а ведь все именно так: они угрожают и получают что хотят, пусть даже и в результате компромисса. Так вот, заполучив технологии силой, государства вообразят, что всё осталось по-прежнему, что мощь и мускулы решают всё, и станут использовать новую энергию в военных целях. Через год или два обязательно начнется большая война.

— А ты хочешь начать ее сейчас?

Его не поняли. С ним не согласились. Мертвый устало откинулся на спинку кресла и пожал плечами:

— То, что я хочу, свершится через несколько месяцев. Я построю Станцию. Я открою новую эпоху. И если в твоих словах было хоть пять процентов искренности, ты не будешь разочарован, Ник. Ты увидишь, что я был прав. Но сейчас, если ты хочешь договориться, ты должен без разговоров и условий встать на мою сторону и делать то, что я приказываю.

«Честное ли это предложение?» Поразмыслив, Моратти решил, что да — честное. Его действительно готовы взять в команду. Но насколько велики ее шансы?

— Ахо и китайцы не остановятся, — протянул президент СБА.

— Я знаю.

— Тебе не позволят стать королем мира.

— Мне и не надо.

— Чего же ты добиваешься?

— В настоящий момент, Ник, я бегу к своей цели. И остановить меня можно лишь одним способом.

«Компромисса не будет, договора с государствами не будет. Штурм Станции неизбежен, как и неизбежно поражение команды Мертвого». А потому ответ на предложение присоединиться к закусившему удила директору московского филиала СБА прозвучал однозначно:

— Они тебя остановят, Макс. Они пойдут на всё.

— Есть разница между «пойти на всё» и «добиться своего», — равнодушно ответил Кауфман. — Увидимся, когда все образуется.

Даже самый секретный разговор должен кто-то обеспечивать, контролировать связь, наблюдать за безопасностью, а также слышать всё, о чем говорят высокие собеседники. Именно поэтому в качестве операторов и Мертвый, и Моратти использовали самых доверенных людей.

Окончив разговор, Кауфман отключил коммуникатор, толкнулся ногами, заставив кресло отъехать от стола, и, когда оно прижалось спинкой к стене, посмотрел на сидящего за вторым коммуникатором молодого, лет тридцати пяти на вид, мужчину.

— Что скажешь?

— Господин Моратти показался мне искренним, — бесстрастно ответил Щеглов.

— Согласен.

На первый взгляд Мишенька Щеглов, начальник Управления дознаний и первый заместитель директора московского филиала СБА, производил впечатление равнодушного и несколько

отстраненного человека. Неспешные жесты, негромкий голос, аккуратная прическа, стильные квадратные очки, за линзами которых прятались всегда спокойные глаза, — казалось, Мишеньку на этом свете ничего не интересует. И было непонятно, как человек с такой внешностью мог заслужить славу лучшего дознавателя СБА. Было непонятно до тех пор, пока ты не оказывался на допросе.

— Но в то же время господин Моратти был несколько навязчив.

— Ничего удивительного для человека в его положении, — хмыкнул Мертвый.

— У господина президента масса проблем, — поддержал шефа Щеглов. — Тритоны Сорок Два терроризируют экономику. Уровень жизни в Анклавах стремительно падает. Государства стягивают к Станции войска. Верхолазы паникуют, и все выходит из-под контроля.

— Ужасно.

— Согласен, доктор Кауфман.

— Но для чего ему понадобилась встреча?

— Возможно, господин президент действительно хотел договориться? Попытался ухватиться за соломинку.

— Я ему предложил.

— Полагаю, господин президент оптимистично считает, что шансы его команды предпочтительнее, — скромно заметил Мишенька.

Мертвый усмехнулся.

— Все слишком далеко зашло. Нику не позволят перейти на нашу сторону, даже если бы он захотел.

Кауфман знал, что Моратти давно сделал ставку на китайцев и сейчас фактически является их агентом влияния. И именно поэтому был удивлен самим фактом разговора.

— У нас разные цели.

Эта фраза объясняла всё и подводила окончательный итог. Разные цели. И если задачи, которые пытается решить Моратти, Кауфману ясны, то чего пытается достичь Макс, Нику недоступно. Разные цели. Сделка невозможна.

— А вот с этим я вынужден согласиться, — бесстрастно кивнул Мишенька.

Самое интересное, что Моратти действительно был готов принять любые условия Кауфмана. И причиной, по которой Ник вызвал Макса на разговор, был редчайший для президента СБА приступ неуверенности и страха за будущее. Не только за свое, но и за будущее общества, как бы пафосно это ни прозвучало. Моратти прекрасно понимал, что напряжение растет, что

глобальный нарыв противоречий готовится лопнуть кровью и остановить его можно лишь неожиданным, а самое главное — глобальным ходом.

Таким, как начало строительства Станции, — люди поверили, что из тупика, в котором оказалась цивилизация, есть выход. Люди ощутили надежду. Люди считали дни до запуска, поскольку не сомневались — мир изменится. Импульса хватило на целых полтора года. Государства перестали конфликтовать по поводу нефтяных месторождений, локальные войны были заморожены, и даже сводки СБА выглядели неожиданно хорошо: утихли этнические конфликты, взаимоотношения в Анклавах стали дружелюбнее. Все замерли в ожидании.

Моратти надеялся, что сможет дотянуть до запуска, однако несколько месяцев назад, словно по приказу невидимого режиссера, все начали сходить с ума. Сначала изобрел проклятую троицу сетевой ублюдок Сорок Два. Рассказал, как с помощью «синдина», «поплавка» и особых нанов достичь уровня великого ломшика, придумал я-вирус, изрядно затруднивший охоту на тритонов, и положил начало всеобщему хаосу.

Абсолютная свобода есть абсолютная вседозволенность.

Этот лозунг нигде не звучал, однако идеи Сорок Два большинство его последователей поняли именно так. И он им понравился.

Тритоны набросились на экономику стаей голодных псов, рвали ее на куски, насилуя базы данных и коммуникации. Не понимали, что разрушают основу собственного цифрового мира.

За количеством сетевых преступлений пошло вверх число обычных. Затем обострились застарелые конфликты внутри Анклавов. Затем государства сформировали мощный военно-морской кулак в Баренцевом море, и он тоже добавил нервозности в жизнь простого человека. Никто не знал, чем закончится атака на Станцию, но все знали, что «Науком» строит огромный энергетический котел.

Штиль постепенно превращался в бурю.

Моратти надеялся пойти последовательно: сгладить напряженность между государствами и «Науком», объявить о закладке новых Станций, о наступлении новой эры в истории человечества и таким образом заставить людей одуматься. Пусть надежда на лучшее будущее вспыхнет с новой силой, и тогда никто не обратит внимания на предельно жесткие меры, с помощью которых Ник рассчитывал решить «проблему Сорок Два».

К сожалению, Мертвый от компромисса отказался.

— Ему все равно нельзя было бы доверять, — хмуро произнес

Дрогас. — Что бы он ни сказал, на что бы ни согласился.

— Возможно, — поморщился Моратти.

— Я достаточно изучил Кауфмана.

— На этот раз ставки необычайно высоки.

— Именно поэтому он не остановится.

Стефан Дрогас считался главным головорезом президента СБА, человеком, готовым выполнить любой его приказ. Незаконные операции, убийства неугодных, силовое воздействие — не было ничего, за что не взялся бы Стефан. И в каждое свое задание он вкладывал душу, работал не за страх — за совесть, получая удовольствие и от работы, и от безнаказанности. Но при этом Дрогаса нельзя было назвать тупым громилой, способным лишь исполнять полученные приказы. Прекрасное образование, цепкий ум и богатый опыт сделали из Стефана оперативника высочайшего класса, и президент СБА высоко ценил его аналитические способности.

— Мертвый не может не понимать, что его положение крайне уязвимо, — недовольно произнес Моратти.

— Он идет по лезвию, но способен дойти.

— До чего?

Дрогас пожал плечами. Ответа у него не было.

— Власть? — предположил Ник.

— Над чем?

— Над миром.

— Каким образом?

— У него будет новая энергия.

— Монополия продлится недолго, — ма'хнул рукой Дрогас. — Сразу после запуска «Науком» поделится секретами с корпорациями, потом с государствами, потому что если это не сделает «Науком», сделают другие. Аналитики считают, что им едва хватит времени расплатиться с долгами.

— Да уж, долгов они наделали много. — Моратти пожевал губами, припоминая, с каким равнодушием среагировал Кауфман на финансовую тему. — Проблема в том, что никто не понимает предпринимаемых «Науком» действий. Китайцы даже додумались до того, что «Науком» строит глобальную пушку, с помощью которой возьмет планету за горло.

— Вы в это верите? — удивился Стефан. — Нет.

— Я тоже.

— В это никто не верит, но саму возможность со счетов не сбрасывают. Все боятся. Сейчас такой мир, Стефан: все всего боятся. Мы в тупике. Прежде казалось, что ситуацию можно законсервировать и выиграть немного времени, однако Сорок Два не позволил нам этого сделать. Сорок Два видит перед собой

новую эпоху и совершенно не думает о том, что без власти нельзя.

Одиночка неспособен ничего построить. Он может сломать, испортить, воцариться на обломках, но это — потолок. Цивилизации дают импульс крупные структуры, объединения, корпорации. Нужны обеспечение, планирование, влржения, будничная работа. Только так и никак иначе. Все успешные революционеры немедленно занимали места свергнутых господ, прибирая к рукам власть. В этом была их истинная цель. Но сейчас идет революция нового типа, которая пока предполагает не создание новых институтов власти, а лишь разрушение. А это в свою очередь — гарантированная деградация общества.

— Станция — не панацея от Сорок Два. Станция не поможет справиться с я-вирусом. Не остановит атаки тритонов на экономику.

— В том-то и дело, что остановит. Дрогас вздрогнул.

— Не понимаю.

— Сила тритонов в том, что за ними идут люди, — объяснил Моратти. — Да, им не всегда нравятся методы, они бесятся от проблем с зарплатами, от похищения денег, но если поставить вопрос: тритон или СБА, многие люди выберут тритона.

— Почему?

— Потому что мы слишком долго ничего не меняли, Стефан, и тем утомили людей. Мы не предлагаем ничего нового, а Сорок Два предлагает. И за ним идут. — Ник помолчал. — Важно то, что Сорок Два появился очень вовремя, как будто по заказу. Его идиотские идеи и тупые методы могли расцвести только в тупике. Сейчас тупик, и Сорок Два появился. — Моратти покачал головой, обдумывая собственные слова, однако развивать конспирологическую тему не стал. Вместо этого продолжил: — Станция способна составить новый общественный договор: мы покажем перспективу, дадим, черт побери, надежду и тем вернем толпу на свою сторону. Чтобы идти вперед, необходима власть, а в тупике от нее можно отказаться.

* * *

Территория: Россия.

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кодовое обозначение — «Станция». Безоружный враг — это как-то неожиданно

Во время плановых вертолетных облетов Станции Грег Слоновски никогда не представлял себя соколом, парящим над охотничьими угодьями. Или орлом. Или, прости Господи, каким-нибудь драконом — настолько далеко фантазия Грегуара не простиралась.

И, разумеется, Слоновски был крайне далек от того, чтобы любоваться грандиозным строительством, наслаждаться титаническими постройками, возведенными «Науком» на «диком Севере», и задумываться о торжестве человеческого разума. Некогда ему было, да и усилия, что приходилось прикладывать для охраны этого самого строительства, напрочь отбивали охоту восхищаться. Работать надо, а не созерцать.

— Давай к Кайфограду, — распорядился Грег, убедившись, что дополнительные укрепления вокруг железнодорожной станции почти готовы.

Пилот кивнул, и вертолет, заложив вираж вокруг Теплого Дома, направился на восток. Слева остался Главный Энергоблок — массивный прямоугольник с гигантским, триста метров диаметром, куполом, а справа промелькнула двадцатиэтажная Лаборатория Технических Проектов. ЛТП-1 — научный центр строительства.

Три главные башни расположились в самом центре Станции, горделиво возвышаясь над постройками, густо заполнившими почти правильный круг диаметром в пять километров. Главными воротами внутрь считалась Арка — модерновое и немного странное для строительства сооружение, — через которую проходили железнодорожная ветка и две широкие дороги. Были, разумеется, и другие въезды, однако они терялись на фоне

слепленного из блестящего титапласта «произведения искусства».

— Заходи с севера, — распорядился Слоновски, когда машина пересекла все три защитных периметра и вылетела за пределы строительства. — Сначала глянем на придурков.

— Понял.

Вертолет взял левее, и Грег, на лице которого появилась кислая мина, уставился на расположенный к северу от Кайфограда палаточный лагерь движения «Остановим Ад!», членов которого он без всякой толерантности обозвал придурками. Было за что.

Поправка: было за что с точки зрения Слоновски.

«Остановим Ад!» объединяло наиболее радикальных экологических фанатиков со всего света. Искренне верящие в то, что Станция несет Земле погибель, они тысячами съезжались в Кайфоград и почти ежедневно устраивали у границ строительства шумные акции. Репортеры их обожали. Грег — ненавидел.

— Симпатично получилось, — прокомментировал пилот, указывая вниз. — Постарались.

— Да уж…

— И ведь за одну ночь управились.

— А чем им еще заниматься?

Слева от палаточного лагеря, между его границей и периметром Станции, «зеленые» выложили огромную красную надпись: «Остановим Ад!» на русском и английском языках. Летать рядом со строительством Слоновски запретил, поэтому репортеры щелкали очередное художество с наспех сооруженной вышки.

«Мирные граждане в очередной раз призывают власти остановить строительство чудовищной Станции!»

А другие мирные граждане, даже те, что вложили деньги в акции «Науком», смотрят репортажи и пропитываются мыслью, что Станция — зло. И промолчат, если кто-нибудь попытается ее захватить.

Это называется пропагандой.

— Давай туда, где была попытка проникновения.

— Есть.

Вертолет заложил очередной вираж и пошел прочь от палаток и виднеющегося за ними Кайфограда.

Поначалу попытки проникновения на Станцию пресекались постоянно, не реже раза в неделю. Работать было интересно, поскольку атаковали строительство настоящие профессионалы: наемники и штатные агенты спецслужб. Потом, когда всем стало ясно, что Слоновски защищаться умеет, поток нарушителей иссяк, превратившись в редкий ручеек. И потому ночную вылазку имело

смысл рассматривать как провокацию.

Которая достигла цели, породив грандиозный скандал.

Все началось с того, что несколько активистов «Остановим Ад!» попытались преодолеть периметр. Глупость, конечно, несусветная — даже первую, самую слабую линию обороны без специальной подготовки не пройти: два ряда колючей проволоки, вышки с автоматическими пулеметами, множество видеокамер и минные поля делали ее неприступной для таких «диверсантов». Вот и закончилось ночное путешествие вполне предсказуемо: двоих сняли пулеметы, один подорвался на мине, четверых, что запутались в колючей проволоке, арестовали подоспевшие безы. Теоретически — обычная попытка проникновения на режимный объект с обычным финалом, на практике — вой на всю сеть и рыдания несчастных родителей. Правозащитные организации будоражили общественность, а корпорации и СБА ушли в тень, предоставив Мертвому выкручиваться самостоятельно.

— Я думаю, нас прощупывают, — пробормотал пилот, который, как и все безы Станции, был в курсе происходящего. — Смотрят, на что мы способны.

— А я не думаю, — в тон ему ответил Слоновски, — я знаю.

И посмотрел на часы: пресс-конференция Прохорова должна была начаться с минуты на минуту.

— Для чего нужны настолько жестокие системы безопасности?

— Системы безопасности не могут быть жестокими. Или они есть, или их нет.

— Гибнут люди!

— Периметр Станции обнесен сотнями предупреждающих знаков, которые отлично видны и днем и ночью. Голосовые предупреждения повторяются каждые пятнадцать минут. И все знают, что мы не шутим.

— Вот именно — не шутите! Вы что, на войне?

— Станция — предприятие повышенной опасности. Мы защищаем ее от террористов.

Аккредитацию на участие в пресс-конференции получили полсотни журналистов и целый ряд либеральных «представителей общественности», «искренне возмущенных очередной трагедией». Настроены они были совсем не дружелюбно, однако комендант Станции, Алексей Прохоров, держался уверенно. Он знал, что прав, и старался успокоить собравшихся, опираясь на логику. К сожалению, именно логика интересовала оппонентов Прохорова меньше всего.

— То есть активисты «Остановим Ад!» правы — Станция опасна?

— А разве атомные электростанции не опасны? — удивился комендант. — Любое нарушение технологического процесса способно привести к серьезной катастрофе, и мы не имеем права рисковать.

— Не отклоняйтесь от сути, господин Прохоров! Мы не слышали, чтобы охрана атомных станций открывала огонь по невинным людям.

— Попробуйте прорваться к реактору.

— Но ведь юноши из «Остановим Ад!» не приближались к Главному Энергоблоку! — с пафосом заявил Дюк, сопредседатель правозащитной организации «Свободный дом человечества». — Несчастные дети всего лишь выражали протест! Хотели быть услышанными! А в них начали стрелять!

— Запретная зона четко очерчена, освещена и снабжена предупреждающими знаками, — продолжил гнуть свою линию Прохоров. — За последний год мы предотвратили восемнадцать диверсий на территории Станции и двенадцать диверсий на ведущей к строительству железнодорожной ветке. Хочу напомнить, что два года назад из-за диверсий погибли…

— Вот именно — погибли! Несчастные дети взорвались на мине! На мине!! В мирное время!

Разошедшийся Дюк окончательно взял на себя роль главного оппонента Прохорова, и пресс-конференция плавно превращалась в перепалку. Довольные журналисты торопливо снимали происходящее и шептали в диктофоны комментарии.

— Мины расположены внутри запретной зоны и не предназначены для детей.

— А для кого же они предназначены?

— Для нарушителей.

Правозащитник пристально посмотрел на Прохорова и, выставив указательный палец, провозгласил:

— Вы — фашист!

— Территория Станции попадает под юрисдикцию Положения об Анклавах. Мы имеем право предпринимать любые меры безопасности для защиты… — скучно начал Прохоров, однако через мгновение опомнился: — Как вы меня назвали?

— Вы пытаете людей!

— Еще одно слово, и я обвиню вас в клевете.

— Не посмеете!

— И в оскорблении офицера СБА.

— Почему вы скрываете происходящее на Станции от общественности? — брызнул слюной Дюк. — Почему возвели вокруг нее настоящую крепость, на подступах к которой гибнут молодые, полные сил ребята?

— А для чего они идут внутрь?

Но кто будет слушать неудобные вопросы, когда творится такое «варварство»?

— Вчера ночью на противопехотной мине подорвался Альфред Хасс, юный идеалист, студент Венской консерватории, очень одаренный и талантливый мальчик, — громко, но очень проникновенно произнес Дюк, обращаясь к репортерам. — Он приехал сюда, чтобы выразить свое беспокойство, свою гражданскую позицию. Он был настоящим человеком. Он подошел к Станции и взорвался на мине. Но он еще жил! Он истекал кровью, лежа на сырой земле, без помощи и поддержки. Он кричал. Он плакал. Но безы господина Прохорова не торопились. Безы господина Прохорова дождались, когда

Альфред Хасс умрет, и только после этого забрали тело. Не это ли пример дикой бесчеловечности? Не это ли фашизм? У нас на связи безутешные родители Альфреда…

Мишенька не удержался и посмотрел на Мертвого. Тот кивнул, и Щеглов выключил коммуникатор.

— Надо отметить, что Алексей держится хорошо, — скупо заметил Кауфман. — Он, конечно, не дипломат, но из себя начал выходить не сразу.

— Мы и не могли назначить комендантом дипломата, — едва заметно улыбнулся Мишенька.

— Да уж… — Мертвый потер переносицу. — Нельзя не отметить, что наши милые враги сделали неожиданный ход.

— Движение стало большой проблемой.

— И отличным рычагом давления.

— И не только давления.

Кауфман посмотрел на своего верного помощника, помолчал и кивнул.

— Я тоже думаю, что они отправят на штурм безоружных кретинов.

Молодых дурачков, которые сдохнут, чтобы взрослые дяди в высоких кабинетах использовали их смерть для смещения неугодного директора московского СБА и его команды. Безы Станции подготовлены отлично, они будут стрелять по молодняку. А если не станут, если дрогнут перед безоружными, стрелять будет внутренняя безопасность — ребята Слоновски посвящены, они знают, ЧТО защищают, и понимают, насколько важна их миссия.

— С другой стороны, штурм — это хорошо, — продолжил рассуждения Кауфман. — Я больше чем уверен, что выступление «Остановим Ад!» подтолкнет остальных игроков к активным действиям.

— Вопрос в том, чтобы штурм начался вовремя, — уловил Мишенька.

— Что и должно стать твоей главной задачей, — резко закончил Мертвый. — Ускоряй работы на Станции, поднимай агентуру, делай все, что считаешь нужным, но добейся того, чтобы кровь полилась именно тогда, когда мы будем готовы. Не раньше.

Анклав: Франкфурт. Территория: Zwielichtsviertel.

Встречи, взгляды, эмоции и плохие новости

Когда-то давно, такое ощущение, что в прошлой жизни… в странной, почти позабытой жизни… До той черты, что отрезала…

Стоп! Не о прошлой жизни сейчас речь.

Так вот, когда-то давно Кристиану довелось увлечься онлайнкой «Бесконечное путешествие». Два месяца он зачарованно скользил по сюрреалистическим мирам, созданным чокнутым гением Чи У, увлеченно исследовал каждый уголок фантастических планет и вступал в схватки с пришельцами и чудовищами. Два месяца Кристиан не снимал шлем и не покидал кресло, питаясь через пластиковые трубочки, которые сотрудники игрового клуба услужливо впендюрили ему в вены. Два месяца он пребывал вдали от дома. А потом, когда кредит закончился и его вышвырнули на улицу, настоящий мир показался Кристиану настолько серым, что от тяжелых наркотиков его спасли лишь прохудившиеся финансы.

Нереальным показался мир.

Ненастоящим.

Рехнувшимся в своей пустоте.

Тогда, в почти позабытой ныне прошлой жизни, из навалившейся депрессии Кристиана вытащила работа, любимое дело, которое оказалось увлекательнее вымышленных миров. А теперь, судя по всему, настало время платить по счетам: любимое, мать его, дело загоняло Кристиана в депрессию, плавно подводя к мысли, что окружающий мир стал действительно нереальным. Останавливающие время кадры поражали фотографа неправильностью происходящего. Безмолвные снимки бесстрастно фиксировали будничную жизнь лишенного надежды мира.

Ненастоящего.

Рехнувшегося в своей пустоте.

— За новый день! — провозгласил вернувшийся из туалета толстячок и поднял бокал с настоящим французским шампанским. — Я знаю, он будет клевым!

Кристиан плавно надавил на кнопку. Кадр получился отличным: за спиной надирающегося кутилы отчетливо проступало лицо прилипшего к витрине дорогуще-го ресторана бродяги. Рваная футболка и грязная борода — прекрасный фон для модного, с сине-зеленым отливом костюма и вислых щек.

Толстяк залпом опустошил бокал. Бродяга, судя по мимике, сопроводил процедуру завистливыми ругательствами. Выскочившие вышибалы пригрозили бездомному шокером, и тот торопливо заковылял вверх по улице. Кристиан опустил камеру.

— За новый клевый день! — радостно подхватила гламурная компания.

Девять человек. Шмотки у всех одинаково дорогие, однако фотограф опытным взглядом разделил тусовщиков на «своих» (для толстенького заводилы) и прихлебателей. Тройка верхолазных отпрысков и свита. Решили покутить в остром, как перец чили, Zwielichtsviertel, а чтобы задницы, на которые ищутся приключения, ненароком не пострадали, вокруг полно телохранителей. Безы в штатском: плечистые и опасные. Кристиана они не тронули, лишь камеру осмотрели: главный вышибала, бывший без, поручился, ему поверили.

— Чую, Zwielichtsviertel скоро совсем перестанет спать, — пробормотал подошедший к фотографу охранник. — Раньше эта братия съезжалась только к вечеру, потом днем стали захаживать, теперь с утра начинают.

— Может, туристы? — дернул плечом Кристиан. — Прикатили в Анклав из какой-нибудь халяльной Гаскони, вот терпения и не хватило.

— Через час еще одну компанию ждем, они Золотой зал сняли. — Вышибала зевнул: — Ты извини, Крис, но те распорядились, чтобы в ресторане ни одного «нюхача» не было.

— ОК.

Кристиан не был «нюхачом», не гонялся за жареными фактами по заказу сетевых ресурсов сомнительной репутации. Его интересовало чистое искусство, однако объяснить это обалдевшим от вседозволенности верхо-лазским отпрыскам не представлялось возможным.

— Спасибо, что сейчас пустил.

— Ерунда-Вышибала замолчал, резко обернувшись на звон разбитого стекла — выпивший очередную порцию шампанского толстячок с хохотом метнул бокал в зеркало. Ничего особенного, если вдуматься, но парню показалось мало: с невероятной

скоростью за бокалом последовали тарелка, затем еще одна и еще…

— За новый, мать его, день! — Безудержный смех. — За клевый, мать его, день!

— Черт! — Кристиан вновь поднес к глазу видоискатель и дал максимальное приближение. Снимать не собирался, только подтвердить возникшее подозрение. — Да у него передоз!

Глаза толстяка — два блюдца. Веки стремительно наливаются красным, губы — синим, а в их уголках — пена. И посуда, с неестественной скоростью разлетающаяся по залу. Гиперактивность — первая стадия «синдино-вого» передоза.

— Мать твою! — простонал вышибала. — Хорошо же начинается денек!

Сообразившие, что к чему, телохранители повисли на толстяке, один из них достал шприц, однако в этот момент дело приняло новый оборот.

— Сука! — Одна из «своих» девиц проинспектировала содержимое сумочки, после чего вскочила на ноги и ударила толстяка по голове бутылкой из-под шампанского. — Он спер мой «синдин»!

Окровавленный воришка повалился на пол. Удар остался за пределами его реальности — толстяк продолжал смеяться. Подскочившая девица пинала его ногами, телохранители пытались помешать, третий представитель «золотой молодежи» от души хохотал, свита опасливо переглядывалась.

— «Синдин» стал слишком редок, — негромко произнес вышибала. — Даже для верхолазов.

— Угу. — Фотограф протянул руку. — Пока, Дин.

— Заглядывай как-нибудь.

— Договорились.

— Не заходить? — Пирсон удивленно вытаращился на Еву. — Совсем?

— Без моего приказа, — повторила Пума, проклиная про себя тупость франкфуртских dd. — Я говорила именно об этом.

— Вы входите, а мы следом, — кивнул Пирсон. — Я понял так.

— Вы поняли неправильно, — сдерживаясь из последних сил, произнесла Ева. — Вы начинаете операцию после того, как я покину здание. Ни секундой раньше. — Ее не оставляло ощущение, что Пирсон и остальные сидящие за столиком dd не такие уж тупые, какими хотят казаться, что им просто доставляет удовольствие мучить свалившееся на голову «большое начальство». — Теперь понятно?

— Теперь — да, — подтвердил Пирсон, почесывая в затылке.

Справа громко захохотали. Пума поморщилась.

В шумной забегаловке «У Пепе» они собрались по трем причинам. Во-первых, она была шумной и в нее забегало множество самых разных людей. Во-вторых, заведение располагалось неподалеку от места предстоящей операции. И в-третьих, машинисты Сорок Два взяли под контроль внутреннюю сеть «У Пепе».

— Извините, мадам, но я не понимаю, для чего вы рискуете? Операция несложная, мы бы сделали все в лучшем виде.

Взгляды присутствующих устремились на Еву. Вежливые, но очень внимательные — наемники хотели знать, почему в заурядной акции участвует легендарная

Ева Пума. Что привело во Франкфурт ближайшую помощницу Сорок Два? Наемники беспокоились, а это совсем не то чувство, которое они должны испытывать перед операцией.

— В данном случае мы имеем дело со счастливым совпадением: выполняя поставленную Пророком задачу, я могу уладить одно маленькое личное дело, — ровно произнесла девушка и кашлянула. — Теперь понятно?

Наемники дружно кивнули.

— Теперь абсолютно понятно, мадам, — высказал общую мысль Пирсон. — Извините за настойчивость.

— Выдвигайтесь на исходные позиции, и… — Пума на мгновение сбилась, почувствовав на себе чей-то взгляд. Парень, сидящий за дальним столиком в компании черноволосого коротышки. «Слежка?» Нет. Еве хватило секунды, чтобы понять, что на нее пялится не сыщик, а романтик. — И можете не торопиться: раньше чем через сорок минут мы не начнем.

Поднялась на ноги и направилась к выходу из ресторана.

— Снял чего? — Угу.

— Посмотрим. — Жозе без спросу взял фотоаппарат. — Может, кого и заинтересует.

Со старым своим другом и старым же, сохранившимся еще с прошлой жизни, агентом Кристиан встретился «У Пепе» — в средней руки забегаловке, меню которой на целую треть состояло из натуральных продуктов. Дороговато, конечно, для простого обеда, однако Жозе старался следить за здоровьем и, если позволяли скудные средства, выбирал заведения «поприличнее». Нормальная еда делала его менее желчным… но не сегодня.

— И это вся работа? — недовольно поинтересовался агент, отрывая взгляд от экрана фотоаппарата.

— Угу, — коротко подтвердил Кристиан, в очередной раз скашивая глаза на сидящую неподалеку девушку. И глотнул невкусный кофе из щербатой чашки. — Вся.

Столиков «У Пепе» было до черта, жадный владелец по максимуму использовал площадь, оставив между ними минимальные зазоры. Однако один из них, привилегированный, рассчитанный на шесть человек, стоял в отдельном, если можно так выразиться, «кабинете» — отгораживался от зала невысоким, в половину роста барьером. Там-то и сидела привлекшая внимание Кристиана девушка. Темноволосая тигрица с холодным, как беспощадность Мертвого, лицом. Весьма неприветливым лицом, жесткое выражение которого, однако, нивелировала природная красота. Обаяние хищника: ты наслаждаешься изяществом, совершенно забывая о сути.

«Какой типаж!» — едва не вырвалось у восхищенного Кристиана.

Компанию тигрице составляли четверо громил в неприметных и широких кожаных куртках, под которыми удобно прятать не только дыроделы, но и «дрели». Судя по тому, как держатся, — подчиненные. Местная уголовная королева со свитой? Начальница охраны какого-нибудь верхолаза?

— Ты меня слышишь?

— Что? — Кристиан с трудом оторвал взгляд от тигрицы. Повернулся к другу, хлопнул пару раз глазами, рассеянно улыбнулся: — Что?

— Я сказал, что ты не очень много снял, — язвительно заметил Жозе.

— Так получилось.

От утренней охоты в памяти аппарата осталось всего два кадра: пьющий дорогое шампанское толстячок, за спиной которого завидует бродяга, да девчонка, бьющая этого самого толстяка ногой в лицо. Все остальное Кристиан забраковал.

— Драку в ресторане уже в сеть выложили, ее кто-то из обслуги на «балалайку» снял… — пробормотал Жозе. — Но у тебя кадры отличные, возможно, купят на заставку. — Помолчал. — Кстати, из-за чего дрались?

— У паренька передоз случился.

— Это не повод.

— Он у подружки «синдин» спер. Им и вмазался.

— Прикольно… — Жозе усмехнулся, еще раз, чуть внимательнее, посмотрел на снимки, затем покачал головой: — «Синдина» сейчас даже верхолазам не хватает.

«Совсем как вышибала».

Кристиан одним глотком допил кофе и кивнул на направляющуюся к выходу хищницу:

— Видал королеву?

Жозе не сразу понял, о чем говорит фотограф. А когда

сообразил, возмутился:

— Черт возьми, Крис! Ты на мели, забыл? Ты работать должен, а не метелок разглядывать!

— Тигрица… — мечтательно протянул фотограф, глядя на закрывшуюся дверь. — Тигрица…

— Успокойся.

— Я спокоен, как столб.

Хищница ушла, обед закончился, Жозе затянул привычную песню. Серо, очень серо…

Кристиан взял камеру и ласково провел пальцем по крышке объектива.

— Махмуд сказал, что если ты соберешь приличную коллекцию, он подумает насчет выставки, — выложил последний козырь Жозе. — Махмуд тебя помнит и любит.

Махмуд Кеннеди, владелец небольшой галереи, их последняя надежда вырваться из нищеты.

— Но Махмуд ценитель, Крис, ему нужны настоящие работы, — жарко продолжил Жозе. — Такие, какие можешь сделать только ты. Только ты, Крис!

— Да…

— Так сделай, твою мать! Снеси публике крышу! Ты ведь талант, твою мать! Ты ведь огромный талант!

— Купи мне еще кофе, — не глядя на друга, попросил Кристиан.

— А ты сделаешь коллекцию? — осведомился Жозе.

— Сделаю, — кивнул фотограф. Что он еще мог сказать?

— Отлично! — Жозе поерзал на неудобном стуле. — Давай обсудим тему…

— Доминик ле Ди, — представилась Ева, останавливаясь у стойки регистрации. — Мне назначено.

Девушка сверилась с записями и лучезарно улыбнулась.

— Все верно, госпожа ле Ди. Прошу вас, присаживайтесь, доктор Скотт освободится через несколько минут. Не желаете кофе? Чай?

— Спасибо, нет. — Пума грациозно опустилась на диван — она блестяще играла воспитанную леди, — и устремила скучающий взгляд на широкий экран настенного коммуникатора.

— Желаете какой-нибудь особый канал? Развлечения? Информация?

На мониторе демонстрировалась очередная серия очередного сериала. Кто-то кого-то за что-то любил, а за что-то ненавидел. Бессмыслица во всей красе, но девушка за стойкой следила за перипетиями с нескрываемым интересом.

— Спасибо, — отклонила предложение Пума. — Оставьте как

есть.

И едва заметно улыбнулась, разглядев в глазах девушки облегчение.

Приемная доктора Скотта располагалась в респектабельной части Zwielichtsviertel, в районе, где мусор вывозился вовремя, муниципальные службы мыли мостовые, а фасады домов говорили о достатке хозяев. Практику врач открыл не так давно, с год назад, однако успел обзавестись и клиентурой, и репутацией превосходного специалиста. Да иначе и быть не могло, поскольку буковка «т» на золоченой табличке «J.J.Scott m.d.» означала не только медицину, но и Мутабор. Джей Джей

Скотт, доктор медицины. Джей Джей Скотт, доктор Му-табор. И это открытие стало для Пумы весьма горьким…

— Доминик?

— Доктор! — Ева вложила в улыбку все свое очарование.

— Прошу вас, присаживайтесь. — Он указал на кожаное кресло, дождался, когда девушка окажется в нем, и только после этого опустился в свое. — Печально видеть, что у столь молодой и красивой леди возникли проблемы со здоровьем. Я искренне надеюсь, что не найду у вас ничего серьезного.

— Поверьте, доктор, я тоже на это надеюсь.

— Что вас беспокоит?

Худощавый, загорелый, с умными серыми глазами и породистым лицом — хоть сейчас на рекламный плакат гольф-клуба. Белый халат, из-под которого виднеется воротник идеально белой сорочки и завязанный классическим узлом галстук. Золотые часы. На безымянном пальце правой руки массивный перстень. Образ консервативного врача для богатой публики не меняется уже пару столетий, однако Пума помнила совсем другого доктора Скотта, совсем не респектабельного.

Правда, тогда его звали иначе.

Доктор Заур его звали, вот как. Доктор Заур, подпольный целитель из грязного квартала Ланданабада, выгнанный из Ассоциации врачей за употребление наркотиков и готовый на все, чтобы заработать. Доктор, мать твою, Заур… Он был рядом с Сорок Два во время экспериментов с «синдином», он вколол пророку бракованные наны, фактически — изобрел троицу. Он. А потом исчез. Пропал доктор Заур, растворился, но упорная Ева сумела выйти на след и отыскать хитреца в обличье преуспевающего франкфуртского врача. В обличье храмовника.

А поскольку врачом Мутабор за пару лет не станешь, вывод можно сделать один: вкалывая Сорок Два бракованные наны, доктор Скотт уже был храмовником. А его история об Ассоциации и проблемах с наркотиками — сказки.

Такой вот дерьмовый вывод.

— Вы указали, что ваш случай деликатный.

— Я не хочу, чтобы о моем недуге пошли слухи.

— Я связан врачебной тайной.

— Надеюсь на ваш профессионализм. — Ева вздохнула. — Больше мне надеяться не на что.

Пума предполагала, что доктор Скотт ее узнает. Сценарий на этот случай у нее был готов, и сценарий замечательный, связанный с долгим и мучительным разговором, но… Но доктор, мать его, Заур-Скотт при ее появлении даже не вздрогнул. Не узнал, гаденыш, вот и приходилось импровизировать, плавно подводя разговор к нужной теме. К тому же у Пумы действительно были вопросы к хорошему врачу.

— Дело в том, что я несколько месяцев не могу избавиться от кашля.

Скотт приподнял левую бровь.

— Затяжная простуда?

— Не думаю, — покачала головой девушка. — Это просто кашель, довольно частый, но не мешающий. Однако раньше его не было.

— В горле не першит, но вдруг нужно покашлять, так? Сухой, негромкий, безболезненный… вы просто прочищаете горло.

— Всё верно. Врач нахмурился:

— Скажите, Доминик, вы принимаете «синдин»?

— Я догадывалась, что вы спросите…

— В этом заключается деликатность вашей проблемы?

Участливый тон, внимательный взгляд — консервативный врач переживает за пациентку. Мизансцена выстроена блестяще, как в хорошем фильме.

— Да, доктор, я принимаю «синдин», но хочу напомнить о вашем обещании. — Ева судорожно вздохнула — получилось очень естественно. — Мой муж ничего не должен знать.

Замечание насчет мужа Скотт пропустил мимо ушей, его интересовало другое:

— Давно?

— Несколько… — Да какого черта врать? — Пару лет. — Пума улыбнулась. — Я осторожна и не увлекаюсь.

— Вы осмотрительны.

— Благодарю.

— Но, к моему глубокому сожалению, на суть дела ваша осторожность повлиять не в силах. — Скотт вздохнул, тоже очень натурально. — Вы умираете, Доминик.

— Что? — Заявление врача ошарашило Еву, и план беседы полетел к черту. — Я что?!

— Примерно полгода назад практикующие врачи стали замечать, что на некоторых людей «синдин» действует особым образом: проникая в организм, начинает разрушать его изнутри, — скорбным тоном поведал Скотт. — Исследования показали, что доза не важна, к смертельному исходу приводит даже один-единственный сделанный из любопытства укол. Но если входящие в группу риска люди употребляют «синдин» регулярно, то он сводит их в могилу весьма быстро: за два-три года. — Наполненная печалью пауза. — Диагностировать фатальные изменения мы не в силах, а единственный симптом перед неминуемой смертью — несильный сухой кашель.

— Вы лжете!

Но перед глазами Пумы возникло лицо Кена. Он тоже кашлял, они еше шутили, что подхватили одну заразу. Он кашлял и умер два месяца назад. А до него умер Фарид, и он тоже кашлял!

— Когда врачи говорят, что «синдин» убивает, они не шутят. К сожалению, «синдин» вредит организму не только как обычный наркотик…

— Этого не может быть! Не может!

— Я понимаю ваше состояние.

«Что ты можешь понять?! Лощеный подонок! Урод!! Кен! Фарид! «Синдин»! Неминуемая смерть!» Голова шла кругом.

— Мутабор не раз призывал правительства усилить борьбу с распространением «синдина». Я слышал, прелаты даже посылали сообщение Сорок Два, который построил на употреблении «синдина» свое мерзкое учение.

— Вы врете!

— О нас рассказывают много гадких и лживых вещей, Доминик, но, несмотря на то что мы — храмовники, мы остаемся врачами. И если видим яд, называем его ядом.

«Они сообщили Сорок Два! А он промолчал! Он промолчал!!» — Нет!

Позабывшая обо всем Ева вскочила с кресла и выбежала из кабинета, на ходу теряя последние черты благородной леди.

А доктор Скотт несколько мгновений сидел, прислушиваясь к затихающему цокоту каблучков, после чего надавил на кнопку интеркома.

— Лиза!

— Да, доктор, — отозвалась девушка.

— Зайдите, пожалуйста, в кабинет. И… прихватите свою сумочку.

— Сумочку?

— Да, Лиза, сумочку. Нам необходимо срочно уехать.

Заурядное убийство храмовника — пуля в грудь от «недовольного клиента», пусть даже и сопровождаемое разгромом офиса, не наделало бы шуму, не стало бы очередным посланием миру. Сорок Два хотел, чтобы каждая атака превращалась в акцию, требовал втягивать в события посторонних и оказываться на первых полосах информационных лент, а потому к разносу офиса доктора Скотта франкфуртские dd подошли творчески.

Дождавшись, когда Пума отойдет от подъезда на сотню метров, Пирсон подает сигнал, и к дому устремляются бойцы. Летят бутылки с зажигательной смесью, раздаются выстрелы, и звон разбитого стекла смешивается с визгом тормозов и воплями испуганных людей. Респектабельная улица респектабельного района преображается в мгновение ока.

— Смерть Мутабор!

Боевой клич погромщиков гремит над языками пламени и устремляется к низким черным тучам, которые спешно, словно почуяв приближающиеся беспорядки, стягиваются над Zwielichtsviertel. Вспыхивают мобили, дым тянется из разбитых окон, кто-то бросается в укрытие, кто-то — спасать находящихся в доме и поврежденных мобилях людей, а кто-то соображает, что дан старт беспорядкам, и нацеливается на ближайшие кассы… Это ведь Zwielichtsviertel, а не «Остров речника» для верхолазов, и даже в самой респектабельной своей части он все равно остается Zwielichtsviertel — обителью тех, кто готов в любой момент забыть о законе.

— Смерть Мутабор!

Приемная еще одного врача-храмовника находится двумя домами вверх по улице, ее тоже накрывает. И две эти спички взрывают Zwielichtsviertel.

Лопающиеся витрины магазинов, перевернутые тележки уличных торговцев, выстрелы, разбитые мобили и люди… Люди, убегающие от хаоса. И люди, торопящиеся в самый его эпицентр. Люди…

— Куда?! Куда, кретин?! — Жозе из кафе не вышел, не дурак. От столика, конечно, отлип, когда Кристиан на улицу метнулся, но в дверях затормозил. Заорал: — Стой, придурок!

Понял, что напрасно, и выругался.

Куда? На улицу, конечно же! Погром — это эмоции! Бурлящий котел!! Вот место для художника.

Позабывший обо всем Кристиан водит фотоаппаратом во все стороны сразу, машинально, на инстинкте, выискивая наиболее интересные эпизоды разворачивающейся вокруг драмы, профессионально переводя ожившую ярость толпы в цифровые кадры.

Пылающий дом. На первом этаже еще несколько минут назад располагалась приемная известного врача-храмовника, а теперь — доменная печь. У распахнутых дверей сидит человек. Врач? Не разобрать. Потому что это не человек, а окровавленное месиво из мяса, костей и одежды — сколько килограммов пуль в него вогнали? Кадр. «Дрель» в руке прилично одетого мужчины. Откуда взялась? Отнял или прятал в приличном портфеле, что валяется теперь в нескольких шагах? По кому он стреляет? Уже не узнать — мужчина ловит в голову пулю и падает. По мертвому телу бегут погромщики.

— Смерть Мутабор! Кадр. Кадр. Кадр.

Разъяренные люди застывают, превращаясь в образ времени. Именно так говорил учитель Кристиана: мы не фотографируем, мы отражаем время.

Из подъехавшего внедорожника выпрыгивают прятки. Несколько секунд смотрят на охватившее дом пламя и труп у дверей. Лица, наполовину скрытые масками, кажутся бесстрастными, однако Кристиан кожей чует, как звереют воины Мутабор.

Кадр. Кадр. Кадр.

А затем, не сговариваясь, прятки открывают огонь по толпе.

Начинается дождь. Но пули не успевают намокнуть. Пулям дождь до лампочки.

— Спасайтесь!

— Смерть Мутабор!

— Бегите!

— Их всего четверо!

Толпа не успевает понять, что следует делать: спасаться или атаковать? Толпу легко сбить с толку. Толпа видит кровь, чует пули и волнуется штормовым морем, размазывая крайних о каменные дома. Чье-то лицо оставляет на штукатурке кровавую полосу.

Кадр. Кадр. Кадр.

А пряток уже нет. И внедорожника. И тела врача-храмовника. Когда успели? Стреляют теперь отовсюду…

Кристиан наконец-то реагирует на свистящие пули, прячется за грузовой мобиль, прижимает камеру к груди и слышит:

— Опомнись, кретин! Безы!

Жозе, проявив чудеса героизма, отыскивает Кристиана в самой гуще. Понял, что пора уводить увлекшегося фотографа, и рискнул, покинул относительно безопасный ресторанчик, примчался на выручку.

— За мной иди! — тянет фотографа за руку. — Сюда! Узкий переулочек, кривой, спасительный, выводит

на параллельную улицу, но не успевают друзья сделать и десять шагов, как дорогу преграждает черный броневик. Позади него резко останавливаются фургоны с зарешеченными окошками. Идет дождь.

— Внимание! В районе проводится полицейская операция! Внимание! Приготовиться к проверке документов! Внимание! В районе проводится полицейская операция! Не пытайтесь сопротивляться!

Из фургонов горохом высыпаются безы. Шлемы, защита, дубинки и щиты. Первая, мать ее, волна. СБА делает вид, что пытается навести порядок «адекватными мерами», посылает слабовооруженных безов в пуленепробиваемых бронниках получить по репе. Через пять минут, сразу после вала панических сообщений о том, что «силы правопорядка» не могут справиться с разъяренной толпой, в дело пойдут ребята с автоматами. СБА устала от бунтов.

Кадр. Кадр. Кадр.

— Ты сдурел?! Они не любят!

— Внимание! Не пытайтесь сопротивляться…

— Стоять, придурки! Пальцы в анализатор! Оружия у подозреваемых нет, времени у безов тоже,

поэтому проверяют только на «синдин». Если в крови обнаружатся следы, получишь путевку на нары. А если в башке жужжит «поплавок», то пристрелят как «оказавшего сопротивление». СБА устала…

— Чистый!

— Чистый!

— Пошли вон отсюда, скоты!

И дубинкой по спине, чтобы суетились живее. Жозе и Кристиан мчатся вверх по улице.

Капли падают на спутанные волосы, превращая их в сосульки. На удивление холодная, несмотря на лето, дождевая вода затекает за шиворот и струится по спине вниз. Тело дрожит. От воды и от мыслей, поглотивших душу Евы.

«Я умираю!»

Из офиса Пума вышла оглушенная. Операция, погром, обязательное убийство храмовника — все осталось там, в прошлой жизни, за чертой, которой стали слова проклятого Скотта:

«Вы умираете!»

Вот что он сказал.

«Вы умираете!»

Ева никогда не была пай-девочкой, да и трудно ожидать такого от женщины, прославившейся в качестве правой руки

известного террориста. Азарт боевых операций не пугал Пуму, а заводил. Она давно привыкла ходить по краю, по лезвию, и не боялась за свою жизнь. Не боялась смерти. Или заставила себя не думать о ней? В любом случае погибнуть в бою и умереть от пропитавшего тело дерьма совсем не одно и то же.

«Я не хочу так!»

Ева совсем одна. Останавливается на перекрестке и прижимается к металлическому столбу светофора. Мокрой спиной к мокрому столбу. Мертвая Ева к мертвому железу.

А вокруг бурлит жизнь, даже кипит жизнь, потому что неподалеку идет погром, и погром в самом разгаре. Вокруг они все. Люди. Мир.

А Пума совсем одна.

«Я умираю!»

Но даже с этим приговором можно было бы смириться. В конце концов, все мы когда-нибудь умрем, а знание, что ты почти за чертой, способно подстегнуть на безумства. И в первый момент Ева думает именно так:

«Теперь меня никто не остановит!»

Ведь терять-то нечего!

Однако сволочной Скотт влил в нее весь заготовленный яд:

«Я слышал, прелаты посылали сообщение Сорок Два, который построил на употреблении «синдина» свое мерзкое учение…»

Неужели прелаты рассказали Сорок Два об опасности «синдина»? Но как? Прислали сообщение на коммуникатор? Смешно. Приехали к нему?

«Он был в Мутабор! Мы с Розой сопровождали Сорок Два к храмовникам».

А следующая мысль скручивает душу Евы в вопящую от боли спираль:

«Так вот почему храмовники не дали Сорок Два «синдин»!»

Пророк сказал, что они отказали, поскольку ненавидят мир Цифры. Пророк сказал, что Мутабор стал врагом, и начал войну. А Мутабор пытался донести до Сорок Два, что «синдин» убивает.

«Но почему они не объявят об этом на весь мир?»

Потому что «синдин» и так убивает, как и любой другой наркотик. И кого взволнует, что у него есть дополнительный и весьма поганый эффект? Да никого! До тех пор, пока это не коснется лично.

«Ты предал меня, любимый… Ты меня предал…»

Пальцы Пумы ерзают по металлическому столбу, слезы на щеках смешиваются с дождевой водой, а губы тихо шепчут:

«Ты меня предал…»

— Ногами шевели, Крис, ногами! Хватит на сегодня!

Наработались! Хватит! Шевелись, твою мать! Не тормози!

Жозе тарахтит без умолку. Перенервничал, понятно. За творчество ведь Кристиан в ответе, он под пули и дубинки лезет, синяки, шишки и пинки от безов да бандитов получает. Кристиану знакомо, а вот Жозе к такому обороту непривычен, потому и тарахтит. Страх на волю выпускает.

— Идиот! В самое пекло… В самое!

Голос срывается, соскальзывает в забавный фальцет, но семенит Жозе быстро и друга за рукав тянуть не забывает.

— Домой, домой, пока они второе оцепление не выставили! Слышишь меня, художник? Домой надо… хоть пешком, хоть такси ловить…

— Да, да, да…

Кристиан тоже не в себе, он еще там, в пекле, среди погромщиков, жертв, пороха, гари и крови. Увлекаемый прочь, он продолжает озираться и, если замечает что-нибудь интересное, немедленно вскидывает фотоаппарат. Женщина с разбитой головой прижимает ко лбу взмокший от крови платок, взгляд остановившийся — еще не оправилась от шока… Фотоаппарат выхватывает очередной эпизод и превращает его в память. Женщину тащит за руку какой-то длинный тип. Лица не видно. Муж? Друг? Если повезет — муж или друг. А если не повезет, в ближайшем тупике женщину ожидает продолжение неприятностей. Погром все спишет. Погром… Двое бродяг избивают хозяина лавки, третий потрошит кассу — все правильно, безы слишком заняты. Погром, мать его, погром… Поникшая девчонка…

Кристиан узнает. Удивленный, опускает фотоаппарат, не веря, что объектив поймал то самое лицо… то самое…

— Боже мой!

Хищница? Пантера? Тигрица? Она. Сомнений нет — она! Но что, ради всего святого, случилось? Что?! Кто у нее погиб?

Кристиан понимает, что видит Образ Горя. Величественный и ужасный Образ Горя во всем своем кошмарном совершенстве. Образ потери всего на свете, рапсодию безнадежности. Кристиан понимает, что ни одна из тех актрис, которым ему доводилось рукоплескать в лучших театрах Земли, ни одна из них неспособна столь выразительно и емко передать саму суть Трагедии.

Это надо пережить.

Через это надо пройти.

Тигрица раздавлена?

Нет. Ее больше не существует. Вместо яростной кошки под проливным дождем горбится хрупкий, теряющий последние лепестки цветок.

— Да что же случилось?!

— У кого? — Жозе, до которого только сейчас доходит, что фотограф остановился, начинает кричать: — Ты спятил? Мотаем, твою мать, всем не поможешь!

«Всем? Нет, Жозе, ты не прав: помочь можно всем. Всем! Кроме этой девчонки!»

Он, мужчина, пусть и не воин, не боец, но все-таки — мужчина, так вот, он не способен помочь маленькой, несчастной девчонке. Не в состоянии.

— Идем!

Чувствуя и стыд, и отвращение к себе, и злость, Кристиан поднимает фотоаппарат и давит на кнопку, сохраняя открывшийся ему Образ. А потом, увлекаемый Жозе в безопасный переулок, цедит сквозь зубы:

— Я хочу нажраться… Сильно нажраться… И девку…

— Будет тебе шлюха, — отрывисто обещает Жозе. — И вискарь будет, деньги еще есть.

— Хорошо, — отзывается Кристиан так, будто и впрямь верит, что шлюхи и алкоголь помогут ему забыть оставшуюся у столба девчонку. — Хорошо.

* * *

Анклав: Цюрих. Территория: Альпийская Поляна. Отель «Хилтон Эдельвейс». Плохие обстоятельства не мешают хорошей драке

По-настоящему высокие гости требуют по-настоящему серьезного обхождения. В общении с ними важна каждая мелочь, каждая деталь, а потому Моратти, после долгих размышлений, выбрал для встречи с группой влиятельных верхолазов формат ужина. Не делового, но и не дружеского. Нейтрального.

Полуофициальная встреча прекрасно знающих и уважающих друг друга людей проходила в отдельном зале самого высокого отеля Цюриха, но не в знаменитом «Куполе», с которого открывался великолепный вид на Анклав, а в «Камелоте» — роскошном помещении, стилизованном под каминный зал рыцарского замка. Грубая кладка из натурального камня, тяжелая резная мебель, гобелены на стенах и бронзовые светильники создавали атмосферу готического Средневековья, времени частых междоусобиц и взаимного недоверия, что полностью соответствовало ожидаемому характеру беседы. Не деловой, не дружеской, но тяжелой.

Потому что времени оставалось все меньше и меньше.

Хотя началась встреча, как это принято у хорошо воспитанных людей, мирно. Съехались верхолазы, можно сказать, вовремя — всего с пятнадцатиминутным, как это принято у хорошо воспитанных людей, опозданием. Доусон из Долины, Хаммер из Хьюстона, Вашингтон из Бостона, Бернстайн из Сиэтла, Ван Перси из Кейптауна, Койман из Эдинбурга и Пилле из Марселя. Финансисты и промышленники, за каждым из которых стоит мощная корпорация, а также весомая группа соотечественников-единомышленников. В «Эдельвейсе» собрался своеобразный сенат Анклавов, и большая часть этого неофициального органа весьма прохладно относилась к Кауфману.

Впрочем, на первых порах разговор вертелся далеко от Станции и директора московского филиала.

Отдав должное аперитивам и закускам и дождавшись, когда вышколенные официанты покинут зал, верхолазы подняли тему,

что беспокоила их больше всего.

— Ник, — с обманчивой мягкостью обратился к Моратти Вашингтон. — Хотелось бы знать, когда СБА уроет Сорок Два. Очень хотелось бы.

Представитель Бостона славился прекрасными манерами, считался образцом джентльмена, и грубым определением «уроет» он продемонстрировал президенту Службы всю глубину своего раздражения.

— Проблема оказалась куда серьезнее…

— Куда серьезнее?!!

Ван Перси не воскликнул — он рявкнул. Причем так, что сидящие рядом Койман и Бернстайн вздрогнули.

— Ник, что за херню ты несешь? Сорок Два давно перестал быть проблемой — это дерьмо, в котором мы захлебываемся!

— Тритоны плодятся, как кролики!

— Мы вынуждены отключать выходы в сеть!

— Но эти твари продолжают лезть из всех щелей!

Верхолазы заговорили одновременно. Торопливо перебивая друг друга, они выплескивали наболевшее, орали и брызгали слюной, вращали глазами и потрясали кулаками. Воспитание и хорошие манеры полетели к черту — экономические волки, гении коммерческих интриг и принцы сверхприбылей бесились при мысли, что какой-то цифровой гуру способен потрясти основы их мироздания, и требовали крови. Вал ярости обрушился на президента СБА, но он был готов к такому развитию событий: слушал, впитывал, не отводил взгляд, всем своим видом показывая, что всё понимает и всё признает.

— Тритоны практически обрушили электронные расчеты…

— Люди перестали доверять банкам и вернулись к наличным. Тебе сказать, к чему это привело?

— Всплеск обычной преступности.

— В Марселе стреляют даже днем.

— В Сиэтле тоже…

— У нас дело дошло до массовых беспорядков, — вставил Ван Перси.

— Не только у вас!

— Анклавы штормит.

И штормит изрядно, если уж самые высокие верхолазы озаботились ситуацией на улицах. В Анклавах частенько стреляли днем, но только в соответствующих районах. Теперь же ребята с пушками добрались до корпоративных территорий.

«Качается, но не тонет», — вспомнил Моратти древний девиз Парижа. Еще того Парижа, который без «Эль-».

Качался… И удержался, стал Эль-Парижем, но не утонул.

Повезет ли Анклавам?

— У тебя есть план?

Громкий голос Хаммера заставил верхолазов умолкнуть и уставиться на Ника.

— Только ужесточение мер, — развел руками президент СБА.

— Ты издеваешься?

«Нет, вашу мать, я говорю как есть!»

— Мы разработали и проводим в жизнь комплекс мер, направленный на ограничение производства и распространения «синдина». Мы планируем сделать наркотик настолько дефицитным, насколько это возможно. Кроме того, вводятся новые законы, ужесточающие наказание за использование «поплавков». Мы стремимся к тому, чтобы принятие троицы стало для тритонов выбором между жизнью и смертью, и мы этого добьемся.

— Когда?

— И когда ты избавишь нас от самого Сорок Два?

— Месяц, — уверенно произнес Моратти. — Это ответ на второй вопрос. Я ручаюсь, что в течение месяца ликвидирую пророка. Мои люди уже рядом.

— Месяц — это много.

— Ник сказал «в течение месяца», вполне возможно, нам нужно продержаться всего пару недель.

Некоторые верхолазы вздохнули с облегчением — ненавистная тварь скоро умрет, однако Доусон смотрел дальше коллег.

— Смерть Сорок Два не очень поможет.

— Она будет иметь моральное значение, — подтвердил президент СБА. — К сожалению, механизм запущен, и справиться с тритонами будет непросто.

— Сколько же нам еще сидеть в дерьме?

— Справиться с «синдином» и подпольным производством «поплавков» до конца не удастся, поэтому атаки тритонов станут вечными, — честно заявил Моратти. — Но нынешний кризис мы преодолеем.

И дал незаметный знак вносить следующую перемену блюд.

В положении хозяина есть свои плюсы: ты сам режиссируешь разговор, вводя отвлекающие факторы. Верхолазы умолкли. Сначала потому, что в зал вошли официанты, затем — отвлекшись на еду. Моратти лично встречался с поварами и приказал вывернуться наизнанку, но приготовить такой обед, чтобы от запаха и вида подаваемой еды закружилась голова даже у прожженных гурманов. Судя по результату, затея удалась. Сначала высокие гости восприняли появление официантов с

раздражением, однако игнорировать появившиеся яства не стали, взялись за приборы и… постепенно расслабились. Хорошая еда способна поднять настроение кому угодно.

Ник же, отдавая должное мастерству поваров, не забывал следить за гостями и, убедившись, что каждый из них выпил не менее бокала вина, легко, словно продолжая только что прерванную беседу, произнес:

— В действительности же, друзья, Сорок Два — лишь часть глобальных проблем, которые у нас имеются.

Попытка перевести разговор на другую тему удалась. Первым среагировал Хаммер:

— Ты говоришь о флоте, что скопился у нашей Станции?

— В том числе.

— Мы обсуждали его появление полтора месяца назад, — припомнил Бернстайн. — Ты сказал, что государства тупо играют мускулами и опасаться нечего.

— У тебя есть новые данные?

— Говорят, ты встречался с китайцами.

— И с китайцами тоже, — хладнокровно подтвердил Моратти. — А еще с индусами, европейцами и вудуиста-ми. Со всеми, кто направил корабли в Баренцево море.

— И что?

Вместо ответа президент СБА откинулся на спинку стула и обвел гостей медленным взглядом. Сейчас, когда они, переключившись на Станцию, на время забыли о

Сорок Два, можно позволить себе чуть больше театральности.

— На основании последних переговоров я могу с уверенностью сказать, что в случае невыполнения их условий государства пойдут на штурм.

— Черт!

Вытянувшиеся лица верхолазов продемонстрировали, что новость, мягко говоря, не обрадовала.

— Ты уверен?

— Более чем.

— Но почему?

— Государства рвутся к технологии.

— Они получат ее после запуска.

— Сначала ее получат корпорации.

— Не сначала, а одновременно. — Хаммер тяжело посмотрел на президента. — Какой у государств повод?

Объяснить жесткую позицию простым желанием заполучить новую энергию нельзя. Верхолазы, даже пребывающие в панике от действий Сорок Два, не потеряли способность думать и анализировать ситуацию. Штурм Станции, даже его угроза — это

открытый вызов Анклавам, и для таких действий должна быть веская причина.

— Если я правильно понял, то вывод такой: победили паникеры, — объяснил Моратти. — Завеса тайны, которая окутывает строительство, заставляет государства нервничать, они боятся, что Мертв… что Кауфман создает глобальное оружие.

— Чушь!

— В свое время мы тоже так думали, — кисло заметил Бернстайн.

— До тех пор, пока наши эксперты не провели детальный анализ.

— У государств нет столь же умных ребят, какие есть у нас.

— Но ведь мы делились с ними результатами расчетов.

— Они не обязаны нам верить. Доусон жестко посмотрел на Моратти:

— Что мы можем?

— Ничего.

Нечасто собравшиеся в «Эдельвейсе» толстосумы слышали столь категорический ответ. Ничего? Это они-то ничего не могут?!

— А если подумать?

— Если подумать, то даже меньше, чем ничего, — мрачно продолжил Ник. — Мы не в состоянии вести войну, наше положение обусловлено научным, а главное — экономическим превосходством над государствами. Мы контролировали экономику планеты, но сейчас Сорок Два сводит это преимущество на нет.

— Нас лихорадит, — буркнул Ван Перси.

— Называй вещи своими именами, дружище, — мы в кризисе, — зло усмехнулся Бернстайн.

— И политиканы решили вывернуть нам руки.

— Или добить.

— Ник прав: сейчас мы не сможем засунуть их в экономическую задницу по той простой причине, что сами в ней сидим.

— Можем.

— Но потеряем до черта.

— Больше, чем на Станции?

Моратти понимал — верхолазы считают, проводят предварительный анализ, пытаясь понять, что им выгоднее.

Хитрые москвичи добились того, что в Станцию вложились все независимые корпорации. Все планировали урвать жирный кусок, а многие выдали «Науком» и дополнительные займы, исчислявшиеся миллиардами юаней. Теперь же властители

транснациональных монстров пытались сообразить, при каком развитии событий они потеряют больше.

— Это вопрос переговоров, — хмыкнул Хаммер. — Мы, конечно, в кризисе, но если поднатужимся, то сумеем обрушить тот клубок противоречий, который все называют мировой экономикой. Правительства не могут это не понимать.

— Хочешь сказать, что у нас есть козыри?

— Лечь под государства мы всегда успеем. Вопрос в другом: если их пугает Мертвый в роли царя горы, необходимо развеять эти сомнения.

— Провести экскурсию по Станции?

— И детально объяснить ее устройство.

— Ты веришь Мертвому?

— Я вынужден верить, поскольку серьезно вложился в строительство.

— С чем тебя и поздравляю.

— Ты, насколько я помню, тоже не остался в стороне.

— Парни, парни, вы спорите не о том. Нам нужна концепция.

— И встреча с политиканами. Нужно выбрать переговорщиков и вправить этим придуркам мозги.

— Будем защищать Мертвого?

— Свои инвестиции.

— И свое будущее.

— Что ты имеешь в виду?

— Если мы прогнемся сейчас… Подчеркиваю, — Хаммер поднял вверх указательный палец, — если мы прогнемся именно сейчас, под давлением силы, это станет концом Анклавов. Через полгода в совет директоров каждой корпорации войдут представители государственных фондов.

«Он встречался с Мертвым? — подумал Ник. — Или же всё настолько очевидно?»

— Это еще почему? — осведомился Пилле.

— Потому что глупо не взять то, что можно взять, — объяснил американец. — И не надувай губы, старина, ты на их месте поступил бы точно так же. — Он с улыбкой оглядел коллег-верхолазов. — Каждый из нас поступил бы так, парни. И мы всегда так поступаем: давим, а если поддается, забираем. Кто-нибудь хочет поспорить?

Желающих не нашлось.

— Или мы держимся, или нас съедают. Сейчас нелегкие времена, парни, но это не повод сдаваться. Совсем наоборот: это повод драться.

— Если они разбомбят Станцию, у нас не будет ничего.

— Мы должны донести до них мысль, что у всех ничего не

будет. Что мы пойдем до конца.

— На что ты надеешься? — поинтересовался Кой-ман.

— На космос, — коротко и веско ответил Хаммер. — Кауфман сукин сын и подонок, но у него есть козырной туз — энергия, которая откроет нам путь наверх. Мы грызем друг друга за остатки ресурсов, а там, за пределами шарика, скрыты такие сокровища, что мы не в состоянии даже осознать их капитализацию. Там наше будущее, парни. Там наша прибыль. Там наша власть. И государства, поверьте мне на слово, это прекрасно понимают. Они не боятся глобальной пушки, они не хотят отдавать нам космос. Потому что, как только мы туда выйдем, эра государств закончится.

— Останутся только Анклавы?

— Корпорации, мои дорогие друзья и конкуренты, — уверенно заявил американец. — Останемся только мы с вами.

Моратти улыбнулся, но в его душе пылал яростный вулкан. Президент СБА рассчитывал, что напуганные верхолазы помогут ему надавить на Кауфмана, прислушаются к его доводам, которые… которые он даже не успел изложить. Проклятый Хаммер, который не раз и не два доказывал, что ненавидит русских, спутал все карты. Взял и поддержал Кауфмана.

— Так что же нам делать? — негромко спросил Ван Перси.

Остальные верхолазы молча смотрели на американца. Они догадывались, что услышат в ответ, но хотели услышать. Слово должно быть произнесено.

— Драться, парни, драться.

— А если проиграем?

— Как я уже говорил, лечь под государства мы всегда успеем, — хладнокровно ответил Хаммер. — Койка для нас готова, как только согласимся, мигом в нее уложат. — Он с усмешкой посмотрел на Моратти: — Распорядись насчет следующей перемены блюд, Ник. Нам нужно обсудить решение, которое мы только что приняли.

* * *

Территория: нейтральные воды. Баренцево море. Авианосец «Зенг Хе».

Нет ничего лучше утренней прогулки на свежем воздухе

— Море спокойное, товарищ адмирал, — доложил капитан Ли. — Под утро волнение достигало четырех баллов, но сейчас не превышает двух.

Фраза прозвучала хоть и вежливо, но не по форме, однако замечание капитану «Зенга Хе» Бодуань делать не стал. Ли был сыном его старого друга, вырос на глазах адмирала, а потому имел право на некоторые вольности. В разумных пределах,

разумеется. Не будь капитан блестящим офицером, адмирал ни за что не добился бы его назначения на флагманский корабль своей эскадры.

— Как соседи?

— Стоят, как договорились.

— Посмотрим.

На огромном тактическом мониторе отображалось положение всех эскадр в режиме реального времени. В случае необходимости Бодуань мог переключиться на обзорный режим и получить картинку либо с дирижабля, либо со спутника, посмотреть на каждый корабль сверху с превосходным разрешением, позволяющим даже понять, насколько хорошо вымыты палубы, но… Но вместо этого адмирал поднял воротник тужурки, поправил фуражку, взял бинокль и вышел на открытую, продуваемую злым северным ветром часть мостика.

«Ты должен все видеть своими глазами», — наставлял когда-то Бодуаня старый капитан Ван, и адмирал чтил слова учителя.

Электронная карта — это хорошо, спутниковая разведка — замечательно, тактические компьютеры, обрабатывающие колоссальные потоки информации, — великолепно, однако настоящий командир не имеет права полагаться лишь на безликие доклады. Настоящий командир обязан впитывать диспозицию в себя, чуять ее кожей, отчетливо понимать, куда, в случае необходимости, будут стрелять его люди.

— Дистанция соблюдается точно, — произнес последовавший за Бодуанем Ли.

Впрочем, мог бы и не уточнять.

Командующие собравшихся в Баренцевом море эскадр сразу договорились насчет дислокации, определились с границами зон и строго их соблюдали. А также в обязательном порядке предупреждали друг друга о прибытии вспомогательных судов. Когда на пятачке радиусом в двенадцать миль дрейфуют несколько десятков кораблей, напичканных оружием, как хлопушка конфетти, вежливость становится ключевым условием сосуществования.

— Европейцы до сих пор не увели последнюю подлодку, — доложил капитан. — Хотя еще вчера сообщили, что снимают ее с дежурства.

— Не увели и не увели, — пожал плечами адмирал, поднося к глазам бинокль. — В конце концов, это их дело.

Европейцы, то есть Вторая эскадра Северного флота под командованием вице-адмирала Мохаммеда Назири, дрейфовали к востоку от эскадры Бодуаня. Два авианосца, два вертолетоносца, четыре атомных ракетных крейсера, куча кораблей

сопровождения и даже ледокол, неизвестно зачем взятый арабами в поход, — самый многочисленный отряд из пришедших в Баренцево море. Близость континента позволяла европейцам вести себя как дома.

За ними, еще дальше на восток, стояли индусы под командованием контр-адмирала Сикха. Стояли далеко, и Бодуань смог различить лишь контур их флагмана.

— Тридцать минут назад звено истребителей с «Ганди» начало плановый вылет, — сообщил капитан, который понял, на кого смотрит адмирал. — Мы держим их на радаре.

— Хорошо.

Бодуань обошел рубку и уставился на экспедиционный отряд Двенадцатого флота Конфедерации Католического Вуду. Авианосец «Гордость Калифорнии», четыре ракетных крейсера и атомный транспорт «Боливия». Вудуисты первыми начали строить огромные вспомогательные суда, что позволило им существенно экономить нефть. Командовал отрядом адмирал Андерсен.

— Кажется, никто не исчез, — пробормотал Бодуань.

— А было бы неплохо, — поддержал шутку капитан.

— Не забывай, что мы почти союзники.

— Как можно, товарищ адмирал? Офицеры рассмеялись.

Союзники! Ну да, сейчас — союзники. До тех пор, пока политики не урегулируют вопрос со Станцией. Однако через месяц или год они могут получить приказ атаковать того же самого Андерсена или Сикха, а потому и командующий эскадрой, и капитан его флагмана смотрели на соседей цепко, машинально задерживая взгляд на вооружении и уязвимых местах.

— Сегодня вечер «Клуба», — негромко произнес Бодуань. — Присоединишься ко мне?

— С удовольствием, товарищ адмирал! — обрадовался Ли.

— В таком случае будь готов к шести. — Адмирал помолчал, наблюдая за вынырнувшим из-за «Боливии» катером, и добавил: — Поспи после вахты.

— Слушаюсь!

Неформальный «Клуб адмиралов» возник через неделю после того, как отряды встали у русских берегов, и собирал только высших офицеров для приятного времяпрепровождения в баре или за карточным столом. Сегодня гостей принимал Сикх, который обещал потрясающий ужин в национальном стиле.

— А завтра выступаем в небольшой поход, — закончил Бодуань.

— Началось? — Капитан подобрался.

— Нет, — улыбнулся адмирал. — Проведем показательные маневры и отработаем взаимодействие с союзниками.

* * *

Анклав: Франкфурт. Территория: Zwielichtsviertel. Все любят добрых фей

«Мы не фотографируем, мы отражаем время».

Так говорил Зепп Калинин, первый и единственный учитель Кристиана. Старый, седой как лунь фотограф, разглядевший талант в бегающем по грязному двору мальчишке. Разглядевший, как вспыхивали глаза пацаненка при виде камеры и разнокалиберных объективов, как придирчиво отбирал маленький Крис кадры из «балалайки» — подсмотренные картинки повседневной жизни марсельских трущоб — и приносил их ему, некогда знаменитому мастеру, доживающему век в нищете и безвестности. «Посмотрите, дядя Зепп, я все правильно сделал?»

Конечно, правильно, Крис, ведь кто еще, кроме тебя, обратит внимание на эти сценки? Кто поймет, что в них скрыта сама жизнь?

«Мы — динозавры, Крис. Последние из тех, кому интересны детали, мелочи и… люди. Мы — совершенные зеркала, отражающие мир».

Именно так — совершенное зеркало.

Ты должен стать им, потому что иначе твое искусство никого не заинтересует. В век «балалаек» любое событие записывается тысячью глаз со всех ракурсов одновременно и оказывается в сети раньше, чем его участники понимают, что все закончилось. В век «балалаек» всех интересует действие, информация, ролик, который забывается через десять минут после просмотра. А потому один-единственный, зорко вырванный из мира кадр обязан быть гениальным, берущим за душу, нервным должен остаться в зрителе, притянуть его взгляд и душу.

«Чувства, Крис, эмоции и чувства — это настоящее. Мимолетное, но настоящее, все остальное — формулы».

И Кристиан старался.

Работал как вол, оттачивая, доводя до автоматизма врожденное чутье на кадр, на длящуюся несколько мгновений сценку, на молниеносный всплеск эмоций. Никогда не опускался до постановки. Безжалостно браковал кадры, за которые иные

фотографы продали бы душу. Хотел стать совершенным зеркалом.

И стал.

В двадцать пять лет у Кристиана состоялась первая персональная выставка в небольшой галерее, хозяин которой был очарован увиденными работами. Грандиозный успех сделал Кристиана знаменитым, открыл двери на лучшие площадки мира и… едва не убил.

Успех или «синдин»? Или они шли рука об руку?

Нет, «синдин» появился позже, на волне успеха, когда показалось, что знаменитый наркотик поможет чувствовать еще тоньше, увидеть то, чего не разглядеть без него. Не помог. Зато едва не убил.

Кристиан преодолел прошлое, однако подняться на вершину во второй раз оказалось гораздо сложнее, чем в первый. Ведь теперь у него была репутация наркомана, то есть, как ни смешно это звучит в пропитанном «син-дином» мире, плохая репутация. От него отвернулись все, кроме Жозе. Его отшвырнули на обочину, заставили ютиться в малюсенькой двухкомнатной квартирке глухого района Франкфурта, перебиваться случайными заработками и надеяться на чудо. Только на него.

— Блестящий снимок! — восхитился Жозе, глядя на поверженную тигрицу. — Черт! Как ты ее поймал?

— Увидел, — пожал плечами Кристиан, стараясь не смотреть на монитор коммуникатора, на который друг вывел застывшую под дождем тень хищницы.

— Поэтому ты, мать твою, и гений. — Жозе покачал головой. — Махмуд Кеннеди обалдеет от этого кадра.

Хотел добавить еще что-то, однако его сбил затянувший призыв муэдзин — настало время расстелить коврик.

В самом Zwielichtsviertel мечетей не было, в этом районе вообще не строили храмов, дабы не создавать на смешанной территории лишних проблем. Однако дом друзей располагался на границе с Золотым Оазисом — самой большой исламской территорией Франкфурта, и пять раз в день в распахнутые по случаю жары окна влетал призыв к молитве.

— Кстати, о наших друзьях мусульманах… — пробормотал Жозе, прищуриваясь на виднеющийся неподалеку минарет. — Мы здорово потратились на пирушку, а Ха-сим требует оплатить квартиру.

— Придумай что-нибудь, — предложил Кристиан.

— Я придумал тебе на виски.

— Хочешь сказать, что теперь моя очередь?

— Ага, — подтвердил Жозе, ловко прихлопывая выскочившего из-под плиты таракана.

Они сидели на кухне, обставленной старой, изрядно обшарпанной мебелью, помнившей всех предыдущих арендаторов. На грязной плите сковорода с остатками скудного завтрака, на маленьком столике две чашки ненастоящего кофе. Перспектив никаких, зато есть жаждущий денег Хасим.

Имеет смысл повесить на дверь табличку: «Срочно требуется чудо!»

— Продай какие-нибудь кадры, — предложил фотограф.

— Даже если я продам все, что ты наснимал за последние дни, нам хватит разве что на пару недель, — вздохнул Жозе. — Сейчас твои снимки стоят дешево.

Нужна выставка. А для выставки нужны качественные кадры. А для них нужно время. А время требует денег.

Свободные художники редко бывают уверены в завтрашнем дне, гораздо чаще они знают, что завтра по-прежнему будут на дне.

— Ты ведь не просто так завел разговор, — протянул Кристиан. — Чего ты хочешь? Снять какого-нибудь верхолаза?

— У тебя до сих пор полно фанатов, которые с удовольствием выложат кучу бабок за семейный альбом.

— Я не делаю постановочные фото. — Кристиан скривился. — В конце концов, я этого просто не умею.

— Но ведь они не знают! «Мы динозавры!»

Или ты в высшей лиге, или придворный фотограф, или никто. Искусство требует постоянной, ежедневной охоты на улицах, а фотосессия в особняке — минимум неделя. Но останется ли что-нибудь от Кристиана, если он начнет снимать напыщенных богачей? Возвращение в профессию далось ему тяжко, себя прошлого, себя, способного почуять кадр, как это случилось с тигрицей, Кристиан восстанавливал буквально по кусочкам, хорошо знакомым с детства каторжным трудом, и очень боялся растратить с таким трудом вернувшееся мастерство в особняках верхолазов. Он рвался не к деньгам, а на вершину.

— Пять дней работы, и мы обеспечены на пару месяцев.

Дать ответ Кристиан не успел.

— Боже, что за дыра!

Они не услышали, как открылась дверь: то ли разговором увлеклись, то ли гостья постаралась. В любом случае — проморгали. А потому одновременно подскочили и удивленно вытаращились на вошедшую женщину. Нереальную для их обители женщину.

— Привет, ребята!

Светлый локон кокетливо выбивается из-под хиджа-ба. Рукава белой блузки строго длинны, однако вырез велик, демонстрируя

сведенные полушария пышной груди. Черная юбка плотно облегает крутые бедра — фигура северной богини, от которой положено сходить с ума любому приличному шейху. Огромные голубые глаза, чуть вздернутый носик и пухлые губы заканчивали фантастический образ, доводя его до совершенства.

Когда волна удивления схлынула, Кристиан понял, что над лицом красавицы тщательно йоработали пластики, но разве это важно?

— Поговорим?

Жозе подскочил и суетливо подал даме стул.

— Прошу.

И даже рукой по сиденью провел… как слуга.

Женщина кивнула, уселась, с легкой улыбкой оглядела Жозе, после чего перевела взгляд на застывшего у окна фотографа:

— Вы ведь Кристиан Кук?

— Можно сказать и так, — кашлянув, подтвердил Кристиан и опустился на подоконник, с которого подскочил при появлении гостьи.

— А я его агент, Жозе Гомеш.

— Я знаю, кто вы, — мягко отрезала женщина, продолжая смотреть на фотографа. — Меня зовут Агата Ван Свит, я представляю человека, который…

— Который хочет заключить с нами контракт? — не выдержал Жозе.

Годы в нищете не прошли даром — Гомеш совершенно растерялся при появлении действительно стоящего клиента.

— Можно сказать и так, — подтвердила Агата, одарив фотографа лучезарной улыбкой. На агента она не смотрела.

То, что женщина использовала его оборот, заставило Кристиана взять слово:

— Я должен заполнить чей-то домашний альбом?

— Это будет дорого стоить… — затараторил Гомеш. — Видите ли, мадам, мы снимаем эту квартиру для того, чтобы быть ближе к событиям, чтобы окунуться в Анклав. А на самом деле у Криса необычайно много заказов.

— На самом деле мне известно о ваших обстоятельствах всё. — Агата добавила в голос чуть-ч} ь льда. -

Я знаю, сколько вы заработали за последние три месяца, с точностью до динара. Я могу сказать, кому вы продавали работы господина Кука, а кто отказался их покупать. Я могу назвать имя верхолаза, к которому вы ходили вчера с предложением сделать семейную фотосессию.

Гомеш густо покраснел и исподлобья посмотрел на друга.

— Я не мог не попытаться.

— Все в порядке, Жозе, — ободряюще улыбнулся фотограф. — Все в порядке. — И уже совсем другим, жестким и деловым тоном поинтересовался у женщины: — Лично мне плевать на вашу осведомленность, Агата. Что я должен сделать?

— Отобразить мир.

Кристиан вздрогнул. Он ожидал любого ответа, кроме этого.

— Объясните.

Жозе взлохматил волосы и присел на краешек второго стула, находившегося за спиной женщины.

— С удовольствием. — Агата положила руку на стол. Украшающие ее браслет сапфиры дружно сверкнули. — Человек, на которого я работаю, с этого момента я стану называть его Заказчиком, большой ценитель искусства и вашего таланта, господин Кук.

— У него есть вкус, — пробормотал Жозе. Агата оставила замечание без ответа.

— Он распорядился отыскать вас и предложить работу, которая заключается в создании альбома, отображающего современный мир. Отображающего вашими глазами, господин Кук, если дословно, то: вашими глазами и вашим талантом. Так выразился Заказчик. Он хочет увидеть мир таким, каким его видите вы. Он хочет получить от вас тысячу фотографий.

— Это серьезная работа, — пробубнил Жозе.

— Вы не ограничены во времени.

— Мир — это слишком, — бросил Кристиан, отворачиваясь к окну. Перед глазами привычно взметнулся минарет. — Я вижу только Франкфурт.

— Мы расширим ваш кругозор, — пообещала женщина. — В случае подписания контракта вы поступаете на полное обеспечение Заказчика: проживание в любом отеле, транспорт в любое место земного шара, которое покажется вам интересным, охрана…

— Охрана? — навострил уши Жозе.

— Нас будут сопровождать сотрудники «Швейцарской гвардии», — небрежно произнесла Агата. — Заказчик привык защищать свои вложения.

— Черт! — Гомеш вновь взлохматил волосы. «Швейцарская гвардия» являлась самой дорогой на

планете частной охранной организацией. Ее сотрудники — сплошь бывшие безы — сопровождали самых, так сказать, верхолазских верхолазов из всех верхолазов и гарантировали безопасность на уровне СБА. Контракт с «Швейцарской гвардией» говорил о гигантской платежеспособности таинственного Заказчика.

— Ваше предложение похоже на золотую мышеловку, — пискнул Жозе. — Зачем приставлять охрану к свободному художнику?

Он просто не знал, что сказать. А вот Кристиан — знал.

— Почему я? — спросил фотограф, продолжая смотреть в окно.

— Заказчик уверен, что вы лучше других справитесь с задачей.

— В чем подвох?

— Не подвох, а условия, — уточнила Агата.

— Называйте.

— Вы будете отдавать мне все без исключения работы, которые сделаете во время контракта. Заказчик будет просматривать их и отбирать те, которые ему понравятся. Отобранные файлы поступают в полную собственность Заказчика, вы о них забываете, остальные возвращаются вам. И так до тех пор, пока не наберется тысяча снимков. Гонорар — миллион юаней.

Жозе поперхнулся пивом, которое налил себе во время речи Агаты.

— Шутите? Да мы за эти деньги…

— Я прекрасно знаю, на что вы готовы ради таких денег, — ровно произнесла женщина. — Аванс — сто тысяч юаней. Я перечислю его сразу, как только вы согласитесь.

— А если не соглашусь?

— В этом случае я уполномочена предложить вам два миллиона юаней, но с тем же авансом.

У Жозе отвалилась челюсть.

Кристиан медленно повернулся, внимательно посмотрел на Агату и негромко спросил:

— Заказчик знает, что я всего год, как соскочил с «синдина»?

Жозе застонал, однако его страх оказался напрасным.

— Кажется, я упоминала, что мне известно о ваших обстоятельствах всё, — улыбнулась Агата. — А Заказчик, судя по всему, знает о вас даже то, чего вы сами о себе не знаете.

— Последний врач, который меня лечил, забрал остатки моих сбережений, — медленно произнес Кристиан, припоминая недавнее прошлое. — Но их все равно не хватило бы на курс, который он проводил. Тогда я не задумался об этом, но ваше предложение… — Быстрый взгляд на женщину. — Заказчик оплатил мое выздоровление?

— Мне об этом ничего не известно.

Несколько секунд фотограф молчал, после чего кивнул.

— Пожалуй. — Вновь отвернулся. — Значит, мое прошлое его

не смущает?

— Заказчик сказал, что художник уже победил наркомана.

— Откуда он знает?

— Заказчик видел ваши последние фотографии.

— Приятно, что я хоть кому-то интересен.

— Заказчик сказал, что вы готовы создать лучшую работу в жизни.

— Которую увидит только он.

— Заказчик готов платить, — пожала плечами Агата. — Найдите, кто еще согласится.

— Два миллиона, — прошептал Жозе, опустошая вторую подряд банку пива. — Два миллиона…

Предложение неожиданное, необычное, дикое, привлекательное. Отобразить мир в тысяче кадров… Это вызов, пусть даже и рожденный скукой чокнутого верхолаза. Можно ли считать предложение формой работы придворным фотографом? Или это другое?

— Для альбома уже готово название, — очень мягко произнесла женщина. — Вам оно понравится.

— Назовите, — угрюмо попросил Кристиан.

— «Хаосовершенство».

Необычно, дико и привлекательно. Фотограф прищурился:

— Что это значит?

— Это значит, что очень скоро недостатка не будет ни в том, ни в другом, — объяснила Агата. — И настоящий художник должен сильно постараться, чтобы обратить все это в образы времени. — Женщина помолчала. — Вам доверено написать последнюю главу мира, господин Кук.

— Бывшему наркоману?

— Каждый мир получает того художника, которого заслуживает.

* * *

Анклав: Эдинбург. Территория: Punkground. Ночной клуб «Клещи». Чем выше поднимается человек, тем шире его интересы

Состоявшаяся в «Эдельвейсе» встреча окончательно убедила Моратти в том, что столкновение неизбежно. Мертвый, получивший неожиданную, но оттого еще более весомую поддержку недолюбливающих его верхолазов, пойдет до конца. Правительства не уступят — у них попросту нет иного выбора. Вероятность того, что все закончится уничтожением Станции, повышается процентов до девяноста, а значит, необходимо предпринять все возможные шаги для получения информации о новой энергии, ибо тот, кто ею завладеет, сможет требовать любую награду.

А для того, чтобы нынешние правители мира были более покладистыми, необходимо «взбодрить» человека, доставляющего им самые серьезные проблемы.

Моратти вытащил из ящика стола незарегистрированный коммуникатор и по памяти набрал номер. Ответ на вызов пришел практически сразу:

— Добрый день.

— Вы доставляете все больше и больше хлопот, дружище, — с мягким нажимом произнес Ник.

— Разве не это было нашей целью? — «удивился» Сорок Два.

Видеорежим собеседники не включали, поэтому пророк постарался передать эмоцию голосом.

— Нашей целью был и остается «синдин».

— Мы его получим.

— Когда?

Сорок Два нахмурился — ему категорически не нравился тон, который Моратти начал использовать примерно неделю назад. Тон недовольного начальника.

Тем не менее пророк сдержал рвущийся ответ, ограничившись нейтральным:

— Я уверен, что смогу додавить храмовников.

— Мелкими укусами? Сорок Два скрипнул зубами.

Некоторое время назад в его распоряжении оказалось пять

«Тек-9», пять мини-фабрик по производству «поплавков» — самых мощных процессоров современности, одного из базовых элементов троицы. «Теки» открывали перед движением широчайшие перспективы, однако усилия, которые потребовалось приложить для

получения фабрик, разозлили всех верхолазов планеты. «День Сорок Два», когда тритоны, добывая необходимые средства, остановили мировую экономику, привел их в ярость. От Моратти потребовали вывернуться наизнанку, но наглеца ликвидировать, и Сорок Два понимал, что Ник справится. Можно бегать от СБА и китайцев, от ФБР и Европола, но нельзя бегать от всех сразу, особенно когда они, объединившись, получили карт-бланш на самые жесткие меры. Пять «Тек-9» могли поднять волну мирового уровня, но для того, чтобы ее вызвать, требовалось время, и Сорок Два предложил Моратти сделку: он атакует Мутабор, пытаясь выдавить из храмовников секрет «синдина», а Ник не торопится разворачивать настоящую охоту.

Моратти, в свою очередь, рассматривал Сорок Два в качестве прекрасного инструмента для решения грязной тактической задачи по удержанию в узде верхолазов. А поскольку Ник понятия не имел о наличии у Сорок Два «Теков», зато был заинтересован в получении секрета «синдина», они договорились.

Однако пока что сей странный союз не приносил вожделенных плодов. Мутабор реагировал на атаки совсем не так, как ожидалось, точнее, вообще г икак не реагировал. Прокатившиеся по всему миру убийства не вызвали ответной волны насилия. Мутабор поддавался и отступал. Отступал и поддавался. Не предлагал переговоры пророку и не обращался к СБА.

Вел себя непонятно.

— Ты должен ударить сильнее, — твердо произнес Моратти. — Ты должен нанести удар по зонам храмовников.

Штурмовать хорошо защищенные территории Мутабор, охрану которых несли знаменитые, наводящие ужас на врагов Милостивого Владыки прятки, — совсем не то же, что устраивать одиночные убийства и погромы разбросанных по городам и Анклавам медицинских офисов. Штурмы будут кровавыми, будут сопровождаться массовыми беспорядками, однако Моратти предложил, а Сорок Два согласился:

— Договорились. — «Синдин» — это ключ к будущему, ключ к могуществу, ради него можно пойти на что угодно. — Я знал, что до этого дойдет, и готовил планы. Недели через две-три мы ударим так, что Мутабор задрожит.

— Ты знал, что до этого дойдет? — с легким изумлением

спросил Ник. — Не верил в здравомыслие Милостивого Владыки?

— Я ведь пророк, — усмехнулся Сорок Два.

— Ах да… — Моратти покачал головой, после чего осведомился: — А мою просьбу не забыл?

Сорок Два не совладал с собой — скривился. И возникшая пауза стала очевидным ответом на вопрос.

— Судя по молчанию, ты ее не выполнил.

— Я не смог найти никого из великих, — нехотя признал Сорок Два. — Те из них, которые теоретически должны быть живы, чертовски хорошо спрятались.

— И не вышли из подполья, услышав обращенный к ним голос цифрового пророка? — издевательски осведомился Ник. — Не хотят строить Эпоху Цифры?

— Они признали мое превосходство, — самодовольно заявил Сорок Два. — Не хотят высовываться, потому что рядом с моими достижениями их подвиги выглядят жалко.

— Ну да, — не стал спорить Моратти. — Но просьба остается в силе: мне срочно нужен кто-нибудь из них.

— Почему обязательно великий? — Пророк, который знал, для чего президенту СБА понадобился специалист такого уровня, спрашивал об этом уже не в первый раз. — Станцию извне не сломать, а изнутри справится любой толковый ломщик.

— Я не собираюсь доверять серьезное дело обколотому тритону.

— Спасибо.

— Не за что. — Моратти отвешивал обидные щелчки мимоходом, плевать он хотел на чувства сетевого террориста. — Зная этого параноика Мертвого, я не сомневаюсь, что даже изнутри Станция защищена наилучшим образом, а потому необходим ломщик высочайшего класса, настоящий талант, способный вырасти только на свободе. Учитывая, что времени остается все меньше, я готов снизить притязания: дай мне алмаз, дай мне парня, который стал бы великим, родись он раньше.

Сорок Два прекрасно понимал, что «алмаз» не проживет долго: его убьют сразу после взлома, Моратти нужны секреты, но не свидетели. Сорок Два понимал, но отказывать президенту СБА не стал:

— Я пришлю парня.

— Не забудь. Моратти отключился.

«Просьба, да? — От бешенства у пророка свело пальцы. — Алмаз тебе нужен? Настоящий талант?»

И ведь кого угодно не подсунешь, Ник не дурак, он тщательно проверит квалификацию присланного «таланта», а значит, придется жертвовать кем-то из действительно толковых

ребят.

Ярость схлынула, и Сорок Два погрузился в размышления.

«Моратти отыскал путь на Станцию и хочет украсть секреты Мертвого, получить информацию о новой энергии…»

За такой подвиг президенту СБА простят что угодно. А если диверсанты Ника сумеют не только получить сведения о новой энергии, но и отсрочат запуск Станции хотя бы на несколько месяцев, дав конкурентам время догнать Мертвого, Моратти и вовсе памятник поставят. Из чистого, мать его, золота.

Сам Сорок Два на Станцию не охотился, поскольку ее появление играло движению на руку: новому человеку нужны новые горизонты, которые открывает новая энергия. Всё, нейрошланг вам в задницу, новое, настолько новое, что даже краска не облупилась.

В стратегическом плане Станция открывала перед нейкистами грандиозные перспективы, однако поразмыслив, Сорок Два решил, что глупо оставаться в стороне и не попытаться сыграть в игру, которую затеяли вокруг строительства сильные мира сего.

«Тебе нужен гений, Ник? Ты его получишь. Но потом не обижайся…»

Цифра — это свобода! Эпоха Цифры — это эпоха свободы! Золотой Век, к которому стремился измученный мир. Эра братства и любви, эра добра. Нет границ. Нет преград. Нет ограничений и нет секретов. Никто не сможет скрыть информацию, потому что каждый способен узнать все, что захочет. Цифра — это свобода!

На этот раз они выбрали дом в трущобах, на самой окраине Анклава Эдинбург, в районе потерянных и потерявших все людей, дети которых копошились на городских помойках, а жены торговали собой в соседних кварталах чуть более удачливых ребят. Они остановились рядом с теми, кто был готов принять любую идею, лишь бы изменить хоть что-нибудь в своей поганой жизни, рядом с теми, кто охотно выйдет на улицу и не побоится кинуть в витрину камень, рядом с отбросами, составляющими «золотую гвардию» любой революции.

— Пожалуйста, не шевелитесь! — Пума замерла, дожидаясь, когда луч сканера познакомится с сетчаткой ее глаза, а услышав: «Все в порядке», потянула на себя открывшуюся дверь.

Со стороны улицы «Клещи» являлись круглосуточной пивной с борделем на втором этаже. Продажа любых наркотиков, кроме «синдина», идет почти официально. Цены «божеские», как раз для местных. «Свои» входят со двора — случайным людям ни к чему видеть, что в грязной трущобе появилась титапластовая дверь с

электронным замком, сразу за которой сидят молчаливые парни с «дрелями» в руках.

— Привет, Ева!

— Привет!

— Слышали о Франкфурте, ты молодец.

— Спасибо.

Второй охранник молчит, внимательно слушая льющееся в «балалайку» Слово Сорок Два. Один из многих миллионов, впитывающих сейчас откровения цифрового пророка.

Нет ничего невозможного! Есть лишь недостаток воли, есть страх, что окутывает ваши души, не позволяя подняться на следующую ступень, не позволяя изменить мир, не позволяя изменить себя. Есть страх, которым отравляют вас власти и верхолазы. Страх перемен, страх сделать шаг. Думаете, вы первые, кто его испытывает? Нет. Тысячи лет назад наши предки тряслись от страха в пещерах, но решились сделать шаг. Они вышли и основали новый мир. Сотни лет назад наши предки плыли за огромные, казавшиеся безбрежными моря, через бури и ураганы. Они не испугались сделать шаг, покорили океан и заселили благодатные земли. Теперь настало наше время. Или мы идем вперед, или становимся животными.

После истории с похищением пророка было принято решение отказаться от постоянной, пусть даже и глубоко законспирированной базы. Безопасность могло обеспечить только непрерывное движение, бесконечная смена дислокации, поэтому тридцать наиболее проверенных и преданных пророку помощников, составляющих, если можно так выразиться, мобильный офис Сорок Два, колесили по свету, как перчатки меняя Анклавы, города, страны и континенты. Кочующая цифровая орда, замирающая на несколько дней и вновь устремляющаяся вперед. Задачей офиса было руководство движением, проводить операции в местах базирования Сорок Два запретил, чтобы не оставлять следов, но иногда разрешал помощникам порезвиться, и тогда следовал очень мощный удар. Например, неделю назад ломщики орды на шесть часов положили сеть Анклава Кейптаун. Просто так. Потому что могли это сделать.

Эпоха Цифры, вашу мать, эпоха свободы.

Движение мобильному офису пророка обеспечивали десятки людей: подыскивали подходящие помещения, снимали или покупали их, готовили транспорт и легенду. В каждый момент времени у Сорок Два был выбор из пяти-семи точек, в которые он мог переместить орду. Немыслимый, если вдуматься, расход средств, но… но теперь проблемы с деньгами закончились.

Контроль над dd открыл Сорок Два доступ к настолько большим финансам, что любое безумство казалось невинной забавой. Движение обрело могущество, и сейчас они делали вещи, о которых полгода назад и не мечтали. Сейчас они действительно строили Эпоху Цифры. «Синдиновый» рай.

Ева с трудом подавила желание выругаться. Сдержалась, потому что… потому что еще не знала, чего хочет. Не сумела понять за то время, которое прошло после встречи с проклятым Скоттом.

«Синдин» убивает, но ведь Красная умерла не от него, а за идею. Умерла, потому что верила в Сорок Два. И Крюгер умер. И те машинисты, которых истребили прежние лидеры dd, и еще сотни людей. И ведь она сама верила. И продолжает верить в Эпоху Цифры, в эпоху всеобщей свободы, равенства и братства. В новый мир. В Золотой Век.

Продолжает?

Да.

Или же просто не готова отказаться от идеи, которая вела ее несколько последних лет?

Власти лгут! Верхолазы лгут! Они скрывают правду, скрывают информацию, потому что ложь позволяет управлять. Если ты не знаешь, ты не возмущаешься. Если о тебе знают всё, ты под контролем. Это игра в одни ворота, подавление воли, рабство. Мы не хотим быть рабами, мы говорим — нет! Власти придумали «балалайки», надеясь превратить людей в стадо послушных животных, но мы оказались сильнее. Мы превратили ошейники в символ свободы, перековали кандалы на мечи и ударили ими надсмотрщиков. Ты хочешь быть свободным? Будь им! Ты хочешь знать всё? Знай! Прими троицу, потому что троица — это свобода!

Многое, очень многое изменилось за последние недели.

Тексты для Слова Сорок Два теперь сочиняла парочка эрудированных ребят — движение ширится, и речам следует звучать профессионально. Слово должно четко ложиться в головы последователей и привлекать новых адептов. Никаких импровизаций, никаких накладок и никаких прямых обращений — только запись. Поэтому, когда Пума вошла в комнату для совещаний, Сорок Два уже сидел за столом в компании Саймона Хоста. А Слово продолжало течь в «балалайки» адептов.

Свобода — это быть собой и жить в мире, который тебя любит. Жить в мире, который тебя понимает. Жить в мире и быть его частью, наслаждаться им, а не получать подачки от верхолазов и властей. Троица сделает тебя великим. Троица сделает тебя человеком…

Первым среагировал на появление девушки Саймон.

— Пума! — Вскочил со стула, подошел, взял за руку. — Рад тебя видеть.

Как всегда, элегантен: шелковая сорочка, отутюженные брюки, начищенные до блеска туфли. На его фоне Сорок Два, который год остающийся приверженцем футболок, штанов с накладными карманами и грубых армейских башмаков, выглядел заурядным обитателем трущоб. И новый облик Саймона нравился Еве больше прежнего: после визита к пластику у моложавого брюнета появилось узкое, «породистое» лицо с высокими скулами, немного вытянутым подбородком и тонким носом с маленькой горбинкой. Дополняла портрет идеально выверенная полоска черных усиков. Ну, и запах дорогого одеколона, конечно. Одним словом — аристократ.

Саймон был ветераном движения, примкнул к Сорок Два, когда тот только-только подбирался к открытию троицы. Все эти годы стоял рядом, зарекомендовав себя не только отличным машинистом, но и не менее хорошим менеджером.

— Привет.

Сорок Два тоже поднялся и молча, чуточку неловко, поцеловал девушку в щеку.

— Как тебе Слово?

— Сильно, — честно ответила Ева.

Ей действительно нравились новые речи — ударные и яркие. Профессиональные.

«Но насколько они искренние?»

— Мы как раз говорили с Саймоном о том, что сегодня практически не упоминался Мутабор — один из главных врагов Эпохи Цифры. — Сорок Два отпустил девушку и прошелся вдоль стола. Обстановка в совещательной комнате была спартанской: длинный стол, восемь стульев и коммуникатор на стене. Стены чистые, светлые, покрасили перед прибытием орды, однако без окон веселенький беж немного терялся, выглядел тускло. Без окон любая комната кажется бункером или камерой. — Люди должны привыкнуть к мысли, что Мутабор будет разрушен. — Пророку очень нравилось переиначенное высказывание древнего римлянина, он даже повторил: — Мутабор должен быть разрушен!

И взмахнул кулаком.

— Стратегически неверно замыкаться исключительно на храмовниках, — подал голос Саймон. — В Слове ты развиваешь идеи движения, указываешь путь, даешь людям направление. Наша цель — Эпоха Цифры, а не развал храма.

— И развал храма тоже, — не согласился Сорок Два. — Мы не

прекратим давления до тех пор, пока они не одумаются. — Он перевел взгляд на Еву: — Как считаешь? Кстати, ты отлично поработала во Франкфурте.

— Спасибо.

— Прямые трансляции шли по всем основным каналам.

Он искренне считал, что это очень важно. Зато не знал имени убитого доктора. Доктора Заура. Доктора Скотта…

— Всего лишь оплеуха, — махнул рукой Саймон. -

Ничего личного, Пума, ты поработала на славу, но подобными акциями храмовников не свалить.

— Вот именно — не свалить! — перебил Хоста разгорячившийся пророк. — Против Мутабор должны выступить все, от мала до велика! Все должны понять, что Эпоха Цифры и Мутабор несовместимы. А поскольку человек Эпохи Цифры есть человек будущего, следующая ступень развития, личность, приблизившаяся к богу, то храмовники — не просто отрицающие этот факт фанатики, они — не люди. Вот что мы должны донести до мира: храмовники — не люди! — Сорок Два победоносно посмотрел на помощников. — Именно поэтому меня не устроило сегодняшнее Слово: мы не плюнули в Мутабор.

Несколько дней назад пророк тоже выражал неудовольствие содержанием Слова, тоже ругался. Тогда Пума решила, что он просто выпускает пар, а сейчас вдруг подумала: сам ли Сорок Два начитывает свои речи? Или его голос моделируют, чтобы не отвлекать руководителя движения от важных дел? А он иногда даже забывает просмотреть заготовленный текст…

Все меняется.

— Ну, хорошо, допустим, мы вдолбим нашим людям понимание того, что храмовники не имеют права на существование, — согласился Саймон. — Но что дальше? В любом случае тактика не приносит плодов — Мутабор получил кучу оплеух, но ведет себя так, словно ничего не происходит.

— А меня беспокоит, что СБА не чешется, — негромко произнесла Пума. — Фактически мы убиваем работников корпорации, а безы даже с заявлением на эту тему не выступили. Все нападения рассматриваются как стихийные выступления хулиганствующих толп.

Сорок Два неопределенно пожал плечами.

— Полагаю, СБА, так же как мы, считает, что Мутабор производит «синдин», — протянул Саймон. — Этим и объясняется бездействие: Моратти ждет, что храмовники прибегут к нему за защитой.

— И он выдавит из них секрет «синдина»?

— Ага.

— То есть мы действуем на руку безам?

— Мы ждем, с кем решит договориться Милостивый Владыка.

— Но если храмовники отдадут секрет «синдина» СБА, то…

— Кому угодно! — неожиданно выдал Сорок Два.

— Что? — Ева ошарашенно уставилась на него. — Кому угодно?

— Кому угодно! — повторил пророк. — Главное, чтобы секрет производства «синдина» покинул Храм, а кому они его откроют — не важно: нам, СБА, «Фарма-1» — плевать! То, что знают двое, знает и свинья. Мы не можем подкупить храмовников или забраться в их компьютерную сеть, но как только секрет выйдет за стены Мутабор, мы его узнаем. И тогда никто и ничто не сможет нас остановить.

Ева вздрогнула. «Синдин» убивает…»

— Логично, — признал Саймон.

Сорок Два с некоторым удивлением посмотрел на промолчавшую Пуму, после чего развил мысль:

— Мы должны усилить давление, должны нанести по-настоящему серьезный удар, такой удар, чтобы Мутабор покачнулся. Нет! Не покачнулся, а встал на колени! Мутабор должен быть разрушен! Я так хочу!

И Ева неожиданно для себя подумала, что всемогущество крепко дает по мозгам. Сорок Два полугодовой давности не сделал бы такого заявления. Не вел бы себя как взбесившийся фюрер, не призывал бы к тотальному уничтожению инакомыслящих. Но тот Сорок Два, у которого была лишь кучка последователей, горящие глаза и неясное будущее, остался в прошлом. Он вырос в другого Сорок Два, в сильного и уверенного пророка, контролирующего межконтинентальную сеть наемников, огромные финансовые потоки и имеющего в своем распоряжении пять «Тек-9», благодаря которым армия тритонов растет не по дням, а по часам. Сорок Два никогда не говорил, откуда появились «Теки», ограничившись коротким: «Заключил сделку с Дьяволом и оплатил ее пятью миллиардами». Но только ли деньги пошли в оплату? В старых сказках Дьявол охотился за душами людей.

— Гм… звучит весомо, — произнес Саймон. Судя по всему, он просто устал спорить.

— А ты что скажешь? — Сорок Два тяжело посмотрел на Пуму.

«Ты знал о том, что «синдин» убивает?!» Нет, с губ Евы сорвались другие слова:

— Я тоже обратила внимание на странную реакцию Мутабор, но я не сказала бы, что они никак не реагируют. Да, храмовники

почти не отвечают ударом на удар, не клянут Сорок Два на каждом углу и не требуют от СБА защиты. Они уходят.

— Значит, тактика приносит определенные плоды?

— Сейчас я говорю о другом. — Пума помолчала. — Мне кажется, Мутабор замышляет серьезный ответ, такой, чтобы это мы покачнулись. Или оказались на коленях. Мне кажется, Мутабор сознательно приучает нас к безнаказанности, надеясь, что мы окончательно потеряем голову и раскроемся. И тогда они врежут.

— Любопытное замечание, — хмыкнул Саймон. — Ты молодец, Ева.

А вот Сорок Два интересовало другое:

— Хочешь сказать, что я потерял голову?

— Хочу сказать, что нужно быть осторожнее.

— Мы не можем ждать. — Вопрос, судя по всему, был решен еще до совещания. — С сегодняшнего дня ты занимаешься только планами грандиозной атаки на Храм. По всему миру! Как в тот день, когда мы остановили экономику планеты. Мы разнесем Мутабор на куски и получим свой «синдин»! Ева! Только ты способна сделать это. Только ты!

Несколько долгих секунд Пума смотрела Сорок Два в глаза, после чего кивнула и тихо пообещала:

— Я сделаю. — И поднялась на ноги. — Извини, я немного устала во Франкфурте.

«Синдин» убивает. Ты знал об этом?»

— Отдыхай. — Сорок Два проводил девушку взглядом, дождался, когда дверь захлопнется, и после этого повернулся к Хосту: — Тебе она тоже показалась странной?

— Ева до сих пор переживает смерть Красной, — негромко заметил Саймон. — Они были близки.

— Я знаю, — ровно ответил пророк.

— А еще на Пуму сильно подействовала смерть Кена, — продолжил Хост. — Она два дня ходила сама не своя.

— Кен? — Сорок Два не сразу понял, о ком говорит помощник. — Кен… Ах да, высокий парень из машинистов. Кен умер?

Всё меняется.

Когда-то пророк знал каждого своего последователя, знал, чем тот дышит, о чем беспокоится, чему радуется. Теперь же не заметил исчезновения парня, входившего в ближайшее окружение.

— Кажется, он был молод?

— Врачи сказали, что у Кена скоротечно развился рак.

— А почему Пума расстроилась?

На этот вопрос Хост ответить не смог. Пожал плечами, встал со стула и направился в угол, где поблескивала металлизированным пластиком пузатая кофеварка. Не хотел, чтобы пророк увидел появившееся на лице выражение.

Мертвый Кен, мертвая Красная, странная Пума… Сорок Два с некоторым удивлением покосился на разбирающегося с кофеваркой помощника. Неужели они не способны думать о более важных вещах? Ведь каждый день приносит множество новых проблем, и глупо тратить время на воспоминания о тех, кто не в силах помочь справиться с ними.

«Они не вынесли испытания настоящим делом. Они мыслят подвалами и подпольем, а мы вышли на принципиально другой уровень».

Нужна новая команда, но где ее взять? Новую команду следует растить, пока же придется обходиться тем, что есть.

— Саймон, — негромко позвал Сорок Два.

— Я слушаю, — не оборачиваясь, отозвался Хост. — Мне нужна Станция.

— Нереально.

Хост отозвался так непринужденно, словно давно ожидал предложения взломать самый защищенный в мире объект. Ничуть не удивился.

— Я знаю, что нереально, но она мне нужна, — продолжил пророк. — Информация о новой энергии станет дополнительным козырем и многократно усилит движение. К тому же если кто и способен взломать Станцию, то только мы.

Саймон вернулся за стол, хлебнул кофе и повторил:

— На самом деле нереально.

На всех форумах ломщиков висели бессрочные анонимные контракты на взлом Станции, и указанные в них цифры могли заставить забыть даже о том, что играть придется против самого Мертвого. Немыслимые деньги за достоверную информацию. Пусть даже не эксклюзивную. Сломайте и выкладывайте добытое в общий доступ — мы согласны. А за эксклюзив заплатим в два раза больше. Только сломайте, мать вашу, только сломайте!

Кто стоит за контрактами, понятно: корпорации, с которыми Мертвый не спешил делиться секретами, и государства, опасающиеся небывалого усиления Анклавов. Однако как взломать то, что не имеет выхода в общую сеть? Проставленные в контрактах суммы манили нереальным светом, но результата не было — за все эти годы никто не смог пролезть во внутреннюю сеть Станции.

— Помнишь, я говорил о Дьяволе, который продал мне «Теки»? — Сорок Два пристально посмотрел на

Хоста. — Теперь он предлагает помощь в проникновении на Станцию. Ему нужна информация, а значит, ему нужен великий ломщик.

— Я не великий, — вздрогнул Саймон.

— Ты мог бы им стать, если бы не появилась троица, — убежденно заявил пророк. — Ты необычайно талантлив. Ты…

— Подожди, подожди, давай перестанем меня нахваливать. — Хост покрутил головой. — Во-первых, что за Дьявол?

— Я ничего о нем не знаю, — мгновенно и очень искренне ответил пророк.

— Но доверяешь ему.

— Он добыл «Теки».

Сорок Два не собирался рассказывать, что речь идет о разных Дьяволах.

— Чем заставил тебя начать войну со всем миром, — заметил Саймон.

— Согласись: пока все идет неплохо, — хохотнул пророк. — Мы изрядно приблизили Эпоху Цифры, сделали за несколько недель больше, чем за десять предыдущих лет.

Оспаривать это утверждение не имело смысла.

— Гм… допустим.

— А сейчас ему нужна Станция. И нам она нужна.

— Ты уверен, что мы сможем ее поделить?

— Я уверен, что после взлома от тебя попытаются избавиться.

— Спасибо за искренность.

— Можно подумать, ты этого не понимал. — Сорок Два подвинул стул еще ближе, и теперь его горящие глаза и лицо Саймона разделяли каких-то сорок сантиметров. — Дьявол уверен, что редуты Мертвого способен пройти лишь гениальный ломщик, и я с ним согласен. Внутри Станции потребуется художник, а не просто мастер, и ты — тот человек, который нужен. Я считаю тебя подлинным художником сети.

— Спасибо за лестную характеристику, — хмыкнул Хост, — но ты, кажется, упоминал убийство?

— Ты обвел вокруг пальца Алоиза Хана, одного из псов Моратти, неужели не сможешь кинуть еще одного лоха?

Саймон задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.

— Автономная операция?

— Ты присоединишься к группе, которую собрал Дьявол.

— И он уверен, что сможет провести меня на Станцию?

— До сих пор Дьявол не обманывал.

— Ну… — Саймон вновь покрутил головой. — Интересное предложение.

— Ты согласен?

— Я должен подумать.

* * *

Территория: Россия. Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кайфоград. Если количество проблем растет, значит, это кому-то нужно

— Сегодня будет обычная акция, майор, — твердо произнес Бромберг, глядя Эмире в глаза. — Веселая, яркая, шумная, но обычная. Ничего запрещенного, опасного или агрессивного.

— Ваши акции всегда агрессивны, господин Бромберг, — холодно отозвалась Го.

Они разговаривали на главной площади «Остановим Ад!», в самом центре палаточного поселения «зеленых». С одной стороны — два бронированных внедорожника «ГАЗ Тайга» с пулеметными турелями на крышах, десяток затянутых в черную униформу ОКР спецназовцев и Эмира в полевой форме без знаков различия. С другой — улыбающийся Бромберг в тонком розовом комбинезоне и целый муравейник экологов, не обращающих на переговорщиков никакого внимания.

— Мне нужны гарантии, что сегодня вы обойдетесь без обычных провокаций.

— Какова болезнь, таковы и методы лечения, — ответил Бромберг.

Он вообще держался весьма уверенно, несмотря на то что Эмира Го являлась одним из заместителей военного коменданта Кайфограда полковника Приходько и теоретически могла вышвырнуть Бромберга с «особо охраняемой территории» в двадцать четыре часа.

— Станция — не болезнь.

— Согласен, майор, Станция гораздо хуже болезни. Она уничтожит мир.

— Отто, вы ведь знаете, что мне Уставом запрещено выслушивать пропаганду и уж тем более поддаваться ей, — улыбнулась Эмира. — Не тратьте время.

— А вдруг я смогу достучаться до вас?

— Устав сильнее.

— Но ведь вы человек!

Отто Бромберг был ветераном «зеленой» осады Станции, появился около нее одним из первых, являлся создателем

«Остановим Ад!» и его бессменным лидером. Тем не менее, даже возглавив самую известную «зеленую» организацию планеты, Бромберг не поменял приоритеты и по-прежнему проводил почти все свое время около Станции. Высокий, худой, похожий на суетливую цаплю, он буквально заражал своими идеями слабые души.

— Вам безразлична судьба Земли?

— Я не думаю, что Станция способна разрушить планету.

— А я — думаю. И у меня есть доказательства! Независимые эксперты уверены, что верхолазы врут! Они обманывают…

Традиционный утренний объезд Кайфограда Эмира всегда начинала с палаточного городка. Во-первых, привыкшая к порядку Го двигалась последовательно, от огромного и продолжающего разрастаться лагеря «зеленых», находящегося к северу от Кайфограда, до южных окраин. Во-вторых, в последнее время именно «зеленые» настораживали Эмиру больше других. Не беспокоили — сорвиголов в Кайфограде более чем достаточно, беспокойства хватало, — а именно настораживали. Эмира чувствовала, что «зеленые» замышляют нечто глобальное, и старалась почаще появляться в лагере.

— Но раз вам плевать на Землю, расскажу о другом: вчера мы установили еще тридцать транспарантов вдоль первой линии их обороны, — с гордостью сообщил Бромберг. — Через неделю надеюсь замкнуть периметр.

Строительство, на которое смотрит весь мир, окружат враждебные лозунги: «Остановитесь!», «Вы убиваете Землю!» и далее по списку.

А за спиной Отто «зеленые» наполняли газом разноцветные шары с такими же лозунгами. Когда ветер подует в нужную сторону, их выпустят на Станцию. К шарикам привязывали небольшую емкость с краской, и фасады всех высотных сооружений, включая Теплый Дом, ЛТП-1 и купол Главного Энергоблока, давно украсились игривыми пятнами. Словно их обгадили нажравшиеся химии чайки.

— Мне доложили, что вчера ваши люди вновь подрались с безами.

— Безы избили устанавливающих плакаты ребят, — немедленно ответил Отто. — Вы ведь знаете наши принципы, майор, — никакого насилия.

Что верно, то верно — никакого насилия.

Первые «зеленые» появились у Станции через неделю после того, как верхолазы объявили о ней миру. К тому времени строительство шло уже несколько месяцев, безы успели возвести первый периметр, поэтому внутрь экологи не попали. Впрочем,

тогда они особенно и не рвались. Блуждали вокруг, поражая редких аборигенов свободными нравами, и позировали перед репортерскими камерами, заявляя, что «намерены убедиться в безопасности Станции». К зиме исчезли, с октября по апрель северная Россия — не самое приятное для жизни место, весной вернулись с подкреплением. Разбили первый лагерь, тогда он находился гораздо ближе к центру

Кайфограда, установили огромный плакат: «Остановим Ад!» — и принялись доставать безов театральными выходками. Слоновски, надо отдать должное, к появлению радикалов отнесся спокойно. Стрелять запрещал, рекомендовал пользоваться дубинками и постепенно приучил «зеленых» к мысли, что количество выбитых зубов и сломанных конечностей обратно пропорционально расстоянию до периметра. Гораздо больше «зеленых» доставали собравшиеся в Кайфограде «крутые». Столкнувшись с необходимостью отстраивать городок и налаживать хоть какую-то инфраструктуру, «крутые» по привычке принялись искать, кого бы напрячь, быстро смекнули, что беззащитные «зеленые» идеально подходят на роль рабов, и начали силой сгонять экологов на строительные площадки. С этим беспределом ОКР справиться удалось, однако воровство «зеленых» женщин продолжалось весь сезон. К зиме количество похищений снизилось — большая часть экологов опять улетела в теплые страны, а весной, к удивлению Эмиры, сошло на нет. Следующей весной «зеленые» вернулись победителями: все без исключения «крутые» получили от своих боссов приказ не трогать «Остановим Ад!». Кто именно покровительствовал «зеленым», Эмире выяснить не удалось — не на том уровне она находилась, однако поняла, что распоряжение идет с самого верха.

С тех пор палаточный лагерь только и делал, что рос. Этой зимой в нем оставалось около трех тысяч человек, сейчас же количество «зеленых» перевалило за десять тысяч и продолжало расти. И все они искренне считали Станцию порождением дьявола.

Весомая, если вдуматься, сила.

— Вы закончили? — осведомился Бромберг. Эмира еще раз оглядела площадь, веселых экологов,

парочку снимающих их действия репортеров и кивнула:

— Никакого насилия?

— Никакого, — твердо пообещал Отто.

— В таком случае — до следующей встречи.

— Увидимся!

Кайфоград вырос, можно так сказать, из ничего: из пары домишек, что оказались за чертой полигона № 13, из

заброшенного и всеми позабытого поселка. Не мог не вырасти, потому что большое строительство во все времена означало большие деньги и большое количество оторванных от дома работяг, мечтающих оттянуться после трудовой смены.

И Кайфоград вырос.

Первые его контуры появились задолго до официального объявления о строительстве Станции — от людей ведь не укроешь столь масштабное предприятие. Едва «Науком» двинул на Кольский полуостров рабочих и тяжелую технику, как среди первых, еще временных поселений строителей принялись крутиться скользкие ребята с широкими улыбками и бездонными карманами, из которых извлекались бутылки со спиртным, пригоршни веселящих таблеток и одноразовые шприцы, наполненные отнюдь не физраствором. Девочки обслуживали жаждущих в автомобильных фургонах. Чистый капитализм: есть спрос — есть предложение.

Веселая юность Кайфограда продолжалась недолго — как только на Станцию прибыл Слоновски, пушеры и сутенеры мгновенно вылетели за периметр, — однако слух о богатом строительстве уже пошел, и к тринадцатому полигону потянулись заинтересованные лица: продавцы легкой жизни, проститутки, бандиты и разведчики. Начали подниматься дома, в которых размешались ночные клубы, стриптиз-бары, дискотеки, наркопритоны и казино. А еше штаб-квартиры спецслужб и даже небольшие научные центры, загадившие местность огромным количеством датчиков. Следующей весной в Кайфограде высадился мощный десант репортеров со всего света, и стало окончательно ясно, что снести присосавшуюся к строительству клоаку не получится — в существовании городка были заинтересованы все.

Кто-то делал в нем деньги, а кто-то пытался получить хоть какую-нибудь информацию о Станции. Любую информацию: обрывки фраз, слухи, сплетни, оговорки, что допускали упившиеся работяги, — каждое

слово анализировалось в разведывательных центрах мира, обдумывалось и систематизировалось. Все спецслужбы планеты пытались собрать свой пазл под названием «Станция», а потому Кайфоград процветал…

— Вот сюда, пожалуйста, товарищ майор. Пожалуйста, — суетился Залипухин. — Осторожненько, пожалуйста, товарищ майор, не наступите, извините, в дерьмо.

Эмира брезгливо перешагнула через жижу.

— Вы уж простите, товарищ майор, у нас тут удобств нет никаких, вот людишки и творят, чего пожелают.

— Далеко еще? — Голос из-под респиратора звучал приглушенно, однако начальственные нотки в нем читались весьма отчетливо. Эмира выражала неудовольствие тем, что бродяги не притащили находку к дороге, заставив ее, офицера ОКР, тащиться в глубь свалки.

— Пришли почти, товарищ майор, совсем два шажочка осталось, и… Вот тута мы его положили, смотрите, пожалуйста, товарищ майор.

Покинув экологов, кортеж отправился в «Вонючку» — поселение бродяг у котлована, выкопанного строителями Станции по просьбе муниципальных властей и уже почти полностью забитого мусором. Располагалась «Вонючка» между лагерем «зеленых» и официальной чертой города, местом считалась тихим — никого, в том числе и Эмиру, внутренние дела бродяг не волновали, а заехать пришлось, потому что предводитель бродяг, Алексей Федорович Залипухин по кличке Полфлакона, прислал Эмире неприятное известие.

Главный бродяга откинул прикрывающий тело брезент и подобострастно осведомился:

— Он?

Го бросила взгляд на лицо покойника и кивнула.

— Я сразу его узнал, товарищ майор, — засуетился Полфлакона. — Прямо сегодня утречком нашли, да… Вчерашние кучи разгребать начали, ну там, вдруг чего нужное выбросили или съедобное, вы ведь понимаете, товарищ майор, мы все тщательно разгребаем, и эту кучу тоже… Вдруг смотрим — нога торчит. В ботинке, как полагается. Потом всего откопали. Сначала не опознали, у моих-то с головой так себе, чего было, кого видели — не упомнят…

Самогон, который бродяги гнали из найденного в мусоре дерьма, сшибал с ног и крепко давал по мозгам. Настолько крепко, что, даже будучи трезвыми, они не всегда понимали, чего от них хотят. Впрочем, для тех работ, на которых их использовали, особого ума не требовалось.

— Ребята меня позвали, а я сразу смекнул, что это Мурат Шоколад, — продолжил Залипухин. — Хороший человек, мы в его клубе каждый месяц канализацию чистим.

А еще Мурат был одним из осведомителей Эмиры, и его смерть была вызовом — до сих пор никто из понаехавших в Кайфоград «крутых» не трогал официальных осведомителей ОКР.

— Нам плюнули в лицо, — негромко произнесла стоящая на шаг позади Эмиры Фатима Тураева.

— Согласна, — тихо ответила Го.

В Кайфограде ни у кого не было единственного хозяина, и

Шоколад, само собой, работал не только на Эмиру — если чего узнавал, то старался донести интересные сведения до разных ушей, платили бы деньги. Однако все знали, что клуб Шоколада находится под защитой ОКР и решать возникшие проблемы нужно через Эмиру и никак иначе.

— Похоже, в городе завелся самоубийца, — добавила Фатима.

— Или же кто-то не боится ОКР.

— Товарищ майор, — подал голос Полфлакона. — Так мне за находочку полагается чего, али как? Мы, конечно, понимаем, дело государственной важности, и мы, как граждане, обязаны…

— Деньги или жратва? — перебила бродягу Эмира.

— Денежки, если можно, — осклабился Залипухин. Го протянула ему несколько купюр, после чего повернулась к Фатиме:

— Прикажи забрать тело, похороним Мурата как положено.

Анклав: Франкфурт. Территория: Palmenviertel. Собор Святого Мботы.

Старые привычки плохо сочетаются с новыми заботами

— Сорок Два и раньше не особенно жаловал храмовников, но в последнее время едва ли не открыто призывает к их уничтожению.

— И что? — лениво поинтересовался Джезе. — Пусть от этих проблем у СБА голова болит. И у храмовников, чтоб их духи Лоа поимели.

Позади коммуникатора, на экране которого торчала озабоченная физиономия монсеньора Джошуа Таллера, томно ласкала себя Зара. Московский архиепископ Католического Вуду позвонил, мягко говоря, не вовремя, но отказать в разговоре Джезе не мог — накинул сорочку, уселся к монитору, однако то и дело поглядывал на расположившуюся на кожаном диване соблазнительницу.

— В Занзибаре появились агитаторы, — хмуро продолжил монсеньор Джошуа. — Подбивают народ идти на Мутабор. Люди слушают их, а потом спрашивают: как реагировать? А я спрашиваю тебя.

Потому что дело слишком щекотливое, чтобы решать самому. Если тритоны и в самом деле готовят мощную атаку на Мутабор, то монсеньоры должны согласовать позицию, объяснить пастве, угодно ли данное безобразие духам Лоа или следует остаться в стороне. Только вот позиций у высших иерархов Католического Вуду может оказаться две: разногласия между Ахо, настоятелем храма Иисуса Лоа, и баварским архиепископом Папой Джезе зашли слишком далеко.

— Ты должен высказаться, Джезе, люди ждут.

Заре надоело поглаживать ноги. Она медленно подняла юбку и запустила правую руку меж полных бедер. А пальцы левой руки задумчиво теребят грудь, еще прикрытую полупрозрачной блузой.

— Думаю, мы не должны поддерживать атаку на Мутабор, — растягивая слова, произнес Папа и провел рукой по шее.

— Храмовники относятся к нам хуже, чем к мусульманам, — осторожно напомнил Джошуа. — Больше они ненавидят только тритонов.

Рот смуглянки приоткрыт, язык играет с полными губами.

— И тем не менее мы не должны поддерживать атаку, — с нажимом повторил Джезе.

— Почему?

— Потому что мы, дружище Джошуа, такие же странные и непонятные обывателям существа, как и храмовники.

Блузка уже на полу, и взгляду Папы открыта прекрасная, крепкая грудь с крупными черными сосками. Пальцы архиепископа сжимаются в кулак, однако Тал-лер думает, что жест стал следствием их разговора.

— Не согласен! Мутабор — закрытая секта, а мы контролируем целые страны и больше двух миллиардов человек. Миллиарды обывателей, Джезе! Это противоречит твоим словам. Мы понятны людям.

А как еще мог ответить истинно верующий?

— В данном случае, дружище, размер не имеет значения. Наша молодая и сильная вера делает нас непонятными для индусов, мусульман и китайцев. На нас легко указать пальцем, так же, как сейчас указывают на Мутабор.

— Мы этот палец откусим.

— А сколько зубов потеряем? — Джезе бросает взгляд на затвердевшие соски Зары. — Я считаю, что атака на Мутабор — только начало. Кто-то хочет раскачать лодку, и мы не должны помогать этому. — Тоненькие трусики летят на пол. В комнате отчетливо пахнет желанием. — А что Мертвый?

— Сказал, что беспорядки в Москве исключены.

— К его словам следует прислушаться, Джош. Если Мертвый гарантировал храмовникам защиту, атаки захлебнутся в крови.

— Знаю, — недовольно протянул Таллер. — Ты выступишь с заявлением?

— До конца дня.

— Спасибо, Джезе.

— Да благословит тебя ближайший дух Лоа, дружище.

Папа отключил коммуникатор, и обнаженная, разгоряченная Зара мгновенно оказалась у его кресла. Прижалась щекой к

коленям, игриво провела руками по бедрам.

— Продолжим?

— Охотно, — улыбнулся Джезе. — Старина Джош нарисовался совсем некстати.

— Твои дела важны, Папа. Архиепископ закрыл глаза.

— Да уж, важны… не то что раньше.

Когда о жизнелюбии баварского архиепископа слагали легенды, а любовью с податливыми мамбо Джезе занимался два-три раза в день. Теперь же он почти все время проводил за письменным столом и на бесконечных деловых переговорах, сменив любовные интрижки на хитроумные политические комбинации. Окружающие связывали перемены со смертельным противостоянием, которое Папа вел с Ахо, однако Зара знала правду — Джезе изменился после поездки в Москву, после встречи с той худенькой сучкой, которая похитила его сердце. До этого война с лидером Католического Вуду не мешала Папе жить полной жизнью.

— Ты должен отвлечься, — прошептала Зара, целуя руку мужчины. — Ты слишком напряжен.

И почувствовала его желание. Не страсть, не любовь, только желание. Ну, и еще, может быть, симпатию. Джезе хотел ее, но то был заурядный инстинкт, желание выпустить пар — окажись на месте Зары любая другая мамбо, Папа среагировал бы так же. Ни следа того веселого огня, что горел раньше, ни намека на ту безумную страсть, что едва не спалила каменные своды московского собора Тринадцати Пантеонов. Ничего, кроме инстинкта. Худенькая сучка украла и сердце, и душу, и огонь. Стала для Джезе единственной, и ее лицо всегда будет стоять перед глазами Папы.

— Хорошо, — прошептал архиепископ, — хорошо…

Он погладил девушку по плечу, затем чуть сжал пальцы и потянул, заставляя встать на ноги. Чувствуя себя проституткой, Зара послушно поднялась с пола и переместилась на колени Джезе. Прижалась к нему, обняла за шею, нежно укусила мочку уха и зарылась лицом в густые, соломенного цвета волосы мужчины, которого обожала. Который предпочел ей другую.

* * *

Анклав: Москва. Территория: Болото. «Фабрика домашних любимцев». Быть одиночкой — это не выбор, а проклятие

Нужная ветка метро оказалась обесточенной. То ли действительно авария, как сообщали информационные экраны и экстренные новостные пакеты, то ли тритоны хулиганят. Второе, впрочем, сомнительно — все знали, что Кауфман жестоко расправляется с последователями Сорок Два, но… но ведь их еще поймать надо. Количество безов не растет, а тритонов с каждым днем становится больше.

«Ориентировочное время восстановления движения — два с половиной часа. Пользуйтесь наземными видами транспорта».

Цифровой диктор грустно улыбался и отсылал недовольных людей на переполненные улицы. Вышедший из квартиры Чайка недовольно хмыкнул, поразмыслил и спустился в подвал за «табуреткой», хозяин которой — обитающий на первом этаже Махмуд Кривицкий — охотно сдавал ее всем желающим за символическую плату. Если метро встало, то делать на проложенных над ним улицах нечего — трехэтажная магистраль и в обычные дни еле справлялась с потоком, а в случае аварии подземки вставала намертво. И единственной надеждой добраться до места оставалась юркая «табуретка», способная просочиться в самые незаметные щели.

Илья успел вовремя: едва он выкатил захваченный мопед во двор, как прискакал Скинушвили с пятого этажа и принялся орать, что давно договорился с Махмудом об аренде и наглый мальчишка обязан… Что именно он обязан, Чайка не услышал: сделал скандальному Скинушвили ручкой и выехал на запруженную улицу.

«Я вкладываю деньги в будущее! Я выбираю пенсионные программы «Первого частного банка корпоративных расчетов».

С огромного экрана мечтательно улыбалась нанятая модель, одним своим счастливым видом раздражая стоящих в пробке людей. Какая пенсия? Какое будущее? Сообщения о взломах банков появлялись так часто, что на них перестали обращать внимание. А с тех пор как наиболее продвинутые тритоны научились собираться в виртуальные стаи, банкирам плохо

помогали даже «поплавки», которые они впихнули во все свои железяки. Так что, если хочешь сохранить денежки до пенсии, храни их под матрасом.

И, словно подтверждая эту странную в Эпоху Цифры мысль, экран зарябил цветными всполохами, избавился от приторной счастливицы и выдал стандартный лозунг сетевой шпаны:

«Цифра — это Свобода!»

Фразу дублировал знакомый каждому жителю Земли голос:

— «Цифра — это Свобода!»

А в углу экрана, чтобы даже самому последнему кретину стало понятно, о ком идет речь, красовалась подпись:

«Сорок Два».

В пределах видимости — экранов десять, не меньше, и повсюду одно и то же: «Цифра — это Свобода!»

Чайка стиснул зубы и, сообразив, что мобили впереди стоят слишком плотно, вырулил на тротуар.

Экраны вновь заморгали. Муниципальные машинисты вернули себе управление над информационной сетью и вывели собственный ролик:

— Внимание! СБА настойчиво рекомендует гражданам Анклава вживлять идентификационные чипы. Процедура бесплатная. Позаботьтесь о своей безопасности…

Последняя, мать ее, соломинка, за которую хватаются утопающие верхолазы. «Балалайки» полностью дискредитированы, их ломают ради информации, доступа к банковским счетам и просто так. Их ломают извне и переписывают сами пользователи. «Балалайки», еще вчера бывшие олицетворением стабильности цифрового общества, не устояли.

СБА немедленно внедрила «таблетки» — примитивные по сравнению с «балалайками», идентификационные чипы, не содержащие никакой лишней информации — только имя и личный номер. В мозгах «таблетки» эти сведения намертво спаяны с генетическим кодом обладателя, проверить соответствие можно за несколько секунд. СБА уверяла, что система идентификационных чипов надежна и поможет пережить нынешний хаос. Народ был уверен, что «таблетки» не ломают только потому, что они еще не особенно распространены. А как только безы окончательно перестанут обращать внимание на «балалайки», умельцы Сорок Два научат людей перепрограммировать новые гаджеты.

«Цифра — это Свобода!»

— Смотри, куда прешь, придурок!

— Сам смотри, идиот!

Из припаркованного мобиля выбрался высокий толстяк в белом. Точнее, в потном — на груди и под мышками расползались неприятные пятна. Ехавший по тротуару Илья едва увернулся от столкновения.

— Зенки протри!

— Хоть бы в зеркало посмотрел, кретин!

— Ты кого дураком назвал, щенок?!

Чайка крутанул ручку, и мопед рванул дальше. Ну его на фиг, толстого урода, такой и пушку может достать. «Цифра — это Свобода!»

То ли тритоны объявили на уличные экраны охоту, то ли машинисты плохо почистили систему, но все окружающие мониторы вновь изобразили главный лозунг сетевых террористов.

«Цифра — это Свобода!»

Сорок Два.

А свобода — это отсутствие запретов. Во всяком случае, так думает большинство людей.

«Это был неплохой мир, Сорок Два, но он оказался слишком хрупким… — вздохнул Чайка, съезжая на слегка расчистившуюся мостовую. — Посыпался с одного толчка».

Или же идеи Поэтессы оказались с гнильцой.

Подумал и вздрогнул: неужели это его мысль? А где же, мать ее, вера? Где тот паренек, что ночи напролет читал «Числа праведности», заучивая их наизусть? Где трепетное ожидание Эпохи Цифры? Где? Где оно осталось? В многолетнем бегстве от всех полицейских мира? В контрактах, которые заставляли его гробить одни корпорации в угоду другим? В Африке? В глобальном «стопе», что учинили тритоны несколько недель назад? В стихийных бунтах, что устраивали лишившиеся электронных сбережений работяги? Или в затонувшем круизном лайнере, которому не успели помочь только потому, что тритоны ломанули все коммуникации того района? Четыреста, мать его, утонувших.

В чем причина того, что человек, которого все сетевое братство называет любимчиком Поэтессы, кривит губы при упоминании нейкизма, нейкистов, тритонов и создавшего их Сорок Два? Не испытывая при этом ничего, кроме усталости и презрения.

«Я всю жизнь боролся против мира, о котором теперь жалею».

«Цифра — это Свобода!»

Сорок Два.

«Вся жизнь — дерьмо, ребята. Вся жизнь — Африка!»

Хорошо, когда революция наступает вдруг. Когда доведенные люди выходят на улицы и сразу начинают вой-нушку. Хорошо,

потому что думать не надо — стреляют ведь, спасайся, беги или стреляй сам. И плохо, когда власть теряет контроль постепенно. Бунт еще не начался, а ты уже видишь, к чему приведет революция. Видишь и ужасаешься. Если, конечно, способен абстрагироваться от революционных идей. Если способен критически посмотреть на идеалы. Если тебе кажется, что хаос и массовые жертвы не стоят новой эпохи. Если не считаешь кровь допустимой. И не потому, что ты пацифист, а потому что чувствуешь себя частью общества, и каждый человек кажется достойным жизни. Потому что противно видеть, как звереют люди, у которых отнимают настоящее. Потому что тошно от красных глаз вымотанных до предела безов, от постоянных уличных столкновений и подростков, которые колют «синдин» на глазах у всех. Для них, маленьких воинов большого Сорок Два, стать тритоном означает войти в крутую виртуальную игру и стать крутым героем. Это всего лишь игра.

Мир угробил не Сорок Два, а виртуальность. Мир перестали воспринимать всерьез. Обдолбаным тритонам кажется, что можно сохраниться и вернуться назад после неудачного хода. Им кажется…

— Внимание! Принять вправо и приготовиться к проверке!

Это уже не экран, это надрываются динамики мобильного поста безов, тормозя только-только вырвавшиеся из гигантской пробки мобили.

— Внимание! Вы находитесь в зоне проведения полицейской операции! Попытка избежать проверки будет рассматриваться как сопротивление!

Дорогу перекрыли три броневика, позади них — фургон и четыре пикапа. Три десятка безов с переносными сканерами в руках быстро, но без спешки просвечивают всех, кто оказался на улице. Еще пятеро щеголяют в «саранче», держа наготове облегченные «ревуны» — все серьезно. Ни одна из машин мобильных постов и никто из безов не имеют выхода в сеть, связь только по радио. Эпоха, мать твою, Цифры.

— «Балалайка» или «таблетка»?

— «Таблетка».

— Правую руку, пожалуйста.

Безы московского СБА продолжают демонстрировать знаменитую «мертвую» вышколенность: пока человек готов сотрудничать, они вежливы и дружелюбны.

Илья протянул правую руку и терпеливо подождал, когда сканер назовет беглого каторжника законопослушным гражданином. За результат не опасался — не впервой, зато в очередной, который уже по счету раз удивился связям Кирилла,

обеспечившего его самыми что ни на есть настоящими документами.

— Все в порядке, господин Соловьев. — Без убрал сканер и тут же вытащил из поясной сумки наперсток анализатора. — Указательный палец, пожалуйста.

Еще пара мгновений, и умная машинка сообщила, что в организме Чайки следы «синдина» отсутствуют. Что, между прочим, полностью соответствовало действительности.

— Проезжайте, господин Соловьев. — Без взял под козырек. — Спасибо за сотрудничество.

— Спасибо вам, — пробормотал Илья и, вырулив наконец на Садовое, взял курс на Таганку.

В прошлой жизни, несмотря на многочисленные опасности, подстерегавшие на каждом шагу, а может — благодаря им, у Чайки было много друзей. Настоящих друзей, таких, что за тебя «в огонь и воду», поделятся последним и не задумываясь прикроют в любой ситуации. Собственно, Илья и сам так дружил до тех пор, пока не стал жертвой предательства. Пока великий Арлекин, которого Чайка уважал и любил, считал братом-нейкистом и которому доверял, не сдал его китайцам. Тот случай превратил Илью в человека, у которого только одни интересы — свои собственные. И способного не задумываясь предать и подставить кого угодно.

«Я поступаю с ними так же, как поступили они со мной!»

Несколько лет этот лозунг помогал Чайке выживать и… затыкать совесть. Несколько лет великий ломщик жил по закону одинокого волка, безжалостно переступая через тех, кто ему верил. Несколько лет он был последней сволочью и наконец устал. То ли инстинкт самосохранения сдулся, то ли Африка отредактировала корневые каталоги.

Выйдя из тюрьмы, Илья понял, что больше не может быть один. А потом огляделся и с ужасом осознал, что из тех, старых и верных, не осталось никого. Кто-то умер, кого-то взяла полиция, остальных он предал. А новые его знакомые на роль друзей совсем не подходили. Патриция слишком холодна, Ганза и Рус чересчур увлечены работой, Кирилл — главный и никогда не позволит забыть об этом. Какое-то время Чайка рассчитывал подружиться с Олово, но быстро понял, что деликатный, предельно вежливый и дружелюбный Олово не задумываясь перережет горло любому, на кого укажет Грязнов.

Вот и выходило, что единственным человеком, которого великий ломщик Чайка мог назвать другом, был храмовник Корнелиус Ежов, владелец знаменитой на всю Москву «Фабрики домашних любимцев».

— Настойки глотнешь?

— Рюмочку?

— А это уж как пойдет, — расплылся в улыбке Корнелиус. — Вдруг понравится?

— Может быть, — не стал спорить Илья, принимая угощение. — Твое здоровье.

За те годы, что прошли с их последней встречи, Ежов совсем не изменился. Низенький, метр шестьдесят или около того, практически лысый — седые волосы росли лишь за ушами да на затылке, он казался безобидным и рассеянным, что в принципе было не так уж далеко от истины.

Корнелиус остался прежним, особняк на Таганке, как и раньше, привлекал внимание, ухоженным пятном выделяясь на фоне соседних построек, но внутри «Фабрики», как с горечью отметил Илья, царило запустение.

— Я четырех машинистов сменил, — рассказал Ежов, наполняя опустевшие рюмки. — Но ни один тебе в подметки не годился. — Добродушный взгляд в глаза. — Ты меня избаловал.

— Извини.

— Не за что.

— За встречу?

— За встречу.

Очередная порция домашнего самогона от лучшего московского зверодела мягко растворилась в теле.

— Еще по одной?

— Чуть позже… — Илья кивнул на пустое помещение. — Закрываешься?

— Приходится.

— Мало заказов?

— Много проблем.

Чайка с улыбкой вспомнил гомон, поразивший его во время первого визита на «Фабрику». Обитатели многочисленных клеток — любовно сконструированные Корнелиусом твари самого фантастического вида — шумно приветствовали гостей заведения, пытались их потрогать или укусить. Теперь же о былом великолепии напоминал лишь Барсик — агрессивная ящерица размером с крупную собаку, — который, к счастью, не позабыл старого знакомца.

— Что за проблемы? — спросил Илья, хотя прекрасно знал, что ответит Ежов.

— Тритоны.

— Я думал, здесь тихо.

— Вопрос в том, как долго здесь будет тихо.

В Москве нападения на храмовников случались в разы реже,

чем в других Анклавах или государствах. Мертвый объявил, что все граждане Анклава имеют равное право на защиту, и заявление было понято правильно. Однако ситуация хоть и медленно, но продолжала ухудшаться.

— Почему вы не сопротивляетесь? Прятки способны запугать кого угодно.

— Владыка сказал, что нас должны или принимать, или не принимать. Он не хочет, чтобы нас терпели из страха.

— Почему?

— Потому что в следующий раз гнойник лопнет гораздо сильнее.

— Но ведь следующего раза может не быть! Передышка поможет людям опомниться и понять, что мы можем жить вместе.

«Черт! Я ведь в это верю!»

Причем — гораздо сильнее, чем в Поэтессу. В каждое слово, в каждое предложение. Мы можем жить вместе! И можем жить в мире. Ломщики и храмовники.

«То ли старею, то ли, мать ее, Африка…»

— Ты хороший парень, Илья, хотя старательно гробишь все доброе, что в тебе есть, — негромко произнес Корнелиус.

— Что выросло, то выросло, — вздохнул Чайка.

Но ему было приятно услышать эти слова от Ежова. От друга.

— Ты надеешься на лучшее, но закрываешь глаза на тот факт, что мы слишком долго шли в разные стороны, — грустно продолжил храмовник. — Владыка предсказывал, что когда-нибудь ваше терпение лопнет.

Это было правдой, но произнес ее единственный человек, которого Чайка называл в душе другом. И от этого Илье стало горько.

— Я не вижу в тебе ничего чуждого.

— Кроме моей веры.

— Я… я тоже верил… Верю.

— В Поэтессу?

— Поэтесса не богиня. Я верю в Эпоху Цифры.

— В наступление следующего этапа развития общества?

— Да.

— И как он тебе?

Нравится ли тебе информационный хаос, бесчинства тритонов и рушащаяся на глазах цивилизация? Доволен ли ты или считаешь, что чего-то не хватает? Ядерной войны, к примеру. Одним-единственным вопросом умный храмовник показал Чайке, что его вера рухнула, но сдаваться без боя Илья не хотел.

— А что для тебя вера, Корнелиус? В чем радость ощущать себя ничтожным червем, копошащимся у ног божества, до

которого ты никогда не сможешь подняться?

— Какой ты еще, в сущности, мальчишка.

— Разве я не прав? Разве ты станешь богом? Поднимешься до уровня Владыки? Нет. Ты хочешь быть рабом? Но это не мой путь. — Чайка помолчал. И вдруг подумал, что в другой религии, в нейкизме, огромное количество людей без труда и хлопот достигло уровня сетевых богов. И все видят, к чему это привело. Подумал и потому закончил гораздо тише, без надрыва: — Что для тебя вера, Корнелиус?

— Если бы я мог здраво и прагматично ответить на твой вопрос, я бы, наверное, не верил.

— Хорошая отговорка.

— Это не отговорка. Это объяснение.

А может, так оно и есть? Может, наличие необъяснимого и непонятного, наличие чуда, которое невозможно оцифровать и описать формулами, делает религию религией? Ты принимаешь или не принимаешь. А если принял, то вступаешь на длинный путь, способный привести тебя к богу. Без «поплавков», «синдина» и нанов, а разбудив нечто необъяснимое, непонятное, но чудесное в твоей душе.

Илья кивнул: «Разливай». Отсалютовал храмовнику поднятой рюмкой, выпил и хрипло спросил:

— Куда вы уходите?

— Не знаю.

— Вы купили остров? Построили подземный город в Гималаях? Где вы прячетесь?

— Владыка ведет нас.

— Ты ведь взрослый мужик, Корнелиус! Как так можно?!

— Я верю.

— Это безумие.

— Это исход.

— Куда?

Чайка не понимал. Не мог осознать, что люди, взрослые, сформировавшиеся люди, личности, способны бросить все и пойти по неизвестно куда ведущему пути. Не понимал.

— Всякий раз, открывая глаза, мы должны стремиться. Вперед и вверх, к тлену или славе, свершению или поражению. Мы должны стремиться, ибо в этом есть смысл, коего нет в остановке. — Корнелиус в упор посмотрел на Илью. — Это цитата. Один из постулатов Милостивого Владыки. Я нахожу его правильным. Вселенная есть река, но стремление ее — мы, а не время.

Чайка залпом выпил рюмку, без спроса налил себе еще и снова выпил.

Он прощался с последним другом. Он оставался совсем один.

— Выше нос, Илья, — улыбнулся Ежов. — Когда-нибудь об этих окаянных днях будут слагать легенды.

— Я бы предпочел, чтобы их изучали на уроках истории.

— История остается историей только до тех пор, пока живы те, кто ее творил. А потом становится легендой.

* * *

Территория: Россия. Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кайфоград. Если уж слух пошел, его не остановить

Выезжая из «Вонючки», Го приказала сменить маршрут, ехать не прямо по Санкт-Петербургскому проспекту, а дать круг, обогнуть город с северо-запада по дуге Мурманского шоссе и остановиться у пуповины, связывающей Кайфоград со Станцией — у КПП «Восток». Эмира сказала, что хочет посмотреть на пикеты «зеленых», однако на самом деле ей нужно было привести в порядок мысли и решить, что делать дальше, — спускать смерть Шоколада «на тормозах» майор не собиралась, но бить по кому попало не хотела.

КПП «Восток» выстроили по всем правилам военного искусства. Титапластовые ворота вшиты в массивный бетонный бункер, прищуривающийся пулеметными бойницами — установленные в них «Ревуны» могли вбить в землю любое количество штурмующих. На полкилометра слева и справа от бункера поднималась трехметровая стена, перед которой приветливо поблескивала на солнце колючая проволока. Подъезда к воротам нет, только пешком, а для особо непонятливых безы установили бетонные блоки и металлические рогатки, да еще соединили их все той же колючкой — захочешь, не подъедешь. Всех возвращающихся на Станцию досматривают досконально: просвечивают, выискивая вживленные гаджеты и скрытые полости, прощупывают, даже медицинский экспресс-анализ проводят. Ходили слухи, что год назад кто-то заразил развлекавшихся в Кайфограде работяг штаммом проказы Рейгана, так что предосторожность оказалась не лишней. Не лишней…

Внедорожники остановились метрах в двухстах от КПП — зачем лишний раз нервировать безов? Эмира взяла бинокль и вышла из машины, вроде как осмотреться, однако картинка интересовала майора гораздо меньше, чем размышления о смерти агента.

Кто убил Мурата?

Самое очевидное предположение — Слоновски. Ему-то на ОКР точно плевать с высокой колокольни Теплого Дома. На

Станции и вокруг нее Грег делает что хочет, но… Предположим, Шоколад сумел узнать нечто действительно важное о Станции, за что и поплатился головой. Вероятно? Увы, нет. Слоновски работает масштабно, обнаружив утечку информации, он отправил бы в Кайфоград несколько боевых групп и взял не только Мурата, но и всех, с кем Шоколад мог поговорить. Взял бы, перевез в Теплый Дом и тщательно допросил. Вот как поступил бы Слоновски. Потом, конечно, убил бы, но это потом. И уж точно не стал бы отправлять тело в «Вонючку», сжег бы на Станции. Значит, Слоновски отпадает. А у всех остальных причин дразнить ОКР нет.

Кайфоград давно поделен, каждый занял свое место… Или что-то изменилось?

Го посмотрела на купол Главного Энергоблока.

Не в этом ли дело? Станция почти достроена, а значит, все силы должны активизироваться. Обязаны активизироваться, потому что, как только Станция заработает, Мертвый сядет на трон.

— Быстро они. — Подошедшая к Эмире Фатима кивнула на блокировавших КПП «зеленых». — Я думала, раньше полудня не начнут.

— Наверное, у них запланировано два представления, — улыбнулась Го, опуская бинокль.

— Артисты.

— Придурки.

Сегодняшнее шоу «Остановим Ад!» посвящалось детям. Наряженные младенцами экологи перекрыли ведущие к КПП дорожки и жалобно, с подвыванием, агукали. Пластиковые лица «новорожденных» были щедро украшены язвами и ранами. Плакаты соответствовали: «Подумайте о детях!», «Не отбирайте у детей будущее!», «Сохраним Землю для наших детей!». Бромберг читал в микрофон призывы. Репортеры снимали. Два беза у ворот дремали стоя.

— Сегодня драки не будет. — Фатима пытливо посмотрела на майора и уточнила: — Здесь.

Эмира прекрасно поняла смысл высказывания.

— Для начала нужно понять, кого бить.

— Для этого надо поговорить с Алишером, — уточнила Тураева, назвав имя компаньона Шоколада. — Он наверняка в курсе, кто шлепнул Мурата.

— Поговорим, — пообещала Эмира, поворачиваясь к внедорожникам. — Едем в город.

Пора браться за расследование.

На Свободе увяз в дерьмовом болотце чей-то «Мерседес».

Дерьмовом в буквальном смысле — где-то прорвало канализацию, и ее содержимое затопило центральную площадь Кайфограда, вылилось туда, где находилась вечная центральная лужа. Дорогами в Кайфограде никто особо не занимался — построили, и ладно. А то, что асфальт просел на следующую же весну, так это суровая русская зима и глобальное потепление виноваты, а не воровство. Экология хреновая, вот дороги и накрываются.

Но водила «Мерседеса» об экологии не знал, он летел по Санкт-Петербургскому проспекту где-то под двести — установившаяся месяц назад теплая и сухая погода привела дороги в относительно нормальное состояние, — поздно заметил препятствие и посадил дорогую тачку в лужу. Теперь водила со спутниками — четверо брюнетов в кожаных куртках и выпендрежных брюках — курили на тротуаре, а согнанные к месту крушения обитатели «Вонючки» копошились в жиже, пытаясь высвободить «Мерседес» из дерьмового плена. Собравшиеся зеваки осторожно, стараясь не ранить самолюбие неудачливых путешественников, комментировали происходящее.

Напялившая респиратор Фатима выскочила из внедорожника разбираться, а Эмира безразлично отвернулась.

Кайфоград, мать его, — это Кайфоград. Город, в котором бешено дорогой «Мерседес» застревает в канализации, а приносящие огромный доход клубы ютятся во временных сараях с протекающими крышами и грибком на стенах. Город, который делает своих обитателей богачами, но не имеет ни одной больницы. Золотоносная пиявка. Кайфоград. Место, не красящее застрявших в нем людей.

В отличие от большинства обитателей Кайфограда Эмира сюда не стремилась. Понимала, что доходы около Станции большие, но не стремилась — ей было комфортно в Москве, в охране российского представительства, и она была не против дослужить в Анклаве до пенсии. Но далеко не всё происходит так, как хотелось бы. В свое время Эмира Го сделала выбор, согласилась позаботиться о напуганной девушке по имени Петра Кронцл, внучке всемогущего Романа Фадеева, и теперешнее ее положение стало прямым следствием того шага. Только теперь Эмира не заботилась, теперь она служила девушке по имени Патриция Грязнова, уже давно не напуганной и постепенно становящейся такой же всемогущей, как ее дед. Именно Патриция попросила Го отправиться в Кайфоград.

«Подай рапорт о переводе, а я сделаю так, чтобы его удовлетворили».

«Зачем?»

«Ты нужна мне там. Станция слишком важна, и

контролировать прилепившуюся к ней клоаку должен человек, которому я полностью доверяю».

Коротко и ясно. А что этот человек? Ему интересно ехать в мекку ублюдков и подонков? Какие планы были у этого самого человека на свою жизнь?

Но кто будет задавать подобные вопросы, когда идет большая Игра? Когда на кону стоит власть над всем? Никто не будет. И Го не стала. Попросила только:

«Сделай так, чтобы мои ребята не узнали, что я сама подала рапорт о переводе подразделения. Они не простят».

Патриция сделала.

Ребята ничего не узнали и вот уже два года топтали безрадостные северные земли, проклиная неведомых, но тупых бюрократов из Управления кадров ОКР. Два года они пытались поддерживать порядок в городе, которому требовалось что угодно, кроме этого самого порядка. Стали богаче, чем были, но два года из жизни вычеркнуты.

И теперь, глядя на застрявший «Мерседес», Эмира видела себя, разогнавшуюся и влетевшую в помойку под названием Кайфоград на полной скорости. Все отличие в том, что ее никто вытаскивать из дерьма не собирался.

— МВД Южного округа, — сообщила вернувшаяся Фатима. — Ехали усиливать свое представительство, но не доехали.

— Ну что же, добро пожаловать в Кайфоград.

— Просят помочь.

«ГАЗ Тайга» выдернул бы блестящую игрушку южан шутя, но…

— Да пошли они, — буркнула Эмира. — Возвращаемся на базу.

— Уже? — удивилась Фатима.

— У них Алишер объявился. — Го кивнула на пришедшее в коммуникатор текстовое сообщение. — А это важнее застрявших олухов.

— Согласна.

Внедорожники развернулись, вырулили на проспект Российского Величия и направились на юго-восточную окраину.

— Как он до нас добрался? — отрывисто спросила Эмира, широко шагая по коридору.

— Дворами и закоулками.

— Состояние?

— От любого шороха шарахался. Сейчас немного отошел.

— Что-нибудь говорил?

— Просил спрятать и сообщить вам, товарищ майор. Это всё.

— Этого достаточно. — Эмира открыла дверь в один из

кабинетов и отпустила сопровождающего: — Вы свободны. — Прошла в комнату и все тем же, командирским тоном сообщила: — Я распорядилась насчет похорон, до захода солнца все будет сделано.

И уселась напротив Алишера Мирзоева. Тот судорожно всхлипнул и втянул голову в плечи.

Могло показаться, что выбранная Го линия поведения способна придавить перепуганного осведомителя, однако Эмира хорошо изучила Мирзоева и знала, что тактика себя оправдает.

— Жаль, что лучший друг не проводит усопшего в последний путь.

На это замечание Алишер вновь не ответил. Го выждала несколько секунд, после чего очень и очень жестко велела:

— Рассказывай.

— Я хочу на материк, — тихо, но твердо произнес Мирзоев. — Я подпишу бумаги на клуб, отдам его тебе или кому скажешь, но, пожалуйста, отправь меня на материк.

Кайфоград и тринадцатый полигон находились не на острове, однако их обитатели упорно называли остальной мир «материком».

— А если ты сделаешь мне документы Анклава Москва, я отдам тебе половину того, что накопил. — Алишер наконец-то взглянул Эмире в глаза. — Три миллиона юаней отдам.

Теперь стало окончательно ясно, что Мурата придавил кто-то из соотечественников. Но что это дает? Пока ничего, нужно больше информации.

— Рассказывай, — повторила Го. — И ничего не упускай.

Алишер вздохнул.

— Я почти ничего не знаю.

— В этом случае тебе нечем оплатить пребывание на базе, — усмехнулась Эмира. — Не говоря уж о билете на материк.

Еще один вздох.

— Может, лучше деньгами?

— Думаешь, я плохо зарабатываю?

— Три миллиона…

— Еще раз вякнешь не по делу, и я тебя сама пристрелю, — пообещала Го и врезала кулаком по столу. Куда ездил Шоколад? С кем разговаривал перед смертью? Чем занимался? Быстро отвечай, сука! Быстро!

— Я не знаю.

— В таком случае — выметайся!

— Я не знаю, с кем Шоколад встречался, — торопливо поправился Алишер. — Но я знаю, чем он занимался.

Естественно, знаешь, вы ведь, мать вашу, были

компаньонами.

— Рассказывай! — в третий раз приказала Го, и Мир-зоев сдался.

— Это связано с «зелеными». Они… Ну, ты ведь знаешь ситуацию, Эмира, они не хуже других: и курят, и колются, и выпивают. Всё как у всех. Среди них любителей дури полно, и к нам они за товаром захаживали постоянно, и соседей не обижали, одним словом, шел бизнес. Все довольны. А недели две назад дело стало затухать. То есть остальные торчки на месте, а «зеленые», один за другим, ходить перестали. Будто отрубило нах.

Любопытно, очень любопытно! Эмира поздравила себя с тем, что проспала весьма подозрительный факт. «Отличная работа, майор Го! Расслабились?»

— Сначала мы смеялись, решили, что Бромберг месячник чистоты организовал, потом задумались. Мурат с соседями поговорил, выяснил, что у всех то же самое творится: «зеленые» перестали брать дурь. Выпивать выпивали, девчонками интересовались, в лагере ведь три к одному примерно, на всех не хватает, но с наркотой завязали конкретно…

Вот все и прояснилось. Мурат допустил классическую ошибку жителя Кайфограда: стал заниматься не Станцией, а змеиным клубком, что сплелся вокруг нее. Не он первый, не он последний. Правда, до сих пор головы отрывали исключительно пронырливым репортерам.

— Я ему говорил: успокойся, тебя это не касается, но Мурат не слушал. Стал искать людей, которые смогут объяснить… — Мирзоев на мгновение сбился. Всего на мгновение, но это не ускользнуло от внимания Го. — В общем, вчера он поехал на встречу, потом позвонил мне и сказал, что бизнес встал из-за «фармацевтов».

— Тоже мне новость, — прищурилась Эмира.

Федеральное агентство фармакологической безопасности при Министерстве здравоохранения вплотную занималось наркотиками и присутствовало в Кайфограде. Впрочем, в Кайфограде кто только не присутствовал.

— Мурат сказал, что «фармацевты» взяли «Остановим Ад!» на довольствие и поставляют любую дрянь в любых количествах, да еще по оптовым ценам. Сейчас в лагере зелья столько, что его выжимать можно, подсаживаются даже те «зеленые», кто раньше не баловался. Короче, «фармацевты» конкретно сдуривают «зеленых».

А вот это уже интересно. Эмира вспомнила утренние мысли: больше десяти тысяч человек, объединенных ненавистью к

Станции. Сила? Сила. А если добавить наркоту? Получится уже не сила, а самый настоящий бульдозер, который можно направить на что угодно.

К чему готовят «зеленых»?

Го кивнула.

— Теперь рассказывай самое главное. Мирзоев ответил удивленным взглядом.

— Больше ничего не знаю.

— За информацию о том, что «фармацевты» кормят «зеленых» дурью, Мурата не убили бы, — назидательно произнесла Эмира. — Что еще раскопал Шоколад?

— Не знаю.

А вот теперь можно и чуть мягче. Го улыбнулась и чуть подалась вперед:

— Не глупи, Алишер, ты пришел ко мне, под мою защиту, ты сделал выбор и знаешь, что тебя грохнут только за то, что ты сейчас сидишь здесь. Поэтому хватит играть в девочку — рассказывай. Кого назвал Мурат?

— Я этого человека не знаю.

— А ты и не должен, теперь это мое дело. Называй имя.

— Стоун.

— Просто Стоун?

— Да. Мурат сказал, что парень безвылазно сидит в лагере «зеленых».

Стоун. В списке зарегистрированных «фармацевтов» такой боец не значился. Либо прибыл инкогнито, либо вообще со стороны.

— Хорошо, разберемся, о чем еще говорил Мурат?

— Сказал, что готовится шумная акция. Что-то связанное с поездом.

— С поездом? — переспросила Эмира.

— Да, — подтвердил осведомитель.

В Кайфограде вокзал отсутствовал, и строить его никто не собирался. А если бы и был, это ничего не меняло: очевидно, что акция «зеленых» будет направлена против Станции, и только против нее. Но идущие на строительство эшелоны надежно охраняются, безы давно приучили всех к мысли, что не потерпят перебоев с поставками, и открывали огонь без предупреждения.

«Десять тысяч одурманенных человек, не забыла? Десять тысяч!»

«Ради одного поезда? Не верю».

— Я рассказал все. — Алишер с надеждой посмотрел на Эмиру. — Теперь поможешь?

Го встала из-за стола.

— Кто-нибудь видел, как ты явился сюда?

— Меня бы убили.

— Логично. — Последовала пауза, во время которой Мирзоев покрылся холодным потом. Но все для него обошлось. — Завтра в Мурманск пойдет наш грузовик. Сядешь в него.

— Спасибо.

— Не за что.

АВГУСТ

— Будь все проклято!

Бокал полетел в окно. Стекло в стекло, но то, что защищало от улицы, оказалось крепче. В разы крепче. Впрочем, чего еще ожидать от окон Теплого Дома? Бокал разбился, хрустальной мелочью растворился в ковре, но никто из присутствующих даже не пошевелился. Не вздрогнул. Не моргнул. Четверо мужчин смотрели на Патрицию и молчали, признавая ее право на боль.

И на ярость.

— Дьявол!

Слезы душили, подступали к горлу, туманили, но Пэт не собиралась плакать при четверых свидетелях. Потому что слезы — это слишком личное, предназначенное только для друзей. А вот ярость — другое. Ярость понятна всем, даже врагам. Ярость показывает, что Пэт не сдалась.

А потому комнату наполняет еще один крик:

— Дьявол!!

И вот теперь мужчины вздрагивают, поскольку бешеный крик Избранной наводит страх.

— Дьявол!!!

Столько сил, столько власти, а она неспособна сделать то, чего действительно желает! Не может ничего изменить. Руны стекают по рукам, танцуют, водят хоровод, даруют мощь, но что значит мощь, если ты не в состоянии переступить черту? Могучие руны молчат. Они знают, что Пэт готова на все, способна отдать что угодно, лишь бы… лишь бы…

К горлу подступает комок. На глаза против воли наворачиваются слезы.

Слезы ярости. Слезы злости. Слезы бессилия.

— Вон! Я не хочу никого видеть!

Слоновски бросает быстрый взгляд на Щеглова, тот едва заметно кивает, и Грег тянет Ганзу к выходу. Понятливый Прохоров шагает следом и аккуратно прикрывает за собой дверь.

— Тебе нужно повторить?

Щеглов не отвечает. Стоит в трех шагах, печально глядя на девушку, и не отвечает.

Остался только он. Помощник ненавистного Мертвого. Ну почему именно он?!

Даже не помощник — клон. Выпестованный, выращенный. Почти полная копия. Клон. Или сын. Почему именно он?

— Уходи!

Щеглов продолжает стоять. И молчать.

— Пошел вон!

А он делает шаг вперед. К ней. И с неестественной мягкостью, а главное, с невероятным пониманием произносит:

— Не держи в себе.

— Отстань!

— Ничто не вечно.

— Я не готова.

— Ты никогда не была бы готова. Никто и никогда не готовится к такому.

Она хочет убить мерзавца, разорвать, выгнать, чтобы остаться одной, а вместо этого втягивается в разговор. Она ненавидит его, копию Мертвого, но его слова и его понимание бальзамом падают на израненную душу.

Сейчас тот самый момент, когда легче может стать лишь от слов и понимания. От настоящих слов и настоящего понимания.

И Патриция шепчет:

— Я никогда не думала, что это случится.

— Об этом никто не думает. К этому никто не готовится. И это правильно, потому что нет смысла в том, чтобы готовиться к такому.

— Что ты знаешь о смысле? — горько спрашивает Избранная.

— Я знаю о жизни, — тихо отвечает Щеглов. — И знаю, как плохо тебе сейчас. И еще знаю, что все пройдет. Нужно взять себя в руки и замереть. Поверь, ведь я знаю о боли и страданиях гораздо больше тебя.

Он делает еще один шаг, потом еще половину, и вот уже рядом. Обнимает за плечи и прижимает к себе. Нежная щека трется о жесткую ткань мундира. В кожу впивается какой-то нагрудный знак, но девушке плевать. Она чувствует крепкое плечо друга. Крепкое плечо брата. Ей становится тепло, и она верит словам, что шепчет Мишенька:

— Отпусти его… отпусти… И Пэт завыла.

ИЮЛЬ

Анклав: Цюрих. Территория: Maerchenstadt. Вилла «Пряничный дом». Разговоры с умными людьми дают много пищи для размышлений

Атомные крейсеры, атомные авианосцы, атомные транспорты… Ракетные установки, мачты и антенны. Серая сталь высоченных бортов, вырастающая из темного моря. Рассекающие небо истребители. Прожекторы. Вымпелы.

Журналисты снимали собравшуюся в Баренцевом море армаду с вертолета, который то поднимался под самые облака, позволяя взять в кадр сразу несколько кораблей, то опускался к волнам, и тогда морские красавцы представали перед зрителями во всей своей величественной мощи.

Десятки дрейфующих у русских берегов кораблей вызывали у публики не меньший интерес, чем строительство Станции.

«Ударят или нет?»

А если ударят, то почему? Чем недовольны государства? Что заставляет их выступать против новой энергии? Против будущего?

Правительства на эту тему не распространялись, лишь огрызались невнятными заявлениями, что боевые корабли «осуществляют общее наблюдение». — «А зачем оно нужно?» — «Мы должны быть в курсе». — «В курсе чего?» — «Происходящего». — «Вы будете стрелять?» «Без комментариев».

Вымпелы, прожекторы, ракетные установки…

Моратти давно отключил звук, но и картинки на экране коммуникатора было вполне достаточно для понимания того, что нейтральным такой флот не может оставаться по определению. Если не воюет, значит, оказывает давление.

— Хочу еще раз подчеркнуть, что мы предпримем атаку лишь в самом крайнем случае, — повторил генерал Ляо. — Мы искренне надеемся, что руководство «Науком» проявит гибкость.

Искренне или не искренне, но вы не надеетесь.

Китаец блестяще владел собой, демонстрировал только те эмоции, которые хотел показать, однако и Моратти не вчера родился, в людях разбирался отлично, а потому видел, что Ляо лжет. Не верят они в «гибкость» руководства «Науком» и

наверняка уже определили дату штурма.

— Я уверен, что Мертвый пойдет до конца, — хмуро произнес Ник. — Он взорвет Станцию, если поймет, что не сможет ее удержать.

— Взорвет в том случае, если ему позволят.

— Руководство «Науком»?

— Да.

«Не слишком ли ты наивен, старик? Неужели до сих пор не понял, что проспал переворот и руководство «Науком» отстранено от власти? Холодов всего лишь говорящая голова…»

— Мертвый полностью контролирует ситуацию, — недовольно, но весьма уверенно произнес Моратти. — Мое слово, слово Холодова, слово любого верхолаза планеты или всех их, вместе взятых, для него пустой звук. Мы дали ему карт-бланш, и он им воспользовался.

— Ждать, чем закончится строительство, мы не можем, — вздохнул китаец. — Слишком большой риск.

— К сожалению, я вас понимаю.

Они разговаривали в малой гостиной, сидя в неудобных, слишком современных креслах у примитивного стеклянного столика. Обстановка, выдержанная в последней модной тенденции «urban Ы», была единственной шпилькой, которую позволил себе Моратти — Ник знал, что генерал терпеть не может передовые дизайнерские идеи. Во всем остальном президент СБА исполнял роль радушного хозяина: на столе графин с виски, бутылочка сладенького китайского винца, бокал и стакан. Моратти даже сигарой не пыхтел, дабы дорогой гость — старейшина китайской военной разведки — не почувствовал неудобства. Старик совершал тайное турне по Америке и Европе, связанное, как понимал Моратти, со Станцией, и не мог не поговорить с президентом СБА. Проходила встреча на принадлежащей Службе вилле, расположенной в фешенебельном районе Цюриха, что гарантировало необходимую конфиденциальность.

— Мы пришли к выводу, что Кауфман лжет, — ровно продолжил Ляо. — Согласно официальным планам запуск Станции намечен на ноябрь, при этом указывается, что работы ведутся с небольшим опозданием, то есть возможен перенос открытия на декабрь-январь, однако…

— Однако семь из девяти незаконченных объектов относятся к вспомогательным, и работы на них практически заморожены, — плавно вклинился в речь собеседника Моратти. — А вот на двух оставшихся вкалывают в три смены и явно идут с опережением графика.

Сухонький старичок остался бесстрастен, не возмутился тем, что его осмелились перебить. Кивнул:

— Все верно. — Помолчал, словно принимая окончательное решение, быть ли искренним, и продолжил: — За последние полгода мои агенты сумели разговорить семерых посещавших Кайфоград ученых. Допрашивали прямо в городе, с помощью «химии».

— Мои ребята общались с пятью учеными, — в тон генералу отозвался Моратти. — К сожалению, ничего интересного не узнали — действительно важных людей Мертвый в Кайфоград не отпускает.

И Ляо, и Ник знали, что непосредственные разработчики спрятаны в специальных зонах, охрану которых обеспечивает внутренняя безопасность, не подчиняющаяся даже коменданту.

— Тем не менее кое-какие выводы сделать можно.

— Насчет повышенной секретности?

А вот сейчас китаец не сдержался: на мгновение, всего лишь на одно малюсенькое мгновение его лицо исказила презрительная гримаса, демонстрирующая отношение генерала к недалекому варвару.

— Мы тщательно проанализировали результаты всех интервью и пришли к выводу, что на Станции реализовано практически невозможное: общая картина известна предельно узкому кругу людей, а все остальные занимаются исключительно своей частью работы, не понимая, как именно будет использован результат их труда.

— Пазл, — хмыкнул Ник.

— Вас это не смущает?

— Мертвый не скрывает, что речь идет о принципиально новой энергии. Ничего удивительного, что рядовые члены команды неспособны осознать происходящее, — они до него попросту не доросли.

— Или же есть нечто, что Кауфман пытается скрыть.

— Или так.

Спокойный ответ Моратти заставил генерала использовать свой главный козырь.

— У меня есть основания предполагать, что Кауфман… что на Кауфмана работает Чайка.

Коротко и просто.

— Маловероятно, — бесстрастно ответил Ник. — Мертвый убил Чайку.

— Я не сказал, что знаю, — уточнил Ляо. — Я сказал, что есть основания предполагать. Мы провели анализ программ Сорок Два и в особенности я-вируса…

— Мои машинисты тоже говорили, что он не по зубам Сорок Два, но…

Китаец не хуже Моратти умел плавно перебивать собеседника:

— Мы знаем, что Чайка был гением, способным написать р-вирус. Мы знаем, что Мертвый якобы убил его около трех лет назад, но тело так и не было обнаружено. Чайка исчез.

— Думаете, Мертвый его прятал?

— Аналитики хором говорят, что написать я-вирус мог только Чайка.

— Маловероятно, — повторил Ник. — Чайка был свободным ломщиком, настоящим великим, а не тритоном. Он бы не смог продаться… точнее, он смог бы продаться, но в этом случае не смог бы написать я-вирус. Поверьте, генерал, я в этом чуть-чуть разбираюсь.

Все знали, что по-настоящему великие машинисты, чувствующие бинарный код каждой клеточкой души, в неволе не вырастали. Все они были нейкистами. Все ненавидели систему. Все славили свободу.

— Я с вами согласен, Ник, — мягко произнес Ляо. — Чайка не продавался, но у Кауфмана есть и другие способы заставить людей делать то, что ему нужно. Помните недавний бунт в Африке? Во время которого погибли машинисты?

— Такое случается.

— А потом в вашей главной тюрьме сменилось несколько офицеров.

— Официальный отчет не совсем отражал действительность, — неохотно протянул Моратти. — Некоторые сотрудники Африки проявили несдержанность, которая и привела к бунту. Директор Флобер отстранил их от работы.

— Сменил команду.

— Совершенно верно.

— Или же команда покинула Африку после завершения операции, — с нажимом произнес Ляо, чуть подавшись вперед. — Я предполагаю, что Мертвый не убил Чайку, а захватил, после чего отправил в Африку и использовал для создания я-вируса.

— Вы говорите о главной тюрьме СБА.

— То есть вы убеждены, что мое предположение невозможно? Просто скажите «да», и я поверю.

Но короткого ответа не прозвучало. Ник взял стакан, сделал маленький глоток виски, после чего, едва заметно передернув плечами, сообщил:

— Мы используем Африку в том числе и для вербовки агентов. Оттуда выходят люди, готовые на все.

— И ломщики?

— И ломщики тоже, — подтвердил президент СБА. — Директор Флобер отбирает наиболее перспективных, обкатывает их на задачах, которые мы ставим, проверяя, так сказать, уровень подготовки, после чего делает предложение о сотрудничестве. Все они отправляются сюда, в Цюрих, в секретный департамент.

Столь серьезное признание показывало, что Ник абсолютно честен с китайцем.

— Новые имена, новые лица и новая работа.

— Совершенно верно.

— Но о Чайке вы не знали.

— Вы тоже не знаете, — мрачно уточнил Моратти.

— Я предположил, а вы даже не догадывались. Ник недовольно посопел:

— Считаете, что Флобер продался Мертвому?

Президент СБА свыкся с мыслью, что не контролирует московский филиал. Не смирился, а свыкся — борьба продолжалась. Теперь же ему намекали, что щупальца Кауфмана протянулись значительно дальше, чем он ожидал.

— Я считаю, что вы должны плотно поговорить с директором Флобером, — твердо сказал китаец. — Он знает правду.

Раздраженный Моратти налил себе на два пальца и выпил почти залпом.

— Но что меняет правда? Почему Чайка столь важен для вас?

«Дракона усмирят трое. Один — тот, кто его породил. Второй — тот, кто сделает колесницу. Третий — тот, кто говорит с железом».

Вот почему. Но рассказывать президенту СБА о полученном предсказании Ляо не собирался, не тот человек Ник, не поймет. Варвар. Поэтому генерал добродушно улыбнулся:

— Я раскрыл обман. Считайте это небольшой услугой. «Знаем мы твои услуги!»

— В таком случае я должен вас поблагодарить.

— А я надеюсь, что вы поделитесь со мной результатами расследования. Мне любопытно, насколько хороши мои аналитики.

Моратти почесал в затылке.

— Если ваше предположение окажется верным, если Чайка действительно сидел в Африке и писал я-вирус, это означает, что Мертвый работает в паре с Сорок Два.

— А Сорок Два атакует храмовников, — развил мысль китаец.

— То есть Мертвому это нужно?

Информация о возможной связи Кауфмана с цифровым пророком не понравилась президенту СБА гораздо больше, чем

весть об измене Флобера. Нет, внешне Ник оставался спокоен и благодушен, однако мысли его завертелись вокруг новой комбинации. Не получилось ли так, что не он использует Сорок Два в своих интересах, а хитроумный Мертвый — его? И вся операция против Мутабор затеяна Кауфманом. Возникает вопрос — зачем? Уж не потому ли, что Милостивый Владыка — единственный кто способен оказать Мертвому реальное сопротивление? Кто еще не обманут или не взят под контроль?

«Не получилось ли так, что я собственными руками уничтожаю возможного союзника?»

— Храмовники несут большие потери, но не отвечают ударом на удар. Вам не кажется это странным?

— Я предлагал им помощь, — рассеянно отозвался Моратти.

— В обмен на «синдин»?

Китаец просчитал его комбинацию на раз. Впрочем, Ляо обвиняли во многих грехах, но никто и никогда не называл генерала дураком.

— Я действую в интересах Анклавов и всего мира, внушительно ответил Ник. — «Синдин» опасен, и храмовники не имеют права скрывать правду. Производство этого наркотика необходимо взять под плотный контроль.

— Ваши доводы разумны.

— Благодарю.

— Разумны для вас, — подчеркнул китаец. — Но кто знает, что разумно для того, кто не считает себя человеком? Храмовники несут потери, но все равно не отдают секрет «синдина». Я бы задумался о смене метода.

— Рано или поздно потери станут настолько высокими, что они запросят мира.

— А если храмовники рассматривают происходящее не как потери, а как жертву?

— Что это меняет?

«Как же трудно разговаривать с человеком, стоящим вне Традиций! Насколько же сильно ограничивает их, живущих только ради себя эгоистов, непонимание того факта, что некоторые люди готовы умереть во имя идеи».

Моратти вопросительно поднял брови. Китаец пошевелил пальцами и попробовал отыскать понятное президенту СБА сравнение:

— Вы ведь играете в шахматы, Ник?

— И неплохо, — согласно кивнул Моратти.

— Знакомы с понятием «гамбит»?

— Разумеется.

— Вам не кажется, что именно его мы и наблюдаем? Владыка

сдает позиции и теряет людей только потому, что не имеет ничего против. Потому что ему нужно было

сдать эти позиции и потерять людей. Ведь все, что мы знаем о корпорации Мутабор, свидетельствует: храмовники должны, обязаны предпринимать ответные ходы. Сильные, решительные и жестокие ходы, которые всегда были их визитной карточкой. А они отступают. Мы уверенно улыбаемся и говорим себе: «Нажим оказался силен». Мы говорим: «Мутабор оказался колоссом на глиняных ногах». Мы уверены в себе, но… — Быстрый взгляд. — Но все происходящее похоже на самоликвидацию. Тысячи храмовников бесследно исчезают, прячутся, и ни у кого это не вызывает подозрений: ведь за ними охотятся.

— Ну… да, — кивнул Моратти. — Именно так. «Какой же он тупой!»

— Ник, по самым скромным подсчетам, Милостивый Владыка контролирует три миллиона человек. — Ляо вздохнул. — И сейчас они все исчезли из поля зрения. Вас не интересует куда?

— Спрятались. — Где?

— Рассеялись по миру.

Именно так говорят себе люди. Именно на это и рассчитывал Милостивый Владыка. «Рассеялись по миру». Никаких подозрений.

— Хотел бы я, чтобы все оказалось именно так, — медленно произнес Ляо и, впервые с начала разговора, взялся за бокал с вином. — Хотел бы…

— У вас есть другое предположение? — осведомился Моратти.

— Нет, на этот счет нет, — признался генерал. — Но я чувствую обман.

Все чувствуют обман.

И все друг друга обманывают.

«Мертвый врет, Ляо врет, верхолазы, правительства, я…»

Ничего удивительного в том, что запах обмана дерет умным людям ноздри. Ничего удивительного в том, что никто никому не верит и паранойя стала признаком нормальности. Вопрос лишь в том, чья ложь окажется лучше. Или продержится дольше.

Моратти плеснул себе еще виски и с наслаждением раскурил сигару, о чем мечтал во время разговора. Ароматный табак расслабил, успокоил нервы, и мысли наконец-то потекли плавно, мягко выстраивая логические цепочки.

«Итак, что мне дала беседа?

Я узнал об очередном воскрешении легендарного ломщика, которое, судя по всему, здорово беспокоит китайца. Почему? Потому что Чайка работает на Мертвого. Возможно, принимает

участие в разработке Станции, что логично: столь мощное сооружение требует настоящих гениев. И присутствие Чайки подсказывает Ляо, что Станция не просто энергетическая установка, а нечто большее? Допустим.

А что известие о воскрешении Чайки означает для меня? Во-первых, Флобер — предатель. Но это ерунда, навести в Африке порядок нетрудно. Во-вторых, возможная связь Мертвого с Сорок Два. И, как следствие, то, что я пляшу под дудку Кауфмана. Что недопустимо. Но… как я пляшу? Атакую Мутабор? Да, я атакую храмовников руками Сорок Два. Это нужно Мертвому? Он хочет уничтожить Мутабор? На первый взгляд — да, но Ляо прав — храмовники ведут себя подозрительно. Ждали удара? Планировали его, дабы провести массовую эвакуацию? Не слишком ли фантастично».

Стакан опустел, и Ник добавил еще на два пальца. Попыхтел сигарой. Рассеянно провел рукой по уложенным в идеальную прическу волосам, но ничего путного не придумал.

«Массовая эвакуация миллиона с лишним человек? Куда?! А главное — зачем?! Основать на каком-нибудь острове государство? Создать в Тибете коммуну? Ерунда! Ляо зря отказывается от очевидных ответов: храмовники прячутся, растворяются среди людей. А на удары не отвечают, чтобы не провоцировать массовые беспорядки. Ведь в этом случае СБА немедленно войдет на их территории, и тогда секрет «синдина»… Вот оно!»

Моратти едва сдержался, чтобы не выкрикнуть эти слова. Он наконец-то понял, что именно его беспокоило всю вторую половину разговора.

«Секрет «синдина»! Почему Ляо не потребовал гарантий того, что я поделюсь им?

А потому, что китаец понимает: стоит храмовникам отдать технологию, и уже через неделю она окажется в сети. Время, когда можно было говорить о монополии на производство наркотика, прошло. Сейчас все изменилось. И планы, которые строились два месяца назад, можно выбрасывать в корзину.

Но козыри тем не менее нужны. И, к счастью, ставка была сделана не только на «синдин».

Пусть Сорок Два продолжает заниматься Мутабор. Его уже не остановить. А я обязан сосредоточиться на более важных вещах.

На Станции.

Государства давят, они до колик боятся воцарения Мертвого и не позволят ему запустить Станцию. Они выдвинут ультиматум и, если Кауфман не отступит, пойдут на штурм. А Мертвый уничтожит Станцию, в этом тоже нет никаких сомнений. Вот и

получается, что банк сорвет тот, кто заполучит секреты Станции до начала штурма. А там пусть дерутся…»

Моратти вытащил из кармана коммуникатор и набрал номер.

— Стефан?

— У меня все в порядке, — вежливо отозвался Дрогас. — Все идет по плану.

После неудачной попытки завладеть секретом «синдина» лучший оперативник президента СБА вернулся к проекту, который вел последний год. А параллельно курировал действия Сорок Два — никому другому поручить работу с неожиданным союзником Ник не мог.

— Это будет очень хорошая акция.

В отличие от Моратти, Дрогас избегал называть вещи своими именами, даже используя коммуникатор со сдвоенным шифрованием.

— Ты мне нужен как можно скорее, — отрывисто произнес Ник. — Наши приоритеты меняются.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз. Эль-Париж. Отель «Мохаммед Плаза». Зеркало в золотой клетке

Кадр № 143

Кристиан решил вести себя честно: раз договорился, значит, договорился, однако ему было безумно жаль расставаться с результатами работы, с вырванными из жизни эпизодами, с наглядным доказательством возвращения в профессию. Художник победил наркомана, но испытывал мучительную боль от того, что перестал быть хозяином своих работ. И поэтому Крис не давал кадрам названий, не дополнял подчеркивающими смысл словами, не приближал к себе — ведь так проще расставаться.

Кадр № 143

Кристиан надеялся, что шейхи удержат столицу Исламского Союза от того дерьма, в которое погружались другие города и Анклавы. Кристиан надеялся передохнуть, отыскать на берегах Сены любовь и радость, или хотя бы следы их, следы тех эмоций, которые совсем исчезли из других мест. Надеялся… И поначалу Эль-Париж оправдывал ожидания. Кадр № 103 — прекрасный, наполненный любовью снимок, сделанный в парке Версаля. Но всего через четыре дня фотограф стал свидетелем очередного кошмара.

Кадр № 143

Двое мужчин вырывают друг у друга строительный пистолет, стреляющий длинными гвоздями с широкими шляпками. Каждый хочет лично прибить к дереву полуобнаженного храмовника, которого держат их дружки. Двое мужчин дерутся, оспаривая право стать палачом.

На широком экране настенного коммуникатора видна каждая мелочь, каждая черточка: разъяренные лица, грубые жесты, подзадоривающие драчунов приятели и спокойный храмовник, который умрет через несколько минут, потому что никто не придет на помощь. Храмовник умрет на глазах фотографа.

Кадр № 143. Эль-Париж, конец июня.

— Задумался? — негромко спросил вошедший в кабинет Жозе.

— Вспоминаю, — отозвался Кристиан, превращая картинку в

пиктограмму на рабочем столе. — Хотя, говоря откровенно, такую дрянь лучше забыть.

Сто сорок третий кадр, последний из тех, что отправлены Заказчику на сегодняшний день. Разумеется, Кристиан снимал больше, гораздо больше, однако по вечерам безжалостно уничтожал неидеальные с его точки зрения снимки, оставляя лишь самые лучшие.

— Не помешаю?

— Нет.

— Я пива принес.

Лучше бы, конечно, виски, но сойдет и пиво.

— Давай.

Гомеш выставил «шестиствольную» связку банок на стол, подтащил второе кресло и уселся рядом с другом.

— Твое здоровье.

— Твое здоровье.

— И за то, чтобы этот сон продолжался как можно дольше.

— И за это тоже. Их новый тост.

Кристиан и Жозе сидели не просто в кабинете, а в одной из комнат апартаментов фешенебельного «Мо-хаммед Плаза». Тридцать восьмой этаж, с которого открывался лучший вид на Эль-Париж. Прислуга. Охрана. Все счета оплачены. Спальня Кристиана, спальня Жозе, спальня Агаты, две гостиные и кабинет — ведь у мастера должно быть место, где он может спокойно, не торопясь, предаться творчеству. Вот Кристиан и сидел, развалившись в глубоком и удобнейшем кожаном кресле. И предавался, мать его, творчеству, разглядывая чудовищные кадры на мониторе настенного коммуникатора. Драки, вспышки насилия, злодейства и совсем иногда — любовь.

— Я буду скучать по этой нашей жизни, — улыбнулся Жозе, вытирая губы.

— Угу.

— С другой стороны, после контракта наш жизненный уровень вряд ли сильно снизится.

— Угу.

— Два миллиона — это большие деньги.

— Огромные. Кристиан глотнул пива.

Всё оказалось именно так, как пообещала Агата.

Заключив контракт, она немедленно, прямо на их глазах, перевела на счет Кристиана сто тысяч юаней, и в тот вечер друзья упились до потери сознания. Кто бы сомневался, что так будет? И кто обвинит их в том, что так было? Да никто.

На следующий день приехали «гвардейцы», а может, и не уезжали, дежурили неподалеку, чтобы ценные работники не

повредились в процессе празднования. Как бы там ни было, официально «гвардейцы» объявились лишь на следующий день. Сами расплатились с Хаси-мом за квартиру, вежливо дождались, когда друзья проснутся, помогли им собрать нехитрые пожитки и перевезли в отель. Гомеш сказал, что нужно показать товар лицом, и Кристиан отправился на улицы. Три дня, девятнадцать кадров. Работы Заказчику понравились, обратно вернулось всего три снимка. Довольная Агата устроила вечеринку с шампанским, во время которой Кристиан сказал, что хочет в Эдинбург. Другой Анклав? Никаких проблем! Вечеринку заканчивали в пентхаусе эдинбургского «Великана». Расхрабрившийся Кристиан приударил за Агатой, отказа не последовало. Ночь прошла великолепно, а спрашивать наутро, подразумевалась ли эта услуга, когда женщина говорила о «полном обеспечении», фотограф не стал. Из Эдинбурга переместились в Марсель. Потом в Рим. Теперь — Эль-Париж. Сказка продолжалась третью неделю. Заказчик получил сотню с лишним кадров. Все довольны.

— Как думаешь, Агата нас слушает? — спросил Жозе, открывая следующую банку пива.

— Всегда, — безразлично ответил Кристиан. — Учитывая, сколько денег вложил в проект Заказчик, он должен быть уверен, что мы отдадим ему все кадры.

— Тебе это не мешает?

— Я был готов.

— Черт! — Жозе всплеснул руками. — А я-то боялся спрашивать. Думал, мысль о слежке помешает тебе работать.

— Я сейчас в том состоянии, что помешать мне может только смерть.

— Серьезно?

— Я в отличной форме. — Кристиан потянулся, после чего забросил ноги на стол и сделал большой глоток пива. — Поверь.

Фотограф не лгал, он на самом деле прекрасно себя чувствовал. У него отбирали работы? Да. Зато он их делал! Не снимал чванливых верхолазов с домочадцами, а отражал мир. Для такого же, как он сам, ценителя. Для человека, которому нужны детали и мелочи. Для человека, который хочет посмотреть в совершенное зеркало. А работы… Все кадры Заказчик не заберет, останется достаточно, чтобы предложить тому же Кеннеди для персональной выставки.

— Черт, Крис, я рад! Я… — Голос Жозе дрогнул. — Я верил, всегда верил, что ты сможешь…

— Я знаю, — мягко ответил фотограф. Кристиан не забывал и не собирался забывать о том,

что только Гомеш остался рядом во время падения. Только

он, только верный Жозе. Возил его по врачам, выхаживал после последней, наиболее действенной терапии, неизвестно как и неизвестно где добывая деньги. Только Жозе.

— Знаешь, я подумал, что в этом контракте мы должны отойти от наших привычных финансовых взаимоотношений, — негромко произнес Кристиан. — Я хочу отдать не двадцать твоих процентов, а половину гонорара.

— Миллион юаней?

— Ты был со мной во всем этом дерьме. Это самое маленькое, что я могу для тебя сделать, Жозе.

— Я не…

— Но потом условия станут прежними.

— Договорились! — Жозе отвернулся и сделал несколько больших глотков пива. А через несколько секунд, вернув себе контроль над голосом, продолжил: — Так думаешь, Агата нас подслушивает?

— Нас охраняет «Швейцарская гвардия», — напомнил Кристиан. — Они бывшие безы, и я уверен, что знают, как слушать нас, даже когда мы молчим.

— Ну и ладно! — Жозе решился. — Не хочешь поговорить с Агатой о Заказчике?

— Зачем?

Этот вопрос, как казалось Кристиану, был закрыт еще в самый первый день. Напиваясь после получения аванса, они с Жозе строили самые разные предположения насчет личности таинственного благодетеля. Несколько раз поднимали тосты за его здоровье и щедрость. Однако утром, увидев сосредоточенные лица «гвардейцев», как по команде, прекратили касаться этой темы. Есть такой человек — и слава Богу, пусть у него все будет хорошо.

— Вчера вечером я встречался с Ибрагимом Кова-левски, — негромко сообщил Жозе. — Помнишь Ибрагима?

— С трудом, — признался Кристиан.

— Он был импресарио нескольких известных фотографов и в том числе — Ханса Хансена. XX-то ты помнишь?

— Он ужрался и запустил свой «Феррари» в цистерну с бензином, — хмуро произнес Кристиан.

— Но он был велик.

— Я его уважал. — Фотограф поднял указательный палец: — За тех, кто ушел!

И сделал большой глоток пива. Жозе вздохнул, однако спорить не стал — выпил. После чего придвинулся еще чуть ближе и продолжил:

— Так вот, Ибрагим рассказал, что лет десять назад Хансу

предложили контракт на создание частного фотоальбома из тысячи снимков. Название — «В тупике». На время контракта полное обеспечение: лучшие отели, трансфер в любую точку земного шара, телохранители из «Швейцарской гвардии». Гонорар — два миллиона юаней. Ничего не напоминает?

На губах Кристиана появилась легкая улыбка.

— Наш благодетель последователен.

— Это все, что ты можешь сказать?

— А что еще?

Гомеш покачал головой:

— Ибрагим рассказал, что тоже, как и я, наводил справки и выяснил, что за десять лет до Ханса контракт с подобными условиями исполнял У Фан.

— Великий фотограф, — подтвердил Кристиан.

— И вроде за десять лет до У Фана был еще один контракт.

— Заказчику не меньше пятидесяти. Ну и что? Кристиан смял опустевшую банку и взялся за следующую. — Кстати, а зачем ты говорил с Ибрагимом о контракте?

— Хвастался, — признался Жозе. — Я давно уже не хвастался. Нечем было.

— Понимаю.

— К тому же нам не приказывали держать рот на замке.

— Логично.

Гомеш помялся:

— И… и есть еще кое-что. — Пауза. — Мы договорились считать Заказчика верхолазом, так?

— Судя по всему — крутым верхолазом, — подтвердил Кристиан.

— То есть он где-то у самых звезд. — Угу.

— И он наверняка знает, что происходит в мире, и, вполне возможно, сам крутит планетой, верно?

— К чему ты ведешь? — насторожился фотограф. Голос Жозе вновь дрогнул:

— Во время нашей первой встречи Агата сказала, что тебе доверено написать последнюю главу мира. И знаешь, Крис, когда я сопоставил ее слова с тем, что" мы думаем о Заказчике, мне стало страшно.

* * *

Анклав: Франкфурт. Территория: Polmenviertel. Собор Святого Мботы. Бывают моменты, когда ты умоляешь не дарить тебе подарки

Когда-то давно, на заре карьеры, кабинеты Папы Джезе больше напоминали берлогу любвеобильного холостяка, нежели рабочее место иерарха Католического Вуду. Научными и теологическими изысканиями Папа предпочитал заниматься в библиотеках, статьи писал, валяясь в постели или на диване, а все его блистательные проповеди были импровизацией с первого до последнего слова. Необходимости в письменном столе любимец духов Лоа не испытывал. И даже получив баварскую кафедру, Джезе продолжал вести себя в прежнем ключе: кабинет обставил мебелью удобной, подходящей для отдыха и развлечений, не забыл о баре с отличным подбором спиртного и зеркалах на потолке, ну а тонкий аромат женских духов появился сам собой, в силу, так сказать, естественных причин.

Однако теперь Джезе-сибарит остался в прошлом, и кабинет стал первой жертвой новых привычек Папы. Красивый стол, на котором ерзала не одна женская попка, был заменен на функциональный. Кресла теперь вызывали не желание развалиться, а стремление присесть и доложить. На стенах появились дополнительные коммуникаторы и полки с книгами, а вместо крутобедрых мамбо в кабинет зачастили секретари и помощники.

Папа изменился, стал играть в новые игры, и они ему нравились.

— Передайте этим козлам из СБА, что мы не откажемся от плана провести еще одно открытое богослужение, и мне плевать на какое-то там недовольство какого-то там правительства какого-то там Исламского Союза. Мы живем в Анклаве Франкфурт, а не в их долбаной Европе… Что? Нет, я не собираюсь разговаривать с мелочью из местного филиала. Если хотят пообщаться, пусть их долбаный директор записывается на прием. Так и передай.

Джезе отключил связь, потянулся, на мгновение прикрыв глаза, после чего глотнул остывшего кофе и вернул на экран

список дел.

— Что у нас дальше?

Предварительная программа пастырского визита в Марсель? Посмотрю за обедом. Финансовый отчет епархии? Гм… Итоговые цифры положительные? Вполне. Вот и здорово, детали изучим позже. Переговорить с угандийским архиепископом? Старина Альфред подождет. Письмо от премьер-министра Бразилии? А вот это любопытно.

Противостояние между Джезе и Ахо длилось не первый год, и если раньше наблюдатели делали ставки на то, как быстро всемогущий настоятель сотрет в порошок наглого выскочку, то теперь оценки происходящего стали более взвешенными. Наблюдатели поняли, что всемогущий Ахо не в силах избавиться от баварского архиепископа, и отношение к Папе поменялось. Вокруг Джезе стала складываться партия. Сначала ее составляли молодые монсеньоры, которые были не прочь внести в Католическое Вуду «свежее дыхание». Потом стали осторожно присоединяться политические бонзы из стран Конфедерации. Чиновники чутко следили за настроениями подведомственного населения и, если замечали, что народ предпочитает проповеди Франкфурта, а не Нового Орлеана, начинали искать подход к перспективному лидеру.

Бразильцев же, представляющих одно из мощнейших государств Конфедерации, Папа обхаживал давно, и полученное письмо означало, что его усилия не пропали даром.

— Посмотрим…

Но посмотреть не удалось. Как только архиепископ открыл чиновничье послание, завибрировал незарегистрированный коммуникатор, и из динамика донесся знакомый женский голос:

— Привет.

— Черт! — Папа едва не вывалился из кресла. — Патриция!

— Я тоже рада тебя слышать. Папа схватил коммуникатор.

— А видеть?

Ответа не последовало. Вместо этого девушка тихо произнесла:

— Я не должна была звонить, но не смогла удержаться. И у Джезе защемило в груди.

Откуда Патриция узнала этот номер? Загадка. Куда исчезла после их единственной встречи? Загадка. Почему духи Лоа ее боятся? Загадка. Кто она? Загадка. Вместе с Патрицией в жизнь Папы вошла тайна, много тайн, но он не хотел их раскрывать. Не секреты волновали Джезе, а хрупкая девушка, что пряталась сейчас по ту сторону сетевого соединения.

Девушка, укравшая его сердце.

— Я соскучилась. Хотела услышать твой голос, узнать, как дела у тебя.

«Думаю о тебе каждый день, каждую минуту. Мечтаю снова встретиться, прикоснуться к тебе, поцеловать…» Слова, которые шли из души. Слова, которые он не мог доверить безразличному коммуникатору. Эти слова произносят, глядя любимой в глаза. Поэтому Джезе ответил просто:

— Строю карьеру.

— Успешно?

— Пока жив.

И услышал тихий смех.

— Ты замечательный. И на душе стало тепло.

— Я ни при чем, родителей благодари.

Папа тоже рассмеялся. Просто так рассмеялся. Потому что прибавилось сил, настроение стало великолепным и хотелось смеяться. А еще хотелось стать маленьким битом, нулем или единицей, нырнуть в паутину проводов, просочиться по ним, выскочить из коммуникатора и прижать к груди хрупкую девчонку с длинными темными волосами.

Патриция поняла, что испытывает Джезе, и тихо повторила:

— Я соскучилась.

Он с силой сдавил коммуникатор.

— Мы сможем увидеться?

— Собственно… Как твои дела с Ахо? Неожиданная смена темы слегка смутила Джезе.

— Почему он тебя интересует?

— Он угрожает моему мужчине, — спокойно объяснила девушка.

Ни одна женщина в мире не смогла бы произнести подобных слов, ни одной женщине в мире Джезе не позволил бы считать, что она может его защитить. Только Патриции. И не потому, что хрупкая девчонка с длинными волосами однажды уже спасла ему жизнь, а потому что он был ее мужчиной, и этим все сказано. Этот факт признали даже духи Лоа.

— У нас очередное затишье.

Ахо не торопился выходить на решающую схватку: каждый из противников был могучим хунганом, и предсказать исход поединка не мог никто, а родные стены… Родные стены, которые могли помочь, не играли — Ахо не появлялся во Франкфурте, а Джезе держался подальше от Нового Орлеана. Так и жили, изредка посылая друг другу приветы в виде наемных убийц. У которых, впрочем, почти не было шансов.

— Ждем, когда начнется новый раунд.

— Что архиепископы?

— В основном помалкивают, не хотят портить отношения ни с кем.

И за Ахо, и за Папой стояли верные соратники, но большинство иерархов Католического Вуду и лидеров входящих в Конфедерацию стран благоразумно не лезли в драку. И все понимали, что в таких условиях противостояние может тянуться годы.

— Тебе нужно совершить подвиг. — Пэт помолчала. — Как думаешь, книга Урзака еще интересна архиепископам?

— Книга Урзака? — Джезе не сразу сообразил, о чем идет речь. Книга Урзака! Мемуары колдуна, в которых, по слухам, собрана правда обо всех Традициях, включая информацию о таинственном убийце богов. — Конечно, интересна!

— Насколько?

— Ахо выставил бессрочный контракт: двадцать миллионов юаней тому, кто ее принесет. — Джезе опомнился. — Подожди, подожди… Ты что, знаешь, где она?

— Предполагаю. — Пэт рассмеялась. — Если ты добудешь книгу Урзака, это будет считаться подвигом?

Она добудет. Рискнет, отправится куда-то, постарается добыть для него проклятую книгу, из-за которой уже полегла куча народу. Плевать на народ! Из-за долба-ной книги долбаного Урзака погибла Каори! История повторяется?

По спине неукротимого архиепископа поползли мурашки.

— Я не хочу, чтобы ты рисковала! Ты слышишь?

— Она тебе нужна, — кротко произнесла девушка.

И Джезе показалось, что он говорит с Каори. Все повторяется!

— Патриция! Не смей даже думать об этом! — Странный возглас для бесстрашного Папы. И не приказ звучал в его голосе, а страх. — Я запрещаю!

— Договоримся так: увидимся через пару дней. Если у меня получится, у тебя будет отличное настроение.

— А если не получится?

Но девушка уже отключила коммуникатор.

— Не смей!

Откуда она звонила? Как связаться? Незарегистрированные коммуникаторы — штучки хитрые, хозяев своих от излишнего внимания берегут, но Джезе все равно попытался восстановить канал. Несколько минут жал на кнопки, используя все свои не очень обширные знания современных коммуникаций. А когда понял, что ничего не получается, в ярости швырнул неповинную машинку в стену.

Патриция! Не надо!!

«Он переживает! — Зару душили слезы. — Он переживает,

беспокоится, он ее любит. Ее, а не меня. Подлую тощую сучку, которая безжалостно разрушила танец мамбо и украла сердце обожаемого мужчины. Он ее любит».

Зара закусила губу и сжала кулаки так, что острые ногти оставили на ладонях кровавые отметины.

«Он боится за нее и не стесняется демонстрировать слабость».

А настоящий мужчина ведет себя так только с одной женщиной — с единственной.

И Зара едва не закричала в голос.

Папа стал играть в другие игры, однако новая реальность, несмотря на все опасности и пережитые угрозы, еще не изменила его самого, не сделала закрытым, недоверчивым. Он даже не знал, что управляющая секретарским коммуникатором Зара может незаметно подключаться к интеркому и слушать ведущиеся в кабинете разговоры. Или знал, но забыл. Или не посчитал важным.

К тому же Папа знал, что Зара его любит, и это автоматически делало мамбо доверенным лицом. Но Папа не учел одной маленькой детали: он сам Зару не любил. А это многое меняло.

* * *

Анклав: Эдинбург. Территория: Punkground. Ночной клуб «Клещи». Собравшись прыгать в омут, постарайся разузнать о нем побольше

Есть ли Антихрист в благословенном мире Цифры? Есть ли Нечистый, ввергающий нас в сомнения? Есть! И цели его не изменились: он призван помешать нам, призван ставить препоны на нашей дороге. Антихрист твердит, что Цифра не вознесла человека на новую ступень, не изменила его, не сделала равным богу. Антихрист понимает, что в мире Цифры ему нет места, и потому борется с ним изо всех сил. Борется с нами.

Голос, профессиональной рекой льющийся из динамиков, заставил Саймона отвлечься от работы, и теперь он молча сидел перед шестью коммуникаторами в своем «командорском» кресле, бездумно гонял по экрану курсор «мышки» да потягивал кофе из большой кружки. Кроме него, в кабинете никого не было — руководитель (и единственный исполнитель) специального, мать его за ногу, проекта имел свои преференции. Орда тусовалась в общем зале, а он, Саймон Хост, так же как Сорок Два, прятался в отдельной комнате. Отличный признак того, что движение действительно стало большим…

Антихрист нашего мира — Мутабор. Храмовники отвергают Цифру, отвергают человека будущего, отравляют разум людей бессмысленной верой. Храмовники отвергают вершину цивилизации, эпоху настоящей свободы. Они говорят, что Цифра неестественна, а сами пересаживают себе органы животных и растений, создают отвратительных уродов, которые не имеют права называться людьми. Храмовники ведут нас в тупик, желают превратить в послушных скотов, заучивающих наизусть бредни Владыки. Мутабор опасен! Мутабор должен быть разрушен!

Сорок Два действовал последовательно: выбрав храмовников мишенью, он бросил на них все силы движения, талант пропагандистов и весь свой авторитет. Мутабор упоминался практически в каждом Слове, хотя бы вскользь, хотя бы в паре предложений. Мутабор — враг. Помните об этом! И тритоны помнили.

А может быть, им было все равно, кто враг.

Строительство нового мира подразумевает ломку старого. Пусть не до основания, сохраняя, так сказать, инфраструктуру. Но те, кто сопротивляется, должны быть уничтожены. И те, кто не принимает новое, должны быть уничтожены. В этом Сорок Два был убежден сам и убеждал последователей.

Саймон посмотрел на левый, самый крайний коммуникатор, настроенный на популярную новостную ленту.

Фанатики из «Остановим Ад!» спровоцировали безов у ворот Станции. Драка. Дубинки, щиты, перекошенные лица, лидер движения, яростно орущий о попрании прав человека… В Каире горит медицинский центр Мутабор. Полицейские пытаются разогнать людей, в них летят камни и бутылки с «коктейлем Молотова»… В Кейптауне столкновения между вудуистами и китайцами. Стрельба…

«Все сходят с ума. Чем же Сорок Два лучше?»

Кучка лжецов, захватившая власть над миром, уже давно никого и никуда не ведет. Они не знают, что делать. Они бездумно сжигают ресурсы, превращая Землю в помойку. Они породили чудовищное создание — Мутабор и планируют превратить людей в животных. Ведь животными не нужно управлять, на животных можно охотиться.

Цель выбрана идеально — даже с обычными людьми храмовники держались с заметным высокомерием, а уж к нейкистам и вовсе относились с подчеркнутым презрением. Их легко превратить во врага. Собственно, даже превращать не надо.

Мутабор должен быть разрушен.

Но враги ли они?

«Мы верим в идеи Поэтессы, они — в откровения Милостивого Владыки. Мы идем в авангарде технологий, они лидируют в медицине и генной инженерии. Как получилось, что наука смешалась с верой и начались религиозные войны? Разве это нормально? Или нормально — для людей?»

Саймон запутался.

Да, у храмовников есть «синдин», который необходимо отобрать, потому что «синдин» по Сорок Два — основа Эпохи Цифры, и если храмовники не желают отдавать его мирно, их нужно бить до тех пор, пока не согласятся.

Логично.

Но душа отказывалась воспринимать подобную логику. Хост проговаривал людоедскую цепочку много раз, но так и не поборол отвращения. Вера в правоту Сорок Два постоянно давала сбой.

«Кровь и насилие. Как только у пророка появилась возможность, он тут же принялся насаждать идеи Поэтессы

силой. — Саймон почувствовал желание выпить. — Неужели любое движение приходит к этому?»

Крестовый поход раздражал, действия Сорок Два вызывали подозрения, и только одно Хост знал наверняка: он хочет взломать Станцию. Хочет отправиться на это невозможное и смертельно опасное задание. Хочет — и всё. Потому что такой шанс выпадает не просто один раз в жизни — один раз в истории. Потому что память об этом взломе останется в веках. Не будет жить в архивах и документах, а сразу превратится в легенду. Потому что, если он откажется и, может быть, доживет до состояния дряхлой развалины, он обязательно будет задавать себе вопрос: «Почему отказался?» — и станет плакать, не находя ответа. Станет плакать, проклиная не пойми зачем прожитую жизнь. А плакать Хост не любил и не умел. Вот и согласился.

А еще его прельщала возможность оказаться подальше от пророка и развязанной им бойни. Ведь если ты далеко, то создается ощущение, что тебя это не касается. Ты в стороне.

— Привет.

— Привет.

Сорок Два вошел без стука, без предупреждения. В кабинет помощника, как в свой собственный. Пророк, мать его за ногу, великий человек, легко забывший о нормах приличия.

— Чем занимаешься?

— Смотрю на Станцию.

Хотел язвительно добавить: «Как и все последние недели», но не стал, вместо этого глотнул кофе.

— Понятно.

Сорок Два тоже уставился на мониторы, на которых светились таблицы, схемы, планы и формулы — самая интересная информация о строительстве, как общедоступная, так и выводы аналитиков, то есть ничем не подкрепленные предположения. Была там и спутниковая карта, светилась на втором справа экране — грандиозное строительство, вид сверху.

— В очередной раз убеждаюсь, что извне не пробиться. Все объекты Станции связаны кабельной сетью, ни

один, мать его за ногу, секретный бит не идет через беспроводные гаджеты — запрещено личным приказом Слоновски. «Балалайки» свои, с двойным шифрованием, перехватить сигнал можно, но получишь лишь абракадабру. К тому же у особо секретных людей в головах нет чипов. Связь с внешним миром тоже осуществляется по кабелю, что тянется до самого Мурманска, но подключаться к нему бессмысленно: придя на Станцию, он упирается в коммуникационный центр, серверы которого не имеют выхода во внутреннюю сеть. Вся информация

проверяется едва ли не побитно и только после этого отправляется по адресу. Анахронизм, конечно, электронное письмо родственникам идет минимум сутки, зато машинисты Слоновски не пропустили внутрь ни одной дряни, говорят, на Станции даже о л-вирусе не слышали.

— Я ведь сказал, что ты будешь работать изнутри, — недовольно произнес Сорок Два. — Снаружи Станцию пытались ломать лучшие машинисты всех разведок мира, и все облажались.

А ведь когда-то пророку нравилось, если его человек плотно погружался в поставленную задачу, изучал не только то, что требуется сделать, но и всю сопутствующую информацию.

Все меняется…

Саймон опять хлебнул кофе и спокойно продолжил:

— Со взломом изнутри тоже не все гладко.

— Что ты имеешь в виду?

— Сеть кабельная, значит, машинисты могут отключить любую периферийную зону, и наша атака захлебнется в зародыше. — Хост пошевелил «мышкой», выделив на спутниковой карте один из объектов. — Это КПП «Восток», самая уязвимая из Кайфограда точка, подключенная ко внутренней сети Станции. Думаю, ее отключат задолго до того, как я в ней окажусь, или сразу, как только поймут, что я ломаю Станцию.

— Уверен, Дьявол это понимает и собирается провести тебя туда, где не отключат.

— Между КПП «Восток» и центральными объектами Станции два защитных периметра и неизвестное число других зон безопасности.

— Ты пройдешь, — уверенно произнес Сорок Два.

— Каким образом?

— Дьявол не посвятил меня в подробности плана.

— Тебе не доверяют?

— Это нормальная предосторожность.

— Понимаю.

Согласившись ломать Станцию, Саймон крепко задумался о том, кому же Сорок Два, по его собственному утверждению, продал душу. Что за благодетель подарил движению «Теки»?

В то, что пророк не знает своего Дьявола, Хост не верил: такие сделки анонимно не заключаются, и оплачивают их не только деньгами. Так что знает Сорок Два, знает, но говорить не хочет. Вот и получается, что это или одно из крупных государств, или какая-то корпорация.

Смешно. Рука об руку вступим мы в Эпоху Цифры… Смешно и противно.

Или все происходящее нормально? Ведь главное — Эпоха,

ради наступления которой возможны любые тактические союзы?

Все изменилось. Все запуталось.

— Я тоже размышлял о плане Дьявола, — важно продолжил Сорок Два, — и пришел к похожим выводам: ломать Станцию следует глубоко изнутри. А значит, Дьявол задумал штурм.

— Мы пойдем по трупам?

— Других вариантов нет, Саймон, но ты не беспокойся — тебя будут беречь как зеницу ока.

Пророк проговорился. Он ни в коем случае не должен был говорить о штурме, потому что устроить настолько большой «бум!» могли только естественные враги нейкистов — власти или верхолазы. Пророк проговорился, и Хост немедленно зацепился за произнесенные слова.

— Кто Дьявол, Сорок Два? Кто нас ведет?

— Нас ведет Поэтесса, — резко ответил пророк.

— Ты понял, о чем я спрашиваю, — продолжил давить Хост. — Кто наш союзник? Китайцы? СБА? Исламский Союз?

— Какая разница? — Циничный ответ погасил пыл Хоста, Саймон скривился и вновь уткнулся в кружку с кофе. Но Сорок Два понимал, что не может просто оборвать неприятный разговор — Хост не тот человек, к тому же он готовится к важнейшему заданию. Понимал и очень жестко продолжил: — Или ты веришь мне, Саймон, или не веришь, вот в чем все дело. Если ты считаешь, что я продался, что отказался от идеи, скажи это сейчас. Не мне скажи — себе. А потом встань и уйди.

Удар достиг цели: Хост смутился.

— Я…

— Если ты хоть на секунду усомнился во мне, если решил, что я перестал бороться за Эпоху Цифры, за уничтожение аппарата подавления, встань и уйди. Я не буду тебя держать и не буду тебя преследовать. Ты мой друг и ты мой брат. Ты устал, ты перестал верить в меня, я пойму. — Пауза. — Ну?

Крыть нечем. Подозрения, сомнения, недоверие — есть. Но на вопрос: продолжает ли Сорок Два нести идеи Поэтессы — Саймон мог ответить только утвердительно. Да, мать его за ногу, продолжает. Сорок Два изменился, Сорок Два стал жестче и высокомернее, стал злым, но он упрямо тянет нейкизм вперед, в свою Эпоху Цифры.

«А может, когда он говорил, что продал душу, он не лгал?»

— С кем ты договорился?

— Ты уже догадался: с одним врагом против другого врага.

И по тону, которым Сорок Два произнес эти слова, Саймон понял:

— Тебе тяжело.

— Чертовски. — Пророк отвернулся. — Но какое, нейрошланг тебе в задницу, это имеет значение? Мы идем вперед, все остальное — детали.

В маленьком кабинете тихо гудели коммуникаторы. На всех экранах отражается техническая информация, и лишь на самом левом немножко реальности: перестрелки, поджоги, демонстрации и смерти. Мир, мать его за ногу, устал и хочет «синдина». Но от «синдина» он тоже устал, только еще не знает об этом. Мир вообще не знает ничего, кроме того, что ему плохо. И мир прислушивается к цифровому пророку, потому что он вроде бы знает, как быть.

— Мы идем вперед.

— Прости меня, — тихо произнес Хост.

— Я должен держать это в себе, чтобы вы остались чистыми, — так же негромко ответил Сорок Два, — чтобы на вас не легла грязь. Я сделаю все для наступления нашего мира: пойду на любое преступление, совершу любую подлость, убью, обману, изнасилую, но это — мои грехи. Вам достаются розы, мне — шипы. Это честно. — Пророк помолчал. Но и Хост не посмел нарушить наступившую тишину. — Спасибо, что ты понял, брат, для меня это очень важно.

Снова друзья? Да, похоже — снова друзья. И Саймон почувствовал облегчение и радость, потому что любил этого невзрачного, усталого, подлого, высокомерного, лживого и искренне верующего пророка. Потому что восхищался его преданностью раз и навсегда выбранной идее.

— Когда мне ехать?

— Через несколько дней… — Сорок Два наконец обернулся и посмотрел Хосту в глаза. — Сначала на конспиративную квартиру во Франкфурте, где тебя потрясут на предмет квалификации.

— Уверен, что пройду тест, — хмыкнул Саймон.

— Я тоже так думаю, — согласился пророк. — Потом тебя переправят в Санкт-Петербург, а оттуда в Кайфоград. Не забудь поставить в «балалайку» переводчик с русского. — Сорок Два вновь помолчал. — Дело очень опасное, Саймон, еще не поздно отказаться.

— Я хочу взломать Станцию, брат, очень хочу, — честно ответил Хост. — Ради нашего дела.

А вот последнее утверждение было ложью.

Анклав: Москва. Территория: Болото. «Инновационное бюро Лакри».

Некоторые выживают только потому, что никому не доверяют

Впервые в жизни Рустам разгуливал по бюро не в комбинезоне или кожаном байкерском обмундировании, а в

костюме и строгой белой рубашке. С чистыми руками, гладко выбритым лицом и аккуратной прической. И шутки приятелей: «Готовишься к новой должности?», «Решил заделаться планктоном?», «Торгуешь по каталогу?»- вызывали у него не смущение, а веселье.

А непривычный костюм не сковывал движений, зато постоянно напоминал о том, что сегодня, сегодня…

— Не помешаю?

Чайка вошел в «командирский» ангар без стука, открыв дверь своим ключом, который Рус выдал ему еще в начале проекта. Вошел, с иронией покосился на новенькую, с иголочки, одежду Лакри, но комментировать не стал, не хмыкнул даже, лишь задал бессмысленный вопрос и плюхнулся в кресло.

— Пива бабахнешь? — осведомился Рус.

— Не хочу. — Илья взлохматил рукой волосы. — Готовишься изменить жизнь?

— Сильно заметно?

— Просто я внимательный. — Еще одно движение рукой. Складывалось ощущение, что Чайку что-то тревожит. — Матильда здесь?

— Скоро приедет.

— И все начнется?

— Ага.

— Я видел шарики.

— Ребята хотят повеселиться.

— Десять минут есть?

— Что тебя волнует?

— Двадцатикилометровая дырка, — честно ответил Илья. — И то, что Кирилл не гнушается помощью Мертвого.

И то и другое — вполне себе основания для подозрений.

— Насчет второго я слушать не хочу, — сразу предупредил Рус. — Кирилл никогда не скрывал, что у него отличные связи на самом верху. Он сделал мне официальный суперкомпьютер с пятнадцатью «поплавками», раздобыл тебе документы, и то, что он натравил на тритонов безов…

— Ладно, ладно, я понял. — Чайка выставил перед собой ладони. — А что насчет дырки?

Насчет длинной, как список грехов Мертвого, скважины, появившейся именно там, где нужно. У Руса она тоже вызвала подозрения, однако внятные объяснения Ганзы сделали свое дело.

— Я верю в идею накопителя.

— Шахту начали бурить еще в двадцатом веке, добрались до отметки двенадцать тысяч двести шестьдесят два и остановились. — Чувствовалось, что Чайка всерьез проработал

историю странного объекта. — Во-первых, тогдашние технологии не позволяли идти дальше. Во-вторых, возникли проблемы с финансированием. В-третьих, соседние государства выражали яростный протест.

— На каком основании?

— Они боялись, что русские прорубятся в ад. Лакри хмыкнул:

— Сказки.

— Не вижу ничего смешного, — серьезно произнес Чайка. — Прошли десятилетия, но как только «Науком» купил полигон, все соседние страны в один голос потребовали от корпорации гарантий, что она не станет продолжать бурение.

— Ты шутишь?

— Я погулял по серверам Министерства иностранных дел Исламского Союза, — усмехнулся Илья, — и почитал секретную переписку, которую они вели с «Науком». Единственное требование: скважина должна оставаться законсервированной. Корпорация обещала.

— А сама продолжила бурение… — Рус почувствовал желание выпить, однако сдержался, не хотел, чтобы невеста почувствовала запах пива. — И какой вывод ты делаешь?

— Он тебе не понравится.

— Говори.

Ломщик помолчал, внимательно глядя на инженера, после чего уверенно произнес:

— Станцию строят для нас. Точнее — под нашу задачу.

— Бред! — не сдержался Лакри.

— Кажется бредом до тех пор, пока не сопоставишь факты, — не согласился Илья. — Ты не задумывался над тем, что наш проект развивается в тепличных условиях? Мы собираемся устроить аварию на самом охраняемом в мире объекте, о котором неизвестно никому, кроме его строителей, и получаем в свое распоряжение всё. ВСЁ! Нас консультирует главный инженер, он же гениальный изобретатель. У нас есть действующий образец двигателя на новой энергии, благодаря которому ты досконально разобрался в технологии и придумал свою конструкцию. У нас есть я, которому дали доступ к самым секретным кодам Станции.

— Кирилл…

Однако Илья не позволил себя перебить.

— От нас требуют только одно — вырастить энергетический столб. Никакой другой вариант аварии Кириллом и Патрицией не рассматривается. А как только мы уперлись в проблему симметрии столба, выяснилось, что под Станцией уже выкопана дикой глубины шахта, якобы под совершенно иные нужды. Тебе не кажется все это подозрительным?

— На вещи можно смотреть с разных сторон, — промямлил инженер. — И объяснения, которые мы получили, звучат убедительно.

Илья покивал, допил и немного другим, чуть более глухим голосом начал:

— Я не рассказывал тебе об Африке, ты знаешь только то, что я там был и разработал л-вирус.

— Не был уверен, что эти воспоминания тебе приятны, вот и не лез.

— Правильно делал. — Чайка помолчал. — Когда мне велели писать вирус, я получил в свое распоряжение полную информацию по наноскопам. Все образцы, все коды, все секреты. На любой вопрос мне давали полный ответ. Через посредников, конечно, однако, судя по ответам, меня консультировали лучшие спецы СБА. Я решил задачку только потому, что узнал о наноскопах больше, чем их разработчики.

— Ты написал я-вирус, потому что гений. Этого у тебя не отнять.

— Не делай вид, что не понял. Рус вздохнул.

— Мы оба гении, — с напором продолжил Чайка. — Ты — в своей области, я — в своей. Ганза не в счет, он, судя по всему, в деле с самого начала. А вот мы ни за что не пошли бы работать в «Науком». Тебя тошнит от одного названия, я — беглый уголовник. Даже на Станцию не пошли бы. Даже если бы позвали. Ведь так?

— Так, — вынужден был признать Лакри.

— Они это понимают и поэтому, когда случилась техническая заковыка, задействовали «план Б». Надавили на тебя, вытащили меня из Африки, собрали в кучу, навешали лапши насчет необходимой миру диверсии и заставили работать. Просто и со вкусом.

— Есть неувязка, — быстро ответил Рус.

— Какая? — нахмурился Илья.

Над своей версией он думал не один день и был раздосадован тем, что инженер заметил нечто от него ускользнувшее.

— Получается, им с самого начала был нужен энергетический столб, так?

— Так.

— Может, объяснишь, для чего? Шах и мат.

Чайка развел руками:

— Не знаю.

— Это необъяснимо, — спокойно развил свою мысль Рус. — И это полностью разрушает выстроенную тобой теорию заговора. — Лакри посмотрел на часы. — С минуты на минуту приедет

Матильда, я должен быть во дворе. — Выдержал паузу. — Останешься на церемонию?

— На церемонию? Да… — Чайка лихорадочно искал, чем ответить инженеру, но не находил, а потому фраза прозвучала рассеянно. — Конечно.

— Мне будет приятно.

Рус направился к дверям, но остановился, услышав голос ломщика:

— Я не знаю, для чего им понадобился столб, но ставлю «раллер» против «косяка» на то, что я прав. Не знаю зачем, но именно он им и нужен.

— Восславим очередного мужчину, ставшего жертвой любви!

— Рус, мы будем тебя помнить!

— Не пропадай насовсем!

— Помни: жена только половина жизни! Вторая половина — это мы!

— Дайте ему водки! Может, одумается!

За время отсутствия Лакри двор бюро разительно преобразился — железные стены ангаров ребята украсили воздушными шарами и гирляндами, машины и мотоциклы убрали, а на освободившемся месте возвели импровизированную сцену. Однако этим не ограничились. Желая поддержать Руса, друзья переоделись сами, и пусть не все щеголяли в костюмах — чистые джинсы и футболки тоже демонстрировали их отношение к происходящему.

— Ребята, я… — удивленный Лакри мог только смущенно моргать. — Я…

Его обнимали, хлопали по плечам и трясли за руку.

— На сцену героя!

— Не забудь сказать важное!

— Дайте ему, в конце концов, водки! Вы же видите, что парень не в себе!

К горлу подкатил комок.

Ребята. Свои. Настоящие. Братья. Они любят. А главное — они верят. Пойдут за ним куда угодно, потому что верят.

Вчера вечером Лакри собрал «вагон» в одном из ангаров. Сначала предупредил о предстоящем празднике, а после, выслушав поздравления и подначки, рассказал о предложении Кирилла. О том, что им нужно на несколько месяцев покинуть Москву, бросив с таким трудом созданное и любовно поднятое на вершину бюро. Но даже не это было главным, в конце концов, байкеры к путешествиям привычны, на подъем легки и сами чуяли, что в Анклаве становится опасно. Главное заключалось в том, что им предстоит работать на «Науком», о чем Рус честно

поведал ошеломленным ребятам. Сказал, что другого выхода не видит, и предложил думать о нем так, как они сочтут нужным.

И вот тогда парни его удивили.

Они помолчали, переваривая услышанное, а потом сами, без подсказок, сделали правильный вывод: «Билет для нас ты купил собой?» Они знали его отношение к «Науком» и понимали, чего стоило Русу принять предложение. И поняли, почему он согласился.

«Разве мы не можем справиться сами?»

«Судя по всему, не в этот раз».

«Накупим оружия, еды и забьемся в какую-нибудь дыру. Пересидим».

«Вариант с «Науком» кажется менее рискованным».

«Ты уверен?»

«Иначе бы не предложил».

И парни поняли, что спрашивать дальше бесполезно. Согласились.

А сегодня устроили ему праздник.

— Невеста!

— Невеста!!

— Невеста!!!

«Судзуки Плутон», которым с привычной безбашен-ностыо управляла Патриция, влетел во двор и затормозил перед самой толпой. Шум — ободряющие выкрики и просто вопли — достиг апогея. Матильда соскользнула с сиденья и поднялась на сцену.

— Внимание! — Длинный Зяблик, обладатель зычного голоса, взял на себя обязанности распорядителя. — Тихо!!

Байкеры умолкли.

— А теперь мы услышим самые главные слова!

Все взоры устремились на Руса. Лакри почувствовал, что потеет.

Красный, смущенный, он неловко залез в карман, зажал в кулаке бархатную коробочку, подошел к девушке и медленно опустился перед ней на колено, вызвав короткую волну веселых воплей.

— Матильда, я… В присутствии всех наших друзей… — Заготовленная речь вылетела из памяти, приходилось импровизировать. — Я хочу предложить… спросить… согласишься ли ты стать моей женой?

Слова произнесены, коробочка раскрыта, на солнце блестит крупный бриллиант, и ответ «Да!» тонет в радостных воплях.

— Шампанского!

Зяблик откупоривает первую бутылку и наливает Ру-су и Матильде. Шипучее вино пеной выпрыгивает из бокала.

Здравицы и смех сливаются в гомон. Все рады, и всем весело. Даже Чайке, который чокается с Патрицией и целует ее в щеку. Даже Козявке, который охотится за шуршащей бумажной гирляндой. Даже «Плутону», чьи бока блестят так же сильно, как бриллиант, — ведь сегодня праздник.

Лазфи привлекает к себе. Метильду и крепко иедует ее в губы. Ему хорошо. Он счастлив. Однако в глубине души, за горой веселья и радости, притаились слова Ильи:

«Возможно, Станцию строят для нас. Точнее — под нашу задачу».

Рус помнит эти слова, но сейчас он занят другим.

Территория: Россия.

Научно-исследовательский полигон «Наукам» № 13.

Кодовое обозначение — «Станция».

Когда все идет по плану, можно и пошутишь

Точкой притяжения всей Земли, общественным полюсом, к которому вот уже несколько лет устремлялись взгляды и мысли людей, без сомнения, была Станция. Совершенно секретное строительство, обещающее то ли невиданный прорыв, то ли глобальную катастрофу, которое одни журналисты называли не иначе, как «восьмым чудом света», другие же — «филиалом преисподней». А полюсом самой Станции, ее сердцем и самым охраняемым объектом являлся Главный Энергоблок — исполинский бетонный прямоугольник, увенчанный куполом, диаметром триста метров. Грубое подобие Тадж-Махала возвышалось посреди неприветливых земель Русского Севера, подавляло Станцию и все грандиозное строительство. Казалось, его тень падает на все постройки за много километров вокруг, и даже высотные здания ЛТП-1 и Теплого Дома казались на фоне Энергоблока маленькими измерительными линейками, воткнутыми исключительно для того, чтобы подчеркнуть величину гиганта.

По уверениям «говорящих голов» из «Науком», Главный Энергоблок представлял собой единый центр, напичканный оборудованием, настолько сложным, что одно лишь его перечисление способно свести неподготовленного человека с ума. Так, собственно, и было: безоконный бетонный прямоугольник высотой около пятидесяти, длиной свыше семисот, а шириной пятьсот метров действительно трещал по швам от механизмов и устройств, действительно представлял собой сложнейший комплекс. Однако огромное пространство под самим куполом, то самое место, что притягивало взгляды зрителей и инстинктивно считалось главным в Энергоблоке — ведь для чего иначе возводить купол? — так вот, это самое пространство оставалось

абсолютно пустым. Идеально круглая площадь, диаметром приблизительно в триста метров была залита бетоном и… и всё. Вокруг нее поднимались отвесные стены с одним-единственным окном Оперативного центра на высоте в тридцать метров, а сверху, через гигантский купол, падал рассеянный свет. Падал и уходил в неширокое, кажущееся игольным уколом отверстие, располавшееся точно посередине площади. В дыру, дно которой терялось на двадцатикилометровой глубине.

Именно у нее, а точнее, у металлического ограждения, стояли Мишенька, Слоновски и Ганза. Они могли поговорить в любом другом месте, однако выбрали это, главное, желая своими глазами видеть еще не ожившее сердце Станции.

Два высших офицера и главный инженер. Два идеально отутюженных мундира с шевронами филиала СБА «Станция» — белый щит с черной руной Дагаз. И рваные джинсы, футболка и кеды.

Члены одной команды.

— Это поразительное решение! — громко произнес Ганза и, привычно взмахнув рукой, выронил зажатую под мышкой папку с бумагами.

Грег добродушно выругался, присел на корточки и принялся собирать листы.

Чертежи последнего и самого главного для целей Станции инженерного устройства — «конструкции Лакри» — существовали исключительно на бумаге, и только в одном экземпляре. Несмотря на принимаемые меры безопасности, Ганза предпочитал всегда носить их с собой. Мишенька относился к такой осторожности с пониманием.

— Рус уловил принцип и предложил настолько неожиданный ход, что я до сих пор хожу под впечатлением, — продолжил между тем Ганза. Он не заметил жеста Слоновски. — Нам даже перестраивать ничего не придется, лишь добавим пару элементов да выведем сюда…

— Сложно? — осведомился Щеглов, плавно перебив лохматого гения.

— Неделя работы, — махнул рукой тот.

— Мы уже начали, — добавил Слоновски. — Думаю, дней за пять управимся.

Когда дело касалось сроков, Мишенька предпочитал доверять словам Грега, а не Ганзы — Слоновски умел уговаривать людей работать интенсивнее.

— Единственный нюанс заключается в том, что мы сможем только поднять столб, — продолжил тем временем главный инженер. — Удержать его нереально. А когда его закрутит, тут

действительно откроется филиал ада.

— Удержим, — хладнокровно пообещал Щеглов.

— Ты подготовил расчеты? Я хочу посмотреть. Ганза «тыкал» всем, включая Мертвого и Холодова,

и все давно перестали обращать внимание на манеры гения.

— Вычисления продолжаются, — спокойно ответил Мишенька. — Но я знаю точно, что столб мы удержим.

— Да, помню… ты говорил. — Ганза раскрыл папку и принялся лихорадочно рыться в бумагах: — Грег перепутал последовательность, но… сейчас…

На бетон вновь посыпались листы.

— Что-то ищете, господин главный инженер? — участливо осведомился Мишенька.

— Хочу показать кое-какие заметки… Я провел перерасчеты и уверен, что удержать столб можно будет только с помощью чуда… Да где же?

Офицеры переглянулись.

— Чудеса — это наш профиль, — хмыкнул Грег. Щеглов с сомнением посмотрел на лохматого гения, вновь перевел взгляд на Слоновски и усмехнулся.

— Ганзу можно понять, Грег, он верит исключительно цифрам, то есть тому, что мы не в состоянии предоставить. И он лучше всех знает, что случится, если у нас не получится.

— Мы совершим первый в истории Земли подрыв планеты, — жизнерадостно улыбнулся Слоновски.

— И последний.

— Войдем во все учебники.

— Марсианские.

— Главное — прославимся.

Офицеры рассмеялись, а Ганза, продолжающий рыться в бумагах, так и не услышал их шутку.

Анклав: Москва. Территория: Болото.

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат».

Немного тепла перед дальней дорогой

И много будет странствий и скитаний, Страна Любви — великая страна. И с рыцарей своих для испытаний Все строже станет спрашивать она, Потребует разлук и расстояний, Лишит покоя, отдыха и сна.

Слова старой песни тихо шелестели по опустевшему особняку. Из комнаты в комнату, отталкиваясь от деревянных панелей стен, прыгая с этажа на этаж по скрипучим ступеням лестницы, спускаясь в подвал и поднимаясь на чердак. Слова старой песни были повсюду. Они ласкали загрустивший дом,

утешали его, пытались объяснить, что…

Вспять безумцев не поворотить, Они уже согласны заплатить Любой ценой и жизнью бы рискнули, Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить Волшебную невидимую нить, Которую меж ними протянули*1*.

— Почему сейчас? — тихо спросила Патриция.

— Потом не будет времени, — ответил Грязнов, бережно укладывая в коробку тщательно упакованную статуэтку. — А я не хочу собирать коллекцию наспех.

От знаменитого на всю Москву антикварного магазина осталась лишь витрина — торговый зал, в котором Кирилл принимал посетителей. Сохранился не полностью, количество выставленных древностей уменьшилось почти на треть, но это мало кто заметил — слишком уж много их там было. А вот за фасадом стало пусто, из

Владимир Высоцкий «Баллада о любви»

хранилища и роскошно обставленных комнат особняка, которые сами по себе были мини-музеями или мини-витринами, исчезло все ценное. Картины и фотографии, редкие статуэтки и коллекция старинной музыки — все отправилось прочь из Москвы. И обнаженные стены тоскливым эхом подпевали словам старой песни.

— Дом пустой, — сглотнув подступивший к горлу комок, сказала Пэт.

Грязнов понял, что имела в виду дочь. Оторвался от своего занятия, огляделся, словно только что увидел произошедшие перемены, и качнул головой:

— Дом был наполнен мной.

После чего достал из валявшейся на столе золотой коробочки пару пилюль и принял их, запив водой из бокала.

— А сейчас?

— Я был его тайной, я был его жизнью и его дыханием. Без меня он пуст.

— А сейчас? — повторила Патриция.

— Сейчас мы уезжаем и, вполне возможно, больше никогда с ним не увидимся.

Песня закончилась, а новая не зазвучала. В наступившей тишине Кирилл поднялся на ноги, медленно прошел по комнате и остановился у двери, прикоснувшись рукой к косяку.

— Он любит, и он простит. Он знает, что я должен ехать. Но он надеется, что я вернусь. Больше ему ничего не остается.

— А ты?

— Я тоже.

— Кажется, это все, что нам остается, — надеяться.

— Но сейчас у нас появились для этого все основания, ведь так?

Грязнов улыбнулся, и Пэт поняла, что ее тайна раскрыта. И машинально дотронулась рукой до живота.

— Откуда ты знаешь?

— Я твой отец, кому же еще знать, как не мне? — Он подошел к дочери, которую многие называли Избранной, и нежно провел пальцами по ее щеке. — Ты уже знаешь кто?

— Девочка, — тихо ответила Патриция.

— Это замечательно. — Ей показалось или на глазах Кирилла действительно блеснули слезы? Или в его душе? Или показалось? — Девочка — значит мир.

Девочка — это очаг, очаг — это дом, дом — это мир. А мальчик — костер, костер — это поход, поход — это война.

Девочка — значит мир.

— Не сразу, — вздохнула Пэт.

— Но он будет. — Грязнов обнял дочь. — Джезе знает?

— Нет.

— И не скажешь?

— Нет. — Она закусила губу. — У него своя дорога, и я не хочу мешать.

Ее любимый мужчина слишком силен, но мощные крылья несут его в противоположную сторону. Он готов бросить все, но Патриция не хотела прерывать полет неукротимого Папы. Потому что, сойдя с пути, он перестанет быть собой.

— Это нечестно, — тихо сказал Грязнов. — Хотя бы скажи ему.

— Это мое решение, — упрямо отозвалась Пэт. Постояла, прижимаясь к отцу, и поняла, что не может оборвать разговор вот так, резко, — Кирилл ждал продолжения ответа. — Джезе изменил меня.

— Я знаю.

— Но он никогда не сможет встать рядом со мной… С нами.

— Сможет, если захочет.

— Если мы поставим его в такие условия, что он вынужден будет захотеть. Но будет ли он счастлив?

— Даже не зная о своей дочери, Джезе все равно не будет счастлив — ведь он знает тебя.

— Память обо мне скоро станет для него просто приятным фоном. Недоступная дама, идеал любого рыцаря… — Патриция улыбнулась. — Это не помешает ему вести прежний образ жизни.

— А дочь помешает?

— Ты же знаешь его ситуацию. Кирилл вздохнул.

А Патриция, еще теснее прижавшись к Грязнову, неожиданно

попросила:

— Пожалей его, папа, пожалуйста, пожалей. Не ломай ему жизнь, не вписывай в свои схемы. Пусть он делает то, к чему лежит его душа, хорошо? Пусть он станет тем, кем должен стать.

Она была Избранной и могла требовать. Она была Избранной и могла приказывать. Она знала, что ее слово — закон, но никогда не использовала свою власть по отношению к отцу. Не говорила ему «нет» и ничего не требовала — у него она могла только просить. Она сама так решила, сама выбрала человека, рядом с которым оставалась ребенком.

— Папа, ты обещаешь? Ты оставишь в покое моего мужчину?

— Хорошо. — Грязнов провел рукой по длинным волосам дочери.

— Правда?

— Правда. — Он улыбнулся и поцеловал Патрицию в лоб. — Я ведь твой отец.

А буквально в нескольких шагах от особняка Грязно-ва располагалось заведение, привлекающее клиентов броской вывеской: «Салон Мамаши Даши. Предсказание будущего и коррекция судьбы». Коммерческая фирма по оказанию астральных услуг, одна из многих, что паразитировали на тяге людей к неведомому и выдавали, в обмен на звонкую монету, разумеется, расплывчатые ответы обо всем на свете.

Именно сюда отправился Кирилл, расставшись с Патрицей.

— У меня категорически мало времени! — Мамаша Даша, грузная, но не оплывшая, энергичная и довольная собой, широко улыбнулась вошедшему Грязнову. — Ты понимаешь, Кирилл, КАТЕГОРИЧЕСКИ мало времени.

Книга предсказаний раскрыта, на столе хрустальный шар и две колоды карт: обычная и Таро. В комнате пахнет благовониями, которые разжигались исключительно во время работы.

— Что случилось? — поинтересовался Грязнов, присаживаясь на стул.

— Бизнес обрел второе дыхание! С утра уже было двенадцать клиентов, сейчас короткий перерыв на обед, и я снова встану к конвейеру.

Мамаша совсем не походила на мистическую особу, способную «предсказать будущее» или «откорректировать судьбу». Скорее, на полусумасшедшую провинциальную кукушку, прилетевшую «пофасонить» в большой город. Розовое платье, расписанное синими и фиолетовыми растениями, чудовищная бижутерия — громоздкая и кричащая, а самое главное — шляпка, представляющая собой последствия драки двух взбесившихся

хомячков в букете ромашек. Первый взгляд на Дашу вызывал недоумение, второй — другие чувства, в зависимости, так сказать, от воспитания, но уж никак не желание поделиться с этим чудом сокровенным, а вот третий… Лишь прорвав защиту дикого внешнего вида и крикливого поведения, можно было разглядеть в Мамаше настоящую силу и понять, что ее «салон» резко отличается от конкурентов.

Но разглядеть было сложно, а наплыв людей объяснялся просто: они готовы были слушать любого, кто соглашался дать хоть какие-то ответы. Пусть даже расплывчатые.

— Им страшно, — улыбнулась Даша. — И они идут ко мне.

— Что ты им обещаешь?

— Испытания.

— И они уходят разочарованными.

— Большинство из них все равно не успеет вернуться. Ведь мы скоро уедем, не так ли?

— Ты собралась?

— Ты же знаешь: я не привязываюсь к вещам.

Они не поспевали за хозяйкой, оставались в прошлых жизнях, а Мамаша шла дальше. В отличие от Кирилла, чей путь был прям, дорога Даши состояла из множества отрезков.

— Как Матильда?

— Как и любая девушка, у которой только что состоялась помолвка, пребывает в приподнятом настроении.

— Только поэтому?

Гадалка знала, что Грязнов видит настоящее не хуже ее, а потому лишь прищурилась:

— От тебя ничего не укрывается, да?

— Можно сказать и так.

— Иногда я думаю, что мои способности не особенно важны, ты умеешь видеть дальше.

— Вглубь, но не вперед. — Кирилл вздохнул и повторил вопрос: — Как Матильда?

— У нее тоже будет девочка. И она счастлива.

— Не боится?

— Сейчас не время для страха. Сейчас она просто счастлива.

— Вот и хорошо. — Грязнов помолчал, а затем с неожиданной проникновенностью заговорил: — Знаешь, это был долгий путь, и я рад, что мы прошли его вместе. Мне было приятно чувствовать твою поддержку. Мне было приятно советоваться с тобой. Мне…

— Мы расстаемся? Кирилл грустно улыбнулся.

— Мы выходим на финишную прямую, и никто не знает, чем все закончится. Даже ты.

Мамаша погладила его по щеке.

— В таком случае я хочу сказать, что была счастлива пройти этот путь вместе с тобой, мастер. Я верила в тебя, и ты ни разу меня не подвел.

В дверь постучали.

— Клиент. — Кирилл поднялся, обнял женщину и поцеловал ее в лоб. — Мне повезло, что ты была рядом, Читающая Время.

* * *

Анклав: Марсель. Территория: Мутабор. Приятный солнечный день, с моря дует прохладный ветер. Дерьмо и смерть

— Знаешь, когда Заказчик определял условия контракта, он заложил смету, за которую я не должна была выходить, — негромко произнесла Агата, глядя Кристиану в глаза. — Но сегодня утром я получила сообщение, что лимит повышается в два раза. Полагаю, таким образом Заказчик выражает свое удовольствие.

— Я стараюсь, — пробормотал фотограф.

— А смета с самого начала была запредельной, — закончила женщина. И подняла бокал с вином. — За твой талант, Крис.

Они сидели за столиком небольшого кафе на набережной. На корпоративной территории, где никого не смущало ни отсутствие хиджаба на голове Агаты, ни бутылка вина на столе. Бордо, сыр, немного фруктов — все настоящее, отменного качества. Неподалеку отдыхают «гвардейцы», делая их ленч не только приятным, но и безопасным. Жозе остался в отеле, расслабляется после бурной ночи в компании пары девиц. Вчера вечером Агата сказала, что Крис, если хочет, может присоединиться к другу, но фотограф ответил, что ему хорошо в ее компании. Интересно, а ей?

Кристиан украдкой посмотрел на женщину. Умная, деловая, красивая, восхитительна в постели. Фотограф не стесняясь признавался себе, что очарован Агатой, но червячок сомнений все-таки был — он не понимал, как эта женщина относится к нему. Очередной контракт? Обязанность? Что таится за восхитительным фасадом? Каким он ей видится?

И ведь не спросишь…

— Мой талант едва меня не погубил.

— Но ты смог прорваться.

— Только благодаря Жозе. — Кристиан взял крупную виноградину, повертел ее в пальцах, после чего отправил в рот, наполнив его сладкой мякотью. — Да и Жозе не всесилен. Если бы не Заказчик, мне пришлось бы обслуживать верхолазов.

Агата знала об этом, но одно дело знать, и совсем другое — услышать от самого человека. Услышать горькую правду.

Услышать слова, которые не каждый произнесет.

— Я никогда не понимала увлеченных людей, — тихо сказала женщина. — Не таких, как ты, нашедших свое призвание гениев, а всех этих собирателей и коллекционеров. Неспособные на самостоятельное творчество, они тянутся к чужому искусству, готовы платить миллионы за возможность таращиться на картины, гравюры и статуи.

— И фотографии, — добавил Кристиан.

— Я не понимала, — продолжила женщина. — Но когда увидела… нет, скорее, когда я почувствовала твои работы, стала свидетельницей того, как ты их создаешь, как бродишь по улицам, отрешенный, полностью растворенный в том, что тебя окружает, я вдруг подумала, что наш Заказчик, возможно, понимает, как ты творишь. У него нет твоего таланта, но есть желание увидеть мир таким, каким его видишь ты. Есть желание стать сопричастным. И поэтому Заказчик готов платить бешеные деньги за то, чтобы ты работал только на него.

— Спасибо.

— Я не льстила.

— Я понял. — Кристиан помолчал, после чего легко поинтересовался: — Ты знаешь Заказчика?

Вопрос вызвал ироничную улыбку.

— Жозе попросил разведать?

— Гм… — Кристиан чуть покраснел. — Давно… И я ему не обещал. Просто вырвалось.

— Жозе раза три подкатывал ко мне, надеясь разузнать хоть что-нибудь о нашем благодетеле.

— О нашем? — От фотографа не ускользнул знак равенства.

Женщина откинула голову назад.

— Думаешь, я дочь верхолаза?

— Не думаю.

— И правильно. — Агата отвернулась, покусала дужку солнцезащитных очков, однако почему-то продолжила: — Два месяца назад я сидела в еще большем дерьме, чем ты, Крис. У тебя была надежда вернуться наверх, а мое время прошло. Мне много лет, Крис, а в том бизнесе, которым я занималась, ценится свежесть. Поделки хороших пластиков всегда будут поделками хороших пластиков, не более.

Жозе сумел раскопать прошлое их новой знакомой, и друзья не удивились тому, что узнали. Агата Ван Свит начинала моделью в итальянских домах моды, на «территории роскоши», где правили бал дизайнеры и кутюрье. Расчетливые шейхи очистили Европу от «разврата», однако известный на весь мир бизнес сохранили, выделив ему специальную резервацию.

Впрочем, до вершин модельного мира Агата не добралась, богатого шейха на белом верблюде тоже не подцепила, а потому, отшагав свое по подиуму, оказалась в одном из самых дорогих эскорт-агентств Исламского Союза. Потом исчезла и оттуда.

— Контракт, который предложил Заказчик, — мой шанс на пенсию, на очень хорошую пенсию, — хрипло произнесла Агата. — Поэтому я буду делать все, что он прикажет. — Еще одна пауза. — Я понятия не имею, кто Заказчик, Крис, меня нанял его поверенный, и с тех пор вся связь идет исключительно через коммуникатор. Но одно я знаю точно: он превосходно разбирается в людях. Я буду стараться изо всех сил. — Агата улыбнулась. — Так же, как ты.

Кристиан машинально погладил «шиву», что ему подарили при подписании контракта. ShIV-99 — лучшая в мире камера, мечта любого фотографа, доступная лишь самым успешным из них. Камера и комплект высококлассной оптики к ней стоили небольшое состояние, и этот подарок обрадовал Кристиана гораздо больше, чем обещанные деньги. С этим аппаратом он мог творить чудеса.

«Шива»… Интересно, Агате хватило только денег, или Заказчик добавил к ним что-нибудь столь же «душевное». Наверное, добавил, не зря же она сказала, что он превосходно разбирается в людях.

«Мы попали на крючок опытного рыбака».

Ну и ладно!

Кристиан накрыл ладонью руку женщины и, глядя в большие голубые глаза, произнес:

— Когда я подошел к тебе, там, в Эдинбурге, ну… в первый раз…

— Я поняла, о чем ты, — едва заметно кивнула Агата.

— Я подошел, потому что ты мне понравилась. Именно ты. Ты сама. Мне нравится, как ты говоришь, нравится, как себя ведешь, как ты улыбаешься. Я восхищаюсь тобой и едва набрался смелости… подойти.

Она не отвела взгляд, не улыбнулась, не засмеялась. Смотрела не отрываясь, а когда поняла, что Кристиан говорит искренне, прошептала:

— Когда я пришла в вашу помойку, я показалась тебе принцессой или феей.

Однако голос Агаты не соответствовал ироничному смыслу слов, а в уголках глаз — фотограф мог бы поклясться! — что-то блеснуло.

— Кто обвинит меня в том, что я влюбился в принцессу? — проникновенно прошептал в ответ Крис. — Или в фею?

«Никто не говорил, что «синдин» безвреден. Никто не говорил, что «синдин» безвреден. Никто не говорил…»

Эту нехитрую фразу Пума повторяла, как мантру, все последние недели. Она не давала Еве сойти с ума, поддаться сомнениям и натворить глупостей. Она и задача, которую поставил перед девушкой Сорок Два: разгромить Мутабор, растоптать тварей, придумавших убивающий ее наркотик, отомстить. Они виноваты в произошедшем, они и только они. Сорок Два же просто не мог сказать ей правду, потому что любит. В этом Пума не сомневалась — пророк любит ее, вот и пытается защитить. В конце концов, эта чертова несовместимость с «синдином» могла возникнуть не у нее, а у него. Он мог кашлять, но даже в этом случае продолжил бы делать свое дело. И она продолжит. А возникающие сомнения в искренности Сорок Два Ева подавляла мантрой.

«Никто не говорил, что «синдин» безвреден. Никто не говорил, что «синдин» безвреден. Никто…»

И подавляла весьма успешно. Во всяком случае, разработанные ею планы были точны и продуманы. И жестоки.

— Дидье?

— У меня все в порядке, Ева, — немедленно отозвался координатор северного, самого мощного отряда.

— Карл?

— Люди разогреты до предела. — Али?

— Только скажи, Ева, и мы устроим такое, что все закачаются.

Пума улыбнулась.

«День Х» наступил. День воздаяния и отмщения. День, когда храмовники заплатят за ее смерть. Удары будут нанесены во всех Анклавах одновременно, с разницей в час-два. Тяжелые удары, как и требовал пророк. Удары, которые не оставят камня на камне от хваленой несокрушимости Мутабор. Ева с удовольствием приняла бы участие в каждом из них, но не могла разорваться, а потому выбрала Марсель, бойня в котором, по ее замыслу, должна стать самой кровавой.

— Начинаем, братья. И помните: Сорок Два смотрит на нас!

— Сейчас массовые митинги проходят здесь, здесь и здесь. — Помощник отметил на электронной карте три площади, где пропагандисты Сорок Два распаляли людей. — Собрания считаются мирными, вооруженных людей не видно, основная идея: Мутабор должен убраться из Марселя.

— Вряд ли это выполнимо, — усмехнулся Дрогас.

— На то и расчет.

— Боевиков много?

— Достаточно. Тритоны согнали в Марсель кучу dd, подключили наемников из ветеранов Иностранного легиона и договорились с албанцами и вудуистами. Мутабор не устоит.

Стефан вновь перевел взгляд на карту.

В Марселе, как и во всех остальных Анклавах, сектор Мутабор стоял особняком от корпоративных территорий, что делало возможной атаку только на него, не раздражая СБА. Двадцать первый район находился на западе Марселя, но не на самом краю — еще дальше располагались трущобы вудуистов. С севера храмовники граничили с балканскими кварталами, с востока — со смешанной территорией, где, так же как и на севере, правили бал албанцы, а на юге Мутабор упирался в море. Пропагандисты Сорок Два не справились бы сами, не сумели бы договориться со всеми, но им помогали опытные провокаторы Моратти — Дрогас и его команда. Изрядная часть офицеров пойдет вместе с погромщиками: направлять, контролировать, а самое главное — своими глазами посмотреть на внутренности Мутабор. Если будет найден секрет «синдина», он должен оказаться в СБА. Или — и в СБА тоже.

— Они планируют пойти сразу и отовсюду, — помощник усмехнулся. — Крови будет много.

— Посмотрим, — пожал плечами Дрогас. — Прятки тоже не подарок.

Но пряток в секторе Мутабор немного.

Закончив дела в Эль-Париже, Кристиан хотел отправиться в Каир или Стамбул. Ему надоела Европа, однако Агата, переговорив с Заказчиком, сообщила, что тот настоятельно рекомендует провести ближайшую неделю в каком-нибудь Анклаве. После недолгих размышлений

Кристиан выбрал Марсель. Выбрал, испытывая некоторое раздражение, ведь до сих пор Заказчик не руководил его перемещениями. Но теперь фотограф понял причину неожиданного приказа: только в Анклавах были территории Мутабор.

Превращение мирного митинга в мирную демонстрацию, а затем в уличные беспорядки не заняло много времени. Слишком уж хорошо была спланирована акция.

Как следует разогрев толпу, не забыв добавить к пламенным речам наркотики и спиртное, пропагандисты повели людей и смешавшихся с ними боевиков к двадцать первому району. Безы, которых предупредили о «мирных» целях акции, не вмешивались в происходящее, ограничившись наблюдением с воздуха. К тому же территории вудуистов и албанцев не входили в зону ответственности СБА, что существенно облегчило Пуме задачу.

— Убирайтесь! Убирайтесь!! Храмовники молчали.

Три реки дотекли до стен двадцать первого района, окружили их.

— Вы не люди!

— Вы нам противны!

— Убирайтесь!

Прятки не отвечали, раздраженные люди бесились все сильнее, и офицеры Дрогаса, четко чувствующие настроение толпы, сработали на «отлично», не позволили накопленной энергии пойти на спад. Из-за домов ударили реактивные установки, разрушив стену в шести местах, и толпа хлынула в проломы.

— Смерть храмовникам!

— Смерть Мутабор!

Крики, вопли, орущие люди, давка. Крики, вопли, неестественные молоточки, стучащие по толпе безжалостными пулями, кровь, орущие люди. Крики, вопли, визжание «дрелей» и сосредоточенный кашель штурмовых винтовок, орущие люди, пороховая вонь, брызги крови на лице. Крики… все смешалось.

Крис находился не рядом с беспорядками, а в самом их эпицентре. Ловил эпизоды не на безопасном удалении, а купался в них, мог не только снять, но и потрогать руками. Мог оглохнуть от криков и стонов, от автоматных очередей и грохота разрывов. Мог, если бы слышал. Но Крис был слишком увлечен работой.

Кадр № 401

Плюющая огнем «дрель» в руках мертвого мужчины. Он еще не знает, что убит, он еще бежит вперед, стреляет, желая растоптать ненавистных храмовников, а посланная прятками пуля уже пробила сердце, и бесстрастная «шива» упаковала время смерти в файл.

— Пригнись!

— Осторожнее!

Это «гвардейцы», оберегающие фотографа от неприятностей. Крис их не слышит, но подсознательно понимает, что его охраняют, и благодарен ребятам. Подсознательно благодарен, потому что сейчас не в силах думать ни о чем, кроме разворачивающейся вокруг трагедии. Собственно, и думать-то он не может, действует как автомат, фиксируя царящий вокруг хаос.

Кадр. Кадр. Кадр.

Кадр № 409

Рвущийся в пролом внедорожник получает от пряток реактивную гранату в бронированный бок, и его несет на толпу. Люди справа уже раздавлены, их ноги переломаны и мертвы, но фотография не отвечает на вопрос: почему они кричат? Может, от

боли. А может, и от ненависти. Через секунду внедорожник взрывается, и ответ становится не важен.

Кадр № 409. Июль. Анклав Марсель.

У сжатых огненными клещами пряток не было шансов, они могли только отступать, постепенно прижимаясь к причалам, от которых то и дело отходили суда и катера. Прятки отступали, поджигая и взрывая здания, стараясь ничего не оставлять ворвавшимся в зону Мутабор погромщикам. Безы запаздывали, потому что на их пути были организованы заслоны. Люди Дрогаса позаботились о том, чтобы в безов не стреляли, а просто перегораживали им дорогу. Вот помощь и запаздывала. Вертолеты вели заградительный огонь, однако толпу не трогали — директор марсельского филиала СБА оправдывал репутацию человека нежестокого, гуманного.

И прятки бились в одиночку.

— Передовые группы вудуистов подошли к причалам, — доложил Карл.

Вудуисты, албанцы, ветераны Иностранного легиона, преступники, dd — все пошли против храмовников. Кому-то заплатили, кто-то позарился на добычу, но люди! Заурядные обыватели из числа тех, кто не стоял на площади и не слушал речи пропагандистов. Ева видела репортерские ролики, видела, как обыватели выходили из домов, таращились на еще мирное шествие, а потом присоединялись к нему. Шли убивать и грабить. А ведь им не платили. Их не болванили речами. Им просто показали, что можно.

Сволочи. Просто сволочи.

Не волки, а шакалы, почуявшие запах крови.

Эти твари достойны синдинового рая, который уготовил им Сорок Два. Пусть жрут наркотик, приближая свой тухлый разум к «божественному». Пусть дохнут от передозы или несовместимости. Не жалко!

— Прятки отступают. Несколько судов еще не покинули акваторию…

Связь плохая, видимо, Карл в самой гуще.

— Что с помещениями? — прокричала в ответ Пума.

— Обыскиваем все, что занимаем.

— Нашли?

«Синдин»! Пророку нужен секрет «синдина», чтобы перегнать человеческое стадо в Эпоху Цифры по Сорок Два.

— Нет, — вздохнул Карл. — Все лаборатории разгромлены и подожжены храмовниками.

И тем повторил доклады остальных групп — ничего. Пума скрипнула зубами.

— Бейте по катерам из реактивных гранатометов!

— Но там не только прятки! Я видел, как на катера садились женщины и дети…

— Бейте, я сказала!

В глазах Евы — бешенство. Если храмовники не отдают «синдин», пусть подыхают. Пусть все подыхают вместе с ней…

— Вот уж не думал, что нейкисты настолько сильно ненавидят храмовников, — с веселым удивлением произнес Дрогас, наблюдая транслирующийся по новостному каналу обстрел судов.

Горят и тонут катера, идут на дно люди. Некоторые суда на двигателях внутреннего сгорания, и разлившееся горючее пылает на спокойной морской воде, сжигая барахтающихся людей.

— Дикари, — сплюнул помощник.

— Которые из них?

— И те и другие.

— Тритонов защищать не стану, они все сами о себе сказали. Но почему ты столь же категоричен в отношении несчастных храмовников?

— Окажись они на месте тритонов, поступили бы так же.

— Ты плохо относишься к людям.

— Я знаю.

Дрогас с улыбкой посмотрел на карту, понаблюдал за картинками погрома: на четырех коммуникаторах транслировались все основные ленты новостей, после чего поинтересовался:

— Новых докладов с территории не поступало? «Синдин» — вот что интересовало Стефана. Удалось ли

захватить лаборатории или производства храмовников?

— Нет.

— Значит, операция не удалась. — Дрогас встал с кресла и направился к выходу из квартиры, в которой они оборудовали командный пункт. — Заканчивай сам, я уезжаю.

Броник выручил.

Странно, весь погром без единой царапины, а в самом конце, когда стрельба стихла и обалдевшие от победы люди устроили посреди обгоревших зданий некое подобие веселья, едва не погиб. Крис остановился, снимая смеющихся возле трупов погромщиков, и получил осколок в грудь — в руке одного из обдолбанных победителей взорвалась граната.

Но броник выручил, задержал раскаленную железяку в сантиметрах от сердца. И «шива» не пострадала даже падая, фотограф продолжал крепко-накрепко удерживать аппарат. А после того как его подняли и окружили телохранители, сразу же

проверил камеру, убедился, что с ней все в порядке.

— Нужно уходить, — хмуро произнес командовавший «гвардейцами» Дитрих, поглаживая раскаленную «дрель». — Минут через пятнадцать безы начнут зачистку.

Они могут уйти и потом, Кристиан знал, что у «Швейцарской гвардии» настолько мощные связи, что их пропустят через любой кордон, однако спорить не хотелось. Насмотрелся за сегодняшний день, надо отдохнуть.

Кристиан потер грудь и вспомнил:

— У тебя был коньяк.

Дитрих молча протянул фляжку, и Кристиан сделал несколько больших глотков. В груди стало легче. Но не в душе.

* * *

Анклав: Цюрих. Территория: Альпийская Поляна. «Замок Ван Глоссита». Не на все вопросы можно дать вразумительные ответы

— Спровоцированные тритонами погромы привели к предсказуемым результатам: акции «Фарма-1» растут как на дрожжах. За вчерашний день они прибавили десять процентов, а сегодня, после заявления Владыки о свертывании ряда производств, подскочили еще на пятнадцать. Не отстают и акции других фармакологических гигантов…

Моратти выключил коммуникатор, оборвав ленту деловых новостей на полуслове, и рассмеялся:

— Если бы я не знал правду, то подумал бы, что Сорок Два работает на «Фарму». — Внимательно посмотрел на Дрогаса, добавил: — Ты отлично поработал, Стефан.

Тот вежливо склонил голову, с достоинством принимая заслуженную похвалу.

— Анклавы в полном раздрае, и все винят Сорок Два… Парень оказался необычайно полезен.

— Нам был нужен раздрай?

Дрогас заслуженно считался гением тактических операций, но любил знать, к чему приводят его усилия.

— Чем сложнее положение, тем больше у СБА полномочий, — объяснил Моратти. — Верхолазы паникуют, и наши акции, как и бумаги «Фарма-1», растут.

— А как же «синдин»?

— Это вопрос времени. — Ник помолчал. — Теперь за «синдином» будет охотиться Сорок Два, а для тебя есть задача поважнее.

— Станция?

— Было бы странно, если бы ты не догадался. Стефан кивнул, обдумывая слова Моратти, после чего осторожно поинтересовался:

— Могу я высказать кое-какие соображения насчет Мутабор? Полагаю, они будут интересны даже сейчас, когда мы… гм… сменили приоритеты.

Дрогас не жаловался и не обижался, он прекрасно понимал,

что операции, даже самые проработанные и вызывающие удовольствие у исполнителей, могут быть прерваны в любой момент. Атаки на Мутабор прошли отлично, но его все равно снимают с проекта, а значит, произошли важные изменения. Не беда, займемся другим делом, оно тоже интересное. Однако важные наблюдения следует огласить.

— Ты же знаешь, что я предельно серьезно отношусь к твоим замечаниям, — произнес Моратти. — Я слушаю.

Стефан потер руки, обдумывая, с чего начать, и прищурился, глядя Нику в глаза.

— Из того, что я видел лично, а также основываясь на докладах командиров групп, находящихся в других Анклавах, я могу с уверенностью заявить, что в атакуемых зонах Мутабор были только прятки. Никаких гражданских.

— Ты уверен?

— Я неудачно выразился, — поправился Дрогас. — Гражданские были, но не местные жители. Это были люди, сидящие на чемоданах, не успевшие покинуть зоны до штурма. А в Кейптауне и Сингапуре не было даже их. Там погромщики встретили только пряток. Остальные храмовники ушли.

«И Ляо говорил о том же».

— Хочешь сказать, что Владыка знал о готовящемся нападении?

— Похоже, — подтвердил Дрогас. — Что приводит нас к интересному вопросу: если Владыка прогнозировал волну насилия и провел эвакуацию, не означает ли это, что он каким-то образом спровоцировал атаки?

— Ты говоришь так, словно он бог.

— Его последователи в этом уверены.

— Стефан!

Но Дрогас не обратил внимания на окрик, что позволял себе крайне редко. Только тогда, когда был уверен в своей правоте или же считал необходимым донести свои мысли до президента СБА.

— Храмовники запустили «синдин», его стали использовать ломщики, появились двенадцать великих, а затем Сорок Два со своей троицей. «Синдина» стало требоваться все больше и больше. «Синдин» стал козырем в большой игре, он нужен и Сорок Два, чтобы удержать движение от краха, и нам, чтобы привести движение к краху или контролировать его. И в этот момент, когда все на нервах, все уселись за стол и взяли карты, храмовники неожиданно отказываются делиться секретом. Это самоубийство. Они не могли не понимать, что на них начнут давить, и отказали обдуманно.

— Владыка подставил своих? Но для чего? «Жертва» — так сказал китаец.

— Руками погромщиков Владыка согнал своих последователей с обжитых мест.

Храмовники исчезли. Случись подобное без всплеска насилия, общество бы забеспокоилось, люди начали бы задавать вопросы. А сейчас все ясно: храмовники прячутся. И никто не спрашивает: где? Потому что все понимают — почему.

И Ляо, и Дрогас — люди умные, и если оба они задумались об одном и том же, этот факт уже нельзя игнорировать. Где сейчас находятся миллионы храмовников? Рассредоточились по миру или сидят на чемоданах? Для чего Владыка согнал с обжитых мест своих подданных?

Моратти пожал плечами:

— Владыка прогнозирует большую войну за Станцию и решил ее где-нибудь пересидеть?

— Война может начаться, а может и не начаться, — рассудительно заметил Стефан. — Владыка же действует так, словно убежден в грядущих неприятностях. А Владыка никогда не ошибался.

— Неужели?

— Поэтому за ним идут. — Дрогас не верил ни в Бога, ни в черта, но уважал тех, кто использовал веру к собственной выгоде. — До сих пор все его действия были выверены до мелочей, именно поэтому он сумел добиться уникального положения для Мутабор среди корпораций и основать религию. И если Владыка увел своих людей, то вовсе не для того, чтобы через полгода вернуть обратно: «Извините, мирового катаклизма не случилось». Такой ошибки ему не простят, и он это понимает. Владыка не увел бы храмовников без веских оснований. Он видит нечто такое, что нам недоступно. Чего мы не знаем. А не знаем мы только о Станции.

«Миллионы храмовников сидят на тринадцатом полигоне «Науком»? И чего они ждут?»

Нет, миллионы бы туда не поместились. С другой стороны… Моратти вспомнил доклады агентуры об огромных запасах продовольствия, сделанных «Науком» в последние месяцы. О закупках автоматизированных фабрик. О выкупленных у русских территориях, на которых возводились заводские корпуса. Южнее Станции «Науком» выстроил огромную промышленную зону, в которой без особых проблем можно спрятать несколько миллионов человек.

Моратти вспомнил и криво усмехнулся.

— Получается, мы вовремя сменили приоритеты.

— Вопрос в том, что мы обнаружим на Станции.

— Думаешь, Мертвый снюхался с Владыкой?

— Но я не понимаю, что они могут дать друг другу, — признался Стефан.

— Храмовники — отчаянные бойцы, по приказу Владыки они будут защищать Станцию до последней капли крови, они не побегут. — Ник потер подбородок. — А если операция по взятию Станции затянется, начнется брожение, которым обязательно воспользуется Мертвый.

— Заполучить солдат? — Дрогас покачал головой. Опять не сходится.

— Что на этот раз?

— Почему с женщинами и детьми? Почему всей толпой? Пусть бы Владыка направил на Станцию лряток. Зачем нужна эвакуация?

— «Науком» стягивает производства к Станции, кто-то из аналитиков даже упоминал о появлении еще одного Анклава… — Ник пожал плечами: — Что, если все это будет принадлежать Мутабор? Или Мутабор и «Науком» на паях?

Лучшие генетики и корпорация, владеющая невиданной энергией. В этом случае они могут отказаться и от Анклавов, и от государств.

— Надолго ли? — хмыкнул Стефан.

— Некоторые секреты Мутабор неспособны разгадать лучшие головы «Фарма-1», я уж не говорю о «син-дине». А что, если новая энергия нечто подобное? Не подлежащее разгадке? В этом случае они станут королями планеты.

— Против всех не устоят, — уверенно произнес Дрогас.

— Купят, — вздохнул Моратти. Помолчал и улыбнулся. — Теперь ты понимаешь, насколько важна твоя миссия?

— Мои миссии всегда важны.

— Возможно, мы предотвратим глобальную ядерную войну, спасем мир и дадим ему новую энергию.

— Прометей плохо кончил, — заметил Стефан.

— Потому что не думал о последствиях, — наставительно ответил Моратти. И перешел к будничным делам: — Я договорился с нашим цифровым другом: он пришлет в твое распоряжение своего лучшего ломщика. Такого же талантливого, какими были великие.

— Зачем? — удивился Дрогас. — У меня хорошая команда.

— Затем, что мы должны обязательно сломать Станцию и добраться до ее секретов, — не допускающим возражений тоном произнес Ник. — Я уверен, что внутри стоит мощная защита и справиться с ней может только гений. Или талант.

А такие плодятся исключительно на свободе.

— К тому же в случае непредвиденных обстоятельств мы сможем свалить ответственность на человека Сорок Два. Или ты хочешь стать козлом отпущения?

— Ладно, — недовольно проворчал Стефан. — Пусть будет.

— Но прежде чем отправишься на Станцию, ты должен допросить Флобера.

— Директора Африки? — А вот на этот раз Дрогас удивился по-настоящему. — Он-то что натворил?

— На его счет есть одно нехорошее подозрение…

* * *

Территория: Россия. Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кодовое обозначение — «Станция». Нет ничего лучше взаимопонимания и крепких дружеских связей

Красные прямоугольники с черной руной Эйваз опутали Станцию, подобно красным флажкам, что используют охотники во время облав на серых. И смысл, на первый взгляд, был таким же: внутри отмеченных символом внутренней безопасности зон сидели настоящие волки. Но не загнанные, а запершиеся. В крепости внутри крепости, на территории максимальной секретности.

Считалось, что о происходящем внутри огороженных красными прямоугольниками зон знают только высшие руководители строительства да узкий круг специалистов с максимальным допуском. Так оно в принципе и было. Однако с недавних пор на Станции появились участки, закрытые даже от элиты «Науком». Слоновски осуществлял охрану этих зон, однако внутрь его ребята не допускались, а сам он проходил крайне редко. Он знал, кто там прячется, но понятия не имел, чем они занимаются.

— Хочу выразить благодарность за столь оперативное восстановление электроснабжения, — хмуро произнес прелат Кассиус Фенг. — И еще раз приношу извинения за резкий скачок напряжения. Мы немного не рассчитали.

— Ерунда, — добродушно отозвался Слоновски. — Со всеми бывает.

Двухметровый гигант тяжелым танком возвышался над худеньким и низеньким храмовником и, казалось, при желании мог бы спрятать его в карман черного мундира. И свои высокомерные взгляды Кассиус мог бросать разве что на пряжку ремня Грега, а потому и не бросал, не желая выглядеть смешным.

— Мы прекрасно осознаем важность вашей миссии и постараемся впредь не создавать аварийных ситуаций.

— Я ведь сказал: все в порядке, расслабьтесь. Прелату не очень-то хотелось быть вежливым. В его

мироздании начальник внутренней безопасности Станции располагался приблизительно на одном уровне с ассенизаторами

и прочими подсобными рабочими, недостойными того, чтобы тратить на них время. Однако Кассиус получил приказ оказывать Грегу всяческое содействие и не мог ослушаться. Да и вел себя «подсобный рабочий» так, словно ему всучили совершенно ненужную клетку с домашними животными, за которыми он вынужден присматривать. И в глаза прелату не смотрел, дружелюбно демонстрируя существующую между ними дистанцию.

— Сгоревший трансформатор — ерунда по сравнению с тем, с чем мне приходится разбираться каждый день.

— Спасибо за понимание.

— Не слишком ли вы оптимистичны?

Слоновски ходил в созданные на Станции зоны Мутабор исключительно в познавательных целях — на экскурсии. Разобраться в причудливых устройствах храмовников любознательный Грег не мог при всем желании, соответственно понять «все ли у них в порядке» — тоже, но ему просто нравилось таращиться на изнанку чуждой жизни. А после того, как Слоновски понял, что его визиты безумно раздражают Фенга, в них появился дополнительный шарм.

— А это наш опытный образец?

— Да, — угрюмо подтвердил прелат. — Он.

— Надо же! Неделю назад он был вот таким. — Грег слегка развел пальцы, напоминая Кассиусу, каким именно «вот таким» неделю назад был разгуливающий по небольшому загону теленок. — Особые методы клонирования?

— Естественный процесс.

— А самочку вы ему вывели?

— Это рабочий образец, неспособный к воспроизведению.

— Почему?

— Чтобы не отвлекался, — сухо объяснил Фенг. — Его дело работать, кушать, спать и снова работать.

— Вам от правительств заказов не поступало? На разведение людей?

— Человеческий мозг слишком сложен для модификации.

— А у этого, значит, простой?

— Проще. Тут тонкость. — Прелат тоже подвигал пальцами, показывая Слоновски величину этой самой «тонкости». — На ней и играем.

Загнанные в «ангары второго типа» храмовники не могли сидеть без дела, а потому уже через неделю на

Станции возникла первая лаборатория. Сначала примитивная, состоящая в основном из спорящих между собой генетиков. Потом они попросили принести пару приборов, чаны,

химические вещества. Потом приехал прелат, поглазел на скучающих подданных Милостивого Владыки выпученными черными глазами, покачал головой и, судя по всему, дал благословение. Теперь под лаборатории было отдано шесть ангаров, в которых храмовники экспериментировали с животными и растениями.

— Вы уже уходите?

В черных глазах Кассиуса мелькнули красные молнии. Грег понял, что прелат на грани, и решил не доводить дело до скандала:

— Совершенно верно.

— Жаль, что так скоро.

— Не волнуйтесь, я зайду еще.

— Буду ждать с нетерпением.

В дверях Слоновски остановился и, широко улыбнувшись, сообщил:

— Совсем забыл… Груз, что вы заказывали два дня назад, прибудет сегодня вечером. Вагоны мы подгоним прямо к этому ангару.

— Теперь я понимаю, что вы приходили не зря.

— Не нужно меня благодарить, прелат, я просто исполняю свой долг.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз. Ландапабад. Ресторан «Сокровище Флоренции». К голосу разума имеет смысл прислушиваться даже тогда, когда это разум старого недруга

— Отличный ресторан, генерал, — улыбнулся Ахо, пожимая китайцу руку. — Одобряю ваш выбор.

Сложные разговоры нужно начинать с легкого, нейтрального комплимента.

— Поверьте, кухня здесь великолепная, уважаемый Ахо. Вы не будете разочарованы.

— Я гурман.

— Я знаю, уважаемый Ахо, я знаю. — Ляо дождался, когда собеседник расположится за столом, и только после этого вернулся на свой стул. — Именно поэтому я подошел к выбору места встречи предельно тщательно.

Небольшой ресторан «Сокровище Флоренции» — итальянская кухня, старая, еще доисламская, и только натуральные продукты — располагался на тихой улице респектабельного района Ланданабада. Заведение предоставляло гостям удобнейшие и уютнейшие кабинеты, в которых так приятно отдыхать или вести деловые переговоры. Резная мебель, серебряные приборы и подлинники на стенах создавали в «Сокровище» неповторимую атмосферу погружения в настоящую Флоренцию. А репутация «чистого» места, то есть заведения, хозяева которого не балуются с подслушивающими устройствами, позволяла гостям ресторана расслабиться по-настоящему.

— Немного вина?

— Благодарю.

Поскольку именно генерал выступал хозяином, ему и выпало ухаживать за гостем. Ляо привстал, наполнил бокал настоятеля ароматным красным, предложил тост за встречу, а глотнув вина, польстил:

— Вам удалось обмануть даже меня, уважаемый Ахо, я был уверен, что вы в Новом Орлеане.

— Дела привели меня в Европу, — неспешно ответил настоятель храма Иисуса Лоа. — Здесь я узнал о вашем недавнем

разговоре с увайси Ибрагимом ибн Адхамом, вспомнил, что вы добивались встречи со мной, и решил сделать вам приятное.

А заодно проверить, удалось ли сохранить инкогнито. И теперь, когда стало ясно, что принятые меры предосторожности принесли плоды, Ахо не смог скрыть радости: тот факт, что столь сильный, а главное, столь информированный человек, как Ляо, не знал о его визите во Франкфурт, говорил о многом. Если уж он сумел обмануть китайца, значит, и проклятый Джезе пребывает в неведении.

— Что привело вас в Европу? — светским тоном осведомился Ляо. — Станция?

— Маленькое личное дело.

— Связанное с баварским архиепископом?

Легкий тон генерала нивелировал бестактность неуместного вопроса, который тем не менее он задал. Почему? Ляо прекрасно понимал, что о некоторых вещах говорить не следует, не настолько они близки с Ахо, чтобы настоятель принялся изливать душу. Ляо понимал, но все равно спросил.

«Определяет, насколько наш разговор будет искренним».

Ахо повертел в руке бокал и решил ответить. В конце концов, в их противостоянии с Джезе наметились положительные сдвиги, и тема стала менее болезненной.

— Очень скоро баварский архиепископ перестанет быть головной болью.

«Похоже, молодой Джезе доигрался».

В свое время, прослышав о наметившемся в Католическом Вуду расколе, Ляо заинтересовался возможностью сделать ставку на молодого и энергичного баварца, однако быстро отказался от этой идеи. Тщательное сравнение психологических портретов соперников показало, что Ахо предсказуем и более склонен к компромиссам, нежели амбициозный Папа.

— Приятно слышать, что ваша паства скоро вновь будет объединена.

— Паства никогда не выходила из-под длани Иисуса Лоа, просто несколько пастырей заблудилось. — Официант принес салаты. Ахо потер подбородок, но за вилку не взялся, вместо этого спросил: — У меня не очень много времени, уважаемый Ляо, и я буду благодарен, если вы скажете, зачем нужна наша встреча. На переговорах с Председателем я четко сказал, что страны Католического Вуду разделяют решимость Поднебесной установить контроль над Станцией, и с тех пор моя позиция не изменилась.

— Счастлив слышать. — Ляо склонил голову. — Я взял бы на себя слишком большую смелость, граничащую с неимоверной

наглостью, если бы осмелился говорить с вами о том же, о чем и Председатель. Или же требовать от вас подтверждения ваших слов. «Значит, не о политике».

— Что же вас волнует?

— Чудовище.

— Ляо… — Ахо широко улыбнулся. — Я мог бы догадаться.

— Я по-прежнему считаю, что оно стоит за Станцией, — предельно серьезно произнес китаец. — И оно несет угрозу всем нам.

— Трудно настаивать на том, чего нельзя доказать.

— Ваши агенты смогли пробраться на Станцию? — немедленно осведомился Ляо. — Я имею в виду настоящих агентов, хорошо подготовленных хунганов.

Настоятель поколебался, но ответил честно:

— Нет.

— А вы отправляли? — Да.

— Я тоже, — не стал скрывать генерал. — И единственное, чего добился, — потерял четверых прекрасных мастеров древнего искусства. Станция построена по канону магической крепости, уважаемый Ахо, и защищают ее руны, которые вновь ожили. Руны не позволяют нам использовать силу.

— Но ведь мы договорились совместно избавиться от этой головной боли, — напомнил Ахо. — Разве не так?

— Ваши агенты смогли пробраться на Станцию? На этот раз лидер вудуистов промолчал.

Ляо поковырял вилкой в салате, однако есть тоже не стал, продолжил:

— Знаете, мне доводилось говорить со всеми директорами филиалов СБА. Мы встречались официально и на вечеринках, в приватных беседах и при свидетелях, но я никогда не разговаривал с Мертвым. То он занят, то уехал в командировку, то болеет. К тому же он сумел избежать всех «случайных» встреч, которые я тщательно готовил.

— К чему вы клоните?

— Станцию строит человек, с которым я не смог встретиться, несмотря на все усилия.

— Архиепископ Таллер неоднократно беседовал с директором Кауфманом, — пожал плечами настоятель.

— При всем уважении, архиепископ Таллер — не та фигура, которая распознает искусно скрывающее свою суть Чудовище. В мире есть не более десяти человек, способных понять, кто перед ними стоит. Одним из них был Урзак. Он отправился в Москву и умер. А вскоре после его смерти Мертвый объявил о строительстве Станции.

— Хотите сказать, что Урзак мог помешать?

— Не утверждаю, но это возможно. — Ляо пошевелил пальцами. — Урзак был глыбой, но с ним сумели справиться. Вас это не смущает, уважаемый Ахо?

От Ляо не укрылось, что при упоминании Урзака по лицу Ахо скользнула неясная тень. Или полутень. Или мысль, принявшая облик тени. Лидер вудуистов искусно владел собой, однако его собеседник обладал способностью распознавать мельчайшие следы.

— Правду мы узнаем, захватив Станцию. — Настоятель помолчал, поджав губы, после чего вновь поинтересовался: — Прошу меня простить, уважаемый Ляо, но я так и не понял, что именно вы хотели сказать?

— Если за Станцией на самом деле стоит Чудовище, то все десять человек, о которых я упоминал, и мы с вами в том числе, — в опасности. К Станции стягиваются войска, но если к армии присоединимся мы, планы Чудовища точно будут нарушены. И оно сделает все, чтобы не допустить этого. Я искал встречи, чтобы предупредить вас, уважаемый Ахо. Мы под ударом и должны быть предельно осторожны.

— Меня хранят духи Лоа.

Уверенное заявление не произвело на китайца должного впечатления.

— Чудовище умеет убивать богов, уважаемый Ахо, а потому, при всем почтении к духам Лоа, они не кажутся мне серьезной защитой.

Настоятель скомкал салфетку и бросил ее на стол.

— Это все? — Ответа не дождался. Поднялся на ноги. — Мне было приятно поговорить с вами, Ляо. Увидимся, когда будем делить Станцию.

— Будьте осторожны, — повторил китаец. Минуты через две после того, как недовольный Ахо

оставил собеседника — это время Ляо провел в размышлениях, — в кабинет бесшумно вошел невысокий и худощавый, под стать генералу, китаец в элегантном темном костюме.

— Позволите?

— Присаживайся, Кеу.

Помощник склонил голову и послушно занял стул ушедшего настоятеля. Ляо внимательно посмотрел офицеру в глаза, помолчал и негромко произнес:

— Это может показаться невероятным, но ни СБА, ни спецслужбы Исламского Союза не знают о том, что Ахо прибыл в Европу. Настоятель принимает беспрецедентные меры

предосторожности ради сохранения инкогнито.

— А разве они знают о вашем присутствии, товарищ генерал?

— Моратти знает.

— Моратти — это еще не СБА.

Ляо улыбнулся. Кеу был толковым парнем, понимал все с полуслова, совсем как Тао… Кеу мог пойти очень далеко.

— Я не верю, что Ахо прилетел только для того, чтобы разобраться с Джезе, — медленно произнес Ляо. — Архиепископ давно действует настоятелю на нервы, они могли бы встретиться раньше, но Ахо не торопился.

— Он побаивается Джезе?

— Совершенно верно, Кеу, — побаивается. Но сейчас Ахо приехал.

— Решился? Подготовил отличную ловушку?

— Или что-то изменилось, появился некий дополнительный фактор, о котором мы не знаем, но который вынуждает настоятеля действовать немедленно. Ахо занервничал при упоминании Урзака, что странно… — Ляо побарабанил пальцами по столешнице. — Я хочу, чтобы ты организовал наблюдение. Не за самим Ахо — эта цель тебе не по зубам.

— Мы будем следить за одним из любимых телохранителей настоятеля. Я уже выбрал объект.

«Прекрасный офицер, который может подняться очень высоко».

— Я доволен, Кеу.

— Благодарю, товарищ генерал.

* * *

Территория: Россия. Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кайфоград. Чем ближе морковка, тем шустрее ишак

Отыскать Стоуна — человека, о котором разузнал Мурат Шоколад, — оказалось не так-то просто. С другой стороны, и особенных сложностей у Эмиры тоже не возникло: неделя плотной работы — и всё разрешилось. Причем основные усилия были потрачены не на сами поиски, а на соблюдение мер предосторожности, поскольку Го не хотела, чтобы Стоун или те, кто за ним стоит, почувствовали проявленный интерес. Внедренных в «Остановим Ад!» людей у Эмиры было немного, места в иерархии движения они занимали невысокие, зато хорошо умели слушать и ненавязчиво задавать нужные вопросы, одним словом — справились, создав по крупицам, обрывкам слов, намеков и обмолвок информационный контур нужного человека. Сначала всплыло имя — Ричард, затем начали добавляться подробности: появился в лагере три месяца назад, живет в соседней с Бромбергом палатке, однако вместе они на людях не появляются. Что за человек Стоун? Приветливый, доброжелательный, но о себе ничего не рассказывает, известно только, что прибыл из Сиэтла, да и то с его слов. Судя по всему, он сотрудник штаба, «зеленый», так сказать, бюрократ. Второй осведомитель предположил, что Стоун работает в техническом обеспечении, поскольку не раз замечал его у палатки машинистов. Третий принял таинственного Ричарда за одного из «фармацевтов», а четвертый — за представителя спонсоров движения: ни фига не делает, только девок трахает, и при этом вполне обеспечен. С последним мнением Эмира была согласна — представитель спонсора. Вот только кто этот благодетель?

Чем больше Го узнавала о Стоуне, тем яснее понимала, что тянуть время нельзя и с ним необходимо плотно побеседовать. Причем так побеседовать, чтобы о факте разговора никто не узнал. Грубо говоря, Ричарду Стоуну предстояло исчезнуть при невинных обстоятельствах, в разработке которых Эмире помогла его любовь к азартным играм.

— Приехал?

— Тридцать минут назад, — доложила Фатима. — Сидит за восьмым столом, выиграл около тысячи юаней.

— Охрана?

— Четверо.

Своей азартной страсти Стоун регулярно — два раза в неделю — предавался в игорном доме «Золотой Арарат». Приезжал якобы в одиночестве, однако следом всегда появлялись от двух до пяти «фармацевтов». Казалось бы, все под контролем, но Эмира была уверена, что разработанный ею план сработает и телохранители не помогут Стоуну избежать беседы.

Два дня назад спецы из ОКР сумели незаметно покопаться в сделанной тяп-ляп проводке «Золотого Арарата» и обработать несколько мест специальным раствором — чтобы занялось веселее. Ребята гарантировали, что проблемы в казино возникнут самым что ни на есть «естественным» образом. Сначала задымит подвал, затем — первый этаж. В шумном зале паслось несколько «подсадных» — для создания паники, а основная группа томилась у черного хода — ей предстояло доставить Стоуна в соседний дом. Увозить Ричарда на базу не имело смысла — в его тело наверняка вживлен «маячок», — поэтому допрос пройдет во время пожара, после чего тело вернется на пепелище. Трагическая гибель, что поделать… План рискованный, но вполне осуществимый.

— Готовность?

— Все на позициях.

— Дайте ему еще минут двадцать и начинайте.

— ОК.

Темные переулки Кайфограда прекрасно подходили для неблаговидных дел — в них старались не заглядывать, чтобы не увидеть лишнего. Грязно, конечно, поскольку именно сюда добропорядочные кайфоградцы выливали помои, но Го надела высокие ботинки, которые утром вычистит денщик. А если не отчистит, то не жалко и выбросить. Выйдя на улицу имени господина министра Смаилова, названную так по настоянию родного племянника министра, мэра Кайфограда Рафика Татдеева, Эмира направилась в расположенный двумя домами выше клуб «Кирпич».

Двое парней, сопровождавших Го в путешествии, остались в общем зале, уселись за столик, заказали по пиву и слегка расслабились. «Кирпич» контролировали спецназовцы Министерства энергетических установок, с ОКР они дружили, а потому клуб считался относительно безопасным.

Майор же вошла в пластиковую дверь с гордой надписью «VIP» и оказалась в просторном и прокуренном помещении, в

центре которого возвышался стол для русского бильярда, по общему мнению — лучший в Кайфограде.

— Привет, Дима!

Устанавливающий пирамиду шаров крепыш поднял голову и улыбнулся.

— Привет, Эмира! Сыграем?

— На пиво?

— Давай уж на коньяк.

— Ну, давай. — Эмира взяла кий и мел. — Тренировался?

— А как же. — Дима разбил шары. — Сегодня тебе придется нелегко.

— Посмотрим.

Все выглядело предельно естественно: майор Го зашла проведать приятеля, полковника Подушкина — примерно раз в неделю они, ко взаимному удовольствию, гоняли шары на лучшем бильярдном столе Кайфограда. Иногда вдвоем, иногда в компании других мастеров.

— Третьего в боковую «свояком». — Эмира выполнила удар. — Готовь деньги, Дима.

Ошиблась.

— Не будем торопиться. — Полковник тут же смазал шар и выругался. — Не болтай под руку!

— На сколько партий рассчитываешь?

— Как обычно — три.

— Договорились. Сказать, какой коньяк я люблю?

— Я знаю. Эмира улыбнулась.

С Димой Подушкиным, главой кайфоградского управления Федеральной службы охраны стратегических объектов при Министерстве энергетических установок, они познакомились полтора года назад, когда, собственно, это самое управление и появилось возле полигона № 13. Появилось скромно: сам Дима да десяток бойцов. Они даже базу себе отдельную не построили, разместились в принадлежащем клану «Кирпиче» и просто обозначили присутствие «установщиков». Министр энергетических установок господин Григрайс любил быть в курсе дела, однако человеком слыл осторожным и без нужды не нарывался. Он контролировал продажу электричества с полутора десятков атомных электростанций, считался «крепким хозяйственником» — его станции обслуживали специалисты «МосТех», был вполне доволен жизнью и людей своих послал в Кайфоград исключительно из любопытства. Подушкин ситуацию понимал и хлопот Эмире не доставлял никаких, а после того как год назад ОКР помогло Григрайсу отбить активы, на которые полезло Министерство промышленных энергетических устройств,

контролирующее вторую половину ядерных станций России, Подушкин и вовсе стал считаться союзником Го.

— Красивый удар, — оценил Дима, проводив взглядом закатившийся в лузу шар.

Дуплет действительно получился славным.

— Я и лучше могу.

— Знаю. — Подушкин взял в руки мел и негромко произнес: — Ходят слухи, что на тебя точат зуб ребята из южного МВД.

На Эмиру Дима не смотрел.

— За что?

Следующий удар Го не удался — шар застрял в губках.

— Пару недель назад ты их из дерьма не вытащила, на весь Кайфоград опозорила, а южане к таким вещам чуткие. Родоплеменная гордость и все такое прочее. Говорят, слух до самого их министра дошел, и тот изволил ржать.

Подушкин загнал подставленный шар и попытался сыграть следующий триплетом. Без успеха.

— Я и думать о них забыла, — честно ответила Эмира, припоминая увязший в зловонной луже «Мерседес».

— Они машину продали и неделю на улицу не высовывались. Теперь катаются на каком-то внедорожнике.

— Значит, чему-то научились.

— Судя по тому, что они болтают, научились исключительно этому, — хмуро произнес Дима.

— Или у них есть основания для подобного поведения.

Эмира ударила с оттяжкой, но ошиблась, шар в лузу не пошел. Выпрямилась и стала внимательно изучать стол, однако ее мысли были далеки от игры.

Если наглые слова южан долетели даже до Подушкина, значит, обгаженные бойцы говорили о своей нелюбви к Эмире очень громко и очень часто, что весьма странно. Го прекрасно понимала, что не является любимицей кайфоградских «крутых», работа у нее такая — не позволять им борзеть, какая уж тут любовь? Однако до сих пор никто из них публично что-то обещать майору не рисковал, потому как Эмира представляла ОКР, а ОКР получил контроль над Кайфоградом указом самого президента. К тому же Эмира уже закопала в Вонючке не меньше десятка слишком наглых «крутых». Такой вот расклад.

— Если слухи дошли до тебя, значит, скоро они дойдут и до меня. А если они дойдут до меня, я их убью, спокойно произнесла Эмира.

— Вот поэтому я тебя и люблю, — усмехнулся Подушкин. — Потрясающий оптимизм.

— Ты для этого меня позвал? Предупредить о южанах?

— Девятый прекрасен для триплета, — спокойно откликнулся Дима. — Покажешь?

Этот удар ему категорически не давался. К тому же Подушкин хотел проверить, взволновало ли Эмиру его сообщение.

Го кивнула, тщательно прицелилась и положила девятый в лузу от двух бортов.

— Браво.

— Да, я умею.

— Мне вчера еще одного заместителя прислали, а с ним — десяток парней. — Подушкин помолчал. — Хотел сам тебе сказать, чтобы не от третьих лиц.

— Спасибо.

— Не за что. — Дима выдал отличный дуплет. — Я думаю, у нового заместителя есть какие-то инструкции, которыми он со мной пока не делится. Я слишком долго сижу в Кайфограде, и все знают, что мы с тобой дружим.

— Это важно?

— Мы с ним вчера водки выпили, и он сказал, что

члены правительства настаивают на смещении директора ОКР.

— Кто мутит воду?

— Пара наместников, «фармацевты» и Генеральное министерство законодательного надзора. Возможно, и еще кто, но мой парень летает не так уж высоко, рассказал только о том, что знает.

— Понятно.

— Кайфоград — очень жирный кусок, а ОКР подмял его под себя. Вот люди и возмутились.

— Они два года возмущались. Мы всех пустили, кто просился. — Эмира посмотрела на шары. — Дело не в этом.

— Может быть, — согласился Подушкин. — Может быть…

Станция привлекала внимание мира, все хотели узнать о ней как можно больше: индусы, китайцы, вудуи-сты, европейцы, корпорации, репортеры… Все лезли за информацией, и никто не скупился. В Кайфограде крутились большие деньги, но до сих пор всем хватало. Что изменилось? Ответ очевиден: строительство близко к завершению. ОКР, с директором которого успел договориться Мертвый, обеспечивает защиту снаружи. Не стопроцентную, конечно, но действенную. Особая федеральная зона, в которой развернута общевойсковая дивизия, тщательный надзор… похоже, кого-то перестало устраивать, что вокруг тринадцатого полигона существует дополнительная линия безопасности. ОКР хотят убрать, но для чего? Для чего сюда

сгоняют людей? За последние два месяца команда «фармацевтов» распухла втрое, представительства остальных ведомств тоже увеличены, но… Но поверить в то, что все эти «фармацевты», южане и «специалисты по охране стратегических объектов» будут штурмовать Станцию, Эмира не могла, как ни старалась. Всю эту мутную публику, привыкшую схватываться с такими же, как сами они, «крутыми» да прессовать гражданских, Слоновски уложит за четверть часа и не вспотеет. Внутри сидят волки, и люди, которые гонят сюда все новое и новое мясо, тоже это понимают, не такие уж они дураки. Тем не менее мясо едет. И атака на директора ОКР развернута настолько мощная, что президент, похоже, поддается. Что же задумано?

— Первое, что потребуют от нового директора, — облегчить ситуацию вокруг Станции. — Подушкин понял, что Го пытается просчитать ситуацию, и решил добавить пищи для размышлений. — А ты в Кайфограде главная кость в горле.

— Значит, поеду охранять северные границы.

— Есть слух, что после смены директора, местную команду зачистят. Возможно, всех не положат, но кровь прольют обязательно.

— Может быть.

— Не боишься? — поднял брови Дима.

— Мне часто угрожают, — пожала плечами Го.

— Ты известная стерва.

— Спасибо.

— Но обычно за тобой стоит ОКР.

Эмира положила еще один шар, после чего поинтересовалась:

— Хочешь помочь соскочить?

Она должна была задать этот вопрос, иначе люди, которые будут анализировать разговор, сделают правильный вывод: у нее есть путь отступления.

— Могу посодействовать.

Всем интересно, что знает ОКР, но что они станут делать потом с перебежавшим офицером? Как знать? Нравы у «крутых» — полное дерьмо, за лишнюю копейку и удавят, и удавятся, а слово их даже этой самой копейки не стоит.

Тем не менее Эмира пообещала:

— Я подумаю.

— Договорились.

— Но я все равно доложу о попытке вербовки. Я обязана доложить.

— Понимаю. — Подушкин настороженно обернулся к двери: в зале «Кирпича» возникло какое-то нездоровое оживление. — Что-то случилось.

В кабинет заглянул его помощник:

— «Золотой Арарат» горит.

— Черт! — не сдержалась Эмира. Дима почесал в затылке.

— Пойдешь смотреть?

— Я обязана там быть, — хмуро ответила Го. — Служба, мать ее.

Первая часть операции прошла идеально. «Арарат» вспыхнул как свечка, «подсадные» раздули панику и оттеснили телохранителей Стоуна подальше от хозяина, а ребята из группы захвата без помех уволокли оглушенного Ричарда. Обилие зевак и сутолока на улице довершили дело. Обманутые «фармацевты», матерясь, носились вокруг пожарища, однако поделать ничего не могли. А наведенные машинистами ОКР помехи не позволяли телохранителям засечь вживленный в Стоуна маяк.

К приходу Эмиры накачанный «химией» Ричард уже «вошел в рабочий ритм»: глаза пустые, движения вялые, безвольные, с уголка рта стекает слюна — помня о дефиците времени, Фатима вколола Стоуну лошадиную дозу препарата, только чтобы не убить. И уже начала допрос:

— Имя! Назови свое имя!

— Ричард… Стоун…

— Должность?

— Я… менеджер… — Кто?

— Организатор… менеджер…

— Что входит в твои обязанности?

— Я… выполняю приказы… организовываю…

— Что ты организовываешь?

— Все… что скажут…

— Кто скажет? Пауза.

— Кто отдает тебе приказы?

Лицо Стоуна исказила гримаса боли.

— У него гипноблок, — пробормотала Фатима.

— Вижу, — так же тихо ответила Эмира. — Зайдем с другой стороны. — И громко продолжила: — Какова цель движения «Остановим Ад!»?

— Мы хотим остановить… остановить ад…

— Почему?

— Она… откроет дорогу в преисподнюю…

— Вы хотите взорвать Станцию?

— Мы… хотим остановить ад…

— Зациклились, — вновь подала голос Фатима. — Ему классно продули мозги, как раз на тот случай, если появятся умники вроде нас.

А снять гипноблок такой силы могут лишь дознаватели СБА,

да и то не все. Но не везти же Стоуна в Теплый Дом! Эмира закусила губу.

Вопросы! Нужны правильные вопросы. В конце концов, таинственные кукловоды не наложили гипноблок на всё! Закрыта лишь самая «горячая» информация: о том, на кого Стоун работает и чего добивается, и закрыта она далеко от Кайфограда. Оперативные же сведения меняются ежедневно, их не заблокируешь. И пусть не будет прямых ответов, зато появится пища для размышлений.

— Время, — напомнила Фатима.

— Ты продаешь «зеленым» наркотики?

— Не я…

— Но ты хотел, чтобы «фармацевты» продавали «зеленым» наркотики?

— Да.

— Это часть плана? — Да.

— Какова твоя ближайшая задача?

— Нужно узнать, что возят в «секретных» поездах. Вот это уже кое-что!

«Секретными» называли эшелоны, которые шли на Станцию без досмотра. Появились они недавно, с месяц назад, и вызывали жгучий интерес у всех обитателей Кайфограда. Китайцы и вудуисты даже премию объявили: миллион юаней за информацию о грузе «секретных», но без толку. Во-первых, никто не знал, когда пойдет очередной эшелон, — открывающая прямой путь стрелка находилась внутри периметра. Во-вторых, сами поезда в последнее время охранялись более тщательно, чем раньше: контроль над железнодорожными линиями, охрана в каждом вагоне и вертолеты сопровождения. Путь из Мурманска прикрывали отлично, а из Москвы эшелоны почти и не шли. Устроить акцию, разумеется, можно: шарахнуть перед локомотивом ракетой и покопаться в свалившихся вагонах, но подпустят ли вертолетчики? Да и спецгруппа будет на месте через несколько минут — оперативные отряды безов распределены вдоль всего пути.

— Зачем вы хотите знать, что возят в «секретных» поездах?

— Мы… должны знать о Станции все…

— Кто мы?

— Я… и мои друзья… Мы должны бороться со Станцией… Она откроет дверь в преисподнюю…

— Вы собираетесь остановить «секретный» поезд? — Да…

— Как вы определите нужный эшелон?

— Нам… скажут…

— Возможно, вычислят во время погрузки, — шепотом

предположила Фатима. — У них наверняка есть осведомители в порту.

— Не настолько хорошие, чтобы знать, что едет в «секретных» вагонах, — усмехнулась Эмира. — И если осведомители точно знают, что идет «секретный» поезд, почему бы не напасть на него раньше? Станция — это вотчина Слоновски, он их уничтожит.

— Значит, они вычисляют как-то иначе. Возможно, приближение «секретного» поезда вызывает на Станции какую-то особенную активность, которую они засекают со спутников.

— Возможно. — Го вновь обратилась к пленнику: — Вы хотите взорвать полотно?

— Мы… остановим поезд… — Как?

— Мы… — Вопрос относился к разряду оперативных, однако он, судя по всему, вошел в противоречие с установленным гипноблоком, и лицо Стоуна вновь сморщилось от боли.

— Вряд ли он скажет что-нибудь еще, — пробурчала Фатима. — К тому же время поджимает, а нам еще приводить парня в нужное состояние.

— Да… — Эмира отвернулась. — Забирайте его.

* * *

Анклав: Москва. Территория: Болото. «Кантора братьев Бобры». Плохие сказки плохо заканчиваются

Несмотря на то что московский филиал СБА контролировал весь Анклав, настоящими хозяевами безы были лишь на корпоративных территориях: в Сити, Царском Селе, Университете и на Колыме, которые, собственно, они и должны были беречь в первую очередь. Власть во всех остальных районах Кауфману приходилось делить с местными центрами силы, с группировками и объединениями, организациями и религиозными лидерами, к которым прислушивались здешние жители. С самыми разными людьми, заслужившими авторитет сородичей. В Шанхайчике правила бал Триада, в Сашими — Якудза. Обитатели Занзибара смотрели в рот монсеньору Джошуа Таллеру, архиепископу Московскому, храмовники слушали исключительно Владыку, а благочестивые жители Аравии доверяли только шейхам.

Единой власти не было лишь в буйном Урусе да разношерстном Болоте, но только потому, что лидеры самых мощных кланов этих территорий — Нурсултан Та-гиев и братья Бобры — благоразумно не лезли в первый ряд, прекрасно понимая, что единоличная власть подразумевает единоличную ответственность, и за беспорядки Мертвый будет спрашивать именно с них. И спрашивать беспощадно.

— Привет, дорогой.

— Салам, братья.

— Выглядишь неплохо. Цвет лица здоровый.

— И вам того желаю.

— Прошел курс омоложения?

— Веду здоровый образ жизни. Тимоха Бобры рассмеялся.

— Приятно видеть, что ты по-прежнему готов поддержать хорошую шутку, Нурсултан.

— Приятно видеть, что ты до сих пор не разучился шутить.

— Да уж, я еще тот весельчак…

Два брата Бобры беседовали с Нурсултаном Тагие-вым по сети — напряжение, царящее в Анклаве последнее время, к личным встречам не располагало. Беседовали почти открыто, лишь на стандартном шифровании, а потому не отказали себе в

удовольствии установить видеосвязь. И теперь Нурсултан вынужденно наслаждался видом сидящих у коммуникатора братье в: субтильного Николая Николаевича в традиционном деловом костюме и массивного, похожего на слегка побритого гризли Тимохи.

— Как дела?

— Как бизнес?

— Неплохо, совсем неплохо.

— Урус не замечает кризиса?

— О чем вы говорите? Улыбки Бобры стали еще шире.

— Нам кое-что нужно, и ты знаешь что. Мы готовы дать две оптовые цены.

Стандартное шифрование, конечно, не сдвоенное, но уровень безопасности оно обеспечивает вполне приемлемый. Братья были уверены в конфиденциальности разговора, однако называть веши своими именами не хотели. Тагиев не вчера родился, должен понять, что речь идет о «синдине».

— У меня очень мало, — медленно ответил Нурсултан. — Практически нет.

— Возьмем все, что осталось.

— Не могу.

— Две с половиной цены, — буркнул Тимоха.

— Ты же знаешь — я бы помог, — вздохнул Тагиев. — За три цены помог бы не задумываясь…

— Согласен!

— Но все, что осталось, самому нужно. — Нурсултан пристально посмотрел на недовольного Бобры, понял, что Тимоха звереет, и поспешил сгладить отказ: — У меня расход небольшой, но он есть. Люди знают, что я о них забочусь. Что они подумают, если я отдам товар?

— Не отдашь, а продашь.

Тагиев улыбнулся, показывая, что правка не имеет значения.

В Урусе «синдин» действительно не пользовался особым спросом, это наркотик образованных умников, наркотик машинистов и ломщиков, которых в самом большом по численности населения районе Москвы было крайне мало. На машиниста ведь учиться надо, и не только в школе. А вот на Болоте оцифровка народа едва ли не стопроцентная, Бобры «синдин» цистернами в родную территорию вливали, прибыль радостно подсчитывали, «поплавки» доставать помогали и теперь, судя по всему, пожинают плоды недальновидности.

Нурсултан погладил бородку и предложил:

— Спросите у господина Пу. Он мужчина запасливый, наверняка хранит в подвале то, что вам надо.

— Спросим, — пообещал Николай Николаевич. Говорить о том, что к лидеру Триады Бобры обратились в первую очередь, он не собирался.

— Бывай, Нурсултан.

— И вам всего доброго.

Николай Николаевич отключил коммуникатор и угрюмо посмотрел на брата.

— Что будем делать?

— Не знаю. — Тимоха ответил мрачным взглядом. — Не знаю.

Происходящее казалось дурным сном, чудовищным наваждением, но, к сожалению, было реальностью. Дурной и чудовищной реальностью. Источник «синдина» иссяк. Поставщики, еше две недели назад без звука соглашавшиеся на любое увеличение объема, исчезли. Запасы подходили к концу, и что случится после того, как «синдин» закончится, не знал никто.

— Ломщики народ не агрессивный, когда поймут, что «синдина» нет, — успокоятся.

Николай Николаевич уже говорил нечто похожее после разговора с господином Пу, теперь повторил, но только воздух сотряс, поскольку старший Бобры не верил, что все закончится тихо. Да и сам Николай Николаевич не верил, понимал, что беспорядков не избежать. И потому предложил братьям неслыханную вещь — перевести большую часть свободных средств в золото. Признавая тем самым, что совсем не уверен в будущем. И братья, даже всегда прущий напролом Тимоха, согласились.

— Шла бы речь о старых ломщиках, у меня бы голова не болела, — хмуро произнес старший Бобры. — Но «синдин» жрут тритоны, а на что эти уроды способны, мы уже видели.

Все видели.

Атаки направляемых Сорок Два тритонов практически стерли с лица земли Мутабор. Гигантскую корпорацию, которой служили едва ли не лучшие солдаты современности — прятки. Единственный сектор, до сих пор удерживаемый храмовниками, находился в Москве, и именно здесь, как считалось, укрылся Милостивый Владыка. Не он ли является главной целью Сорок Два?

До сих пор московские тритоны вели себя смирно, даже Слово пророка не заставило их пойти против страшного Мертвого, но что будет, если закончится «синдин»? Точнее, сейчас нужно говорить не «если», а «когда». Как поведут себя оставшиеся без дозы наркоманы? Да как угодно! Сами Бобры дурью не баловались, но какие гадости способны учинить

осатаневшие от ломки торчки, представляли очень хорошо.

— До сих пор в Москве было тихо, — пробормотал Николай Николаевич. — И кому-то, похоже, это не нравится.

Сколько в Анклаве тритонов? А сколько вообще «синдиновых» наркоманов? А сколько народу присоединится к беспорядкам просто так? Просто потому, что они начались?

Думать об этом не хотелось, но приходилось.

— Петруха уговорил Якудзу отдать нам двадцать тысяч доз, — сообщил Тимоха, прочитав пришедшее в карманный коммуникатор сообщение. — А Митроха говорит, что вудуисты сами предложили ему пять оптовых цен за «синдин». — Вернул машинку в карман и вздохнул: — Все в дерьме.

Средние Бобры ездили повсюду, даже в Россию наведывались, однако двадцать тысяч выуженных из Якудзы доз являлись единственным результатом трехдневной работы.

Источник «синдина» иссяк.

— Сколько у нас осталось?

— С Петрухиной посылкой — около пятидесяти тысяч доз.

— Поднимай цену в два раза, — распорядился Тимоха.

— Всего в два?

— Когда опустимся до сорока тысяч, поднимем еще в два. Сделаем «синдин» наркотиком не для умных, а для богатых умных.

— А что потом?

— Потом? — Старший Бобры пожал могучими плечами. — Не думай о «потом», Николай Николаевич, все случится гораздо раньше.

Анклав: Москва. Территория: Сити. «Пирамидом».

Сила не в том, чтобы делать то, что хочешь, а в том, чтобы делать то, что должен

— …он взял заложников и потребовал сто доз «синдина» в качестве выкупа, — доложил командир спецназа. — Мы ведем переговоры.

— Когда штурм? — перебил офицера Мертвый.

— Через десять минут.

— Хорошо.

Еще один спятивший тритон пытается выдоить из властей немного дури. Третий за последнюю неделю. А два дня назад на Болоте прошел стихийный митинг с требованием — вы только вдумайтесь! — не повышать цены на «синдин». Обалдевшие канторщики лишь руками разводили и надеялись, что СБА прищучит изголодавшихся наркоманов. Пока прищучивали. Но скоро обезумевшие люди перестанут просить и возьмутся за оружие. Оцифровка привела к «осиндиниванию», и другой жизни

они не знают и знать не хотят.

— Извини, что пришлось отвлечься, — вернулся к разговору Кауфман. — Продолжай.

— Текущие работы на Энергоблоке ведутся в четком соответствии с графиком, все будет закончено в срок, — ровно произнес Мишенька. — Что же касается необходимых для проекта изменений, Слоновски обещает внести их в течение пяти дней.

— Он поставит конструкцию всего за пять дней? — недоверчиво прищурился Кауфман.

— Даже моих познаний в инженерии оказалось достаточно, чтобы понять простоту найденного Лакри решения. — Мишенька позволил себе улыбку. — Грег успеет.

Щеглов вернулся со Станции всего три часа назад. На вертолете добрался из Шарика в «Пирамидом», принял душ, переоделся и отправился на доклад к Кауфману.

— Как наши друзья-экологи?

— С ними, говоря откровенно, все хуже и хуже, — не стал скрывать Мишенька. — Не осталось никаких сомнений в том, что их готовят для крупной провокации, но мы до сих пор не знаем, кто стоит за «Остановим Ад!».

— Почему?

— Против нас ведется профессиональная игра.

— Китайцы?

— Мы можем только гадать.

С тех пор как движение объявило крестовый поход против Станции, оно попало под пристальный взор Мертвого. Агенты Кауфмана — а он заслуженно считался одним из лучших мастеров шпионажа в мире — проникли на все уровни движения. Бегали по улицам и заседали в штабах, попадали в полицейские участки и принимали участие в разработке планов. Мертвый знал банки, через которое шло финансирование «Остановим Ад!», имел полное представление о бюджете организации и некоторое — о ее целях. К сожалению, на самый верх, в узкую группу главных идеологов «Остановим Ад!», пробиться не удалось. Как и вычислить, откуда берутся инструкторы, которые в больших количествах начали съезжаться в Кайфоград. Эти парни, с замашками офицеров секретных служб, щеголяли новыми лицами и новыми документами, были на сто процентов «виртуа-лами», а значит, за ними стояла могущественная сила.

— Ладно, недругов у нас хватает. — Кауфман поморщился. — Мы догадываемся, к чему они готовятся, а потому плевать на то, кто их направляет. Рано или поздно узнаем.

— Согласен, — кивнул Мишенька. И тут же попытался «включиться» в местные проблемы: — Я так понял, что в Москве

назрел дефицит «синдина»?

— Забудь о Москве, — твердо отозвался Мертвый. — Насовсем забудь.

Щеглов вопросительно поднял бровь, но промолчал, не мешая директору продолжать:

— Поездка в Европу станет последним твоим делом за пределами Станции. Забрав груз, ты отправляешься на Север и больше не высовываешься. Москва для тебя в прошлом.

Этот приказ немного не соответствовал предыдущим планам, однако спорить Мишенька не стал — Кауфману виднее.

— Когда ожидать вас?

Максимилиан помолчал, не моргая глядя на помощника, а потом ответил. Спокойным, но немного чужим голосом:

— Я не собираюсь на Станцию.

— Что?! — Щеглов не удержал восклицания. Едва ли не единственный раз его знаменитая бесстрастность лопнула мыльным пузырем по-настоящему, а не потому, что он решил продемонстрировать чувства, — настолько он был ошарашен. — Вы не можете! Вы…

— Я могу все, что должен. — Кауфман ободряюще улыбнулся. — Я не могу быть там, Мишенька, я не уживусь.

— С кем?

— Не задавай глупых вопросов. Ты знаешь с кем.

— Извините. — Мишенька опустил взгляд. Но лишь на мгновение. Решение Мертвого выбило его из колеи, и смириться с ним было непросто. — А я?

— Ты — другое дело, — тепло произнес Кауфман. Ты нужен, ты должен, ты обязан быть там. Это твоя дорога. А я слишком долго жил на свободе.

— Вы разучились подчиняться, — догадался Щеглов.

— Зато научился принимать решения, — продолжил Мертвый. — Я — воин, защитник, агрессор, палач. Я — тот, кто умирает за идею и убивает за идею, но я неспособен ее дать. Я — тот, кто может сказать «нет» кому угодно, и у меня хватит силы и хитрости настоять на своем. Именно поэтому я не могу оказаться рядом с ней. — Короткая пауза. — Я не хочу, чтобы она меня убила.

«Любимая дочь, которая его ненавидит. Все перемешалось, черт возьми, все запуталось. С другой стороны, он ведь не обещал, что будет легко. Интересно — да, но нелегко…»

— Но ваша мечта?.. — Мишенька почти простонал.

Он ведь знал все детали, все подробности, всю историю Кауфмана. Знал, как ждал Максимилиан завершения постройки Станции и того, что последует за ее запуском. Результат

бесчеловечно долгой жизни, результат многолетней войны, жестоких поражений и потерь, плоды великой победы… Они пройдут мимо того, кто сделал едва ли не больше всех.

— Мне достаточно того, что моя мечта осуществится.

Вот так просто. И никакой колесницы, восторженной толпы и лаврового венка на гордо поднятой голове. Достаточно просто знать.

— Это ваша победа, доктор Кауфман, — горько произнес Щеглов. — А вы отдаете ее Патриции.

«Любимой дочери, которая его ненавидит».

— Это общая победа, Мишенька, общая. А я делаю то, что должен. — Мертвый поморщился: — К тому же у нее будет девочка. Девочка — значит мир. — Пауза. — Неинтересно. — Еще одна пауза. — Не для меня.

Его путь — путь крови и пороха, лязга железа и стонов умирающих врагов. Путь насилия и смерти. Ему будет плохо там, где нужно строить.

Максимилиан потер руки, помолчал и неожиданно мягко продолжил:

— Это наша последняя встреча в статусе учитель-ученик, и я не хочу завершать ее приказом. Ты теперь игрок и будешь принимать собственные решения.

— Я не забуду о том, что должен, — твердо ответил Щеглов. — Вы это знаете.

— Не перебивай. — Кауфман выставил перед собой затянутые в черные перчатки ладони. — Ты должен только одно — заботиться о Патриции. Все остальное — частности.

— Я это знаю, доктор Кауфман.

— Наша девочка будет великой, но вряд ли счастливой. Она оценит тебя, будет уважать и прислушиваться к твоим советам, но первый шаг должен сделать ты.

— Я понимаю.

— Какое-то время придется потерпеть, но вы долгие годы будете идти рука об руку.

Мертвый замолчал.

Прощание. Навсегда или нет — неизвестно, однако в следующий раз, если встреча все же состоится, они будут уже совсем другими людьми. С общим прошлым, но с очень, очень разным настоящим.

Несколько секунд мужчины смотрели друг другу в глаза, а затем Щеглов поднялся на ноги и склонился в глубоком поклоне.

— Я счастлив, что встретил вас, доктор Кауфман. И счастлив, что вы позволили мне идти рядом с собой.

* * *

Анклав: Франкфурт. Транспортный узел им. Конрада Аденауэра. Настойчивость до добра не доводит

— Теперь ты понимаешь, что это заговор? А, брат? — Толстяк доверительно посмотрел на Олово. Безобидное поведение маленького слуги сделало его идеальным объектом для проповеди, но как избавиться от назойливого собеседника, Олово не знал. — Всемирный заговор тайного общества приверженцев сатаны, нацеленный на установление мирового господства! Верхолазы и правительства — лишь пешки в цепких руках демонов. А уж простые люди — и подавно.

— Собственно, нас и за людей не считают, — авторитетно добавила тетка. — Мы для них быдло, которое потребляет заканчивающиеся ресурсы.

— Два магазина разрушили, — вновь простонал худой, как жердь, араб. — Я в страховую пошел, а они говорят: беспорядки полисом не предусмотрены. Как хотите, так и справляйтесь. А как справляться? Только в долги залезать.

Имени араба Олово не запомнил и других имен тоже. Все, разумеется, представились, когда оказались в одном купе, но ненужные детали выветрились из памяти слуги уже через несколько секунд, и собеседников он различал по внешним признакам: араб, очкарик, тетка, толстый и жена араба. Сам же Олово во время представления только кивал и улыбался. И его дружелюбие помогло попутчикам перестать коситься на татуировки.

— Это тоже заговор.

— Против меня?

— Против всех! Они хотят разрушить мировую экономику, хотят заставить нас голодать. Им не нужны честные и успешные бизнесмены.

— Почему?

— Потому что вы свободны и независимы. А им нужно, чтобы вы влачили полуголодное существование…

— Вообще-то корпорации разработали дешевую еду, — осторожно заметил очкарик. — Она избавила нас от голода.

— Вы ее пробовали? — презрительно поинтересовался

толстяк.

— Мы все ее едим.

— Отвратительная химия, в которой нет ни грамма настоящего!

— Настоящего на всех не хватает.

— Это они так говорят!

— Мы для них быдло.

— Все страховщики — жулики.

Жена араба согласно кивнула, но промолчала — говорить в присутствии посторонних ей запрещалось.

— А ты что думаешь, брат? — Толстяк вновь обратил внимание на Олово. — Ты согласен? Я сразу понял, что ты необычайно умен.

Слуга поразмыслил, утвердительно кивнул и подумал, что билет следовало брать самый дешевый, в вагон с «самолетной» расстановкой кресел в общем салоне, потому что сидячие шестиместные купе (вагоны класса «общий +») располагали случайных попутчиков к нудным и пустым разговорам.

— Вот это я понимаю — мыслящий человек! — Утвердительный кивок Олово привел толстяка в прекрасное расположение духа. — Хочешь почитать умную книгу? Всего за тридцать динаров я скачаю тебе монографию «Борьба с закулисой: смерть и слава!».

— Большие деньги, — с уважением протянул слуга. Это были первые слова, произнесенные им с начала

поездки.

— Правда стоит дорого, — волнующим шепотом произнес толстяк. — На то она и правда.

Настоящую правду Олово знал бесплатно, по долгу, так сказать, службы. Читать же не любил, последнюю книгу осилил примерно сто тридцать два года назад и помнил только то, что она помогала ему засыпать. А посему ответом на предложение толстяка стало бурчание:

— Фра-анкфурт. — Олово поднялся на ноги и взял с полки рюкзак. — Подъезжа-аем.

— Внимание! Вы прибыли в Анклав Франкфурт, расположенный на землях Баварского султаната Европейского Исламского Союза. Женщины, которые не имеют в своем багаже хиджаб, должны приобрести его в магазинах транспортного узла. В некоторых районах Анклава появляться без хиджаба не рекомендуется.

Забредать в районы, о которых предупреждали в сообщении, Патриция не собиралась, однако платок повязала. И поверх платья, подол которого почти касался земли, натянула тонкую

ветровку с длинным рукавом девушка не хотела привлекать к себе внимание на улицах мусульманского Анклава.

— Просим с пониманием отнестись к проверке идентификационных чипов, который проведет СБА перед тем, как вы покинете терминал. Спасибо.

Упакованная в прозрачный пластик книга лежала в обыкновенной сумке, которую Патриция сняла с багажной полки, и вряд ли вызовет подозрения у стражей порядка. В сопроводительных документах мемуары Урзака значились лотом, приобретенным неким франкфуртским коллекционером на сетевом аукционе. Старой, но не имеющей серьезной исторической ценности рукописью. Девушка же играла роль курьера.

— Прослушайте новые правила, установленные СБА для пассажиров, прибывших во Франкфурт…

Патриция взяла коммуникатор, отправила: «Я приехала», повесила сумку на плечо и вышла из купе.

— Ты уверена, что девчонка появится?

— Это единственная сегодня «суперсобака» из Москвы.

— А если она едет не из Москвы?

— Поэтому мы встречаем все сегодняшние поезда, господин, — кротко напомнила Зара и потерла глаза — шесть часов у монитора не шутка, даже мамбо начала сдавать.

Ахо же лишь кивнул.

Перехват таинственной любовницы Джезе был самым тонким элементом разработанного плана, тем слабым звеном, которое способно разрушить всю цепочку.

Короткое письмо от Патриции, которое Заре удалось подглядеть в коммуникаторе Джезе, содержало лишь дату и намек, что девушка воспользуется поездом — в сообщении было сказано «приеду», не «прилечу». Но откуда приедет? По всему выходило, что из Москвы, а вдруг — нет? Ведь информации о самой Патриции не было вообще.

Одним словом, Ахо пришлось в буквальном смысле искать иголку в стоге сена, а если учесть, что обстоятельства вынуждали настоятеля действовать инкогнито, задача перед ним стояла не из легких. Но он справился.

Для начала верные замбийцы обратились к dd — инкогнито, играя роль членов международного наркокартеля, — и купили у тритонов подключение к следящим видеокамерам транспортного узла. В целях предосторожности информация проходила через несколько серверов, а затем поступала в номер отеля, в который ранним утром приехала Зара и где ночевал Ахо с парой телохранителей. Остальные замбийцы заняли позиции в узле,

создав плотную и надежную сеть.

— Устала?

— Я в порядке, господин, — отозвалась Зара, берясь за кружку с кофе. — К тому же только я могу узнать эту сучку.

— Да, только ты. — Ахо улыбнулся. — Я хочу сказать, что очень благодарен тебе, Зара.

— Я делаю это во благо Вуду, господин.

— И для своего блага, девочка. — Настоятель подошел к сидящей перед монитором мамбо и провел рукой по ее кучерявым волосам. — Если все получится, твоя карьера пойдет в гору. Тебе давно пора сменить провинциальный Франкфурт на Новый Орлеан.

Ахо сообразил, что срывать зло на единственном человеке, который знает в лицо любовницу Папы, неразумно, и решил напомнить ослу о морковке.

— Спасибо, господин, — пробормотала Зара, не отрывая взгляд от монитора.

Лица, лица, лица…

Улыбающиеся, хмурые, довольные и сосредоточенные. Сходящие с поезда люди без восторга относились к необходимости стоять в очереди на проверку, а потому чаще всего мамбо видела выражение неудовольствия или тупое равнодушие. Липа, лица, лица… У Зары был доступ ко всем видеокамерам узла, однако пока она изучала видео лишь с тех камер, что показывали ожидающих проверку людей.

— А если она заплатила контрабандистам и ее провели через служебные коридоры? — мрачно осведомился Ахо.

— В этом случае я не поеду в Новый Орлеан, — пробормотала Зара.

Настоятель хмыкнул: «Мне бы твои проблемы…», а в следующий миг его лицо озарила плотоядная улыбка.

— Я нашла сучку, — хрипло произнесла мамбо.

Все произошло предельно аккуратно, можно даже сказать, деликатно.

Пройдя проверку, Патриция спустилась на третий уровень подземного паркинга, но до стоянки такси не добралась. Стоило ей отойти от лифта всего на тридцать шагов, как рядом с тротуаром затормозил черный «Ауди Дромадер» с затемненными стеклами, а выскочивший из него красавец-кафр продемонстрировал девушке медальон замбийца.

— Госпожа Патриция, я полагаю?

— Вы от Джезе? — удивилась девушка.

Кафр доброжелательно улыбнулся и объяснил:

— В Анклаве неспокойно, госпожа, поэтому мон-сеньор

приказал встретить вас и доставить в собор.

— Как вы меня нашли?

— Монсеньор очень хорошо описал вас, госпожа.

Все было рассчитано идеально: нужные имена произнесены с нужной интонацией и в нужной последовательности. Встречающий вел себя предельно деликатно, не проявляя ни нервозности, ни намерения как можно быстрее затолкать девушку в машину. Не поверить ему было невозможно. К тому же о ее визите знал только Папа.

— Хорошо. — Патриция пожала плечами и послушно уселась на заднее сиденье внедорожника.

Кафр захлопнул дверцу, и «Ауди» резко сорвался с места.

Олово проводил машину взглядом, покачал головой, вытащил из внешнего кармана рюкзака коммуникатор и…

— Милый друг! Я едва нашел тебя! — Толстяк радостно шлепнул слугу по плечу. — Я вижу, ты приготовил коммуникатор. Это хорошо! Но прежде, чем скачать монографию, ты должен заплатить тридцать динаров.

Основная масса пассажиров уже покинула лифтовый холл, они были одни, и Олово наконец сделал то, о чем мечтал во время путешествия. Короткий удар в корпус, и огромный, по сравнению с Олово, толстяк осел на пол, судорожно ловя ртом воздух — ему показалось, что в живот врезался грузовой мобиль.

— За-аговор, — наставительно произнес Олово. — Везде за-аговор.

И побрел к стоянке такси, на ходу давя на кнопки коммуникатора.

— Джезе?

— С кем я говорю?

— Я-а сопровожда-ал Па-атрицию…

— Она во Франкфурте? Вы приехали? Где она? «Ну почему все они так любят болтать?»

Олово вздохнул, помолчал, терпеливо дожидаясь, когда поток вопросов иссякнет, и продолжил:

— Па-атрицию укра-али. На-а внедорожнике. За-апишите номер…

* * *

Анклав: Москва. Территория: Болото. «Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат». И нет ничего горше, когда друзья не могут пойти вместе с тобой

«Дом был наполнен мной. Я был его тайной, я был его жизнью и его дыханием. Без меня он пуст».

Так он сказал дочери. Соврал, конечно, не хотел, чтобы Патриция делила с ним боль. Ей и так достанется.

Соврал, потому что их старый особняк, их крепость, убежище и очаг, впитывал в себя каждого, кто жил под его кровом. К каждому находил подход, пытался подружиться и радовался, если это удавалось. Их старый особняк был настоящим домом, превращая каждого обитателя в друга, а каждого друга — в часть себя. И теперь, теряя всех, дом терял самого себя. Терял то, что наполняло его смыслом.

— Прости…

Кирилл остановился в малой гостиной и посмотрел на кресло у камина.

Пятьдесят лет назад в нем сидела худенькая девочка в дурацком платье и шизофренической шляпке — Мамаша Даша в последней своей инкарнации. На свет она появилась в Оттаве, в семье спивающегося работяги, где были приняты еженедельные телесные наказания. В три года Мамаше наконец удалось добраться до компьютера и отправить Кириллу электронное письмо. Через два дня она оказалась в Москве, и вечно пьяный папаша вряд ли заметил, что в доме стало одним ребенком меньше.

— Читающая Время…

Раньше, когда сети не существовало, она, случалось, десятилетиями не могла нащупать Его, подать знак, рассказать, где ее душу выбросило в этот раз. Теперь все значительно упростилось.

Кирилл вспомнил стоицизм, с которым маленькая Даша до восемнадцати лет отказывалась от алкоголя, аргументируя тем, что «организм еше растет». Вспомнил семью, которую он подобрал для Мамаши в Москве, и то, как появилась на свет Матильда…

— Я рад, что мы прошли этот путь вместе, Читающая Время, — прошептал Грязнов. — Не знаю, как бы справился без тебя.

Он провел рукой по спинке кресла, покинул гостиную и прошел к комнате Олово.

Входить не стал, ведь разрешения на это не было, остановился в дверях и с улыбкой оглядел аккуратно заправленную постель, трехдверный шкаф и два комода, в которых слуга хранил свои богатства.

— Помнишь, как Олово выбрал эту комнату? — Дом не ответил, но Кириллу это и не требовалось. Он знал, что услышан. — Сразу прошел сюда и сказал, что будет жить здесь. Ты еще удивился…

К невысокому слуге дом привыкал дольше всего. Наверное, потому, что побаивался. Зато когда они сжились, то стали не разлей вода.

— Ему будет очень больно, — грустно произнес Кирилл. — Поверь мне.

«Я знаю, — прошелестело в ответ. — Я знаю…»

А рядом с обителью Олово, дверь в дверь, располагалась комната Таратуты. Филя нечасто ночевал в особняке, предпочитая жить отдельно, но он был другом, и дом выделил ему отдельную комнату. Казавшуюся необычайно неряшливой на фоне только что осмотренного жилища слуги. Таратута никогда не заморачивался уборкой, разбрасывал вещи где придется, а недовольный Олово протирал пыль и мыл полы.

— Они разные, да? «Да», — подтвердил дом.

— Но оба тебя любят.

Последняя комната, которую посетил Грязнов, очень долго оставалась пустой. Ждала хозяйку, о которой ничего не знала, и никого не впускала, награждая непрошеных гостей кошмарными видениями. В конце концов ее терпение было вознаграждено: в доме появилась Патриция, и комната распахнула ей свои объятия. Чуть позже, когда в отношениях Кирилла с дочерью появились первые признаки доверия, Пэт призналась, что нигде и никогда раньше не чувствовала себя по-настоящему дома.

При мысли о дочери Грязнов улыбнулся.

Постоял, аккуратно закрыл дверь, прошел по скрипящим половицам коридора до лестницы, начал спускаться на первый этаж, но остановился на середине, оглушенный еще одной горькой догадкой.

Когда-то давно, всего лишь несколько дней назад, во всем старом особняке скрипела одна-единственная половица. И это казалось милой шуткой — дом напоминал обитателям, что живут

они не в бездушной коробке. Теперь же звуки доносились отовсюду и казались Кириллу стонами смертельно больного человека.

Особняк терял силы.

Сколько он протянет, оставшись совсем один? Десять лет? Год? Месяц? А потом пустота убьет его душу, и то, что некогда было живым, рассыплется в прах.

— Прости меня, — прошептал Кирилл, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

И услышал грустную, но теплую мысль:

«Не за что, мастер, не за что…»

Дом умирал, но он знал. Он все знал о том, кто столько лет наполнял его своим дыханием.

Небольшой рюкзак упаковал перед отъездом заботливый Олово. Собрал все, что, по его мнению, могло потребоваться хозяину в путешествии, даже носовые платки не забыл. Оставалось добавить лишь несколько мелочей и ехать в Шарик — машина давно ждала у подъезда, но Кирилл медлил.

Даже после прощания с домом не поспешил к выходу.

Сидел в кабинете, бездумно наблюдая за тем, как стоящие на столе часы убивают минуты, затем поднялся, побродил по комнате, словно не решаясь на что-то. И лишь увидев, что времени До отхода «суперсобаки» осталось в обрез, широким шагом отправился в тайную комнату. В небольшое помещение, единственным украшением которого было старое ростовое зеркало, в почерневшее и ничего не отражающее стекло которого Кирилл погрузил правую руку.

«Я уж думал, ты уедешь, не поговорив со мной», — насмешливо произнес Его голос.

— Планировал. «Что помешало?»

— Не захотел тебя разочаровывать. «Ты сентиментален».

— А может, я просто тебя люблю? «Самого себя?»

— Я сам давно умер, остался лишь я — ты.

«Если бы ты умер, ты не был бы нужен. И то, что ты собираешься сделать, — твое решение. Я бы на такое не пошел».

— Это моя слабость? «Это твоя сила».

Неожиданный ответ заставил Грязнова вздрогауть. Сила? Что Он имеет в виду? Или Он понимает? Ну конечно же, понимает. Ведь Он — это я.

— Ты прочитал мои мысли?

«Я давно читаю твою душу, Кирилл».

— Ты осуждаешь меня? «Ты устал».

— Нет!

«Ты устал, — мягко повторил Он, и Грязнов не стал второй

раз опровергать очевидное. Закусил губу и замолчал. — Ты устал от боли».

— Значит, все-таки слабость? «Сила».

— Я не был рожден богом. «Но ты прекрасно справлялся».

— Я… — Кирилл покачал головой. — Дело не в боли. Дело в том, что я единственный, кому она не сможет сказать «нет». Никогда не сможет. Я должен отпустить ее.

«Это так, — нехотя согласился Он. — Ты научил ее быть великой. Теперь же ей надлежит ею стать».

— Вот и объяснились.

«Я все понимал с самого начала. — Он помолчал. — Я люблю тебя, Кирилл, и горжусь тобой. Я люблю тебя и горжусь тобой гораздо сильнее, чем мог бы любить и гордиться самим собой. Я счастлив, что шел с тобой все это время».

— Я просто делаю то, что должен, — тихо ответил Грязнов.

* * *

Анклав: Франкфурт. Территория: Ackerfeld. Иногда, даже сам того не зная, ты делаешь именно то, что от тебя хотят

Место, в которое люди Ахо доставили Патрицию, Олово очень понравилось, даже он не смог бы придумать ничего лучше. Это был заброшенный цех, стоящий на самом краю промышленной территории Франкфурта.

В районе свободных предпринимателей, что прилепился к зоне корпоративных производств, — близкое соседство с ней гарантировало бизнесменам спокойную жизнь. Цех представлял собой квадратное двухэтажное здание без окон, бетонный куб, в который вели две двери и ворота. Его небольшой дворик даже не был "огражден: с трех сторон его подпирали чужие заборы, а по фронту стояли штабеля пластиковых ящиков, когда-то, по всей видимости, предназначавшихся для готовой продукции. Они-то и обеспечивали укрытие охранникам настоятеля.

Внедорожники, на которых прибыли Ахо и его люди, въехали внутрь здания — незачем дорогим машинам мозолить глаза окрестным работягам. Точного количества телохранителей Олово не знал, снаружи разглядел семерых, но подозревал, что внутри, помимо Ахо, находятся четверо-пятеро бойцов. С одной стороны, вполне достаточно для проведения тайной операции, с другой — маловато. Все зависит от того, как поведет себя Джезе.

Олово уселся на землю и, ожидая приезда архиепископа, достал из рюкзака пару бутербродов.

— Ловушка, — проворчал Зум. — Звонок неизвестно от кого, потом еще один звонок, тоже неизвестно от кого…

— Номер этого коммуникатора знала только Патриция, — хмуро ответил Джезе. — И человек, который позвонил, сказал, что он от нее.

— И направил нас сюда. — Да.

— Другой человек тоже направил нас сюда, — напомнил Рихард. — Это ловушка, Папа.

— Возможно, — помолчав, признал архиепископ. Зум погладил лежащую на коленях «дрель».

Он разговаривал с Папой с переднего сиденья бронированного внедорожника, что неспешно ехал по одной из

улиц Ackerfeld, заставленной фургонами, фургончиками и полуприцепами местных промышленников. Помимо Рихарда и Джезе в машине был только водитель, однако сзади шли еще два внедорожника с десятком вооруженных до зубов «кельнских братьев».

— Мы даже не знаем, там ли девчонка, — продолжил Зум.

— Там, — уверенно ответил Джезе. Рихард недоверчиво поднял бровь.

— Точно?

— Я чувствую.

— Ладно… — Зум знал, что некоторые вещи ему недоступны, а потому просто принимал их на веру. Если Папа сказал, что Патриция там, значит, так оно и есть, Папа не ошибается. — В таком случае нужно собрать побольше людей и обложить козлов со всех сторон, а не переть напролом. — Рихард внимательно посмотрел на архиепископа и осторожно добавил: — Это будет разумно.

Потому что до сих пор Папа действовал опрометчиво.

Получив сообщение, Джезе вылетел из кабинета как ошпаренный. На ходу велел обеспечить розыск и слежку за неким «Дромадером», добежал до гаража, прыгнул в машину и велел гнать. Куда? А разве «Дромадер» еще не обнаружили? Вы что, спите, уроды?! За что я, мать вашу, плачу машинистам?

Впервые в жизни Зум видел Папу таким… нет, не взволнованным, а находящимся на грани нервного срыва.

Выехали быстро, еще до того, как получившие серьезную «вставку» машинисты засекли «Дромадер» на въезде в Ackerfeld. Джезе велел прибавить, догнать мерзавцев, но не успели, пока добирались до промышленной территории, получили сообщение, что «Ауди» заехал в цех. Ошибка исключалась — последние пять минут «Дромадер» вели через дирижабль СБА.

Выяснив место, в котором укрылись похитители, Зум почувствовал легкое волнение, которое всегда посещало его перед хорошей дракой, а вот Папа, к некоторому удивлению Рихарда, затих. Не успокоился — Зум видел, как подрагивают от бешенства пальцы Джезе, но затих, задумался, невидящим взглядом изучая тусклый пейзаж Ackerfeld, и среагировал только на замечание Рихарда о ловушке.

— Еще минут двадцать, и здесь будет полно наших.

— Слишком долго, — качнул головой Джезе. — К тому же там ждут только меня.

— Кто? — Вопрос Зум задал машинально, от неожиданности, потому и получилось, что, задавая его, он уже знал ответ.

— Ахо, — спокойно произнес Папа, глядя на показавшийся

цех. — Наш любимый настоятель.

Над неуклюжим бетонным кубиком вилась грозовая туча любопытных духов Лоа.

«Сегодня будет славная драка!» «Сегодня победит сильнейший!» «Сегодня…»

Духи предвкушали сражение, парили, в нетерпении поглядывая на приближающегося архиепископа, и посмеивались. Казалось, все Тринадцать Пантеонов собрались в похожий на помойку Ackerfeld, бросив Землю на произвол судьбы.

— Останавливайтесь, приехали. — Машины прижались к тротуару. — Дальше я пойду один.

— Не пущу. Ты готов умереть ради девчонки?

Зум крайне редко говорил архиепископу «ты», только в минуты опасности, да еще один раз, во время старого разговора по душам, после которого принял решение служить Папе. И сейчас сказал, потому что хорошо, как ему казалось, понял ситуацию.

— Да.

— Здорово тебя зацепило.

— Она единственная, Рихард. — Джезе улыбнулся. — Она — единственная. И сейчас она в беде, так что я иду.

— Тебя расстреляют прямо во дворе. С дирижабля засекли семерых охранников, они не позволят…

— Ты не понимаешь. — Папа поднял указательный палец. — Сначала Ахо попытается достать меня сам. Мы будем биться один на один, и только в том случае, если он не сдюжит, на меня набросятся хунганы. Не раньше.

— Уверен?

— Он сам загнал себя в ловушку, — объяснил Джезе. — Он здесь, и я здесь, мы должны выяснить отношения лично, иначе ему придется убить всех, кто его сопровождает.

Ведь одно дело подсылать наемных убийц, и совсем другое — отказаться от схватки. Прояви Ахо трусость, высшие иерархи Вуду усомнятся в его силе, и очень скоро среди них появится новый Джезе, который не побоится бросить вызов настоятелю храма Иисуса Лоа.

Или же несколько новых Джезе.

В любом случае будет раскол, потому что во главе Католического Вуду должен стоять непререкаемо сильный хунган. Точка.

— Держи лапу, Рихард, надеюсь, увидимся. — Папа пожал телохранителю руку.

— Если ты не устоишь, мы размесим здание в грязь, — медленно произнес Зум. — Приедут люди, и мы сожжем домишко

к чертовой матери. Если сумеем, конечно.

Зум понимал ситуацию правильно: победив Папу, Ахо прикажет ликвидировать всех его людей, так что лучше самим начать драку — шансов больше. Поэтому и отговаривать телохранителя архиепископ не стал. Посмотрел другу в глаза и тихо сказал:

— Спасибо, Рихард.

— Не за что, Джезе.

— Это и есть знаменитая книга? — Ахо послюнявил подушечку указательного пальца, затем потер ее о большой и только после этого, перевернул несколько страниц. — Да, верно, узнаю почерк Урзака.

Но даже этот весьма мягкий жест не добавил в образ настоятеля тепла. Обстановка не располагала.

Во внутренностях бетонной двухэтажки царил полумрак, пыльные лампы светили тускло, к тому же их лучи постоянно спотыкались о расставленные вдоль стен станки, образуя причудливой мрачности тени, в некоторых из которых притаились хунганы. На глаза не лезли, притворялись сгустками мрака, не мешая настоятелю разыгрывать спектакль.

Металлический стул, к которому привязали Патрицию, находился рядом с грязным верстаком. На нем в беспорядке валялись инструменты. Зара не отходила от пленницы, стояла за спиной, буравя ненавидящим взглядом затылок девушки. Мамбо сдерживалась, но было видно, что она мечтает разорвать соперницу голыми руками. Сам же Ахо сидел на принесенном хунгана-ми складном стуле — единственном чистом предмете мебели в помещении. Одежда настоятеля подходила для боя: мягкие кожаные ботинки, широкие, не стесняющие движений брюки и свободного покроя сорочка с коротким рукавом. Оружие отсутствовало — Ахо мечтал о первобытной схватке, в которой магия, сплетаясь с силой рук, позволяла по-настоящему удовлетворить кипящую внутри ярость.

— Так что, Последний Храм и в самом деле не разрушен?

Как и всех других охотников за книгой, настоятеля интересовали не рассуждения о современных Традициях, а воспоминания автора, драгоценная информация о том, кем был Урзак.

— Здесь написано, как добраться до Последнего Храма, и еще написано, что сам Урзак не горел желанием в него возвращаться, — продолжил размышлять вслух настоятель. — Не значит ли это, что старикашка боялся? И что Чудовище, о котором вопят китайцы, существует? — Ахо перевел взгляд на Патрицию: — Ты не знаешь?

— Я должна была просто доставить посылку во Франкфурт. — Связали Патрицию надежно, но пожать плечами удалось. И еще девушка сопроводила ответ подходящей гримасой: недоумение, растерянность, тень виноватой улыбки.

— То есть ты ни при чем? — прошипела Зара. — Ты, сучка…

— Тот факт, что она трахается с Джезе, не говорит ни о чем, кроме того, что она трахается с Джезе, — размеренно произнес Ахо, заставив мамбо заткнуться. — С другой стороны, мне почему-то кажется, что только ради книги Папа сюда не примчится.

— Он и так не примчится, — заметила Пэт. — Не дурак.

— А наблюдатели сообщили, что Джезе уже в пути. Девушка опустила взгляд. Настоятель улыбнулся.

— Когда они трахались, я чувствовала, что духи Лоа в замешательстве, — громко произнесла Зара. Подумала и добавила: — Я верю в их силу, иначе бы сказала, что они боялись.

«Когда они трахались…»

Духи Лоа любили настоятеля, охотно общались, рассказывали, что знали, но о том, что произошло в соборе Тринадцати Пантеонов, помалкивали. Боятся девчонку? Но почему?

Наслушавшись Зару, Ахо встретил Патрицию настороженно, приглядывался внимательно, используя всю свою немаленькую силу, однако ничего подозрительного не обнаружил. Обычная, в сущности, девчонка. С неплохим потенциалом, но не более. Когда поняла, что похищена, закатила истерику, но получив от хунганов пару тычков, расслабилась и больше не доставляла хлопот. Выглядит напуганной, хотя иногда… Иногда настоятелю казалось, что девчонка напугана меньше, чем показывает.

Ахо поднялся, аккуратно положил книгу на сиденье стула и подошел к пленнице. Та вздрогнула.

Играет? Или это искренний жест?

Взял Патрицию за подбородок, заглянул в глаза и задумчиво произнес:

— А вот сейчас духи Лоа тебя совсем не боятся.

— Ты у них спрашивал?

Второй рукой Ахо влепил девушке пощечину. Крепкую пощечину — удар разбил Патриции губу.

— Ко мне, маленькая дрянь, следует обращаться на «вы». — И улыбнулся. — Не боятся тебя духи, совсем не боятся.

— Поэтому ты такой храбрый?

Еще один удар, но в глазах девушки не появилось ни страха, ни злости. «Что происходит?»

Духи Лоа транслировали недоумение. Или отмалчивались.

— Я думаю, ее надо убить, — неожиданно произнесла Зара. — Убить прямо сейчас. Мне не нравится, как сучка себя ведет.

— В тебе говорит обида, — спокойно ответил Ахо.

— Она все равно умрет, — напомнила мамбо. — Я просто прошу убить ее раньше.

— А я хочу насладиться зрелищем, — после короткой паузы объяснил настоятель. — Если Джезе действительно нашел ту единственную, которую искал всю свою жизнь, он должен увидеть ее смерть.

— Пусть увидит ее труп.

— Мне надоел наш спор, Зара.

Ровный тон Ахо не обманул мамбо, она поняла, что настоятель раздражен, тихонько извинилась и сделала пару шагов назад, показывая, что ее тут нет.

А настоятель вернулся к разговору с пленницей:

— Кто ты?

— Ты знаешь достаточно. Очередной удар.

— Я предупреждал насчет вежливости.

— Или я буду называть тебя так, как считаю нужным, или ты будешь бить меня до тех пор, пока не придет Джезе, — твердо произнесла Патриция.

— А что будет потом?

— Потом он тебя убьет. Зара вздрогнула.

— Ты уверена? — мягко осведомился Ахо.

— Я верю в Папу.

Как ни странно, Ахо согласился с выставленным условием. Он отошел на пару шагов, заложил руки в карманы брюк и покачался с пяток на носки, с улыбкой разглядывая Патрицию, после чего поинтересовался:

— Если ты так уверена в Джезе, то почему молчишь? Расскажи мне то, чего я не знаю, посмейся надо мной. Продемонстрируй свою истинную силу.

— Какой смысл откровенничать с покойником? Ноздри настоятеля раздулись.

— Не дерзи.

— А то что?

— А то я действительно убью тебя, не дожидаясь Папы.

— Весомый аргумент, — признала Патриция.

Но искренне ли признала? Ахо не знал, что думать.

— Ляо рассказывал, что Чудовище убило бога. Это возможно?

— Срединные миры принадлежат человеку, — убежденно ответила девушка. — Боги здесь уязвимы.

— То есть возможно?

— Для человека, который пройдет через самого себя, невозможного нет.

«Пройдет через самого себя?» Ахо прищурился.

— Кто ты, Патриция?

— Моя женщина! — рявкнул вошедший в цех Джезе.

Как именно он проберется внутрь, Олово решил во время завтрака: через крышу. На ее плоской поверхности маленький слуга разглядел люк и понял, что к нему обязательно ведет лестница. А если и не ведет, это ничего не меняет — прыжок с шестиметровой высоты Олово не смущал. Как и то, что люк может оказаться запертым.

Покончив с едой, слуга еще раз изучил поведение охранников, определил, кого из них необходимо убить, чтобы добраться до крыши, дождался, когда к воротам подойдет Джезе, достал коммуникатор и набрал номер.

— Зум, да-а?

— Да, — коротко ответил мужчина. — А ты кто?

— Скоро буду на-а крыше, — деловито сообщил Олово. — Увидишь меня-а — иди тоже. Спа-асем Па-апу.

— С кем я говорю?!

Олово отключил коммуникатор, поправил нанома-ску, закинул рюкзак за спину, взял в правую руку нож и пошел на крышу.

Рихард Зум был человеком исполнительным и дисциплинированным, он получил приказ и собирался исполнить его в точности. Он попрощался с Папой, проводил на смерть человека, которого любил и которым восхищался, но, несмотря на то что считал себя обязанным пойти вместе с Папой и умереть, остался. Он получил приказ от человека, которого любил и которым восхищался, он проводил его на смерть и пообещал не мешать.

Но для себя Зум тоже все решил.

Много лет назад, когда баварский султан распорядился снести Кельнский собор как «чересчур высокий и раздражающий эстетические чувства граждан», Рихард испытал дикую, всепроникающую злобу. Он был молод, но с богатым военным опытом. Он не был добрым католиком, но верил в Бога и даже иногда исповедовался. И он не хотел, чтобы кто-то чужой руководил его «эстетическими чувствами». Вспыхнувшие в Кельне беспорядки Европол подавил беспощадно. Впрочем, и беспорядков-то особенных не случилось. Правоверным решение султана насчет непонятного строения было до балды, а напуганные меньшинства утерлись. И лишь группа вооруженных «террористов» попыталась преградить разрушителям путь.

Перестрелки продолжались полдня и закончились закономерным разгромом бунтовщиков. Рихард с остатками своих людей едва сумел бежать во Франкфурт. Узнавший об инциденте Папа отыскал его и предложил покровительство. Так, собственно, их дружба и началась.

И ни разу за все это время Зум не пожалел о сделанном выборе.

Потому что тогда, встав на защиту собора, он понял, что такое Принципы. Вера. Идеалы. Понял, насколько они важны. Понял, что за них имеет смысл умереть.

И человек, которому он служил, был образцом неукротимого следования Принципам, Вере, Идеалам.

Сейчас этот человек шел на смерть, а он, верный Зум, должен был сидеть и ждать.

Проводив Папу, Рихард собрал ребят и коротко объяснил ситуацию. Объяснил так, как сам ее видел: что сделает с ними Ахо в случае победы и почему они не могут пойти с Джезе сейчас. Сказал, что приказывать не станет, что каждый вправе сделать собственный выбор, и без обиды попрощался с двумя парнями, которые отказались ждать исхода схватки. Или они не верили в Папу, или не любили его — не важно. Они ушли, а Зум и остальные члены «Кельнского братства» стали готовиться к драке.

А потом оставленный архиепископом коммуникатор зазвонил, и странный голос сообщил Зуму, что «мы спа-асем Па-апу».

Раньше Рихард проигнорировал бы подобное сообщение, но теперь, после московского покушения, после того, как пролетели мимо выпущенные с нескольких шагов пули, он совсем иначе смотрел на вероятность чуда…

Ускориться, стать быстрее и сильнее, вывести свой организм на пик и даже чуть выше… Именно так представляют смысл боевого транса обыватели. И в чем-то они правы.

И принципиально не правы.

Потому что суть боевого транса заключалась не в повышении воинских характеристик, а во временном переходе на следующую ступень, на уровень могущественных сил, точнее — их отражения в Срединных мирах. Вошедший в боевой транс хунган получал доступ к силе Вуду, и духи Лоа становились его частью. А потому в сражении хунганов огромное значение имела благосклонность переменчивых Тринадцати Пантеонов.

Начиная сражение, Джезе знал, что духи, как и архиепископы, раскололись, что не определились в выборе между молодым напором Папы и опытом настоятеля, и этот факт позволял Джезе рассчитывать на успех.

Удар! Еще удар! Еще!!

Разъяренный архиепископ атаковал размашисто и красиво. Папа знал, что духи Лоа ценят стиль, и сознательно старался произвести впечатление.

Удар! Еще удар!

Разумеется, Джезе не забывал и об эффективности, его красивые удары были тяжелы, но Ахо защищался уверенно.

Еще удар!!

За которым стремительно последовал ответный выпад. Не менее красивый и эффективный. Еще один выпад. Еще!

Подобно тяжеленному локомотиву, Ахо долго набирал скорость, терпеливо снося удары быстрого соперника. Зато теперь остановить настоятеля не представлялось возможным.

Выпад. Выпад. Выпад. Еще один, достигший цели. И тут же два следующих.

Острая боль пронзила тело, и Джезе понял, что сегодня духи Лоа выбрали своим кумиром Ахо.

Зара не ожидала, что ей будет настолько тяжело смотреть на поединок. Она надеялась остаться холодной, но не смогла. Потому что ненавидела Папу всей душой и обожала его. Мечтала увидеть мертвым и понимала, что сойдет с ума от этого зрелища. Потому что танец мамбо остался незавершенным, но в душе Зара исполнила его до конца. Потому что любила…

Зара понимала, что Джезе ее не пощадит, напряженно следила за действиями Ахо, но всякий раз, когда настоятель наносил точный удар, мамбо холодела.

«Нет!!»

Вид окровавленного Джезе терзал сердце. Было понятно, что Папа слабеет, что защищаться ему становится все труднее и труднее, но вместо радости Зара испытывала почти физическую боль. Будто она, а не Папа, сдерживала резкие выпады настоятеля. Будто она, а не

Папа, теряла силы и кровь. Будто ее, а не Папу, готовились пожрать изменчивые духи Лоа. «Почему?»

Зара отвернулась, и взгляд уперся в следящую за схваткой Патрицию.

«Во всем виновата она!»

Ненависть затуманила мамбо. Она помнила, что настоятель хотел убить проклятую девчонку позже, когда Папа потеряет силы, но не смогла противиться захлестнувшей ярости.

— Ты во всем виновата!

Духи слишком заняты поединком, они не помогут, оружия никакого нет, но Зару это не остановило. Она видела цель — шею Патриции — и была уверена, что сможет ее сломать.

— Ты во всем виновата!!

Зара бросилась на женщину, укравшую ее мужчину. На счастливую и ненавистную тварь. Зара бросилась, но за мгновение до того, как пальцы должны были сдавить жертве горло, перед мамбо выросла невидимая, но непреодолимая стена. Воздух стал упругим. Не твердым, но вязким, и Зара поняла, что не в силах пошевелиться. А еще она поняла, что видит теперь не шею, а глаза соперницы.

Глаза, в которых не было ни капли ненависти.

— Ты… — прохрипела мамбо, а в следующий миг слова превратились в крик невыносимой боли.

И не будь Ахо увлечен сражением, он обязательно понял бы, что духи Лоа в испуге разлетаются в стороны.

Олово пришел именно тогда, когда нужно, — теряющий последние силы Джезе не должен был понять, что его спасла Пэт, а не слуга. Не должен был и не понял.

Распахнув люк, Олово темной молнией скользнул по металлической лесенке, замер на середине, на мгновение подобрался, после чего могучим прыжком достиг Ахо. Ударом в спину сбил настоятеля с ног, и они покатились по полу.

— Черт!

Джезе потряс головой. Слабость? Плевать на слабость! Благородство? Плевать на благородство! Он видел, что Ахо отвлекся на нового противника, а значит, есть возможность нанести решающий удар. Подлый, но эффективный. Только вот… где взять силы?

Измотанный Папа пошатнулся, но шаг сделал, намереваясь лично расправиться с настоятелем. Потом сделал еще один шаг. А потом понял, что опоздал.

Свалившийся с крыши боец, невысокий, но необычайно сильный, сумел придавить Ахо к полу и смять выставленную защиту. А затем он сделал невероятно быстрое движение правой рукой. Настолько быстрое, что даже обостренное восприятие архиепископа едва его различило. Рука невысокого пошла вперед, рука уже на прежнем месте. А в ней — Джезе увидел только сейчас — зажат нож с мерцающим зеленоватым светом клинком. Рука пошла вперед, рука уже на прежнем месте. Мерцающая сталь погрузилась в тело, мерцающая сталь вновь дышит воздухом. Ни крови, ни раны — ничего. Но сердце великого Ахо разорвано.

Джезе понял это не потому, что погасли глаза настоятеля — Папа их не видел, не по тому, что услышал предсмертный крик — его не было. Джезе понял по поведению духов Лоа, по их печали и по тому, как стали они, изменчивые, виться вокруг него.

Лидер Католического Вуду умер. Да здравствует лидер

Католического Вуду!

Джезе все понял и остановился. Стряхнул боевой транс и вернулся в реальный мир, наполненный грохотом автоматных очередей.

Рихард знал, что люди Ахо следят за ним, а потому не стеснялся, атаковал в лоб.

Бронированные внедорожники на полном ходу влетели во дворик, снеся несколько штабелей с пустыми ящиками, и замерли, обеспечивая выскочившим парням укрытие. Замбийцы ожидаемо ответили плотным огнем, и примерно две минуты во дворе цеха не происходило ничего интересного. «Кельнцы» пытались продавить противника, телохранители Ахо уверенно сдерживали напор. А затем в бой вошло подоспевшее подкрепление — полтора десятка ребят из «братства», которые и решили исход схватки.

Сам же Зум не стал дожидаться, когда его парни добьют хунганов. Едва появилась возможность, Рихард с парой помощников ворвался внутрь и завязал бой, не позволив охранникам помочь Ахо.

— Зара, да? — Папа криво усмехнулся. — Я должен был догадаться.

Мамбо сидела на полу, прислонившись спиной к пахнущему смазкой станку. В раскрытых глазах ужас, на груди, куда, судя по всему, угодила пуля, — кровавое пятно.

— Женская обида способна погасить Солнце, — спокойно отозвалась Пэт.

— Учту на будущее. — Папа вновь посмотрел на Зару. — Случайная пуля?

— Похоже, — кивнула девушка.

— Но почему в ее глазах такой ужас?

— Поняла, что это конец.

— Гм… пожалуй.

Удостоверяться в смерти Ахо Джезе не стал, и так все понятно. Вместо этого, выйдя из боевого транса, бросился к Патриции. Освободил от пут и крепко прижал к себе, не обращая внимания на продолжающийся вокруг бой. Долго не отпускал, потом, чуть ослабив объятия, крепко выругал, потом снова обнял. Пэт не спорила, молчала, прижимаясь к широкой груди любимого и чувствуя, как бьется его сердце. Живое сердце. Бьющееся ради нее.

— Ахо упакуйте и отправьте в Орлеан, — распорядился Джезе, выходя во двор. — От остальных просто избавьтесь и… Кстати, где книга?

— У меня-а, — сообщил Олово.

Он скромно стоял в сторонке и держал драгоценный том под мышкой.

Джезе прищурился, разглядывая аляповатую рожицу, украшавшую наномаску неизвестного бойца, после чего вопросительно посмотрел на девушку.

— Он, собственно, за ней и приходил, — сообщила Патриция.

— Кто он?

— Человек Мертвого.

«Макс обещал. Макс сделал. Теперь я должен услугу».

Тогда, в Москве, Джезе не поверил, что Кауфман способен убить Ахо. И вот на тебе: приходит «человек Мертвого» и молча решает проблему.

«Не слишком ли много у тебя секретов, Макс?»

— Как он узнал, где книга?

— Я выкрала ее из «Пирамидома», а он… — девушка кивнула на Олово. — Он шел за мной.

— Да-а, — не открывая глаз, протянул слуга. — Кни-га-а…

«Вот и сложилась цепочка Кауфмана: Патриция решила мне помочь и выкрала книгу, Ахо узнал, похитил девушку, я бросился на выручку, измотал настоятеля, и подосланный Мертвым убийца без труда выполнил задание. — Джезе покосился на дремлющего стоя бойца. — Даже не вспотел».

Ну а то, что все участники подвергались смертельной опасности, Макса не особенно тревожило.

— Дай посмотреть книгу.

Олово протянул архиепископу толстый том, ради обладания которым выкосили не один десяток человек. Ради обладания которым убили Каори.

Как он оказался у Кауфмана? Какая теперь разница? Что в нем написано? Не все ли равно? Ахо и китайцы мечтали узнать о Традиции Урзака, Кауфман скорее всего — тоже, а вставать на пути Мертвого у Джезе не было никакого желания.

Папа и сам не знал, для чего попросил книгу. Просто посмотреть.

— Что будешь с ней делать?

— Отвезу домой, — коротко ответил невысокий убийца. И добавил: — Ухожу.

— Уходи, — кивнул Папа. — Уходи. Страницы этой книги его не волновали.

АВГУСТ

Вырванный из великана глаз остервенело таращится на Еву и плачет кровью. То ли ее оплакивает, то ли себя. То ли просто делает то, что должен. Для чего его придумала какая-то сволочь.

— Отвернись, — хмуро приказывает Пума.

Но глаз не отворачивается, потому что вырван из великана и закреплен на хитроумной подставке. Глаз продолжает таращиться, и его взгляд приводит в бешенство. Кажется, что вырванный из великана глаз смотрит прямо в душу.

— Отвернись!

Не отвечает, сука, потому что никто не добавил к вырванному глазу вырванный рот. Ядовитая железа есть, а ядовитых зубов нет.

— Не хочешь отворачиваться, не надо, — хмыкает Ева и палит в уродца из «дыродела».

К ее огорчению, проклятый глаз не лопается, красиво разлетаясь по комнате тухлыми ошметками, и даже не уменьшается в размерах. Уродец глотает пулю, сохранив на память лишь маленькую дырочку в боку, и перестает плакать отравой.

Наверное, обиделся.

— Гадина! — Пума сплевывает, бросает пистолет на пол и отворачивается. — Мерзкая гадина!

Первая из тех, кто скоро по-хозяйски обживет Землю, появится в каждом городе и в каждом Анклаве, займет почетное место в легальных и нелегальных лабораториях. Изменит мир. Трудолюбивая гадина, плачущая ядовитой слизью.

Кирпичик новой эпохи.

Коммуникатор пищит, сообщая, что очередное проклятие выложено в сеть, нырнуло ядовитой рыбой в информационное море. Коммуникатор пищит, а в дверь начинают ломиться охранники — они наконец поняли, что внутри неладно.

— Я еще занята, ребята, — усмехается Пума. — Дайте мне несколько минут, ладно?

Охранники не слышат, продолжают стучать, пытаясь выломать титапластовую дверь.

«Господи, сколько же на свете идиотов!»

Пума, несколько раз споткнувшись о валяющиеся на полу трупы, подходит к убитому глазу, упирается руками в стол и пристально смотрит на осколок неведомого великана.

— Ты правильно сделал, что перестал плакать, маленький уродец, ведь сегодня большой, мать его, праздник. Сегодня день

рождения новой, мать ее, эпохи. Сегодня мы купаемся в будущем.

— Откройте дверь! — грохочет металлический голос. — Немедленно откройте дверь!

Охранники сумели подключиться к стапионарному коммуникатору и пытаются связаться с находящимися в комнате людьми. Охранники верят, что внутри много живых.

— Откройте дверь!

Заодно охранники отрубают Еву от сети, но они опоздали: проклятия отправлены, новорожденный мир улыбается своему первому дню и запускает «синдиновые» зубки в горло мира старого.

— Откройте!

Пума демонстрирует двери неприличный жест.

— Откройте!!

Логическая цепочка напоминает электрическую схему: если все элементы сложены правильно, на потолке загорается лампочка. Большая энергосберегающая, мать ее, лампочка.

В логической цепочке тоже все последовательно, цепляется одно за другое и подводит к однозначному выводу. Тошнотворному, мать его, результату. Логическая цепочка на то и логическая, что не позволяет плюнуть и сказать: не так.

Не так!!

Логика…

Какая тварь придумала логику? Для чего она нужна, если весь мир пропитан чувствами, а скоро их заменит «синдин»? Какая польза от логики?

Пума кашляет, копается в кармане короткой кожаной куртки, вытаскивает гранату с напалстером и несколько секунд тупо разглядывает смертоносную железяку.

— Нет, не сейчас.

Аккуратно кладет гранату рядом с коммуникатором, вновь лезет в карман и достает мятую фотографию.

Сорок Два, Красная Роза и она. Все как живые. Даже она как живая, хотя тогда уже появился кашель. Пума на фотографии улыбается. Все улыбаются. Они ведь, мать твою, любят друг друга. Там, на фотографии, они любят друг друга. Еще не знают, чем все закончится. Или кто-то из них уже знает? Там, на фотографии?

Логика, мать твою, дерьмовая логика.

Доктор Скотт оказался храмовником. Интересно, он задохнулся или сгорел? Как была выстроена логическая цепочка его смерти?

— Ты помнишь доктора Скотта, Роза? Тогда его звали Заур. Это он вколол Сорок Два бракованные наны, соединившиеся с

«синдином». Помнишь, как ты целовала его, Роза? Нет, не Сорок Два, а доктора, который его спас? Помнишь, как ты целовала его чуть позже, когда выяснилось, что наны оприходовали «синдин» и получилась троица? Помнишь доктора Скотта? Он храмовник, Роза, он храмовник…

Храмовник. Логическая цепочка.

Не было чуда. Не было озарения. Не было потрясающего везения. Сорок Два банально создали.

— Он марионетка, Роза, ты отдала жизнь за дерьмовую куклу, к ручонкам которой привязаны ниточки. Мутабор затеял игру, Роза, Мутабор придумал «синдин» и научил нашего пророка им пользоваться. Пока Сорок Два мечтал создать новый мир, Мутабор ломал старый. Делал, а не мечтал.

Выстраивал логические цепочки. Для чего?

Для того, чтобы никто не обращал на него внимания. Для того, чтобы у больших людей большого мира болела голова от диких тритонов и им не было дела до делишек храмовников.

Хаос. Вот чего добивался Мутабор. Хаос — результат логической цепочки. Холодной как лед цепочки.

Мы строим прекрасный Цифровой мир, а он, наш мир, кровожадным Молохом пожирает своих детей. А эти глупцы не понимают, мечутся, требуют, завывают: дайте нам «синдин». Берите свой «синдин», придурки, жрите! Не забудьте добавку. Запускайте «поплавки», становитесь цифровыми богами, подыхайте.

Совершенный, самовоспроизводящийся хаос.

— Сегодня я исполнила волю нашего пророка, Роза, — шепчет Пума и целует фотографию. — Сегодня я сделала то, для чего нас создали. У нас будет новый мир, Роза, и я рада, что ты его не увидишь.

Дверь медленно краснеет, охранники приволокли резак.

Думаете, успеете? Вряд ли. Ведь все, что нужно, — просто протянуть руку.

Ева прижимает мятую фотографию к груди, в которой засел проклятый кашель, и просто протягивает свободную руку, прикасается тонкими пальцами к холодному железу гранаты.

Теперь нужно просто вытащить чеку.

Одной рукой неудобно, поэтому Ева берется за кольцо зубами.

Напалстер — отличная штука, даже одна граната выжжет все: и трупы, и мертвый глаз ядовитого великана, и коммуникатор, отправивший миру проклятие, и кашляющую грудь, к которой прижата фотография любимых.

Вспомнив о ней, Пума вновь целует карточку, кашляет и

замечает на лицах улыбающихся людей капельки крови. «Синдин» наконец-то проявляется во всей красе, перестает прятаться за безобидным кашлем. «Синдин» приготовился скрутить жертву, но…

— Опоздал, милый, ты меня не убьешь, — шепчет довольная Ева. — Я тебя обманула, я все сделала сама.

Пума вновь прижимает фотографию к груди, закрывает глаза и возвращает освобожденную от долгого ожидания гранату на стол.

Сегодня большой праздник. Давайте устроим фейерверк.

ИЮЛЬ

Анклав: Цюрих.

Территория: Альпийская Поляна. «Замок Ван Глоссинга».

Самый страшный круг ада предназначен предателям

— Активисты знаменитого движения «Остановим Ад!» провели очередную громкую акцию. На сей раз мишенью стал морской порт русского города Мурманск, переоборудованный корпорацией «Науком» в рамках строительства Станции. Около трехсот человек перекрыли главные ворота порта и, скандируя «Вы приближаете смерть Земли!», полностью парализовали его работу. Прибывшему к месту акции мэру Мурманска, господину Батуринидзе, члены движения вручили петицию с требованием прекратить сотрудничество с «Науком» и не принимать предназначенные для Станции грузы. В ходе двухчасовых переговоров мэру удалось убедить активистов снять блокаду…

— Неплохо, совсем неплохо.

Дрогас уже получил подробный доклад об акции, а новостную ленту включил из любопытства. И остался доволен увиденным. Яркая картинка: триста человек в черных рясах с зажженными свечами в руках отлично изобразили «похороны Земли». Большой шум: на месте событий работали журналисты всех основных каналов. А самое главное — никакого насилия. «Остановим Ад!» позиционировало себя как мирное движение, пытающееся добиться своего исключительно добрым словом.

— Не просто неплохо, а очень даже хорошо… — Дрогас выключил коммуникатор, крутанулся на стуле и холодно посмотрел на Флобера. — Ну а ты как?

— М-м…м?

Рот обнаженного толстяка заклеен скотчем, поэтому в ответ Стефан услышал лишь невнятное мычание.

— Вижу, что не очень, — усмехнулся Дрогас. — Но ты не волнуйся, дальше будет хуже.

Директор страшной Африки, блестящий, исполнительный офицер, которого Моратти не уставал ставить в пример

подчиненным, лежал на металлическом столе в позе «звезды», с разведенными в стороны руками и ногами. Взгляд мутный, непонимающий, а на лице и груди свежие кровоподтеки.

— Мы пока разминались, знакомились, так сказать, — продолжил Стефан. — Главная же часть допроса начинается теперь.

— М-м…м?

— Да, дружище Густав, именно допроса. Нравится тебе это или нет, но сейчас ты в полном дерьме.

Когда все летит к чертям, чистоплюйством не занимаются. Моратти велел Дрогасу «плотно поговорить» с директором Африки и выудить интересующую информацию, невзирая на высокий ранг Флобера.

Директора взяли прямо в штаб-квартире СБА. Чего далеко ходить-то? Дождались окончания совещания, подослали курьера: «С вами хочет поговорить президент», а в лифте скрутили, заклеили рот и, ничего не объясняя, как следует избили. Приволокли в камеру, раздели и разложили на столе.

Конечно, можно было использовать «химию»: подсыпать Флоберу снотворное, а после вколоть развязывающий язык препарат и задать нужные вопросы, однако Дрогас такой подход не одобрял. Стефану нравилась живая работа, наполненная душой и… страхом. Если Флобер действительно предатель, а сомнений в этом, судя по словам Моратти, не было никаких, он должен заплатить. Должен осознать, что натворил. Должен запомнить урок навсегда. Если, конечно, у него будет это самое «навсегда».

Дрогас поднялся со стула, лениво поковырялся в разложенных на маленьком столике инструментах, выбрал один и подошел к жертве.

— Знаешь, кто я? Толстяк кивнул головой.

— Хорошо, — одобрил осведомленность пленника Стефан. После чего продемонстрировал Флоберу скальпель. — Знаешь, что это?

Еще один кивок. Судорожный.

— Я очень хочу отрезать тебе ухо. На глазах Густава показались слезы.

Страх… Это хорошо. Очень хорошо. Репутация и правильный подход позволяют сломить сопротивление не хуже «химии». А удовольствия такая работа приносит несравненно больше.

— Но еще я хочу знать правду, — размеренно продолжил Стефан и доверительно поинтересовался: — Ты меня понимаешь?

Кивок.

— И вот какая у нас дилемма, дружище Густав: если я отрежу

тебе ухо, то не смогу остановиться. Последует второе ухо, нос, пальцы… — Блестящий скальпель медленно и весьма многозначительно вертелся перед глазами Флобера. — Сам понимаешь, что изрезанное твое рыло мы на неделю спрячем и наша милая беседа останется в тайне. А восстанавливать тебя после хирургической процедуры никто не станет. Все ясно?

Кивок.

— Поэтому, дружище Густав, постарайся не доводить дело до медицинских опытов. — Стефан наклонился к самому лицу перепуганного Флобера. — Я знаю, что л-вирус выполз из Африки. Из твоей Африки. Сейчас я вытащу кляп, и ты мне это подтвердишь. Никаких лишних слов, просто короткое «да». Детали обсудим позже. Все ясно?

Кивок.

— Хорошо.

Дрогас вытащил кляп.

— Вирус выполз из Африки, — слегка заикаясь, подтвердил Флобер. — Не нужно резать. Пожалуйста.

— Отличное начало сотрудничества, — тоном заправского коммивояжера провозгласил Стефан. — Мы сработаемся.

— Какие у меня гарантии? — пискнул Густав.

— Мое слово.

— И все?

— Мне нужна информация, а не твоя шкура, скотина, — объяснил Дрогас. — Я хочу оставить нашу беседу в тайне, чтобы не спугнуть твоих хозяев. Так что если будешь честен, то отделаешься почетной отставкой через пару-тройку месяцев. Все ясно?

На самом деле судьбу Флобера уже решили: автомобильная авария сегодня вечером. Вдова получит приличную пенсию от СБА, детишки тоже не останутся без присмотра.

— Спрашивай, — вздохнул Густав.

— Чьи приказы ты исполнял?

— Мертвого.

— Почему-то я не удивлен… Как вы связывались?

— Только по сети.

— Кто придумал я-вирус?

— Парень, которого отправили в Африку из Москвы. Три года за непредумышленное убийство, сказали, что он отличный машинист, которого необходимо использовать на специальных задачах.

— Как звали парня?

— Илья Дементьев. Мне сразу показалось странным… — Получив хоть какие-то гарантии, Флобер разговорился и стал

добавлять в ответы дополнительные подробности. — Ему дали три года Африки ни за что. Взяли во время беспорядков с чужим пистолетом и влепили по полной программе.

— Его подставили?

— Думаю, воспользовались случаем. Кауфман сказал, что мы должны раскрыть его потенциал. Парень действительно оказался головастым, а главное — предсказуемым. Мертвый объяснил, как нужно с ним себя вести, приказал ни на йоту не уклоняться от инструкций, и все получилось. Парень вкалывал как проклятый, выдавал потрясающие результаты, а потом… Потом Мертвый приказал запустить его на тот проект, который занимался «поплавками». А уже потом велел писать вирус.

Дрогас посмотрел в монитор.

— Здесь написано, что Дементьев погиб во время бунта.

— А что я должен был написать? Брови Стефана взметнулись вверх.

— Ты отпустил создателя л-вируса на свободу? Флобер тихо вздохнул.

— Я хотел его убить. Мне не позволили.

— Мертвый?

— У него было много людей в Африке, они контролировали каждый мой шаг.

— А остальных машинистов, работавших с «поплавками», ты грохнул?

— Разумеется.

— Ну, хоть на это ума хватило. — Дрогас вывел на экран личное дело Дементьева. Беглец из Санкт-Петербурга, ученик Танаевского, набрал сто баллов на вступительных экзаменах в Университет, получил стипендию, но подписывать контракт с корпорациями не спешил, работал машинистом у храмовника… «У храмовника? Как интересно». — Кто приехал за Дементьевым? Как его забрали?

— Приехал курьер. Невысокий такой, в наномаске, на которой изображена кукольная рожица. Люди Мертвого его боялись.

«Невысокий в наномаске? Еще интереснее…» Стефан слышал истории о невысоком убийце в приметной наномаске, который брался за самые сложные

дела и выполнял их с блеском. Относился с недоверием, считая киллерским фольклором. Однако Флобер, судя по всему, не врал.

— Я хотел убрать их по дороге и послал в засаду трех ребят, — продолжил Густав. — Невысокий убил их ножом.

— Хреновые у тебя ребята, — пробормотал Дрогас. Еще

Моратти интересовало, куда мог отправиться

Чайка, но спрашивать об этом Флобера глупо. Да и вообще спрашивать глупо, поскольку ясно, что парень с таким талантом нужен Мертвому только в одном месте — на Станции.

Территория: Россия. Санкт-Петербург. Ветрено, сыро, противно. Теплое ощущение дома

— Фамиля?

— Что? — растерялся Чайка.

— Твой фамиля! Бистро-бистро!

Черноглазый пограничник изъяснялся настолько плохо, что даже активизированный в «балалайке» переводчик с современного русского справлялся с огромным трудом.

— Соловьев, — сообщил Чайка. — Илья Федорович.

— Рюски? Зачем карточка делать, а? Бистро-бистро отвечать! А?

Чайка сообразил, что пограничник принял его за россиянина и удивился предъявленной иммиграционной карте. По всей видимости, читать он умел еще хуже, чем говорить, а потому пришлось объяснять на пальцах:

— Я гражданин Анклава Москва. Мои документы…

— Аньклав! — Пограничник презрительно посмотрел на Илью. — Сто тысяч рублей. Бистро-бистро, давай-давай!

— У меня только юани.

— О, юань! Десять юань давай-давай, бистро-бистро!

Чайка протянул деньги, черноглазый шлепнул на карточку отметку: «Сбор уплачен» — и швырнул документы обратно.

— Следующий! Бистро-бистро!

Плата за пересечение границы и была, собственно, главной формальностью. Все остальное представителей власти интересовало слабо.

— Бистро-бистро! Давай-давай!

Илья прошел по коридору, свернул за угол и уперся в хвост следующей очереди.

— Таможня?

— Граница, — вздохнула стоящая впереди тетка. — Не убирай документы.

А вот это что-то новенькое. Чайка удивленно посмотрел на женщину.

— Граница? В смысле — еще одна?

— Там был пост Министерства пограничных сборов, а здесь — Министерства пограничных пошлин, — сообщила тетка. И заученно добавила: — Двойной контроль прибывающих необходим нашему государству для усиления борьбы с террористической угрозой.

— Очень правильная мера, — поддержал законопослушное выступление Илья. — Цена такая же?

— Ага, десять юаней. Чайка полез за кошельком.

До столицы России Илья добрался с комфортом, в вагоне «суперсобаки», а не под ее брюхом, как частенько приходилось путешествовать в прошлом. К тому же Грязнов сделал Чайке подлинную метку сотрудника «МосТех», которая позволила Илье ввезти запрещенный в России «раллер», чем в очередной раз продемонстрировал свои невероятные возможности.

«Но для чего? Для чего ты хочешь устроить аварию, Кирилл?»

Впрочем, думать о Грязнове сейчас не хотелось. Оказавшись в родном Питере, Чайка, совершенно неожиданно для себя, почувствовал прилив сентиментальности — теплое чувство, которое появляется при возвращении домой, — и, поскольку время позволяло, решил прогуляться по улицам, на которых прошли его детство и юность.

С вокзала, разумеется, на Невский и пешком к реке, с улыбкой выискивая изменения и радуясь, если найти не удавалось.

«Осторожнее с карманниками. В настоящее время Невский поделен между тремя группировками, в каждой из которых насчитывается по семь-девять человек. Постарайтесь держаться от них подальше. — В правом верхнем углу напыленного на глаза Чайки наноэкрана появились фотографии воров. — Если вы стали жертвой карманников, не советуем обращаться к патрульным — они в доле. Лучше всего — плюньте».

В Москве Илья загрузил последнюю версию «Русской Рулетки», питерского аналога московского путеводителя «Дыры и Заборы», и теперь с интересом слушал тихий шепот, комментирующий все, во что упирался взгляд Чайки.

«Обратите внимание на великолепие Невской Мечети, отстроенной на месте музея атеизма…»

Близилось время пятничной молитвы, и прилегающая к мечети площадь стремительно заполнялась моби-лями и автомобилями всех мастей, от «рабочих лошадок» до блестящих «Мерседесов Мао».

— Рюски?

— Анклав, — коротко отозвался Чайка.

— Дакумента!

— Нам тута тирариста не нада!

— Чо в рюкзака?

— Можа иму рюки в гору?

Патрульных было трое. На плечах автоматы, на телах черная форма со знаками различия муниципального комитета жилищно-

коммунальной безопасности (это сообщила вездесущая «Русская Рулетка»), в глазах — горячее желание поймать хоть какого-нибудь преступника.

Притушить желание удалось с помощью ставших уже традиционными десяти юаней.

Попрощавшись с дружелюбными муниципалами, которые на прощание посоветовали: «К дворца ни хади, тама сивоня О-Ка-Ры дикует», Чайка полавировал меж припаркованных на площади машин и прошел на Казанскую, с трудом подавив желание заглянуть в английский паб, в котором подавали и продолжали подавать отличное пиво. Затем прогулялся по Гороховой и набережной Мойки и, пройдя насквозь площадь Толерантности, на которой конный памятник Шамилю соседствовал с Музеем истории православия, вышел к реке.

«Наверняка у вас захватило дух от потрясающей, «открыточной» панорамы на деловой центр блистательного Санкт-Петербурга. А теперь подумайте, что все эти грандиозные небоскребы, шпили которых теряются в сереньком балтийском небе, стоят практически на болотах, и…»

Десять башен справа — «энергетические», восемь слева — «металлургические», а в центре двенадцать федеральных красавиц, во главе с семисотметровой «Вперед, Россия!» — в них располагалось правительство великой страны.

И хотя небоскребы делового центра были видны отовсюду, Илье нравилось любоваться им от старого Адмиралтейства и представлять небоскребы стеной, надежно защищающей город от бушующего моря. Подумать только, ведь когда-то — Чайке доводилось видеть старые фотографии — остров был застроен примитивными низенькими зданиями и даже промышленными объектами, производившими самое удручающее впечатление. Зато сейчас…

— Внимание! Все в сторону! Внимание! Разойтись!!

Громкий голос выдернул Чайку из рассеянности созерцания, заставил обернуться и… как раз вовремя — напротив остановилась черная машина с мигалками.

— На землю, сука! Быстро!

Илья послушно бросился на тротуар.

— Только шевельнись, говнюк, пристрелим! — пообещал выскочивший из автомобиля громила в штатском и тут же доложил в рацию: — У нас чисто!

— Ты откуда взялся, придурок? — поинтересовался второй мордоворот и врезал Чайке ногой по ребрам. — Плакатов не видел?

— Да оставь его. Может, турист какой?

— Пусть привыкает к порядку, гнида! — Еще один удар. — Нам из-за него выговор влепят.

— Не влепят. Мы же нарушителя заметили и вовремя приняли меры. Всем понятно, что внешний периметр лажанулся.

По пустынной набережной пронесся кортеж блестящих машин.

— Лежать еще десять минут, понятно? — Второй громила, тот, что боялся выговора, наступил Илье на руку. — Понятно?

— Да.

— У нас снайперы повсюду, и они тебя, козла, кончат, если встанешь раньше!

— Понятно.

Рука и ребра болели, но Чайка, уткнувшись лицом в землю, все равно улыбался.

Он был дома. Он на самом деле был дома.

* * *

Анклав: Москва. Транспортный узел «Шереметьево». Раннее утро, много народу, оставленные позади мысли

Надоедливый толстячок, страдающий синдромом мировой закулисы, все-таки подгадил Олово. Он сообщил во франкфуртское отделение СБА, что стал жертвой насилия, безы вычислили слугу и поместили его в список лиц, разыскиваемых за мелкое хулиганство. Пустяк, разумеется, но Пэт не пожелала тратить время на объяснения с СБА и велела Олово обратиться к контрабандистам. В результате несчастный слуга проделал обратный путь в багажном вагоне «суперсобаки».

А сама Патриция вновь ехала в купе первого класса. И вновь одна. Поскольку знала, что не сможет сдержаться, что мысли, обуревающие ее после второй и последней встречи с любимым мужчиной, обязательно отразятся на лице, а случайные попутчики не должны видеть ее слез. Никто не должен. Никто, кроме стандартных кресел, молчаливых зеркал и роскошного букета настоящих роз, медленно умиравших на железнодорожном столике. Никто.

Джезе.

Никто.

Джезе…

Дерзкий и ласковый, самолюбивый и ответственный, гордый и неукротимый. Впервые в жизни Пэт хотела быть просто женщиной. Но понимала, что простая женщина не сможет встать рядом с Папой. Впервые в жизни Пэт осознала, чего лишилась, став Избранной. Но не видела себя никем иным.

Она любила. Но уезжала навсегда.

И умирающие розы грустно смотрели на слезы Избранной…

— Внимание! В связи с террористической угрозой в Анклаве Москва временно приняты повышенные меры безопасности. Стандартная процедура досмотра займет больше времени, чем обычно. Благодарим за понимание.

Еще три месяца назад тотальные проверки пассажиров, следующих из Анклава в Анклав, были исключением, сейчас — правилом. Однако люди не роптали, понимали, что времена изменились.

Вы хотели Эпоху Цифры? Она наступила. Вы ее не хотели? Она все равно наступила.

— Пожалуйста, покажите «балалайку», — попросил без, закончив проверку «таблетки».

Гуляющий по планете вирус ослеплял наноскопы, не позволяя им видеть запрещенные «поплавки», и безам приходилось отслеживать чипы дедовским способом.

— Я не подключена. — Пэт продемонстрировала девственный затылок.

— Ваш коммуникатор, пожалуйста.

— Пожалуйста.

Без быстро вскрыл корпус и проверил чип, после чего молча кивнул на стоящий справа анализатор. Патриция вставила в отверстие указательный палец, и через несколько секунд умная машинка сообщила офицеру, что «синдином» девушка не балуется.

— Благодарю за сотрудничество, госпожа Грязнова. Извините, что вам пришлось задержаться.

Второе предложение прозвучало только потому, что Патриция была включена в VIP-список. Проверке особо важные граждане подвергались наравне со всеми, но в качестве бонуса получали бесстрастные извинения. Если оказывались чисты, разумеется. Если же анализатор сообщал о следах «синдина», то помочь не мог ни список, ни высокопоставленные родители — месяц назад Рене Милях, старший сын вице-президента «World-Finance Сотр.», отсидел неделю в камере, после чего получил год условно и путевку на принудительное лечение.

— Все в порядке, офицер, вы просто делаете свою работу.

Патриция спустилась на самый нижний уровень подземной парковки и отыскала свой мотоцикл, возле которого, сидя на корточках, дремал Олово. Путешествие в багажном вагоне не отличалось особым комфортом, зато позволило слуге избежать проверки. Официальной проверки. Неофициально же безы, имевшие плотные связи с контрабандистами, посмотрели на Олово, выяснили, что парень не захотел провести неделю во франкфуртской тюрьме за мелкое хулиганство, проверили документы, плюнули и ушли.

— Со мной ты не поедешь. — Олово удивленно поднял брови. — Отправляйся к Русу.

— Та-ам Та-ара-атута, — сообщил слуга. И кивнул головой, подтверждая сообщение.

— Филя — человек ответственный, но тебе я верю больше, — спокойно произнесла Пэт. — Ты должен проследить, чтобы в бюро не осталось никаких следов.

В отличие от Олово, девушка знала, что ждет Анклав сегодня, и понимала, что помощь в лице Олово Таратуте не помешает. Ей тоже предстояла опасная миссия, но именно ей — присутствие телохранителя может вызвать ненужные подозрения.

Слуга тщательно обдумал приказ, взвесил аргументы, мысленно согласился с ними, но тем не менее поинтересовался:

— Ты?

Потому что все секреты бюро не стоили и мизинца девушки.

— Я поеду на Сретенку, заберу Мамашу Дашу и привезу ее в Шарик. Здесь и встретимся.

«А еще попрощаюсь с домом, который стал родным». Олово потер лоб, напряженно обдумывая ситуацию, после чего попросил:

— Звони ка-аждый ча-ас.

— Договорились.

* * *

Анклав: Франкфурт. Территория: Palmenviertel. Собор Святого Мботы. Обухом по голове

— Джезе, слова, которые я произнес сегодня с кафедры, были искренними, но со стороны могли показаться немного пафосными, — проникновенно изрек Иеремия, архиепископ канадский. — Я позвонил, чтобы сказать: назвав тебя великим, я не покривил душой. Я считаю, что если кто и может придать Католическому Вуду новый импульс, то только ты. Ты лучший из нас.

— Иеремия, я…

Однако перебить вошедшего в раж архиепископа Папе не удалось.

— Джезе, ты ведь знаешь, что я всегда относился к тебе как к сыну. Я всегда знал, что рано или поздно ты взлетишь выше меня. Я радовался твоим успехам и счастлив, что не ошибся.

Канадский пастырь так расчувствовался, что вынужден был смахнуть слезу. Папе оставалось лишь одобрительно кивнуть.

За несколько последних суток Джезе переговорил с десятками архиепископов и уже накопил определенную статистику. Великим его называли тридцать семь раз, блестящим оратором — сорок три, главной надеждой Католического Вуду — четырнадцать, а смахивали во время разговора слезу девятнадцать раз. Последний жест практиковали пожилые архиепископы, приносящие клятву верности в режиме отеческого напутствия. Ровесники упирали на суровую мужскую искренность. А иерархи помладше демонстрировали Папе щенячью восторженность, обязательно добавляя, что «всегда мечтал быть похожим на тебя» — семь раз.

Противостояние закончилось, и архиепископы, которые до сих пор не решались примкнуть к партии Джезе, наперегонки бросились в его объятия.

— Надеюсь, паства скорбит о безвременной кончине Ахо?

— Люди взволнованы, но надеются на лучшее. Они верят, что новый настоятель поднимет Католическое Вуду на небывалую высоту.

Похороны Ахо должны были состояться через три дня, а сразу

после них высшие иерархи обязаны выбрать нового лидера. В том, что им станет Джезе, мало кто сомневался, однако Папа, к некоторому удивлению наблюдателей, в Новый Орлеан не торопился, продолжая работать из привычного Франкфурта.

— Я полагаю, Католическому Вуду требуется энергичный пастырь. И ты, дружище Джезе, наилучшая кандидатура.

— Рад, что наши мнения совпадают.

— Ты можешь рассчитывать на мой голос, — с чувством подтвердил Иеремия.

— А ты — на мою дружбу.

Как именно умер Ахо, никто не знал. Архиепископы, разумеется, изучили доставленное в Новый Орлеан тело, но вряд ли что поняли. Им было известно только то, что Ахо воевал с Джезе, а потом мертвого Ахо привезли из Франкфурта. Немного, но для понимания ситуации вполне достаточно. Противостояние закончилось, и духи Лоа не имели ничего против победителя. Именно поэтому разумные архиепископы объявили пастве, что настоятель скончался от сердечного приступа, и пришли к выводу, что следующим лидером станет Папа — бросать вызов тому, кто уложил в гроб самого Ахо, никто не собирался. Помалкивали даже друзья и сторонники скончавшегося настоятеля. И хотя их публичные проповеди носили нейтральный характер, в частных разговорах они признавали право Джезе на главную кафедру Католического Вуду.

Цель достигнута.

— Увидимся в Новом Орлеане, Джезе, — попрощался повеселевший Иеремия.

— Да благословит тебя ближайший дух Лоа, — хмыкнул Папа, отключая коммуникатор.

Цель достигнута.

Джезе зевнул и потер виски, словно разминая лезущие в голову мысли.

Итак, нужно быстренько подобрать человека на баварскую кафедру. Нужно переговорить с тремя президентами стран Конфедерации до того, как те отправятся в Новый Орлеан. Нужно…

В дверь постучали.

— Войдите! — разрешил Папа, обернулся и улыбнулся, увидев Зума. — Да?

— Он ждет, — коротко сообщил телохранитель. Еще одно важное, можно даже сказать- сверхважное дело.

— Ты уверен, что вас никто не видел?

— Гарантирую.

— Хорошо. — Джезе вздохнул и встал из кресла. — Пойдем…

С тех пор как Мертвый назначил Мишеньку куратором строительства Станции, его безопасностью занимались не просто серьезно, а предельно серьезно. Сопровождение по классу «А»: за спиной не менее двух телохранителей, в кортеже не менее семи автомобилей, если приходится лететь, то самолет сопровождают не менее двух истребителей. Еду готовят только проверенные повара, а в теле прячутся четыре «маяка». В своем московском доме Щеглов практически не появлялся, — отправив семью на Север, он жил на работе, в «Пирамидоме», — и лишь в крепости Станции Мишенька чувствовал себя достаточно свободно. То есть охрана по минимуму — два телохранителя.

Что же касается визита в Европу, то люди Мертвого готовили его как самую настоящую спецоперацию. Активизировали двойника, который плевал в потолок в московском кабинете Щеглова и принимал участие в совещаниях — светился на людях. Настоящему Мишеньке сделали пластическую операцию, временно изменив известное всем разведкам мира лицо, подготовили надежнейшую легенду и обеспечили мощное внешнее прикрытие. В общей сложности простой поездкой во Франкфурт занималось триста человек, правда, подавляющее большинство из них понятия не имели, ради кого стараются, — тайна оберегает гораздо лучше стволов.

Благодаря их усилиям Мишенька благополучно добрался до конспиративной квартиры в немецком Анклаве, откуда и позвонил Джезе. Представился, сказал, что им необходимо срочно переговорить, и уже через полчаса встречал присланных Папой людей из «Кельнского братства».

— Как он? — отрывисто спросил Джезе, быстро шагая по коридору.

— Спокоен, словно айсберг, — ответил Зум. Щеглов ждал аудиенции примерно сорок минут.

Ждал один, сидя в небольшой комнате в подвале собора Святого Мботы. Привинченный к полу стол, два привинченных к полу стула, никаких окон, запертая дверь и совсем не друзья снаружи — такая обстановка способна вывести из себя даже самого крепкого человека. Но не Щеглова.

Все сорок минут Мишенька просидел на стуле, невозмутимо разглядывая противоположную стену. Три раза сменил позу, два раза широко зевнул — вот и все проявленные эмоции. При появлении Джезе особенной радости не выказал, сверкнул квадратными стеклами очков и равнодушно отвернулся, дожидаясь, когда Папа устроится на стуле. Правда, поздоровался первым — сказалось воспитание:

— Добрый день, господин архиепископ.

Тон спокойный, можно сказать — безразличный.

— Мне говорили, что вы весьма хладнокровны… — начал Джезе.

— Спасибо, господин архиепископ, мне тоже о вас рассказывали.

Щеглов не перебил собеседника, скорее, плавно встроил свою фразу посреди слов Джезе. Настолько плавно, что Папа едва не позабыл, к чему завел разговор о хладнокровии.

«А он хорош!»

— Я удивился, что Мертвый отправил ко мне именно вас, господин Щеглов.

— Почему?

— Вы весьма осведомленный человек. С вашей помощью я могу узнать о Станции все.

Джезе не хотел угрожать, так получилось. К тому же его действительно задело подчеркнутое равнодушие Мишеньки. Которое, впрочем, не дало трещину даже после недоброго намека.

— Вы можете меня допросить, господин архиепископ, — уточнил Щеглов. — Но это вовсе не означает, что вы узнаете о Станции все.

— Мои люди умеют допрашивать.

— Я умру прежде, чем скажу что-нибудь интересное, — вяло сообщил Мишенька. — И даже духи Лоа не смогут мне помешать.

А ведь они находятся в кафедральном соборе Традиции, в месте, где духи Лоа чувствуют себя максимально свободно.

— Неужели? — недоверчиво прищурился Папа.

— Приказ на смерть в меня вложил тот, для кого духи Лоа нечто вроде насморка. Иногда мешают, но в принципе безвредны.

Безразличие подчеркивало уверенность Щеглова. Мишенька не сомневался в своих словах, не боялся ни духов, ни смерти, ни сидящего напротив архиепископа, которого успел слегка разозлить. И Джезе почувствовал нарастающее уважение к хладнокровному, как змея, помощнику Мертвого. Хладнокровному и опасному.

— Зачем вы приехали, господин Щеглов?

— Сразу оговорюсь, что наша встреча — моя личная инициатива, — предупредил Мишенька. — Приехать к вам было моим решением и, соответственно, моим риском.

Папа нахмурился:

— Я не понимаю.

— Более того, я влезаю в тщательно продуманный план, — невозмутимо развил мысль Щеглов. — Но считаю, что вы, господин архиепископ, должны кое-что узнать.

Уважение уважением, но помощник Мертвого начал

действовать на нервы. Даже сейчас, когда знакомство, можно сказать, состоялось и стороны прощупали друг друга, Щеглов не отказался от безразличного тона. Не раскрылся.

— Я помню, что должен Кауфману услугу, — грубовато произнес Папа. — Вы пришли за ней?

— Вы плохо слушаете, господин архиепископ, гнев и досада туманят ваш разум, — мягко ответил Мишенька. — Я приехал по личному делу. Я хочу, чтобы Патриция была счастлива. Джезе вздрогнул.

— Благодаря вам она сделает то, для чего была рождена, — изменит мир, — ровно продолжил Щеглов. — Это уже происходит. Патриция сделает счастливыми миллионы людей, во всяком случае, подарит им надежду. А я хочу, чтобы она не плакала, сидя вечерами у горящего камина.

— Как романтично. — Папа взял себя в руки и попытался отгородиться от слов Мишеньки цинизмом. — Я должен вам верить? Верить этой напыщенной фразе?

Патриция — огромный пролом в оборонительной стене, одно только упоминание ее имени заставило Джезе нервничать.

— Вы знаете, чем я рисковал ради того, чтобы произнести «эту напыщенную фразу», — спокойно заметил Щеглов. — С этого вы начали разговор, господин архиепископ, на кону моя жизнь.

Ответа у Джезе не нашлось: Мишенька прав, во всем прав. Он действительно рискует, и от этого фраза теряет в напыщенности, зато прибавляет в искренности. Или это очередная игра?

— Будете просить меня жениться на Пэт? — Папа коротко хохотнул.

Слишком коротко и слишком нервно.

— Вы бы хотели, — тихо произнес Щеглов.

И Джезе почувствовал, что краснеет. От гнева? Нет. На что ему злиться? От стыда? Нет. Чего ему стыдиться? От смущения… Да, черт возьми, от смущения! Ведь он действительно хочет.

Невозмутимый Мишенька видел Папу насквозь, играл с ним, и Джезе открыл рот, чтобы достойно ответить посланцу Мертвого, но не успел.

— Я приехал сказать вам, господин архиепископ, что у вас будет ребенок. Девочка. Скорее всего, ее назовут Патрицией. — И после этих слов Мишенька впервые продемонстрировал эмоции. Не сдержался. Не смог сдержаться. Твердую маску лица расколола улыбка, и Щеглов нежно, но непонятно добавил: — Девочка — значит мир.

И вдруг замолчал, отвлекшись на свои, необычайно приятные мысли.

Но Папа не сумел воспользоваться представившейся

возможностью пройти сквозь защиту Мишеньки. Папа был слишком ошарашен его словами.

Ребенок? Ребенок от Патриции?

Ругаться не хотелось. Орать, беситься, гневаться — ничего не хотелось. Невозмутимый ублюдок нанес удар в самое сердце, и Джезе отвернулся, не желая показывать Мишеньке появившееся на лице выражение. Не желая, чтобы собеседник видел его глаза.

— Вы плохо осведомлены о некоторых обстоятельствах работы с силами, господин Щеглов. — Если с лицом Джезе совладать не смог, то голос «держал» уверенно. — Я не успел стать отцом в молодости, а теперь полностью принадлежу Пантеонам Лоа. Я всегда буду один, господин Щеглов, такова моя плата за покровительство духов, за их любовь.

Таков его путь.

— На самом деле, господин архиепископ, это вы плохо осведомлены, — очень серьезно ответил Мишенька. — Точнее, вы не поняли, что произошло между вами и Патрицией в Москве, в соборе Тринадцати Пантеонов. Вы почувствовали нечто необычное, но ничего не поняли. Вы заметили, что духи Лоа отступили, и решили, что они боятся Патриции, но это не так. Духи Лоа боялись костра вашей любви. Но самое интересное: вы были испуганы не меньше…

Барабаны не справлялись. Не поспевали за торопливыми, наскакивающими друг на друга ударами сердец. Уступали в страсти. Яростно ревели, извергая громовую дробь, но ничего не могли поделать.

Барабаны не справлялись. А их и не слышали. А если и слышали, то не слушали. О них забыли. Их признали ненужными — пожару, бушевавшему в соборе Тринадцати Пантеонов, лишние дрова не требовались.

Пэт рыдала, словно Джезе рвал ее на куски. А может, так оно и было?

Джезе стонал, словно раскаленный клинок терзал его сердце. А может, так оно и было?

Кто может сказать, как было, если никто не знает — как?

Кто может осознать чувства, которые не может разделить?

Как проникнуть внутрь двоих, слившихся в одно целое телами и душами?

Любовь? Та самая, первородная, изначальная и всепобеждающая. Еще не знающая имен и слов. Скорее страсть, чем чувство. Скорее безумие, чем желание. Не любовь, а неукротимая ее жажда. Яростный, перекраивающий души вихрь.

Воспоминания захлестнули Папу. Сладкие, томительные воспоминания о самом главном дне в его жизни. О самой главной

женщине в его жизни. О том, что было между ними. О тех вершинах, на которые они поднялись.

— Вы знаете, что тоже изменились, но не принимаете себя нового. Бежите от себя. Прячетесь. Хотите, чтобы все было по-прежнему, но в глубине души понимаете, что должны пойти дальше. Должны узнать, кем стали.

— Зачем… — Джезе прочистил горло. — Зачем ты… здесь?

— Вы играли с невозможным, господин архиепископ, вы исполняли свое желание обрести любовь, и вы ее обрели, — бесстрастно объяснил Мишенька. Сверкнули начищенные стекла очков, сверкнули прячущиеся за ними глаза. — Я пришел не для того, чтобы просить вас остаться с Патрицией. Она сильная, в ее жизни будет мало тоскливых вечеров у камина. Я пришел сказать, что у вас есть семья. Я пришел сказать, что в вашей жизни, господин архиепископ, есть не только духи Лоа, но и настоящая любовь.

Последний Храм.

Rota perpetuum circumvolvitur axem[6]

Дорога от Франкфурта до альпийских отрогов не отняла у Кирилла много времени.

Забрав у Олово книгу, Грязнов направился в подземный гараж, располагавшийся в деловом центре Анклава, — там его ожидал подготовленный помощниками внедорожник, — и вскоре уже пересекал границу Баварского султаната. Несколько часов пути, небольшая пробка неподалеку от Мюнхена, съезд с автобана на узкую горную дорогу, затем на совсем маленькую, грунтовую, и километров через пять Кирилл оказался в относительно безлюдном месте. Относительно, поскольку минареты ближайшей деревни скрылись из виду всего за две горы до места остановки, но таковы, увы, реалии современной Европы.

Грязнов оставил автомобиль на обочине, взвалил на спину рюкзак и пешком углубился в горы. Шел неспешно, но быстро, иногда покряхтывая под тяжестью ноши и оставляя во влажной после недавно прошедшего дождя земле глубокие следы. Тропинок в этих местах не было, однако двигался Кирилл уверенно. Шел так, словно знал чащу наизусть, словно на деревьях и камнях располагались невидимые никому, кроме него, указательные знаки. И никто, глядя на путешествующего Грязнова, не подумал бы, что Кирилл впервые оказался в этих местах.

Пройдя по горам около трех километров, Грязнов вышел к пещере, вход в которую начинался на высоте двух метров от земли. Останавливаться или оглядываться не стал. Ловко взобрался к зеву по камням и прежним, широким шагом ушел под землю…

Приятная свежесть, которую принес прошедший днем дождь, не успела рассеяться до сумерек, и вечер получился прохладным. С гор наползал дымчатый туман. Пахло влажной листвой. Стремительно темнело.

Кеу докурил сигарету, растоптал ее каблуком и вернулся в салон мобиля.

— Ну и что?

— Больше не выходил, — отозвался помощник, не отрывая взгляда от идущей на коммуникатор картинки со спутника. — Похоже, пещера и была целью его поездки.

— Простая пещера? — Кеу покачал головой, выбрался из машины и подошел к другому подчиненному, который занимался внедорожником Грязнова.

— Новости?

— Автомобиль взят напрокат во Франкфурте человеком по имени Питер Граббе, но это совершенно точно не наш объект — на фотографии совсем другая физиономия.

— По самому объекту информация есть?

— К сожалению, у нас нет четкого изображения его лица, — со вздохом ответил помощник. — Даже мощная обработка не дает нужного качества картинки… — Он виновато посмотрел на Кеу. — Я не могу запустить поиск по базам данных.

— Странно…

Кеу кивнул и отвернулся.

Китайцы подъехали к оставленному внедорожнику минут через пять после того, как Кирилл исчез в пещере. Аккуратно вскрыли автомобиль, тщательно изучили салон — чисто и пусто, проверили документы, но ничего не выяснили. Искомый Питер Граббе числился мелким франкфуртским бизнесменом, скорее всего его просто попросили нанять внедорожник, и искать Граббе для интервью не было никакого смысла.

— Группа Вана остается следить за пещерой и машиной, — распорядился Кеу. — Мы уезжаем.

Нужно как можно быстрее доложить обо всем Ляо.

Холодно.

Холодно и темно — вот первые впечатления, возникшие у Грязнова при входе в чертоги Последнего Храма.

Холодно и темно.

Никогда раньше не был Кирилл в этом месте, но знал о нем

все. Каждую его черточку, каждую деталь. Каждый барельеф и статую. Знал, помнил, и неоднократно вставали они перед мысленным его взором. И появлялись во снах, заставляя восхищаться великолепием древнего святилища. Чужая память тесно сплелась с его собственной, стала своей, а потому, шествуя по коридорам Храма, Грязнов не попал под обаяние величественной постройки. Смотрел на окружающую красоту взором рачительного хозяина, а не ошарашенного туриста, подмечал мелочи, доступные лишь тому, кто провел в пределах святилища не один день. Отвалился кусок лепнины, рассыпались двери, завалило коридор… Отмечал машинально, даже не задумываясь над тем, что ремонтировать повреждения не имеет смысла. А когда задумался, лишь криво усмехнулся. И продолжил фиксировать повреждения.

Потому что хозяин.

Но на душе тоже стало холодно и темно. Как в Храме. Холодно и темно.

И если царящую в помещениях темноту еще можно было кое-как разогнать — в рюкзаке Грязнова хранился небольшой запас факелов, которые он втыкал примерно в каждый десятый держатель, — то победить холод оказалось невозможно.

Холодно в Храме.

Холодно в душе.

Холод стискивал Кирилла цепкими пальцами, постоянно напоминая, что… «Храм умирает…»

Умирает? Нет, умер давным-давно. И хотя из Чертогов Меча еще доносился запах крови… И хотя в Чертогах Судьбы едва уловимым шорохом шептались предсмертные вздохи Читающих Время… И хотя древние камни еще хранили остатки мощи, ведь ритуал Великого Забвения так и не был завершен… Все равно.

Храм умер.

Ведь он не спросил, зачем пришел Кирилл.

И руны, теплые на всей остальной Земле, холодными черточками украшали стены. Они могли убивать, но молча.

А тот, кто умеет лишь убивать, не имеет будущего. Холодно.

Однако горечь, с которой Грязнов боролся все путешествие по самому дорогому для него месту, не сумела овладеть им, и в Зал Богов Кирилл ступил с гордо поднятой головой. Не с тоской, а с надеждой. С осознанием того, что круг — это не только радость рождения, но и грусть увядания.

Ступил уверенно. И первыми его словами стало завершение спора со старым противником:

— Ты так ничего и не понял, Урзак, ты так и не понял, что смерти нет. Есть лишь движение вперед.

И только после этого, словно исполнив необходимый ритуал, поклонился и громко произнес:

— Я вернулся.

И эхо слов гулко отозвалось от холода и тьмы.

Зал Богов представлял собой круглое помещение, окольцованное четырьмя ярусами колонн. Однако стены на этом не заканчивались, уходили высоко вверх, туда, где когда-то был купол, засыпанный теперь толстым слоем земли. Но, несмотря на это, рассеянный свет продолжал падать на алтарь, словно лился он не с неба, а из самого Верхнего Мира.

Впрочем, возможно, так и было.

Кирилл снял с плеча рюкзак, раскрыл, вытащил и небрежно отбросил в сторону толстую книгу в кожаном переплете и принялся доставать инструмент для обработки камня: несколько разной тяжести молотков, зубила, пилу на аккумуляторе, такую же дрель. Аккуратно разложив инструменты на каменных плитах пола, Грязнов надел фартук, перчатки, поднялся по ступенькам к алтарю и замер, с грустью разглядывая огромный камень.

Территория: Европейский Исламский Союз. Мюнхен, столица Баварского султаната. Отель «Дом Бедуина». Гордость

— Значит, ты не знаешь, кто поразил Ахо…

— Мне очень жаль, товарищ генерал, — со вздохом склонил голову Кеу. — Но подобраться ближе не было никакой возможности.

— Я не виню тебя, ты и так сделал много. — Ляо прикрыл глаза, обдумывая услышанное, помолчал и попросил: — Повтори, в какой последовательности прибывали гости.

Они беседовали в роскошных апартаментах одной из лучших гостиниц Баварского султаната. Генерал перебрался в Мюнхен по делам, ему нужно было провести переговоры с шейхами, и старые друзья (или враги?) сделали все, чтобы дорогой гость чувствовал себя как дома. Апартаменты поражали изысканной отделкой в традиционном китайском стиле: шелк, ширмы, вазы, изящная роспись и элегантная мебель. Все так, как любил Ляо. Все так, чтобы пребывание в Европе стало для генерала максимально приятным.

С помощником старик вел разговор весьма мягко, можно сказать дружески, однако присесть не предложил, чем показал, что в изысканной гостиной проходит не беседа, а совещание.

— Слежка была установлена за одним из телохранителей Ахо, — начал повторное изложение Кеу. — Поэтому я не знаю, кто первым оказался в цехе. Мы прибыли туда из транспортного узла, сразу после того, как люди настоятеля захватили девушку.

— Она сопротивлялась?

— Нет, добровольно села в машину.

— В таком случае почему ты решил, что ее похитили?

— Сделал вывод на основе последующих событий.

— Вывод, — пробормотал генерал. — Вывод…

А ведь выводы могут быть ошибочными. Возможно, девушка знала, что ее обманывают, и подыграла похитителям. Возможно, она была в сговоре с похитителями, а затем переметнулась на сторону Джезе. Возможно… Возможно все. И нет необходимости давить на Кеу, ведь если бы таинственная девушка кричала или дралась, выводы из ее поведения тоже могли быть ошибочными, потому что сопротивление можно имитировать.

— Продолжай.

— Ахо, судя по всему, уже был в цехе.

— На записи, что шла с твоей «балалайки», лицо девушки оказалось смазанным, — негромко произнес Ляо. — Ты смог бы ее описать?

— Молодая, кажется, темноглазая, но белой расы. — Кеу немного растерялся. — На ней был платок, поэтому я не разглядел волосы.

— Ты смог бы ее узнать?

— Э-э… да.

Однако в голосе помощника генерал не расслышал должной уверенности. Любопытно…

— Продолжай.

— Еще через полчаса к цеху подъеха; кортеж Папы. Несколько минут машины стояли на ушце, метрах в двухстах от цеха, а затем Джезе направился внутрь.

— Один? — Да.

Он понял, что его ждет Ахо, но все равно пошел драться. Ради книги? А смысл? Во внутренних раскладах Католического Вуду фактор книги не играет решающей роли. Архиепископам и духам Лоа плевать на древнюю Традицию, они увлечены настоящим. Раздобыть мемуары Урзака, разумеется, подвиг, но вступать из-за них в бой с Ахо нормальный человек не стал бы. Получается, Папа рисковал ради девчонки?

Это обстоятельство удивляло генерала больше всего.

Циник Джезе поставил на кон жизнь ради какой-то девчонки? Или он был уверен в победе?

— Папа пробыл внутри около семи минут, после чего…

— Его люди пошли в атаку, — кивнул генерал.

— Сначала парень в наномаске, — уточнил Кеу. — Я говорил о нем.

— Невысокий?

— Совершенно верно: невысокий парень в очень характерно

раскрашенной наномаске. На ней изображена кукольная рожица…

«Опять этот невысокий…»

Кулак Чудовища, безжалостно и точно разящий его врагов.

Джезе продался Чудовищу? Невозможно. Духи Лоа не позволили бы. Они, конечно, слабее древней твари, но гордость у них есть, и подчиняться ставленнику чужой Традиции они не станут. Тем не менее Кулак явился и уничтожил Ахо, а это значит, что Джезе заключил соглашение, которое духи Лоа одобрили. Какое? С Папой все понятно, он сел на трон. Что взамен?

«Взамен Конфедерация Католического Буду откажется атаковать Станцию и, вполне возможно, помешает сделать это другим странам».

Похоже? Очень похоже.

— Печально сознавать, но этот раунд Чудовище выиграло, — вздехнул генерал.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. — Задумавшись, Ляо совершенно позабыл о Кеу. — Ты говорил о книге.

— Большого формата старая книга в кожаном переплете, — мгновенно повторил описание помощник. — После сражения, когда все вышли во двор, Джезе взял ее у невысокого и некоторое время листал.

— А потом отдал? — Да.

Книга Урзака стала приманкой. За ней Ахо приехал во Франкфурт, на нее, как ему казалось, он ловил Джезе, а в итоге сам оказался в ловушке. Но для стороннего наблюдателя, коим в настоящий момент выступал Ляо, гораздо интереснее было то, что во Франкфурте была настоящая книга Урзака — в противном случае настоятель немедленно покинул бы цех. А он остался.

«А теперь настоящую рукопись показали мне. Показали или мои люди случайно ее увидели?»

Ляо забыл, когда он в последний раз находился в столь затруднительном положении. Что выбрать? Какие действия предпринять?

На первый взгляд ответ очевиден: необходимо пойти за книгой, ибо в ней скрыт секрет Последнего Храма. Места, где все началось. Места, где можно нанести врагу смертельный удар. Но знает ли Чудовище о его присутствии в Европе? О том, что он следил за Ахо? Насколько хорошо продумало оно свою интригу? Не планирует ли поймать две рыбы на одну наживку и убрать не одного, а двух мешающих иерархов других Традиций?

Идти за книгой опасно.

Но что делать?

Вернуться в Поднебесную? Укрыться в поместье, в своей неприступной крепости? И бессильно скрежетать зубами, глядя, как Чудовище строит Станцию?

Сомнения заставили генерала глубоко вздохнуть, а в следующий миг… В следующий миг Ляо устыдился проявленной слабости.

«Ловушка или нет, я должен идти. Я слишком долго ждал встречи с Чудовищем, чтобы отступить в решающий момент. Я не имею права отступать. Если Чудовище можно остановить, то сделать это могу только я и только в Последнем Храме. И только сейчас».

Потому что после запуска Станции совладать с Чудовищем не сможет никто. Или же борьба станет бессмысленной.

Решение принято, и старик с улыбкой посмотрел на верного Кеу.

— Ты проследил путь книги?

— Так точно, товарищ генерал! В деловом центре Франкфурта невысокий передал ее другому человеку, плотному мужчине. Тот покинул Анклав на взятом напрокат мобиле и отправился вот сюда, в отроги Альп. — Кеу вывел на коммуникатор карту Баварского султаната. — На открытой местности мы не могли идти за ним по пятам, поэтому запросили спутник и с его помощью проследили путь мужчины вот до этой пещеры. — На карте появился крестик. — Мы проверили ее на местных серверах: это тупиковая пещера, из которой есть только один выход. Установили наблюдение…

Довольный собой Кеу продолжал что-то рассказывать, но генерал не слушал. Уставился на черный крестик, улыбался и молчал.

Решение принято. Надо идти.

* * *

Анклав: Москва Территория: Болото Бунт, бессмысленный, беспощадный

Тщательного расследования событий, которые привели к Большим Июльским Беспорядкам, никто не проводил. Одни говорили, что первыми пальбу открыли тритоны, наконец-то решившиеся наплевать на запрет Мертвого и атаковать зону Мутабор. Другие обвиняли Аравию, попытавшуюся воспользоваться взрывоопасной ситуацией и свести давние счеты с Кришной. Третьи называли зачинщиками китайцев, недовольных усилением Уруса, а четвертые — Урус, лидеры которого потянулись к жирному Болоту.

Расследование не проводилось, а потому лишь немногие знали о том, что запалившей Анклав спичкой стал обыкновенный фургон «Рено Арба», попавший около восьми утра в аварию на Новом Арбате.

Небольшой мобиль, на кузове которого красовалась полустертая надпись «Федеральная курьерская служба Ибрагима Каныгина», заторопился, съезжая со второго уровня Смоленского бульвара, и бодро протаранил блестящий бок недешевого «БМВ», полусонный владелец которого возвращался из казино. Через мгновение к задним бамперам мобилен присоединились еще два участника происшествия. «БМВ» получил привет от юркого, как полевая мышь, «Опеля Херсон», а в несчастную «Арбу»-мощно вошла муниципальная «поливалка», буквально снеся заднюю стенку пластикового фургона.

Визг тормозов, яростные гудки и громкий мат — ни одна из традиционных деталей дорожного происшествия не была забыта. Но когда возмущенные страдальцы выбрались из покореженных мобилей, они с удивлением увидели лишь спины водителя и пассажира «Арбы», которые поспешили раствориться в заполонившей тротуар толпе. Это наблюдение вызвало второй поток брани, а еще через пару мгновений водитель «поливалки» сделал потрясающее открытие. Исследуя повреждения, он почувствовал отдаленно знакомый запах, макнул палец в лужу, что натекла на дно фургона, понюхал, попробовал на язык и удивленно воскликнул:

— «Синдин»!

— Эй, метелка, «синдин» есть?

Пэт, которая только-только припарковала «Судзуки» у тротуара и успела лишь снять шлем, удивленно посмотрела на окликнувших ее лоботрясов мелкобандитского вида: широкие штаны, цветастые рубахи и черные куртки «под кожу», не скрывающие кобуры с «дыродела-ми». Незнакомых лоботрясов, явно прибредших из другого района Болота.

— Не торгую.

— А выглядишь, словно торгуешь.

— И «табуретка» у тебя крутая. Папаша подарил?

— Скорее папик.

Гопники заржали, не спуская заинтересованных взглядов со стройной фигурки Патриции.

— Клевый прикид, метелка!

— Не хочешь торговать «синдином», продай чего-нибудь еще!

— У нас есть деньги.

— Тебе хватит.

«Странно, очень странно».

Обыкновенно шпана вела себя на Сретенке гораздо тише. Даже самые отмороженные представители уличных забияк знали, что в этом районе селятся люди «с положением», хоть и обитающие на Болоте, но предпочитающие жить спокойно и платящие СБА за охрану. Однако сейчас безов поблизости не наблюдалось. Да и привычной толкотни тоже — по опустевшей улице спешили по делам лишь редкие прохожие.

— Так что, нужны тебе наши деньги? «Беспорядки!» — сообразила Пэт.

Еще в Шарике она прочитала о бузе на юге Болота. Пока ехала, коммуникатор не включала, все-таки мотоцикл, а не машина, и, похоже, пропустила пару горячих новостей.

— Это твой дом? Пригласишь?

Один из гопников шагнул вперед, оказавшись между девушкой и дверью в особняк.

— Крутая хата.

— Тоже папик подарил?

— Хочешь с ним познакомиться? — холодно поинтересовалась Пэт.

— А ты нас не пугай.

— Сегодня никому не страшно. «Точно — беспорядки!»

Драться с гопотой Патриция не хотела, считала ниже своего достоинства. На ее счастье, из-за угла выехал патрульный пикап СБА.

— Увидимся, метелка, — пообещал решительный уголовник.

— Все в порядке?

— Все нормально, офицер, — кивнула девушка, наблюдая за удаляющимися гопниками. — Вы приехали вовремя.

И вернулась в седло мотоцикла, решив переставить «Судзуки» во внутренний двор особняка.

— Ма-ашина? — Олово кивнул на живописно раскиданные по подвалу останки «Ламборджини».

— Sensu stricto[7] это железяки и куски кузова, — поправил его Таратута. — Рус удалил все коды, так что никто и никогда не догадается, что она была дублем автомобиля Пэт.

— Двига-атель?

— А вот его мы разнесли в клочья.

«Ламборджини» работала на новой энергии и служила Русу образцом, демонстрировала, с чем придется столкнуться на Станции.

— Штука-а?

Олово понятия не имел, как правильно называется самый секретный блок двигателя «Ламборджини», а потому использовал традиционное для находящихся в затруднении мужчин обозначение.

— В чемодане.

Таратута ткнул пальцем в большой металлический кейс, на который Олово незамедлительно уселся — с этого момента он нес за «штуку» полную ответственность.

— Quia nominor leo,[8] - улыбнулся Филя.

— Теперь все? — осведомился Лакри. Олово молча кивнул.

— Ребята заканчивают сборы. Минут через двадцать можем ехать.

— Тебе грустно?

Неожиданный вопрос Таратуты заставил Руса запнуться.

— Почему ты спросил?

— Ты три раза пытался запустить рабочую станцию.

— Ах, это…

Инженер криво усмехнулся.

Суперкомпьютер, прятавшийся под брюхом бюро, разобрали, рабочие станции умерли, превратились в безмозглые пустышки, но Рус машинально пытался вернуться к любимому делу. И отрицать охватившие его чувства было бы глупо.

— Я все это построил. — Лакри тоскливо оглядел подвал.

А перед внутренним взором вставали другие ангары, боксы, инструменты, стенды, станки, рабочие станции, кучи промасленных тряпок, валяющиеся под ногами детали и запах… ни с чем не сравнимый запах мастерской. Бюро было мечтой Руса, в него он вложил душу и теперь покидал.

— Ты вернешься, — пообещал Филя.

— Уверен?

— Если не сюда, то к работе — точно. У тебя обязательно будет еще одно бюро, твое собственное бюро. Multum sibi adicit virtus lacessita.[9]

— Начинать все заново?

— Ты не настолько старый, чтобы кряхтеть этот вопрос таким тоном. К тому же тебе не придется начинать с нуля, тебе помогут.

Лакри знал, что это не пустые слова. Он уже понял, что для своих Грязнов сделает все, а он, Рус, уже «свой». Другое дело, что в эту мастерскую он вложил частичку души, поскольку не собирался никуда уезжать.

— И все равно грустно.

— Тебе не повезло — ты живешь в эпоху перемен.

— Или в конце времен?

Быстрый взгляд на Филю — ответная улыбка.

— Мир устоит.

— Уверен?

— Он, собака, живучий, так что устоит, — пообещал Таратута. — И такой талант, как ты, Рус, без дела не останется.

— Пока я вижу лишь наступление хаоса.

— Ха-аос и совершенство следуют друг за-а другом, — неожиданно выдал всеми позабытый Олово.

— Ого! — Таратута с веселым удивлением посмотрел на маленького слугу. — Ты где это подслушал?

— Я-а…

Но закончить фразу Олово не успел: дверь распахнулась, и появившийся Зяблик выплеснул дурные вести:

— На Болоте совсем плохо!

— Рауля Хмурого давят!

Истошный вопль странного содержания вызвал закономерную реакцию:

— Ты что, пьяный? — Тимоха Бобры выразительно посмотрел на влетевшего в кабинет Петруху.

— Кто? — деловым тоном осведомился Николай Николаевич.

— Народ!

— Какой еще народ?! — взревел Тимоха. — Мы, твою мать, бандиты, а не верхолазы. Мы с народом заодно!

— Весь юг в заднице! Безы ушли нах, а Рауль с остатками канторы отступает к Сущевке…

— Это наша территория!

— Тимоха! Не ори!

Субтильный Николай Николаевич не часто позволял себе повышать голос на старшего, скорого на расправу брата. Знал, что

Тимоха его не тронет, поскольку уважает за ум и дальновидность, но положением своим не злоупотреблял. А потому окрик дал мгновенный результат: здоровяк заткнулся.

— Петруха, говори по делу, — распорядился Николай Николаевич.

— Сегодня утром на Смоленке фургон с «синдином» нашли…

— Он что, сифилис, что ли, чтобы его «нашли»? — недоверчиво прищурился Тимоха.

— Фургон в аварию попал, кузов кокнулся, водила с сопровождающим с перепугу деру дали. Люди смотрят — «синдин»…

— Много?

— Тысяч двадцать доз.

— Так они радоваться должны, — заметил старший Бобры. — Такая халява с неба свалилась.

— Некоторые обрадовались, — подтвердил Петру-ха. — Говорят, там прямо на тротуаре ширяться начали. Другие, что поумнее, коробки тырили, пока кто-то безам не стукнул. Патруль приехал, попытался добро забрать, народ вздыбился.

— Вполне понятно.

— Началась с безами пальба, но слух-то уже пошел. Кто-то заорал, что Рауль специально товар держит, чтобы дороже сбывать. И началось…

— У Рауля «синдина» уже неделю нет, — проворчал Тимоха.

— Это провокация, — ровным голосом произнес Николай Николаевич.

— Что?

Пальцы младшего брата пробежались по клавиатуре коммуникатора, затем он несколько мгновений вглядывался в новостные ленты и подтвердил предположение:

— Провокация. В сети гудят, что канторы сговорились и специально придерживают «синдин».

— Черт!

— «Жирафу» сожгли! — закончил доклад Петруха. — Всё.

Ночной клуб «Жираф» служил неудачливому Раулю штаб-квартирой.

— Хмурый всегда был идиотом, — процедил Тимоха. — Поделим его наследство.

Здоровяк до сих пор не понял то, что мгновенно просчитал умный Николай Николаевич: провокация была направлена не против Рауля. Впрочем, объяснять ничего не требовалось, события разворачивались настолько стремительно, что сами обо всем говорили.

— Несколько минут назад пустили слух, что в «Приюте

маньяков» полно «синдина».

— Твою мать!

— Его же там нет!

— Будешь объясняться с толпой? — Николай Николаевич угрюмо посмотрел на братьев. — Кому-то нужна большая заварушка.

— Это Тагиев, — скрипнул зубами Петруха. — Он, сука, к Болоту давно подбирался.

— Или тритоны.

— То есть? — Петруха удивленно посмотрел на младшего брата.

— Тритонам нужен Мутабор, а начать решили с Болота, чтобы Мертвый не знал, за что хвататься, — объяснил Николай Николаевич.

Прокомментировать предположение Петруха не успел.

— Митроха на связи, — сообщил Тимоха и подключил «балалайку» к большому коммуникатору. Из динамиков полился голос четвертого Бобры:

— Братва, вокруг «Приюта» херня какая-то творится! Народ вооружается, на улицы прет! Это что, вашу мать, революция?

— Это, нашу мать, большая задница! — рубанул Тимоха. — Ты «Приют» удержишь?

— У меня всего десяток парней!

— Тогда уматывай, — распорядился старший Бобры. — Бросай все и мотай в кантору.

Ночной клуб «Приют маньяков» считался жемчужиной в короне преступного семейства. Через него Бобры вели торговлю оружием и проводили изрядную часть сделок по наркотикам. В его подвалах было полно товара, но сейчас деньги беспокоили Тимоху в последнюю очередь. Жизнь брата главнее.

— В «Приюте» хренова туча автоматических пукалок, — заметил Николай Николаевич. — Уличным уродам они очень пригодятся.

— Значит, и мы внесем посильный вклад в это дерьмо, — горько хохотнул Петруха.

— Срочно собираем всех, — распорядился Тимоха. — Удержим кантору, отобьемся, а потом… — Он сжал здоровенный кулак так, что хрустнули суставы. — А потом поишем тех, кто эту пакость устроил.

Как бы странно это ни звучало, Пэт приехала на Сретенку не только для того, чтобы забрать Мамашу Дашу. Она приехала попрощаться с особняком, который стал ей настоящим домом. Приехала сказать «спасибо». Приехала сказать «прощай». Приехала сказать «прости». Посмотреть на старые стены,

погладить старые двери, послушать скрип старых половиц. Особняк навсегда оставался в прошлом, и теплые слова были единственным утешением, которое могла предложить Патриция.

— Каждый из нас когда-нибудь умрет, и мне жаль, что тебе придется сделать это в одиночестве.

Пэт постояла на кухне, вспоминая разговоры, которые вела здесь с Олово — занятый приготовлением пищи слуга казался ей идеальным слушателем. Несколько минут посидела на своей кровати, рассеянно поглаживая рукой одеяло, затем заглянула в кабинет Кирилла, где, к некоторому своему удивлению, обнаружила на столе жемчужные четки с брелоком в виде головы дракона. Но уже через мгновение девушка вспомнила, куда отправился отец, и поняла, что пронести в Последний Храм своего тайного помощника Грязнов не мог. Поколебалась, однако оставлять четки в пустом доме не стала, положила в карман куртки.

«Отдам отцу на Станции…»

«Вряд ли…» — едва слышно отозвался особняк, но Пэт его не расслышала — на коммуникатор поступил вызов.

— Да?

— Патриция! Ты где?!

— Матильда?

— А кто же еще?

— Подожди! Дай я скажу! — Второй голос принадлежал Мамаше Даше. Но и ее вопрос не блеснул оригинальностью: — Патриция, ты где?

— Дома.

— Просто дома? Ты что, ничего не знаешь? — Судя по голосам, Мамаша и Матильда перепуганы.

— Пэт, на Болоте беспорядки! Рус и ребята блокированы! Я…

«Началось!»

Глаза Патриции похолодели.

— Не высовывайтесь! Я сейчас приду.

Рауль Хмурый, самый авторитетный уголовник южного Болота, всегда знал, что жизнь его, веселая, разудалая и полная опасностей, будет оборвана чьей-нибудь недоброй рукой. Или снайпера подошлют, или машину взорвут, или еще как-нибудь доберутся. Одним словом, все будет благородно и красиво.

Эту свою перспективу Хмурый воспринимал философски — бизнес есть бизнес. Но… Сгинуть в пучине уличных беспорядков? Пасть от руки обдолбанного наркомана, схватившегося за дыродел ради дозы? Позор. Самый настоящий позор.

И поэтому озверевший Рауль гнал остатки канторы на север, надеясь укрыться на территории Бобры. Гнал пешком, потому что

все уровни Садового уже встали, но понимал, что не успеет.

Стратегическую ошибку Хмурый совершил двумя часами раньше, когда приказывал до последнего защищать «Жираф», искренне веря в силу своей канторы. Теперь же время для отступления было потеряно, беспорядки начались на всем Болоте, и у Рауля оставался единственный шанс выжить: оставить людей и забиться в какой-нибудь надежный угол. Однако такой вариант Хмурый даже не рассматривал…

— В настоящий момент беспорядками охвачено все Болото, кроме районов, граничащих с сектором Мута-бор. Сначала вспыхнул юг, затем северо-запад и север. Восток не поддавался чуть дольше, но полтора часа назад там тоже обнаружили фургон с «синдином», и люди вышли на улицу.

— Тритоны, — проворчал Кауфман. — Давай не будем путать их с людьми.

Сергей Зарубин, начальник Управления общественной безопасности московского филиала СБА, едва заметно пожал плечами:

— К сожалению, на улицы вышли именно люди. Тритоны начали, однако прорвало всех.

Под ударами последователей Сорок Два рушится экономика, как следствие, падает уровень жизни. Работы становится меньше. Люди недовольны. Электронные деньги рвут ломщики, те, кто успел перевести сбережения в наличные, становятся жертвами обычных преступников. Люди медленно звереют и копят ненависть. Нарывало не только в Москве — повсюду. И вскрыл гнойник все тот же Сорок Два, организовавший нападения на Мутабор. Прокатившиеся по миру беспорядки показали, что власти плохо контролируют ситуацию, и их продолжение было лишь вопросом времени.

На главном мониторе оперативного центра отображалась подробная карта Болота, раскрашенная в три цвета: бордовый — места наиболее крупных боев, красный — зоны массового мародерства и групповых драк, и розовый, которым отмечали районы редких перестрелок. Оптимистично зеленым оставалось меньше четверти карты, и все офицеры СБА знали, что очень скоро этот оттенок исчезнет совсем.

Детали происходящего можно было посмотреть на соседних экранах, на которые транслировались картинки со спутников, дирижаблей и вертолетов. Четыре коммуникатора были настроены на новостные ленты, показывающие уличные бои в прямом эфире.

— Наши? — коротко поинтересовался Мертвый.

— Безы оставили Болото час назад, — доложил Зарубин. —

Потерь среди личного состава нет.

— Хорошо.

И всё. Просто «хорошо», и Кауфман вновь погрузился в созерцание хаоса, бесстрастно наблюдая за бегающими по улицам фигурками, обезумевшими мобилями и облаками пыли, поднимавшимися над местами взрывов.

Зарубин помялся, прекрасно зная, что Мертвый терпеть не может, когда его отрывают от размышлений, но все-таки произнес:

— Я разработал план подавления бунта. Мы войдем в Болото тремя колоннами…

— Не сейчас, — скупо ответил Кауфман.

— Не сейчас? Но ведь гибнут люди!

— Мы постараемся сделать все возможное, но… — Мертвый вновь перевел взгляд на карту. — Но не сейчас. Решить проблему такого уровня можно только после серьезной подготовки. Разработайте план. Сформируйте колонны. Проведите подготовительную работу.

Директор московского филиала СБА смотрел на карту, и Зарубин вдруг подумал, что Кауфман ждет, когда же она вся станет бордовой…

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Я пришла за тетей!

— Мата пришла за мной!

— Ты должна быть с Русом!

— Я предлагала тете ночевать в бюро!

— Я не ночую с незнакомыми мужчинами, — гордо ответила Мамаша Даша.

Патриция лишь руками развела. Хотела сплюнуть и выругаться, но не стала: в присутствии Даши девушка старалась вести себя прилично.

— А в чем проблема? — осторожно спросила Матильда. — Ну, осталась я с тетей, ну и что?

— А то, что я собиралась уезжать на мотоцикле! — резко ответила Пэт. — С одним пассажиром, понятно? Вот в чем проблема.

— Разве на внедорожнике не безопаснее? Ну как можно говорить с такой дурой?

— На «Плутоне» я могу проскользнуть в любую щель и разогнаться до сотни за три секунды. В нынешних условиях это и называется безопасностью.

— Я боюсь мотоциклов, — сообщила Мамаша. И поправила шляпку.

Где-то громыхнул взрыв, и стекла тихонько задребезжали.

Даша замолчала, Матильда испуганно ойкнула, Патриция все-таки выругалась и пообещала:

— Поводов для страха будет предостаточно.

С другой стороны, у бронированного «ГАЗ Тайга», купленного Кириллом месяц назад и подогнанного Пэт к дому гадалки, были свои преимущества. Не скорость, так проходимость. Мощные таранные способности. А еще — два пулемета, аккуратно вмонтированных в толстую крышу.

— Вы собрались?

— Да. — Мамаша Даша показала на небольшой рюкзак.

— А мои вещи у Руса, — пискнула Матильда.

— Решайте, кто из вас будет управлять оружием. — Чем?

— «Ревунами»! — рявкнула Пэт. — Я не могу одновременно стрелять и вести машину.

Мамаша и Матильда переглянулись.

— Я не умею, — робко протянула Даша. — Совсем.

— А я не стану, — отрезала Матильда.

— От этого зависят наши жизни.

Прогрохотало еще три взрыва. Совсем рядом. И рассыпались веселой чечеткой автоматные очереди. Кто бы с кем ни дрался сейчас на улицах Болота, они неумолимо приближались к Сретенке.

— Я не стану, — твердо повторила Матильда.

Пэт снова выругалась и схватилась за коммуникатор…

— Где я нахожусь? — язвительно переспросил Чайка. — Еду в самом грязном и заплеванном поезде, который когда-либо видел в жизни! Вот где я нахожусь. Между, мать его, Питером и, мать его, Мурманском. В каких-то степях, или как эти поганые места географически называются?

— Связь есть?

— Смотря с кем. У меня, к примеру, отличная связь с официантом, который помогает мне забыть…

— Выпил много?

— Да в чем дело?

— Нужна помощь, — коротко ответила Патриция. Напряженный голос девушки и неразборчивый грохот фоном заставили Илью понять, что дело серьезное.

— Что случилось?

— У меня «ГАЗ Тайга» с двумя «ревунами». Я за рулем, нужен стрелок.

— Ты одна? — Чайка помнил, что Патриция блестяще управлялась с мотоциклом, и удивился, что она пересела во внедорожник.

— Со мной два чемодана, которые я не могу выбросить.

— Мы не чемоданы! — пискнул девичий голосок. Кажется, это была Матильда.

— Патриция, пожалуйста, постарайся обойтись без оскорблений!

Второй «чемодан» Илья не опознал.

— Ты можешь подключиться к «Тайге»?

— Уже делаю, — проворчал Чайка.

К счастью, он благоразумно уселся за крайний столик, и никто из посетителей ресторана не видел монитор «раллера».

— Адрес давай.

— Адрес и коды доступа в файле.

— Вижу… — Илья установил с компьютером внедорожника соединение, переключил управление оружием на себя, выбрал удобные управляющие клавиши, открыл два «окна»: вид спереди, вид сзади — и залпом выпил рюмку водки. — Заводи мотор, Пэт, у тебя есть стрелок…

— Они выедут со Сретенки, вот отсюда. — Палец Руса уперся в карту, выведенную им на экран коммуникатора. — Самый оптимальный путь такой: сначала по Садовому, затем направо, на Долгоруковскую и Новослободскую, то есть к нам, по прямой.

— Или свернут на Олимпийский, — подал голос Зяблик. — С него налево, на Сущевку, до Бутырки и снова к нам.

Ехать недолго, даже с учетом пробок, но уличные бои куда хуже заторов. Ребята понимали, что Рус на диких нервах, а потому не спорили, спокойно принимали его решения. Они ведь вместе, они — «вагон», семья. И Матильда одна из них.

— Нужно вьщвинуться сюда. — Палец Лакри уперся на пересечение Бутырской и Сущевского вала. — И ждать девчонок.

Олово покачал головой.

— Что не так? — резко спросил Рус.

— Не высовыва-аться из бюро, пока-а не проя-снит-ся, — выдал совет слуга.

И погладил устроившегося на коленях Козявку.

— Согласен, — поддакнул Таратута. — Я, конечно, не военный, но Олово дело предлагает. Чем позже мы вступим в игру, тем больше шансов на успех. Выскочим в самый последний момент, резко хватаем девчонок и уходим.

Все правильно, все логично, но… Нервы, нервы, нервы. И любимая женщина с еще не родившимся ребенком где-то там, среди пылающих кварталов и обезумевших людей. Поэтому не правильно и не логично, а так, как требует душа.

— На Болоте большая буза, — медленно ответил Рус. — Наша помощь может понадобиться задолго до того, как девчонки окажутся рядом. И чем ближе мы будем, тем лучше.

Лакри посмотрел на байкеров.

— Если мы им не поможем, то никто не поможет.

— Мы с тобой, Рус, — за всех ответил Зяблик. — Мы сделаем.

Три десятка мотоциклов, четыре внедорожника и куча вооруженных парней. Взревели двигатели, щелкнули предохранители, и «вагон» рванул на выручку попавшим в беду девчонкам…

— Митроха, помоги!

— Самому хреново!

— Да будь человеком!

— Иди в задницу!

Рауля Хмурого взяли в тиски на Триумфальной. С юга подпер взявшийся за оружие народ, с севера — тритоны. Или еще какие бандиты: с кем и против кого он воюет, Хмурый давно перестал понимать. Все со всеми и против всех. Потому что День Оружия. Потому что все, что может гореть, — горит, а остальное плавится. Потому что высвободилось накопившееся раздражение, потому что исчез страх. Потому что День Оружия, и каждый, кто вытащил ствол, стал смелым. И пошел убивать.

— Дай им с севера! Я прорвусь!

— А кто моим даст?

Митроха Бобры, застрявший в лабиринте Тверских, отключает связь, обрекая Рауля на погибель, и вновь вызывает братьев:

— Вы где, мать вашу?

Бронированный внедорожник, на котором Митроха начал путешествие от «Приюта маньяков», давно подбит и брошен. Из десяти парней осталось пятеро. «Дрели» перегреты, патроны на исходе, а стреляют из-за каждого угла.

— А ты где, придурок?

Если Николай Николаевич ругается, значит, дело действительно швах.

Рев реактивной гранаты, Митроха катится под кстати оказавшийся рядом грузовик, пережидает разрыв и матерится в ответ:

— Я до канторы не дотяну! Здесь просто п. ц!

Из-за угла выныривают трое, судя по бритым башкам — тритоны, Митроха с наслаждением разряжает в них «дрель» и торопливо бежит собирать драгоценные трофеи — магазины с патронами. Сзади болезненный вопль: парней осталось четверо.

— Повторяю: не могу прорваться к канторе!

— И не надо! — рычит в ответ Николай Николаевич. — Мы уходим.

Братья оставляют штаб-квартиру?! Митроха не верит своим

ушам. Добегает до следующего мобиля, прячется за ним и кричит:

— Б. дь! Что случилось?!

— Урусы полезли!

К середине дня агитаторам Сорок Два все-таки удалось собрать тритонов в кулак. Уличные бои продолжались: «гражданские» стреляли в канторщиков, обитатели одних районов, припомнив старые обиды, шли против соседей, мародеры нападали на тех, кто пытался защитить свое имущество, но самая организованная часть взявшихся за оружие людей, не найдя на складах кантор вожделенного «синдина», направилась на северо-восток Болота, медленно подбираясь к сектору Мутабор.

Зарубин отследил перегруппировку, понял, что она означает, и немедленно сообщил о происходящем Кауфману. Который, к удивлению начальника Управления общественной безопасности, воспринял информацию весьма спокойно.

— У меня нет резервов для помощи храмовникам, господин директор. Все силы брошены на охрану корпоративных территорий и подготовку операции на Болоте. Но если вы дадите санкцию на применение авиации…

— Нет.

— Вы уверены, что прятки смогут защитить Мутабор?

— Я не уверен, что атака состоится. Зарубин удивленно поднял брови.

— Не уверены?

— Болото — лакомый кусок, — с улыбкой объяснил Мертвый. — Сейчас оно горит, но рано или поздно жизнь вернется в нормальное русло. И есть много людей, которые мечтают эту самую жизнь контролировать.

— То есть мы…

— Не должны ничего предпринимать. — Кауфман прищурился. — Все решится само собой.

Через двадцать минут после этого разговора Зарубин получил сообщение, что на Болото вошли колонны из

Уруса и Шанхайчика. Агитаторы Сорок Два не успели начать штурм Мутабор. Уличные бои вспыхнули с новой силой.

— Мата, вы где?

— Едем!

— Куда?

— Я не знаю! Пэт, куда мы едем?

— Заткнись, дура!

— Рус, я не знаю! Злесь полно дыма! Мы еше не свернули с Садового…

Взрыв.

— Черт!

— А ты где?

— Мы не можем… Выстрелы.

— Рус! — визжит Матильда. — Не рискуй напрасно! Ты слышишь?! Не рискуй! Мы выберемся!

— Мата!!!

Крик Руса и крик Мамаши Даши сливается в один. «Тайгу» встряхивает так, что даже Пэт холодеет. Связь рвется. Взрыв.

— Матильда! — Рус в отчаянии смотрит на замолчавший коммуникатор и, позабыв обо всем, вскакивает на ноги. — Матильда!!

Словно собирается бежать через залитые огнем улицы. Бежать на голос, на чувство, что обязано привести его к любимой.

— Мата!!!

Зяблик едва успевает вернуть обезумевшего друга в укрытие, и хищные пули проходят выше, выбивая из стены бетонные осколки.

— Опомнись!

— Мата!

Друзья-байкеры отводят взгляды. Они готовы рискнуть, но сейчас шансов нет. Болото пылает, все воюют со всеми, и что творится внутри Садового, можно только догадываться. Да и куда идти? Кто знает, где сейчас девушки?

— Па-атриция не звонит, — замечает Олово и толкает Таратуту в бок.

— Что?

— Следи за-а чемода-аном.

— А ты?

— По дела-ам.

Олово прикладывает к губам палец, намекая, что распространяться на тему его ухода не следует, делает страшные глаза, указывая на металлический кейс и клетку с Козявкой, убедившись, что Филя его понял, скользит вбок и через секунду теряется из виду.

— Черт! — Таратута вытирает пот и тяжело вздыхает. В присутствии Олово ему было значительно спокойнее-Левая рука отвечает за пулемет над лобовым стеклом, правая управляет тем, что смотрит назад. На экране «раллера» три «окна»: два больших, слева и справа, транслируют картинки с видеокамер, на последнем, вытянувшемся внизу, отображаются параметры соединения и текущая информация по «ревунам» и «Тайге».

— Стреляй!

— Левее!

— Стреляй!

— Слушай меня, б. дь!

Пэт крутит руль, направляя внедорожник в указанную Чайкой сторону, и сверху грохочет «ревун». Одиннадцатимиллиметровые снаряды решетят мобиль, отправляя к праотцам четверых укрывавшихся за ним бойцов. «Тайга» проскакивает очередную преграду.

— Ты был прав!

— Не отвлекайся!

Илья выпивает еще рюмку водки, закусывает похожим на настоящее салом. Знаком показывает официанту, чтобы подавал еще, и бросает взгляд на правое «окно» — погони нет.

Как ни старался Чайка настроить себя на серьезный лад, он все равно не мог отделаться от ощущения, что все происходящее не более чем компьютерная игра. Сидя в вагоне-ресторане поезда «Санкт-Петербург — Мурманск», ты видишь только картинку, только цели, которые нужно расстрелять, и не слышишь грохота разрывов и щелчков пуль по бронированному корпусу. Не чувствуешь, как тяжелый внедорожник подпрыгивает, переезжая через валяющиеся на асфальте тела. Тебя не мотает из стороны в сторону…

— Стреляй!

— Не мешай!

Боезапас у пулеметов общий — две тысячи. Снаряды упакованы в кассеты по сто выстрелов, время перезарядки три секунды, что дает стрелку возможность прийти в себя. Очень продуманно, ведь открыв огонь, трудно остановиться.

— Стреляй!

Перекресток представляет собой импровизированный тир: слева и справа баррикады из «табуреток», мо-билей, мебели и всего, что подвернулось под руку. Посреди — прекрасно простреливаемая зона, в самый центр которой выскакивает «Тайга».

— Гони!

Подгонять Патрицию не нужно, на акселератор она давит сразу, как только соображает, что угодила в ловушку. Но хватит ли скорости? Ехать нужно на север, но путь преграждает баррикада, снести которую «Тайга» может, лишь разогнавшись.

— Держитесь!

— Патриция!

— Рус!

А сверху плюет огнем «ревун», пытаясь прорезать в баррикаде спасительную дырку.

Сто снарядов смягчают преграду, а следующая кассета не успевает. «Тайга» врезается в изрешеченные мобили,

продавливает их метра на три, распихивает в стороны, но все равно останавливается.

— Еще раз!

— Перезарядился! — И следующие сто снарядов

Чайка выплевывает в засевших за баррикадой людей, смешивая тела с пластиком мобилей. И не забывает о втором «ревуне», щедро поливая противоположное укрытие. Тысяча сто выстрелов сделаны.

— Еще раз!

— Я знаю!

Перезарядка! Чертовы три секунды!

«Тайга» уже сдала назад, вернулась на центр перекрестка, под огонь всех, кто засел вокруг, а кажется — под огонь всей Москвы.

— Патриция!

— Рус!

Матильда и Мамаша Даша, обнявшись, лежат на заднем диване.

— Гони!

— Перезарядка завершена! — И следующие сто снарядов грызут преграду. И еще удар. Двигатель ревет, «Тайга» проскакивает баррикаду и мчится дальше.

— Патриция!

— Рус!

Чайка лупит из заднего «ревуна», сметая тех, кто остался на баррикаде, не позволяя им открыть огонь, и лишь в последний момент замечает выскочившего на балкон второго этажа бойца с трубкой реактивного гранатомета.

— Мы прорвались!

— Пэт! Граната!

А в следующий миг — взрыв.

Задние камеры гаснут сразу, передние держатся секунд пять, медленно заваливая картинку набок, и тоже отрубаются. Соединение прервано. Илья ругается, лихорадочно долбит по клавишам и снова ругается. Он не хочет верить, что компьютер «Тайги» накрылся…

— Кто это был?!

— Негры!

— Сдурел? Откуда?!

— За добычей пришли!

— Козлы, мать их!

Отступающие Бобры вышли к небольшому пятачку на Садово-Спасской, где располагались офисы сразу нескольких банков. Ничего удивительного, что бой здесь шел весьма ожесточенный.

Ухает приглушенный взрыв.

— Хранилище долбят, — со знанием дела сообщает Петруха. — Может, присоединимся?

— О шкуре своей думай, — ворчит Тимоха. И вновь вызывает брата: — Митроха, ты где?

— Уже на Пушкареве, — отзывается повеселевший страдалец. — Скоро увидимся.

Старший Бобры выслал двадцать канторщиков, которые сумели отыскать Митроху на Тверской-Ямской и теперь сопровождали обратно, на соединение с основными, так сказать, силами. От которых осталась едва ли треть.

Автоматная очередь. За ней еще четыре. И два взрыва. Засевшие в захваченных банках мародеры стреляют по всем, кто оказывается в пределах досягаемости. А сзади накатывают тритоны, которых гонят на запад бандиты Тагиева. А в каждом дворе сидит народ и палит во всех подряд. День Оружия, мать его! Праздник веселых выстрелов.

— Нужно прорываться дальше!

Николай Николаевич поправляет очки и ухмыляется.

— Я знаю, брат, но как?

В черном комбинезоне из кевлайкры и с «дрелью» в руках субтильный Николай Николаевич выглядит и непривычно, и дико, однако с оружием младший Бобры обращается умело — сказывается бурная юность.

— Ребят в грузовик посадим и под его прикрытием пойдем.

Тимоха кивает на чудом уцелевший мобиль, который бойцы выкатывают из ближайшего переулка. Пятачок простреливается на пять с плюсом, и пластиковый грузовичок не кажется надежным укрытием. Поэтому Николай Николаевич с сомнением качает головой:

— А они согласятся?

— А куда они денутся?

Канторщики не разбегаются, не прячутся по углам, потому что верят в силу и удачу Тимохи. Но старший Бобры не дурак, понимает, что рано или поздно вера даст трещину, а потому не стесняется отправлять людей на опасные задания. Пусть рядовые думают, что в прорыв идет вся кантора, в действительности же ценность для Тимохи представляют исключительно братья.

Позади, где-то в районе Покровки, грохочут шесть взрывов подряд.

— Тритоны тоже разозлились, — комментирует никогда не уньшающий Петруха. — Или мы уходим, или…

Пули визжат, канторщики неуверенно смотрят на Тимоху, но тот уже все решил:

— Заводите мобиль! Другого пути у нас нет!

— Все живы? — Да.

— Не знаю…

— Быстрее!

Озверевшие защитники баррикады не стали праздновать удачный выстрел, а сразу же бросились к подбитой «Тайге», намереваясь растерзать наглых пассажиров внедорожника.

— Быстрее!

Патриция не помогает, а отстреливается, укрывшись за перевернувшейся «Тайгой», поэтому Матильда извлекает оглушенную Дашу самостоятельно.

— Бегите к домам! Я прикрою!

— Пэт!

— Беги, дура!

Древние руны наполняют Патрицию силой. Или же это она вливает мощь в пляшущие на руках черные символы? Кто знает… Главное — результат. А он такой: ни одна пуля не пролетает мимо цели. Патриция установила штурмовую винтовку на одиночную, но стреляет девушка с такой скоростью и такой точностью, что заставляет нападавших в панике вернуться к баррикаде.

Это дает ей возможность нагнать спутниц…

— Не пройдем!

— А на скорости?

— Тоже!

— Черт!

Как и предсказывал Олово, выкатившие на перекресток байкеры немедленно получили порцию внимания от всех заинтересованных сторон. Автоматные очереди и гранатометные разрывы заставили парней сбросить скорость, развернуться и искать укрытия за ближайшими домами. После чего перейти, как выразились бы военные, к попытке позиционного наступления. Которое тоже провалилось. На многоярусной развязке Сущевского Вала было жарко и непонятно. Все четыре уровня Су-щевки и три уровня Новослободской прочно стояли, заполненные разбитыми и подожженными мобилями. Бензоколонка «МосТех Energy» — крупный комплекс, ухитрявшийся обслуживать все семь дорог развязки, — весело горит, сигналя безразличным небесам клубами черного дыма. Емкости с горючим взорвались чуть раньше, эту часть шоу парни пропустили. Зато сполна насладились тем, что предшествовало взрыву и продолжилось после него, — перестрелками.

— Черные справа!

— Слева тоже!

— Они же?

— Стреляй, баран, потом разберемся!

— Мы тоже черные, парни, так что не бухтите. Просто стреляйте во всех, кто появится!

Москва оделась в черное, в одинаковые комбинезоны из кевлайкры, которые в обыкновенные дни таскали исключительно работяги да спецназовцы. Удобные и прочные, они валялись в гаражах и шкафах «на всякий случай», который наконец представился.

— А если с ними поговорить?

— О чем?

— Скажем, что нам нужно проехать.

— Иди, говори.

Выстрелы, выстрелы, выстрелы.

Рус готов завыть.

— Надо обходить! — Как?

— Через Масловку!

— Поздно!

Рев двигателей, скрежет и грохот падающих с четвертого уровня мобилей заглушают даже выстрелы и взрывы. Байкеры оборачиваются и почти все и почти одновременно ругаются: со стороны Ленинградки к развязке медленно идет колонна, возглавляемая тремя здоровенными бульдозерами.

— Похоже, парни, у нас новые гости…

— Я не могу высунуться!

— Я знаю!

— Патриция! Справа!!

Мамаша Даша, как и Матильда, не стреляет, но по крайней мере смотрит по сторонам, вовремя предупреждая об опасности. Витринные проемы большие, враги могут подойти откуда угодно. К счастью, стекол давно нет, и ничто не мешает целиться.

— Справа!!

Пэт резко разворачивается и нажимает на спусковой крючок, предсмертный вскрик остается за пределами восприятия, теряясь в царящем вокруг шуме.

— Слева!!

Когда врагов слишком много, не спасают даже сверхспособности. Точнее, спасают, но и только.

Забаррикадировавшиеся в маленьком магазинчике беглянки давно не помышляют о продвижении вперед — отбиться бы, но и это удается с большим трудом.

— Что им от нас надо? Что им надо? — рыдает прижавшаяся к стене Матильда. — Мы ведь им ничего не сделали! Что им от нас надо?

— Убить!

— Но почему?

— Потому что сегодня все убивают всех! День такой!

— Справа! Выстрел.

Патриция присаживается на корточки и вставляет в штурмовую винтовку последний магазин.

— Я убью еще тридцать ублюдков. Что будет дальше — не знаю.

— Рус… — шепчет Матильда.

— Ты можешь уйти, — тихо говорит Мамаша Даша. Гадалка знает, что Пэт прорвется. Одна — прорвется

обязательно. Побежит, перепрыгнет, угонит мотоцикл, убьет всех, кто встретится на пути, — прорвется. Мамаша с Матильдой стали гирями на ногах Избранной.

— Не собираюсь.

— Ты должна!

— Привыкай к тому, что решения принимаю я! — Пэт высовывается из-за прилавка, тут же возвращается обратно и грубо, по-мужски, ругается.

— Что?

— Секунд через десять они протаранят витрину бульдозером.

Матильда всхлипывает и снова зовет Руса. Мамаша Даша бледнеет и поправляет шляпку. Потом спрашивает:

— Почему они хотят добраться именно до нас? Она действительно не понимает.

— Мы слишком хорошо защищаемся, они озверели, — объясняет Патриция.

— Уходи!

— Я…

Закончить Пэт не успевает — на улице ревет мотор, Матильда закрывает лицо руками, Мамаша Даша охает. А в следующий миг раздается оглушительный взрыв, и в витринный проем влетают несколько железяк — части разлетевшегося бульдозера…

Олово отбрасывает в сторону трубку реактивного гранатомета и трусцой бежит резать оставшихся в живых бандитов.

— Не подпускайте их слишком близко!

— Дайте патроны!

— У кого есть патроны?!

Стволы раскалились, но еще держатся, а вот с патронами беда. Взятый из бюро запас давно закончился, и приходится снимать оружие и боеприпасы с убитых. Но эти поставщики крайне ненадежны.

— Черт! Рус! Надо уходить!

Продвинуться к Болоту так и не удалось — увязли. А после того как в беспорядках решила поучаствовать якудза, стало совсем хреново.

Обитатели Сашими долго выжидали, опасаясь жестокой реакции Кауфмана, а когда поняли, что Мертвый не торопится тушить пожар, пошли на Болото, планируя урвать кусок пирога. Немногочисленная, но отлично организованная колонна врезалась в Болото, после чего разбилась на мобильные отряды и потекла дальше, торопясь к наиболее богатым районам. На одну из таких групп и нарвались байкеры.

— Они нас не пустят! — кричит Филя.

Таратута лежит рядом с Лакри, ухитряясь одновременно прижимать к груди и оставленный Олово кейс, и свой потрепанный портфель, и клетку с орущим котом.

— А если подмогу вызовут, то мы вообще не уйдем!

— Знаю! — Рус с ненавистью смотрит на толстяка. На перемазанное черным лицо, на ссадину на лбу, на

разорванный пиджак. С ненавистью, потому что знает — Таратута прав. Трое убитых, пятеро раненых, а Мата двадцать минут не выходит на связь. Что делать?

Пули визжат приговором: «Дальше нельзя». Взрывы. Пороховой дым. Раскаленные стволы «дрелей». Все они сговорились, и все подтверждают приговор пуль.

Филя подползает ближе и шепчет:

— Если не прикажешь отступать, они уйдут сами. Потому что любая дружба имеет запас прочности.

И в какой-то момент бессмысленность происходящего заставит ребят бросить вожака. А приказывать им, как Мертвый безам, Лакри не может.

— Они шли за тобой, сколько могли. Ты должен отступить.

— Я останусь.

— Ты…

Коммуникатор вовремя подает голос.

— Рус!

— Мата!

— Рус, мы вышли!

— Где вы?!

— Мы идем к Колыме! Мертвый открыл ее для беженцев…

— Бои на юге Болота не утихают, — сообщил Зарубин. Мертвый давно покинул оперативный центр, предоставив начальнику Управления общественной безопасности самостоятельно следить за обстановкой, и слушал доклад в своем кабинете. — С запада туда проникают отряды вудуистов, а с востока вошла Триада.

— Сити? Университет?

— Все корпоративные территории надежно защищены. Инцидентов не отмечено. А вот на границе Кришны и Аравии идут перестрелки.

— Дальше. — Кауфман жестом показал, что противостояние индусов и арабов его не интересует.

— Урус продолжает развивать наступление на запад…

— Бои сильные? — Да.

— Мутабор?

— Отмечены редкие атаки. — Зарубин выдержал многозначительную паузу. — Пока.

— Федеральный Центр?

— Его не трогают.

— Болотные канторы?

— Можно сказать, что они перестали существовать. Мертвый внимательно посмотрел на карту Болота.

На новую карту нового Болота, которое формировалось в беспощадных уличных боях.

Урус и Шанхайчик оттяпают жирные куски. Вудуи-сты, вполне возможно, организуют свой маленький анклав. Аравийцы, если не опомнятся и не перестанут задирать индусов, тоже имеют шанс расширить территорию. Равновесие, десятилетиями выстраиваемое и аккуратно поддерживаемое в Москве, рухнуло, кровью забрызгав все вокруг.

— Потери?

— По нашим оценкам, пострадало до двадцати процентов населения Болота. Это убитые и раненые. И больше половины людей покинули свои дома.

В льдистых глазах Мертвого сверкнул заинтересованный огонек.

— Куда они бегут?

— У кого есть возможность — в Урус, Аравию и на другие территории. К друзьям и сородичам. Остальные скапливаются здесь. — Зарубин очертил зону на северо-западе Болота.

Все правильно: вудуисты, китайцы и банды с Уруса не оставили людям другого выхода.

— Сколько их?

— Тысячи.

Кауфман удивленно поднял бровь.

— Сколько?

— В первой волне беженцев не менее сорока тысяч человек, — торопливо уточнил Зарубин. — Но люди продолжают прибывать…

— Фильтрационные пункты готовы?

— Так точно.

— Открывайте Колыму. — Мертвый откинулся на спинку кресла. — Сообщите по всем каналам, что мы готовы принять любое количество беженцев…

— Без оружия! Повторяю: вооруженные лица на Колыму не допускаются! Желающие получить статус беженца обязаны оставить оружие за пределами зоны безопасности и только после этого идти к воротам! Без оружия! Повторяю…

Ушли?

Спаслись?

Выжили?

Все Бобры, даже самый умный — Николай Николаевич, — смотрели на Тимоху: что скажет?

А тот, в свою очередь, с выводами не торопился. Поглядел в сторону чадящего и постреливающего Болота, сплюнул, коротко выругался, развернулся и хмуро уставился на распахнутые ворота корпоративной промышленной зоны, в которые лился поток перепуганных беженцев. Женщины, дети, мужчины… целые семьи и одиночки. Сумрачные и рыдающие. Бессвязно благодарящие безов и цедящие сквозь зубы невнятные ругательства. Люди, потерявшие все.

— Пойдем туда? — осторожно осведомился Петруха. Пересидеть, затаиться, укрыться от победителей.

Ничего другого не остается. Кантора погибла. Клубы и склады разграблены. Те парни, что не легли на улицах, разбежались, решив выживать поодиночке. Их опять, как когда-то давно, четверо. И все начинать сначала. Или сначала, но по-другому?

— Наш золотой вагон в Шарике, — негромко произнес Николай Николаевич. — А Шарик не тронули.

То есть деньги у них есть. И деньги большие. Спасибо младшему брату.

Но Тимоха не ответил, продолжая разглядывать приветливо распахнутые ворота на Колыму. Бронетранспортеры, ощетинившиеся стволами крупнокалиберных пулеметов и скорострельных пушек. Безов с наноскопа-ми, споро, но внимательно досматривающих беженцев. Висящий над головами вертолет огневой поддержки.

Разглядел. Снова посмотрел назад и снова сплюнул.

— Болото умерло, братья. В него мы не вернемся. Тимоха отбросил автомат, скинул «сбрую» с кобурой

и подсумком и решительно направился к безам…

Тот факт, что где-то в Москве, оказывается, продолжается мирная жизнь, вызывал даже не удивление — ошеломление.

Нет стрельбы, нет взрывов, люди не пытаются тебя убить, а ведут себя… заторможенно. Люди оставили эмоции в аду Болота, у них нет сил даже на слезы, на крики отчаяния или радостные вопли. Они могут лишь сидеть и принимать из рук санитаров одеяла и воду. Они могут лишь подставлять для перевязки раны и смотреть на безов. На бронетранспортеры и тяжелые грузовики. У людей нет даже сил на вопрос: где, вашу мать, вы были все это время? Потом, когда пройдет шок, конечно, спросят, и им ответят, что безы не творят чудеса и неспособны воевать против всего Анклава сразу. И им придется поверить, потому что это — правда. А вопрос, почему Мертвый и пальцем не пошевелил для предотвращения беспорядков, не прозвучит, потому что беспорядки везде и всюду, в Анклавах и государствах, а Мертвый не волшебник.

— Чемода-ан?

— Тут кейс, тут! И Козявка тоже, — Таратута с улыбкой посмотрел на Олово. — Как все прошло?

— Мог бы не ходить, — ответил маленький слуга, усаживаясь на чемодан. — Па-атриция молодец.

— Ну да, конечно.

— Не веришь? — удивился слуга.

— Тебе? Ты всегда говоришь только то, что нужно.

— А-а ты — трепло.

Довольный собой Олово закрыл глаза, демонстрируя, что не прочь подремать.

— Я трепло? — Филя возмущенно посмотрел на друга, но спорить не стал. Лишь хмыкнул и перевел взгляд на Руса, подошедшего к стоящей в нескольких шагах от собеседников Патриции.

— Как Мата? — поинтересовалась девушка. Устало поинтересовалась, скорее из вежливости, для

поддержания, так сказать, разговора. Пэт еще никому не звонила, не сообщала, где она, просто отдыхала. Умылась, выпила бутылку минеральной воды, сняла и выбросила разорванную кожаную куртку, оставшись в коротком топе, а потом отошла в сторону и стала смотреть на беженцев. На сорванных с места людей, которых безы распределяли по наспех сформированным лагерям.

Казалось, что время для разговора не самое лучшее, однако Лакри так не считал. Услышав вопрос Пэт, он машинально обернулся назад, на полулежащую возле мотоцикла невесту, над которой хлопотала Мамаша Даша, и ответил:

— Все в порядке. — Помолчал. — И с ребенком будет все в порядке.

— Вот и хорошо.

Тоном и словами Патриция показала, что тема закрыта, однако взгляд, брошенный ею на инженера, не оставлял сомнений в том, что девушка ждет продолжения.

— Ты спасла женщину, которую я люблю, и нашего ребенка, — тихо произнес Лакри.

— И теперь ты мне должен.

Рус вздрогнул — внезапно он увидел перед собой совсем незнакомую Пэт. Не веселую шалунью, не добрую подругу и даже не дочь верхолаза. Увидел жесткую, знающую, что она совершила, женщину. А главное — знающую, сколько это стоит. Пэт рисковала жизнью, едва не погибла и не собиралась забывать об этом.

— Я должен, — подтвердил Лакри.

— Да, — кивнула Патриция и смыла серьезность слов веселой улыбкой: — Мата мне как сестра, Рус. Я люблю ее и люблю Мамашу Дашу. Я не могла их бросить.

Но он все равно должен.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз. Пиренейская автономная область. Окраина Мадрида. Складской комплекс Хаттами. Удача любит упорных

Счастливый билет вытянул Дидье Почтальон, группа которого громила сектор Мутабор в Рио. И не просто вытянул, но и сумел довезти его до Сорок Два… Но обо всем по порядку.

Сначала операция в Рио развивалась тяжело: в зоне Мутабор укрылось множество храмовников, бежавших в

Анклав со всей Южной Америки, и прятки оказали погромщикам ожесточенное сопротивление. Развернувшиеся в Рио бои превосходили происходящее в других Анклавах — счет убитым шел на сотни, а количество раненых не поддавалось учету. К тому же осажденным храмовникам сумели оказать поддержку безы, но даже их помощь не особенно помогла — через шесть часов кровавого побоища сектор пал. Слишком уж много бойцов выставили тритоны и провокаторы Дрогаса, слишком уж сильно хотели они добраться до секретов Мутабор. И добрались.

Тем не менее первое после штурма сообщение от Дидье прозвучало невнятно. Почтальон сообщил, что задача по ликвидации храма выполнена, а сам он отступает из Рио по резервному маршруту, то есть погрузил ближайших помощников в грузовой самолет и летит в Каракас. На доклад не обратили особого внимания: мало ли почему Дидье решил воспользоваться запасным путем? Через Каракас, значит, через Каракас, ждем. А хитрый, никому не доверяющий Почтальон, как выяснилось, просто заметал следы. Оказавшись в Венесуэле, Дидье зафрахтовал два скоростных катера, запаса хода которых хватало до Флориды, и два легких самолета, разделил отряд, выдал каждой группе таинственный ящик, с приказом не вскрывать ни в коем случае, и указал точку встречи в Майами. Как выяснилось позже, в принятых мерах предосторожности не было смысла: люди Дрогаса потеряли Дидье еще в Рио, однако береженого, как говорится, Бог бережет. Отправив людей во Флориду, Почтальон обратился в Консорциум и благополучно перебросил добычу в Мадрид по, если можно так выразиться, официальному каналу: устройство, способное изменить ход истории, прибыло в

Исламский Союз регулярным рейсом. И привело примчавшегося в Испанию Сорок Два в состояние, близкое к экстазу.

— Ты уверен?

— На все сто.

— Невероятно! Невероятно, черт бы тебя побрал!!

Предусмотрительный Дидье не воспользовался помощью мадридских тритонов — сам снял небольшой ангар на окраине города и сам перевез в него добычу. И сидел возле нее, жуя консервы, до появления пророка.

— Ты станешь легендой Эпохи Цифры, Почтальон. Твое имя впишут в историю нейкизма золотыми буквами!

Обрадованный Сорок Два сыпал громкими фразами, почти не прислушиваясь к рассказу удачливого помощника.

— Мы нашли работающую лабораторию в одном из подвалов. Прятки слишком поздно запустили систему самоликвидации, и у нас было около семи минут — вполне, как выяснилось, достаточно.

— Ты молодец, — с уважением произнесла Пума. — Мало кто, окажись на твоем месте, сумел бы провернуть такое дело.

— Спасибо. — Дидье слегка порозовел. Ева говорила искренне.

Это сейчас Почтальон знает, что у него было семь минут, а тогда, в горячке боя, он видел одно: система самоликвидации запущена, и взрыв произойдет в любое мгновение. Видел, но не ушел. Осмотрел оборудование, интуитивно определил важнейший элемент цепи и уволок его в безопасное место. Такое не каждому по зубам.

— Лаборатория еще работала, поэтому я взял пробу поступающей в устройство смеси и того, что получалось на выходе, — скромно закончил Дидье.

Экспресс-анализаторы раздали всем командирам оперативных групп, поэтому и Почтальон, и Сорок Два, и Ева уже знали, что поступал в устройство так называемый синтезированный «синдин» — смесь известной формулы, которую умели производить и в «Фарма-1», и в подпольных лабораториях. Произвести смесь не составляло особого труда, однако она, несмотря на все усилия специалистов, не обладала свойствами настоящего наркотика. Но это на входе. А на выходе Почтальон обнаружил самый что ни на есть настоящий, высококачественный «синдин».

— Последний этап производства. — Пророк посмотрел на Пуму. — Ева, мы заполучили недостающее звено! Ты понимаешь, что это значит?

Девушка кивнула.

Мечта сбылась, и мир готовится встать на колени. Если они разберутся в работе устройства, Земля превратится в «синдиновый» рай.

«Никто не говорил, что «синдин» безопасен! Никто не говорил, что «синдин» безопасен!»

Мантра грохотала в голове, однако Ева ничем не выдала охватившие ее чувства.

В следующую дверь они прошли втроем, охрана осталась в первом отсеке склада — нет необходимости показывать драгоценность даже самым проверенным людям.

— А теперь, Сорок Два, посмотри на свое устройство, — громко, но несколько пафосно произнес Дидье. — Перед тобой ключ от мира!

И сбросил укрывавший добычу брезент.

— Черт! — вырвалось у Евы.

Пророк крякнул. Довольный произведенным эффектом Дидье громко рассмеялся.

Устройство было органическим и напоминало огромное, около полутора метров диаметром, глазное яблоко. Так сильно напоминало, что становилось жутко: зрачок, радужная оболочка, даже прожилки сосудов — все было воспроизведено с неимоверной точностью. Складывалось ощущение, что храмовники вырвали его из тела чудовищного великана. «Глаз» плавал в прозрачном кубе соответствующих размеров и таращился на окружающих так, словно действительно мог видеть.

— «Синдин» есть слезы его, — негромко произнес ошарашенный Сорок Два, припомнив беседу с прелатом.

— Что ты сказал? — удивилась Пума. И кашлянула.

— Ерунда…

Ей показалось или пророк смутился?

Но уже в следующий миг голос Сорок Два вновь стал твердым и уверенным:

— Дидье, ты будешь контролировать всю дальнейшую работу с этим… «глазом». Через три дня у тебя будет лаборатория и лучшие специалисты, которых я смогу привлечь. Исследуйте каждую молекулу, каждую клетку и воспроизведите эту хрень в точности. Мне нужны «глаза». Много «глаз»!

— Яйцеголовые будут работать круглосуточно, — пообещал Почтальон. — Я все сделаю, Сорок Два, клянусь.

Разберет на составляющие и соберет заново, наизнанку вывернется, но задание пророка выполнит, потому что верит. Верит слепо, фанатично. Ему и Поэтессе, обещавшей Эпоху Цифры.

«Никто не говорил, что «синдин» безопасен, — беззвучно

произнесла стоящая за спиной Сорок Два Ева. — Никто не говорил, что «синдин» безопасен…»

Она наконец-то разобралась в своих чувствах. Она твердо знала, что ненавидит.

Ненавидит всех.

* * *

Анклав: Сингапур. Территория: Центральный Бизнес-округ. Отель «Pan Pacific*. Неправильные слова

Агата слегка наклонила бокал, и вино медленно потекло вниз, прочерчивая темную дорожку меж полных грудей. Кристиан жадно припал к ручейку, слизывая красное с тела женщины. Терпкий аромат смешивался с цветочным, едва уловимым запахом духов и бил в голову почище «синдина». Туманил разум, возбуждал, заставляя нетерпеливо вздрагивать и сжимать руками бедра Агаты. Хотелось прижаться к ней всем телом, слиться в одно и забыть, улететь от всего на свете, наслаждаясь близостью потрясающей женщины. Хотелось прямо сейчас, но Агата умело управляла их играми, не позволяя любовнику забывать о предварительных ласках.

Ручеек сменил направление, омыл затвердевший сосок, и Кристиан уткнулся в него. Чуть сдавил губами. И услышал тихий ответный стон.

Женские пальцы запутались в его волосах, требовательно потянули голову вверх, и вот уже губы сливаются в поцелуе. И тела сливаются в единое целое.

Они вместе, но еще не торопятся. Они просто вместе.

И Кристиан продолжает упоительный поцелуй…

В Сингапур они прилетели в воскресенье, «стратом» прилетели, как самые крутые верхолазы. Привычно заняли лучшие апартаменты лучшего отеля, отдохнули и отправились на улицы.

Два первых дня Кристиан не снимал. Ходил, осматривался, «вживался» в новый для себя город, подмечал детали, детальки и деталюшки, однако ни разу не снял с объектива крышку — не время. В среду же, несмотря на то что лег за полночь, поднялся в шесть утра, собрался и пошел на охоту. Малайские, индусские и китайские кварталы, зона Буду, Центральный Округ — четыре дня непрерывной работы с краткими перерывами на сон и еду. Почти полсотни кадров. Застывшее в эпизодах лицо Анклава Сингапур.

Застывшее перед бурей.

Здесь не было сектора Мутабор — его разгромили несколько

лет назад, и с тех пор Милостивый Владыка отказывал Анклаву в благосклонности, а потому раздутый Сорок Два пожар до Сингапура не докатился. Пока не докатился, потому что в каждой фотографии, даже на забавном снимке из зоопарка, Кристиан ощущал сковывающее мегаполис напряжение. Во взглядах, в жестах, в возникающих то здесь, то там стычках, в поведении безов, в том, как люди говорили, как себя вели.

Все чувствовали, что город замер в ожидании чего-то плохого, поэтому вчера «гвардейцы» вывезли фотографа не в привычном и почти незаметном седане, а в бронированном внедорожнике, и сменили дыроделы на автоматы.

Город ждал…

— Я поймал себя на мысли, что по-настоящему счастлив, — произнес Кристиан, глядя на отдыхающую на подушках Агату. — Я занимаюсь любимым делом, а рядом со мной любимая женщина.

Она едва слышно вздохнула.

— Уже любимая?

— Почему нет?

— Не слишком ли быстро?

— Любовь или возникает, или нет. Или обволакивает, заставляя сердце биться часто-часто, или оставляет равнодушным, — убежденно ответил фотограф. — Если же требуется время, то это не любовь, а привыкание.

— У тебя на все есть ответ.

— Ответы приходят сами, я говорю то, что чувствую. Тот разговор изменил их отношения, добавил в них

изрядную долю искренности, и, несмотря на то что Агата еще пыталась сохранить барьер, с каждым часом он становится все ниже. Любому человеку нужно тепло, согреть же Агату мог только он.

— Я боюсь привязываться, — прошептала женщина. — Я теряла все и в более спокойные времена, а сейчас… — Агата запнулась, но продолжила: — Сейчас, глядя на то, что происходит вокруг, на все это дерьмо… Ты ведь пишешь последнюю главу мира, Крис, неужели тебе не страшно?

— Это все слова. — Фотограф провел рукой по ее голове. — Заказчик должен был увлечь меня, зажечь, заставить работать изо всех сил, вот и придумал красивую фразу про конец света.

— Ты пытаешься уйти от правды. А я боюсь.

— Но теперь я рядом.

Он поцеловал плечо женщины и прикоснулся к нему носом, вдыхая аромат кожи.

— Ты тоже боишься, только стараешься не показывать

этого. — Агата вздохнула. — Как бы ни было плохо, как бы ни было тяжело, нас всегда ведет вперед надежда. Меня вела надежда на лучшее. Я падала, но стискивала зубы и говорила себе: «Прорвусь!» — и прорывалась, потому что было куда. Мир вокруг был стабилен, его законы были понятны, можно было отыскать очередную ступеньку или уголок для отдыха. Теперь же я не вижу будущего, не понимаю, что ждет впереди.

Кристиан обнял женщину за шею и привлек к себе. Его тепло, его сердце должны добавить ей сил.

— Я зеркало, я отражаю мир, показываю его таким, каким вижу. Но я не предмет, я не могу не думать о том, что вижу, что отражаю. Ты говорила, что там, на улицах, я выгляжу отрешенным, — это так, но каждый кадр, каждый эпизод, каждая сцена, все они проходят через меня, через мою душу. Я чувствую их. Я не сторонний наблюдатель, я свидетель. И мне тоже страшно.

Агата всхлипнула.

— Но потом я вижу тебя, твои глаза, твою улыбку, чувствую твой запах, и мне становится хорошо. Мне кажется, что в нашей рехнувшейся реальности осталось лишь одно настоящее — ты. Твои глаза, твоя улыбка, твой запах. Ты и есть мой мир, Агата. И у него есть будущее. Прекрасное будущее.

— Я боюсь.

— Того, что вокруг?

— Всего. — На его грудь упала почти невесомая слезинка. — Вчера днем, когда тебя не было, мне позвонила подруга из Сиэтла. С тех пор как разнесли Мутабор, у них почти гражданская война. Анклав встал, тритоны остановили его, безы не справляются, повсюду мародеры…

— С ними разделаются.

— Все летит в тартарары, Крис, Заказчик прав — ты пишешь последнюю главу мира. И я… я очень боюсь.

— Мир будет жить и дальше. Однако понял, что не убедил.

Агата видела то же, что и он: каждый кадр, каждый тошнотворный эпизод, каждую деталь, подтверждающую слова таинственного Заказчика. Она видела и приходила в ужас.

— Я думаю, поэтому он не скупится, — произнесла женщина. — Заказчик знает, что скоро деньги превратятся в бумагу.

Деньги! Возможно, это поможет?

— У нас будут деньги, — напомнил Кристиан. — Давай уедем в какую-нибудь глушь? Ты и я. Может, прихватим Жозе, если пообещает хорошо вести себя. Забьемся в угол и подождем, пока мир не очухается.

— Ты знаешь такой угол?

— Найдем.

— Все в огне, Крис.

— Он назвал альбом «Хаосовершенство». Хаоса достаточно, и я уверен, что где-то есть совершенное место. Не спятившее.

— Рай для верхолазов?

— А вдруг Заказчик поможет добраться до него?

— Ему плевать на нас.

— Найдем свое место, свой угол. Ты и я. Агата изо всех сил прижалась к мужчине.

— Я… я хочу тебе верить…

— Вот видишь! Все будет хорошо… — Стук в дверь заставил Кристиана недовольно поморщиться: — Кто там?

— Ты спишь?

— Твою мать, Жозе, какого черта?!

— Так и знал, что не спишь. — Гомеш приоткрыл дверь и улыбнулся торопливо прикрывающейся простыней женщине: — Привет, Агата.

— Иди к черту.

— Чего надо? — грубо спросил фотограф.

— Китайцы врезали индусам, безы втянулись, а в это время малайцы и Вуду пошли на корпоративный периметр.

— Большая драка? — Кристиан подскочил с кровати и схватился за одежду.

— Не то слово, — подтвердил Жозе. Агата всхлипнула.

— Я должен это видеть. — Кристиан посмотрел в окно: рассвет, света вполне достаточно, а скоро будет еще больше. — Передай парням, чтобы готовились, — мы идем работать.

— Крис, не надо.

В голубых глазах страх. За него или за себя? Фотограф улыбнулся:

— Все будет в порядке. — Наклонился. Поцеловал. — Ты мне веришь?

— Когда ты говорил, что хочешь со мной уехать, — верила. Теперь… — Агата сжала кулачок. — Все-таки ты больше зеркало, чем человек.

Понятливый Жозе выскользнул за дверь.

— Я люблю тебя. Но сейчас я должен быть там.

— Почему?

— Потому что я человек, но и зеркало тоже.

Разве ты не понимаешь, любимая? Если мир в заднице, кто-то должен это показать. Не в хронике, а в застывших капельках мгновений. Не в документах, а в искусстве.

— Слишком опасно! — Она не хотела его отпускать. Боялась.

И за него боялась, и за себя. — Я имею право дать приказ на эвакуацию.

— Ты же сама сказала, что везде творится то же самое. — Брякнул, не подумав, да еще и рассмеялся, как ему показалось — ободряюще. — Я должен видеть эту драку, а потом мы сразу уедем.

Кристиан еще раз поцеловал Агату в губы, подхватил «шиву» и выскочил из спальни. Исчез, оставив на прощание лишь эхо слов.

«Везде творится то же самое… Везде творится то же самое… Везде…»

Агата всхлипнула и включила коммуникатор. Война. Ошарашенный журналист указывает на горящие дома и столбы дыма. Чэнь Чжантин, директор сингапурского филиала СБА, призывает к спокойствию, но бледен, глаза бегают…

«Везде творится то же самое… Везде творится то же самое… Везде…»

В центре Анклава Москва не утихают бои. В Марселе продолжаются столкновения между вудуистами и арабами. Шанхай окружен войсками Народной республики, Председатель заявил, что если в Анклаве вспыхнут беспорядки, он нарушит Положение и введет военных для спасения людей…

«Везде творится то же самое… Везде творится то же самое… Везде…»

Агата взяла с тумбочки пачку сигарет, вытряхнула одну — подцепить не удалось, уж больно руки дрожали, — и с третьей попытки закурила. И снова всхлипнула, глядя на экран коммуникатора. На злую реальность, которую человек-зеркало пытается отобразить своим искусством.

Анклав: Цюрих.

Территория: Альпийская Поляна. «Замок Ван Глоссита». Имея ниточки, нужно еще уметь сплести из них веревочку

— Мы с вами находимся в Новом Орлеане, на знаменитой площади Вуду, что раскинулась перед храмом Иисуса Лоа, — сообщил корреспондент с такой радостью, словно оказаться в центре миллионной толпы было целью всей его жизни. — Как видите, она полна народу, и люди продолжают прибывать со всех концов Земли. Они хотят отдать дань памяти безвременно ушедшему лидеру, великому Ахо… — Камера показывала палатки и кучки спальных мешков. Разведенные в бочках костры и барабанщиков, что выстукивали траурные ритмы. И танцующих людей. Не зажигательные танцы, разумеется, а медленные, печальные. — Совсем скоро состоятся торжественные похороны, а вслед за ними архиепископы объявят имя нового настоятеля

храма Иисуса Лоа. Нового духовного лидера Конфедерации Католического Вуду..".

Морали отключил звук, сдвинул «окно» с новостной лентой в левый верхний угол пятидесятидюймового монитора, внимательно просмотрел лежащие на рабочем столе «иконки» и выбрал одну из них, активизировав связь с отделом политической аналитики.

— Род!

— Да, господин президент! — немедленно отозвался ожидавший вызова начальник отдела.

— Что у нас с вудуистами?

— Это единственный прогноз, насчет которого я абсолютно уверен, господин президент: новым настоятелем станет Папа Джезе.

Время шло, однако картина не менялась: никто из честолюбивых иерархов Католического Вуду не спешил переходить дорогу баварскому архиепископу. Закоренелого интригана Моратти это удивляло, и даже объяснения Рода, досконально разобравшегося в хитросплетениях внутренней политики вудуистов, президента СБА не убеждали. Ну да, во главе церкви должен стоять сильный хунган. Ну да, Ахо был не просто сильным — великим. Ну да, ходят слухи, что Папа с ним разделался в бою один на один. Ну и что?! Какое отношение вся эта метафизика и культ хунганской силы имеют к абсолютной власти, что стоит сейчас на кону? Адептам архиепископы головы морочат замечательно, молодцы, но ведь каждый из них обычный человек. На каждого в СБА есть досье: в какой семье родился, где учился, когда обозвал себя «колдуном»… Именно «колдуном» в кавычках, а не просто колдуном: Моратти был твердо убежден, что разговоры о сверхсиле высших иерархов Вуду — бред чистой воды. Потому и не понимал причину, заставляющую архиепископов признавать главенство Джезе.

— Считается, что Папа убил Ахо в открытом бою, а значит, именно он унаследует титул, — в очередной раз повторил Род. — Никто не рискнет бросить ему вызов.

Папа Джезе…

Моратти побарабанил пальцами по столешнице.

До сих пор архиепископ — пока еще архиепископ! — оставался во Франкфурте, не спешил в Новый Орлеан, хотя подготовка к интронизации шла полным ходом, а в центре Католического Вуду собрались все высшие иерархи и главы правительств Конфедерации. Сейчас в Новом Орлеане должны идти закулисные переговоры, сколачиваться союзы, покупаться голоса неопределившихся архиепископов. Сейчас в закрытых от

посторонних взглядов кабинетах должны проходить настоящие выборы, результат которых будет оглашен после похорон. Сейчас!

А Джезе во Франкфурте. Получается, уверен в своих силах?

Несмотря на понятное недоверие к докладам, Моратти направил к Папе эмиссаров. Приняли их вежливо, но к архиепископу не допустили, намекнули, что Джезе будет разговаривать только с самим президентом и только в новом статусе. Держались помощники Папы уверенно, в том, что их шеф скоро возглавит Конфедерацию, не сомневались. Наблюдение показало, что приезжали к Джезе и другие посланники: от китайцев, индусов и европейцев, — и все уехали, не повидав Папу, но получив предварительное подтверждение договоренностей и обязательств, которые взяла на себя Конфедерация в эпоху правления Ахо. Не было пересмотрено и самое главное соглашение — флот вудуистов продолжал болтаться в Баренцевом море.

Ляо может спать спокойно.

Кстати, генерал, как доносили наблюдающие за ним агенты, до сих пор пребывал в Европе. Посетил Эдинбург, Ланданабад и Марсель, сейчас завис в Мюнхене. Чего ждет? Или еще не все дела доделал?

Впрочем, Ляо — не самая главная головная боль…

— На днях Папа отбывает в Новый Орлеан, — продолжил Род. — Его помощники предлагают провести вашу встречу через месяц.

— Хорошо, — кивнул президент СБА и отключил политическую аналитику от связи.

В последнее время Моратти все реже проводил общие совещания, на которых присутствовали или находились на связи все нужные ему люди, перейдя, так сказать, в закрытый режим. Помощникам сообщалось время, к которому требовалось подготовить доклад, а дальше они сидели в кабинетах, ожидая вызова президента.

Закончив с политической аналитикой, Моратти активизировал канал связи с двумя другими помощниками: Альфредом Соловичем, начальником Главного управления СБА по борьбе с наркотиками, и Клайвом Паркером, сменившим уехавшего в Кайфоград Дрогаса на посту куратора «проекта Сорок Два», который, в свою очередь, входил в более мощный «проект «Синдин». Или уже наоборот?

— Сначала по храмовникам, — отрывисто приказал Ник, не став тратить время на ненужные приветствия. — Клайв!

— В результате действий Сорок Два разрушены все зоны Мутабор, — немедленно отозвался Паркер. — Нападению не

подверглась только московская территория. По некоторым данным, именно там в настоящее время находится Владыка.

Мертвый сказал, что не допустит в своем Анклаве атак на Мутабор, и слово сдержал. Беспорядки у него возникли, и беспорядки серьезные, однако зона храмовников не пострадала.

— Во всех Анклавах продолжаются уличные бои, — суховато протянул Паркер. — В некоторых — серьезные. Сорок Два требует полного уничтожения храмовников.

— Означает ли это, что Сорок Два до сих пор не получил секрет «синдина»?

— Можно только гадать, — развел руками Клайв. — У нас нет людей в ближайшем окружении террориста и нет возможности слушать его переговоры.

Понятно, у Паркера ничего нет.

— Спасибо! — резко оборвал офицера Моратти. — Альфред, что у тебя?

— С момента разрушения зон Мутабор прошло слишком мало времени, — кисло ответил Солович. — Статистики пока нет, дефицит «синдина», который наметился пару недель назад, сохраняется. То есть Сорок Два еще не получил его секрета.

— Клайв, а что с самими храмовниками?

После разговоров с Ляо и Дрогасом Моратти возложил на Паркера дополнительное расследование — узнать, куда Владыка прячет подданных. Метод был избран самый простой: захват как можно большего числа храмовников, однако результата он пока не давал.

— Мы допросили примерно сотню человек по всему миру, но никакой полезной информации не раздобыли, — еще более сухо, чем до этого, доложил Клайв. — После того как Сорок Два начал охоту, все они получили сообщения с рекомендацией укрыться в ближайшей зоне Мутабор. Или же в специальных центрах, которые были созданы в нескольких крупных городах. Куда их планировали перевезти дальше, им, а значит, и нам, неизвестно.

Правду знают прелаты, но они надежно спрятаны — несмотря на все усилия, ни тритонам, ни людям Дрогаса не удалось захватить ни одного из высших иерархов Мутабор.

— Понятно, — кивнул Моратти. — Продолжайте работу.

Он отключил связь, поднялся с кресла, потянулся, медленно прошел к бару и плеснул в стакан на два пальца виски. Раскурил сигару, с наслаждением выдохнул клуб ароматного дыма в кондиционированную емкость кабинета, после чего плюхнулся на диван. Через двадцать минут начнется совещание с директорами филиалов. Будет много ругани, воплей и тяжелых слов. Будут отчеты о беспорядках и жертвах. Будут попытки что-то

придумать и тупое понимание того, что все летит к черту. Будут. Через двадцать минут.

Пока же Моратти хотел поразмыслить над другим.

«Храмовники готовились к нападению?

Безумное предположение получило очередное косвенное подтверждение. Прелаты не попали в ловушки. Все храмовники получили письма с четкими инструкциями: куда прибыть и что взять с собой. А в промышленных зонах «Науком», которые корпорация возвела неподалеку от Станции, существуют обширные закрытые территории. Корпорация утверждает, что там размещены производства, выполняющие заказы Станции. Но ведь и продовольственные склады неподалеку. Гигантские продовольственные склады и куча фабрик по производству питательных полуфабрикатов. «Науком» планирует кормить храмовников? Но, ради всего святого, зачем? Каким образом они связаны? Чего я не вижу?

Непонимание. Фатальное непонимание окружающими происходящих процессов — вот что помогает Мертвому чувствовать себя в относительной безопасности. И оно же, это самое непонимание, вполне возможно, станет причиной его гибели, потому что непонятное пугает, а источник страха следует уничтожить. Вопрос лишь в том, успеет ли Мертвый реализовать свои планы до того, как большая военно-морская дубинка сотрет его в порошок. А ведь дубинка уже занесена. И переговоры, что вели с государствами верхолазы, провалились».

Моратти закрыл глаза, и перед его внутренним взором появились бороздящие Баренцево море эскадры. Десятки огромных кораблей.

Всё, Мертвый, время тайных операций и закулисных интриг прошло. Тебе навязывают драку, а к драке ты не готов.

Потому что как бы Кауфман ни укреплял свою любимую Станцию, против прекрасно организованных армейских соединений он не продержится.

Флот есть флот.

Территория: русские воды. Баренцево море. Авианосец «Зенг Хе».

Небольшие маневры — залог большой победы

— Воздух?

— Чисто!

— Доложить о готовности!

— «Наньцзин» готов!

— «Бэйцзин» готов!

— «Хенкон» готов!

— Огонь!

Первый из выстроившихся в линию крейсеров дал ракетный залп, и Бодуань в очередной, тысячный или десятитысячный раз поразился величию картины: стальная грация корабля окутывается клубами дыма, а пустынное небо разрывается смертоносными росчерками сигарообразных стрел. Кто видел, тот знает. Кто понимает, тот наслаждается.

Следующим отстрелялся «Бэйцзин», но его закрывал «Наньцзин», поэтому восхититься еще один раз адмиралу не довелось.

— Вудуисты отработали! — доложил офицер, обеспечивающий взаимодействие с отрядом Андерсена.

Ракетные крейсеры Двенадцатого флота дали залп через тридцать секунд после китайцев.

— Европейцы отстрелялись!

— Индусы отстрелялись!

— Приготовиться к повторному залпу!

— Воздушные цели!

Поднявшиеся с «Ганди» истребители имитировали нападение авиации противника. Согласно разработанному плану перехват осуществляли вудуисты, однако расслабляться не следует.

Капитан флагмана вопросительно посмотрел на Бо-дуаня, тот кивнул, и Ли немедленно отдал приказ:

— ПВО приготовиться к отражению атаки!

— Цели захвачены!

Но уже в следующий миг второй оператор уточнил:

— Цели перехвачены соседями. Противник уничтожен!

«Будем надеяться, что вудуисты действительно справились…»

Бодуань хмыкнул, затем услышал долгожданное:

— Наземные цели поражены!

И повернулся к монитору, на который транслировалось изображение со спутника.

Полигон для маневров подобрали идеально. Располагался он на таком же удалении от берега, как и Станция, и занимал точно такую площадь. Поэтому теперь, глядя на перепаханный ракетами рельеф, можно было представить, что «Науком» только-только развернул строительство, выкопав множество грубых котлованов. Но Бодуаню было не до фантазий. Изучив результаты «работы» на спутниковой карте, адмирал тут же обратился к соседнему экрану, на котором штабные машинисты возвели цифровую модель Станции. Координаты виртуальных построек были жестко привязаны к полигону, ракеты моряки направляли не просто «туда», а на конкретные цели, и теперь Бодуаня интересовала точность попадания.

— Очень неплохо, — прокомментировал капитан. Он был

горд за своих ребят.

— Согласен, — после паузы кивнул адмирал. — Отличная работа.

Китайские ракеты, как и было запланировано, создали широкие проходы в линиях обороны. Компьютер показывал, что разрушена даже третья из них, почти полностью закопанная в землю. Залпы индусов размесили аэродром. Вудуисты стерли с лица земли батареи ПВО Станции, а европейцы накрыли казармы безов и ангары с бронетехникой. Если верить расчетам, двух залпов объединенного флота будет достаточно для превращения штурма Станции в легкую прогулку среди развалин. А залпов предполагалось четыре. Для надежности.

Единственное же слабое место плана заключалось в том, что все уничтоженные цели: бункеры, казармы, ангары и стационарные батареи — располагались за пределами ее пятикилометрового производственного центра. Стрелять внутрь военным категорически запрещалось из опасения повредить Станцию, и адмирал не сомневался, что Прохоров успеет вывести солдат и технику из-под удара. И мобильные батареи ПВО будут развернуты в пределах производственного круга, а не снаружи. А значит, в легкую прогулку штурм не превратится.

— Потери живой силы пятьдесят процентов. Потери техники и тяжелого вооружения девяносто процентов. Нарушены все внутренние коммуникации.

— Реактор? — негромко спросил Бодуань.

— Не поврежден.

— Главный Энергоблок?

— Не поврежден. Разрушены четыре вспомогательных здания Станции — не все ракеты легли точно.

— Здания важные?

— Склады и хозяйственные постройки. — На экране появились новые данные. Капитан прищурился: — Компьютер считает, что в ходе налета погибнет примерно триста гражданских…

— Отставить, — оборвал его Бодуань и повернулся к сидящим за мониторами подчиненным: — Товарищи офицеры! Благодарю за отличную работу!

* * *

Территория: Россия. Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кайфоград. Интересные впечатления, встречи со старыми друзьями

— Раньше по ветке еще и простые поезда ходили, пассажиров и товары из Мурманска таскали, до Печенги и дальше даже, а теперь эшелоны на Станцию один за другим идут, и другие рейсы Слоновски отменил. А Сло-новски на Станции и вокруг самый главный, как скажет, так и будет. Наместник северо-западный наехать хотел, он ведь не совсем дурак, понимает, что бизнес просел, но ни черта не добился. Так что теперь в Кайфоград только на мобилях трястись, других вариантов нет.

Мурманский водила оказался парнем словоохотливым, разговор сам затеял, спросив, откуда пассажиры и зачем в Кайфоград собрались. Удовлетворился расплывчатым ответом и легко повелся на вопросы, которыми начал сыпать любопытный Саймон. Вшитый в «балалайку» переводчик с русского работал отлично, ехать далеко, изгаженная северная природа осточертела уже через пару километров, телохранители привычно дремлют, так почему бы не потрепаться?

— Слоновски — комендант Станции?

— Нет, комендантом Прохоров числится, а Грег Слоновски — начальник внутренней безопасности. Контрразведка, короче, странно, что ты не слышал… — Престарелый «Тейс», выпускаемый Передовой Автомобильной Корпорацией по египетской лицензии, подпрыгнул на очередной колдобине, и пассажирские задницы чувствительно приложились о пластиковые сиденья мобиля. В целях повышения конкурентоспособности и экономичности мобиля владельцы ПАК приняли решение отказаться от мягких кресел. Хост выругался, а вот водила не обратил на досадное происшествие никакого внимания, продолжил болтать как ни в чем не бывало: — Тебе о Слоновски таких ужасов порасскажут, что спать не сможешь. Слоновски у Мертвого палачом был, зверь каких мало, одним словом. Года полтора назад ветку железнодорожную взорвать хотели, так Слоновски террористов аж в Перми отыскал, сюда доставил и как раз напротив того места, где они взрывчатку

закладывали, повесил. Три месяца на деревьях болтались.

— Действительно зверь.

— Зато железную дорогу больше не взрывали, — хмыкнул водила. — А еще Слоновски отдельную роту Махмуда Гунявого шлепнул.

— За что?

— Так ведь дорога платная, понимаешь…

С трудом. На взгляд Саймона, за проезд по местным колдобинам правительство обязано премии выписывать, но водила, судя по всему, настоящих платных дорог не видел.

— Заплати за въезд, заплати за выезд. Но к этому привыкли. А потом еще посты принялись ставить.

— Наверное, прибыльное дело?

— Да как сказать? Самый выгодный товар под крышей идет. Или «фармацевты» его сопровождают, или ОКР, или еще кто с ксивой без права досмотра. А если пристанут, так у них пулеметы. Посты для нас придумали, чтобы, так сказать, лишние деньги не водились.

— И многие ставили?

— Да все, кому не лень, — махнул рукой водила. — Министерство экологической безопасности, Министерство дорожных сетей и коммуникаций, Министерство транспортного хозяйства… Махмуд Гунявый на это посмотрел и решил, что тоже хочет. И два поста организовал.

— А Слоновски какое до этого дело?

— Гунявый однажды машину станционную на два часа задержал, типа, подозрительная. Слоновски велел Махмуду денег дать, машину пропустили, но той же ночью — хлоп! — и до свидания. И двух постов лишних нету, и отдельной роты тоже. Всем стало легче.

— То есть Слоновски хороший?

— Слоновски нормальный, — подумав, ответил водила. — До тех пор, пока его не заденут.

…Как и обещал Сорок Два, во Франкфурте Саймона подвергли весьма и весьма жесткому тестированию. Никаких втягивающих задач с постепенным повышением сложности: сразу в омут.

«Обеспечьте скрытое проникновение через эти защитные линии».

«Перехватите управление».

«Уклонитесь от встречной атаки».

Задачи ставили серьезные, проверяли с секундомером в руках. И кто проверял? Тритоны! Обколотые «син-дином» ребята с «поплавками» в «балалайках». Братья, можно сказать, но… но

находящиеся по ту сторону баррикад. Работающие то ли на корпорацию, то ли на какое-то государство. Хост, разумеется, слышал о том, что верхолазы переделывают особо доверенных машинистов в тритонов, но до сих пор не видел. А когда увидел, понял, что работали ребята не только за деньги, но и за идею: их вполне устраивал существующий мир. И к Саймону они относились не как к брату, пусть и стоящему по другую сторону баррикад, а как к террористу, с которым им, волею случая и вышестоящего начальства, приходится якшаться. Одним словом, вымыть руки хотелось и Хосту, и тестирующим его тритонам.

Тем не менее завалить Саймона экзаменаторам не удалось, и через три дня насыщенного общения его снабдили подлинными документами сотрудника крупного информационного канала и посадили в «суперсобаку» до Санкт-Петербурга. Одного не отпустили: в дороге Хоста сопровождали два хмурых «журналиста» — то ли охраняли, то ли стерегли.

В русской столице не задержались, заплатили положенное, пересели в трясучий поезд и отправились в Мурманск, потратив на дорогу больше времени, чем на поездку из Франкфурта в Санкт-Петербург. Ну а на последнем этапе путешествия наняли говорливого водилу…

— Это и есть ваше прикрытие?

— Неплохо, да?

— Ну… наверное, да. — Саймон с сомнением оглядел палаточный лагерь. — Здесь есть электричество?

— И электричество, и толстый сетевой кабель, к спутнику привинченый, и даже горячий кофе по утрам, — весело сообщил Стефан. — Но к чему пустые разговоры? Наша цель вон там, за стеной, а на Станции с энергией все в порядке.

Тоже правильно.

— Твоя палатка.

Обычный домик, как у всех «зеленых». Хост швырнул рюкзак у входа и язвительно поинтересовался:

— Где я могу гулять?

— Везде, где хочешь, — широким жестом обвел пространство Стефан. — Но если решишь отправиться за пределы лагеря, пожалуйста, сообщи мне. Тут неспокойно.

К огромному удивлению Хоста, до знаменитого Кайфограда они не доехали, свернули с шоссе раньше и вышли из мобиля у ворот лагеря «Остановим Ад!», где их встретил представившийся Стефаном мужчина. Типа, активист «зеленого», мать его за ногу, движения. Прикрытие, если вдуматься, великолепное.

— Обживайся, осматривайся, время пока есть. Эта палатка в полном твоем распоряжении. Есть хочешь?

— Я бы поспал с дороги.

— Как проснешься, отыщи меня, введу в курс дела. Стефан развернулся и быстро пошел к «командирскому» блоку.

Хост же оглядел свое новое жилище: столик, складной стул, койка, на которой вместо матраса лежит спальник, и обогреватель. Поставил рюкзак в угол. Посидел на стуле. Включил и выключил обогреватель, потом лампочку под потолком. Потом вытянулся на койке и задумался.

Он был уверен, что человека, представившегося Стефаном, несколько недель назад звали Алоизом Ханом. Пластики над ним поработали замечательно, однако слишком глубоко перекраивать физиономию не стали, так что черты прежнего лица угадывались. Да и манера поведения изменилась мало. Стефан — это Хан, сто процентов. И оставался вопрос: узнал ли Стефан в нем, в Саймоне, обманувшего его Шмейхеля?

* * *

Анклав: Москва. Территория: Мутабор. Дворец Владыки. Прощаться нужно лицом к лицу

Болото еще горело. Местами взрывалось, местами тарахтело перестрелками, шипело химическими испарениями, вопило орущими людьми, но в основном горело и разрушалось. И это было особенно хорошо заметно с тяжелого вертолета, что шел над Колымой, направляясь к сектору Мутабор. Вертолет обходил Болото по дуге — пилоты опасались пуска зенитной ракеты, однако и с такого расстояния главный пассажир машины мог оценить последствия беспорядков. Многие дома опалены, некоторые горят, в Сокольниках рухнула высотка. И не только в Сокольниках — еще четыре огрызка торчат в разных районах. Два из них пыхтят черным дымком. Верхние уровни мостовых повреждены, а кое-где попросту провалились, средние уровни тоже не в порядке, и кое-какое движение идет лишь внизу, где бульдозеры расчистили проезд. Впрочем, люди пока не стремились освобождать улицы от завалов и баррикад — бои продолжались. Не с тем накалом, конечно, как в первые часы бунта, но еще упорные. Отряды Уруса, лидеры которого желали захватить как можно большую территорию, теснили китайцев. Триада отбивалась, но при этом развивала наступление на Смоленку, планируя оттяпать районы у прорвавшихся в центр Анклава вудуистов. На северо-западе держали круговую оборону объединившиеся жители Болота, чуть южнее установила свою власть Якудза. Вмешательство безов ситуацию не изменило. Кауфман сосредоточился на защите корпоративных территорий и фактически оставил остальную часть Анклава на произвол судьбы. Безы пробили коридор к Федеральному Центру и организовали километровые зоны безопасности у Сити и Колымы. Ни сил, ни желания идти дальше у Мертвого не было.

— Урус открыл проходы в Россию, — сообщил пилот.

Он специально облетел Мутабор, проигнорировав подготовленную площадку, чтобы показать директору разрушенную границу Анклава. Посты безов Кауфман распорядился снять еще в самом начале бунта, и теперь по дорогам шел бесконтрольный поток мобилей. Везли все на свете,

но в первую очередь оружие и наемников. В Урусе жили выходцы из России, и теперь они лихорадочно усиливались, надеясь подмять под себя весь Анклав. И до тех пор, пока СБА не отрежет Тагиева с компанией от сородичей, бои в Москве будут продолжаться.

— Достаточно, — хмуро произнес Мертвый. — Давай в Мутабор.

Вертолет развернулся и направился к посадочной площадке.

Зоны Мутабор до недавнего времени считались самыми закрытыми в Анклавах — внутрь допускались только храмовники, и только они знали, что на самом деле творится за высокими стенами. И даже захват территорий не дал пищи для размышлений: прятки успели разрушить все важные постройки, а потому секреты Мутабор так и остались секретами. И многочисленные сказки, что рассказывали о таинственных внутренних помещениях, так и остались сказками.

Обычным людям путь в единственный сохранившийся в мире сектор Мутабор был заказан, однако Кауфмана запрет не касался. И его вертолет приземлился в самом центре зоны, неподалеку от массивного белокаменного здания, которое изучавшая спутниковые фотографии публика именовала Дворцом Владыки.

— Наружу не высовываться, — бросил он сопровождающим безам. — Я буду через час.

Дождался остановки винтов, вышел и быстрым шагом добрался до заднего крыльца, на котором его ожидал невысокий прелат.

— Как жизнь, Фабрициус?

— Мы рады вас видеть, Максимилиан, — склонился в поклоне иерарх Мутабор.

В голосе прелата не было традиционного для общения с «обычными» людьми высокомерия. В голосе звучало уважение, которое Фабрициус не стеснялся демонстрировать.

— Он ждет вас.

— Тогда пойдем. — Кауфман уверенно шагнул в коридор. — Нехорошо заставлять бога ждать.

В гуляющих по миру легендах обители храмовников представлялись диковинной смесью детских страшилок и растаманских фантазий. Особенно старались нейкис-ты, отвращения к которым последователи Милостивого Владыки никогда не скрывали. В живописных рассказах последователей Поэтессы фигурировали потеющие стены, люди-овощи, превращенные в живые компьютеры, и кресла-ловушки, способные сожрать неугодного Владыке человека. Действительность же, как это часто бывает, не имела со

сплетнями ничего общего. Помещения Мутабор не походили на пищевод игуанодона, но и назвать их обычными язык не поворачивался.

Стены ровные, покрытые тонким налетом зеленого мха. Полы твердые, из роговых пластин. И запах свежести полей, такой непривычный для городского жителя.

А вот внутренности круглого Зала Владыки, как это ни странно, были отделаны камнем. Грубым серым камнем, который устремлялся вверх, под купол, и яростно давил вошедших почти физически ощущаемой массой. В центре Зала стояло на возвышении широкое кресло, в котором и ждал Кауфмана повелитель Мутабор. Ждал только его — прелат остался за дверями.

— Почему не воспользовался зеркалом?

— Решил посмотреть на себя напоследок.

— Стал сентиментальным?

— Простая вежливость. Владыка едва заметно улыбнулся.

— Посмотрел?

Он был большим, и он страдал. Он не мог ходить, и каждый вздох причинял ему невыносимые мучения. Он терял кровь — и кресло, и возвышение были пропитаны ею, но она не убывала, рождалась вновь, чтобы продолжить пытку. Такова была его плата за возвращение оттуда, откуда нельзя вернуться, такова была судьба существа, рожденного из черной крови умирающих богов.

Все тело Милостивого Владыки представляло собой одну большую боль: язвы и рваные раны, обрывки кожи и обнаженные в некоторых местах кости. Кошмарное зрелище било наотмашь, не оставляло равнодушным никого, но… Но самое сильное впечатление производили глаза Владыки, а не его окровавленная плоть. Большие умные глаза, в которых прятались боль, печаль, знания и сила. Большие умные глаза, которые приковывали так, что отвести взгляд не было никакой возможности. Лишь с позволения Владыки.

— Посмотрел?

— Я совсем не изменился.

— Согласен.

Было видно, что Мертвый, несмотря на браваду, чувствует себя не в своей тарелке. Он не нервничал, не ощущал страха, он просто находился рядом с тем, за кем признавал первенство. И не испытывал от этого обстоятельства особой радости: Мертвый привык быть главным. И эта неловкость заставила Кауфмана заговорить не о том, о чем он хотел, а о делах.

— На Станции все в порядке, уверен, мы успеем. Твои ребята когда появятся?

— Уже отправились.

— Вот и хорошо.

Кауфман потеребил край перчатки. Невероятное зрелище: директор московского филиала СБА не знал, что сказать. Не знал, как продолжить разговор.

— Ты подготовил отличных людей, Макс, — мягко произнес Владыка.

И воздух вырвался через сломанные ребра.

— Спасибо.

— Не знаю только, как Патриция будет уживаться с Мишенькой.

— Она, в отличие от тебя, ни черта не боится, — с законной гордостью за дочь отрезал Кауфман. — И еще она умна, так что уживутся. Не дети.

Владыка промолчал. В его глазах мелькнули веселые огоньки.

Мертвый же вновь вернулся к делам:

— Беспорядки в Москве, как я и планировал, дали нам кучу народа.

— Ты всегда был сторонником жестких мер.

— Поэтому ты и выбрал меня.

На это замечание у повелителя Мутабор тоже не нашлось ответа. Или же он наслаждался гонором Мертвого?

— А под шумок я уговорил временно перебраться в промышленную зону «Науком» большинство преподавателей Университета. Наплел им, что не гарантирую безопасности корпоративных территорий. Очкарики трусливы, посмотрели, что на Болоте творится, и всей толпой бросились записываться в путешествие. Университетское барахло тоже вывез… Не все, конечно, но много.

— Подготовился на славу, — одобрил Владыка.

— Как и было запланировано.

Однако оба почувствовали, что разговор о делах никому не нужен. Не об этом они хотели говорить. Совсем не об этом. И первый шаг сделал повелитель Мутабор.

— Подойди ближе. — Я…

Но в следующий миг Кауфман понял, что время пришло, что нужно подчиниться. Кивнул, поднялся по ступенькам и остановился у кресла. И услышал:

— Я рад, что ты приехал, Макс, — проникновенно произнес тот, кому выпало страдать.

— Прощаться надо лицом к лицу, — тихо ответил Мертвый. — Тем более — навсегда.

Он стянул перчатку и положил свою изуродованную, покрытую омерзительными язвами руку на окровавленную

ладонь Владыки. Максимилиан не имел права разделить с Ним страдания, но мог поддержать своим теплом. Своим участием. Мог просто побыть совсем рядом, и для этого, именно для этого, он и приехал. В чужой дом. К самому себе.

— Ты твердо решил остаться?

— Ты строишь новый Храм, Патриция строит новый Храм, а я… Я не строитель. Я воин… — Губы Кауфмана тронула усмешка. — Даже ты всегда меня боялся.

— Самого себя, — уточнил Владыка.

— А кого еще имеет смысл бояться?

Мужчины помолчали. Кровь медленно стекала на камень возвышения и уходила в сливные отверстия.

И пахло здесь, в Зале Владыки, не свежестью полей, а ею, кровью. Кровью и пропитанным ею серым камнем. Смерть боялась приближаться к повелителю Мутабор, но изгнать ее запах он не мог.

— Здесь у меня будет десять лет, а я долго скучал, — продолжил Максимилиан.

— Или терпел?

— Да, пожалуй, терпел, — признал после паузы Мертвый. — Я не скрываю своих инстинктов и не сты-усь их. Хочу пожить для себя.

— Убивать не устал?

— Да нет, нормально. — Однако вопрос об убийствах заставил Кауфмана вспомнить дополнительный аргумент. — Опять же, необходимо кое-кому кое-какие долги раздать. Одним словом, дел накопилось много.

И улыбка, заигравшая на губах Мертвого, не обещала «кое-кому» ничего хорошего.

* * *

Анклав: Сингапур. Территория: Центральный Бизнес-округ в огне. Даже когда нет надежды, ты должен продолжать верить

Кадр № 666 оказался проклятым.

Сначала Кристиан не хотел использовать этот номер, были сомнения, потом решил, что три шестерки — всего лишь три шестерки, что если уж он до сих пор не страдал суевериями, то нет смысла начинать. Потом пожалел.

Кадр № 666. Анклав Сингапур.

Сорванный взрывом люк несется на не успевшую укрыться женщину. Черные волосы, перекошенный рот, комбинезон цвета хаки — женщина застыла у стены, в которую через мгновение ее впечатает тяжеленный люк. Металлический кругляш войдет в камень, породив острые осколки, облако пыли и летящее во все стороны красное. Но это через мгновение. А пока люк только несется, только приближается, являет собой размытое пятно, за которым отчетливо виден дикий ужас в широко распахнутых глазах женщины.

Снять такое можно только на «шиву», на лучший, мать его, аппарат современности. На совершенное зеркало в руках совершенного зеркала.

Кадр № 666. Анклав Сингапур, конец июля.

Проклятый шестьсот шестьдесят шестой стоил жизни двум «гвардейцам». Смерть первого Кристиан не видел — прилетевший сверху обломок стены размозжил телохранителю голову. Случайность, мать ее, обычная случайность, просто парень спрятался не там, где нужно. Второй же телохранитель погиб, вытаскивая Кристиана из-под огня. Бронетранспортер ведь не сам по себе взорвался, в него реактивная граната прилетела, выпущенная прорывающимися на корпоративные территории бойцами. Если быть совсем точным, то пустила гранату та самая женщина, которую впечатал в стену оторванный взрывом люк. Такая вот, мать ее, справедливость. А дружки прикрывали гранатометчицу плотным огнем, из-под которого и тащил Кристиана «гвардеец». Два трупа ради того, чтобы Заказчик смог оценить кадр № 666 и решить, включать его в свой гребаный

альбом или нет.

Впрочем, до Заказчика кадр еще нужно донести, «шиву» и ее обладателя еще нужно переправить в безопасное место, потому что рвущиеся к богатым кварталам мятежники униматься не собирались.

— Сюда! Сюда!!

Наряженный в «броник» и армейскую каску Жозе выглядит потешно, но сейчас не до смеха. «Балалайки» не работают — идущие с мятежниками тритоны обрушили сеть, в ней определяются только те, в чьих башках жужжат «поплавки», поэтому и безы и «гвардейцы» пользуются рациями. У Кристиана рация есть, однако он ее не слышит — взрывом слегка оглушило, вот Жозе и орет:

— Сюда!! Ребята, вот он!! Тащите его сюда!!

Жозе — отчаянный трус, но высунулся под пули, чтобы отыскать друга. И отыскал. Дал направление, и двое подбежавших «гвардейцев» затаскивают оглушенного фотографа в безопасный пока переулок. Там полно безов, однако нанятые Заказчиком телохранители сами бывшие безы и легко находят общий язык с ребятами из местного СБА. Командир «гвардейцев», Дитрих, беседует с главным, увидев фотографа, подходит и хмуро сообщает:

— Работа закончена, Крис, парни планируют сдать еще два квартала и закрепиться. Я говорил с Заказчиком, он приказал эвакуироваться.

— Здесь самый пожар, — хрипло отвечает фотограф и мотает головой, пытаясь разогнать засевший между полушариями шум. — Уйдем, когда станет совсем хреново.

— Здесь уже совсем хреново, — уточняет Дитрих. — Эти кварталы под снос, как только войдут мятежники, их отутюжат ракетами и тяжелой артиллерией.

Похоже, верхолазы капитально разозлились.

Кристиан трет глаза и замечает чудом уцелевший экран, с которого вещает о чем-то Чэнь Чжантин — директор сингапурского филиала СБА. То ли призывает к порядку, то ли грозит — учитывая обстоятельства, и то и другое имеет смысл делать с одинаково яростным выражением лица.

— Надо работать.

Жозе молча качает головой, он не согласен. И ему страшно.

— Заказчик приказал провести эвакуацию, не спрашивая твоего согласия, — сообщает Дитрих. — Он тебя ценит.

В переулок забегают «гвардейцы» — принесли погибших товарищей.

— Возвращаемся в «Рап Pacific*, - решительно говорит

Дитрих.

Кристиан смотрит на мертвых телохранителей, на цену, которую заплатили «гвардейцы» за кадр № 666, после чего резко наклоняется вперед. Его рвет на асфальт. В голове становится чуть яснее.

— Почему не в аэропорт?

— В аэропорту бедлам, к тому же его непрерывно долбят тритоны. У половины бортов полопались компьютеры. — Дитрих спокоен, как африканское дерево. То ли баобаб, то ли бонсай. В голове стало яснее, но не намного, поэтому некоторые понятия временно недоступны. Как, мать ее, сеть, обрушенная, мать их, тритонами.

Кристиана снова рвет.

Дитрих терпеливо дожидается финала, после чего заканчивает:

— Есть запасной маршрут. Кто бы сомневался?

Над головами воют выпущенные черт знает кем ракеты. Где-то взрываются. Где-то с грохотом рушится здание. На площади, с которой они только что свалили, непрерывно стреляют. От копоти и того дерьма, что приехало из желудка, першит в горле. Безы и «гвардейцы» сжимают автоматы. Жозе прислонился к стене, по его щекам стекают слезы.

— Хорошо, — кивает Кристиан. — Уходим.

Он понимает, что должен как можно скорее увидеть Агату.

Уходим.

Даже сейчас, когда Сингапур сгорает, как хороший бифштекс в руках неумелого повара, слово Заказчика остается словом Заказчика. Офицер СБА выделяет им бронированный внедорожник — их собственный остался рядом с бронетранспортером — и трех человек сопровождения. Их везут к отелю с максимальным, учитывая обстоятельства, комфортом и уровнем безопасности. Они даже слегка расслабляются.

— Никогда больше, — бормочет Жозе. — Никогда больше в Сингапур… Ни ногой…

«А куда, твою мать, куда?»

Кристиан через силу улыбается.

В отеле тоже все хорошо, за тем исключением, что нет электричества и работает всего половина лифтов. Но это ерунда. Во-первых, резервные генераторы рассчитаны на сутки непрерывной работы, а во-вторых, гостей в «Pan Pacific* почти не осталось. Все они переселились в транспортный узел, штурмуют самолеты, дирижабли и суда. Гости не хотят оставаться там, где стреляют. Дураки несчастные, спросили бы у Криса, он бы рассказал, что стреляют сейчас везде.

— Агата! — Кристиан проходит в апартаменты. — Агата!

Жозе торопливо опустошает сейф, забирает документы, деньги, затем начинает лихорадочно собирать рюкзаки. Жозе всегда занимается вещами.

— Агата! — В спальне пусто, во второй спальне тоже. — Агата!

— Она здесь, — громко говорит Дитрих. Он тоже вошел в апартаменты.

Голос «гвардейца» звучит глухо. Кристиан еще не до конца пришел в себя, иначе обязательно насторожился бы. Почуял бы неладное. А так он спокойно идет на голос и замирает в дверях ванной комнаты.

— Агата… Она улыбается. Ей хорошо.

Или было хорошо до того, как остановилось сердце. Впрочем, учитывая, что именно этого она и добивалась, в улыбке нет ничего странного.

Ей хорошо.

Обнаженная Агата лежит в ванне, прозрачная вода, в которую добавлена вызывающе дорогая ароматическая настойка, мягко обволакивает роскошное тело. Поза аккуратная, продуманная, бывшая модель не хотела, чтобы ее нашли абы в каком виде, ведь у нее есть вкус, все должно быть красиво.

— «Синдин», — бурчит Дитрих, поднимая с пола шприц. — Передоз, мать его…

Бросает шприц обратно и вынимает коммуникатор. Он должен доложить.

А Кристиан смотрит на губы, которые целовал несколько часов назад. Запах пота и копоти смешивается с идущим от воды ароматом, туманит чувства, намекая на нереальность происходящего. На то, что все вокруг окончательно рехнулось.

— Ой… — Подошедший Жозе понимает, в каком состоянии друг, но сдержаться не может: тихо ойкает от неожиданности. Или от жалости к Крису. — Ой…

— Покончила с собой, — тихо произносит Дитрих в коммуникатор.

Но слова для Кристиана — белый шум, находящийся вне восприятия. Он видит только улыбку любимой женщины.

«Ты не поверила… Увидела слишком много дерьма и не поверила мне…»

Дитрих слушает коммуникатор, кивает.

— Понял! — Подходит и протягивает устройство фотографу: — С тобой хочет говорить Заказчик.

— Что?

Дитрих опытен, все понимает, поэтому не тратит время на

объяснения, а вкладывает коммуникатор в руку фотографа и поднимает ее к уху.

— Кто это?

— Мне очень жаль, Кристиан…

Какая тупая и пошлая фраза! Фотографу почему-то становится смешно. А потом — сразу горько. И он шепчет:

— Что вы знаете о жалости?

На несколько мгновений в коммуникаторе становится тихо, после чего Заказчик коротко отвечает:

— Ничего.

И эти честные слова взрывают Криса.

— Мы в дерьме, вашу мать, понимаете? В дерьме! Она просто не выдержала! Она сломалась, черт бы вас всех побрал! Она сломалась от дерьма! От безнадеги и дерьма! Она не хотела, но сломалась! А вы говорите, что вам жаль? При чем тут, вашу мать, жалость? Мир тонет в дерьме! Захлебывается! Рано или поздно мы ляжем рядом с ней! Все мы, вашу мать! Все!!

Заказчик молчит. Дитрих молчит. Жозе молчит. Все молчат. И Агата молчит тоже. Молчит и улыбается. Одна из всех. Потому что ей кажется, что ей лучше, чем им.

— Слишком много дерьма, — обессиленно заканчивает Кристиан. Его бьет крупная дрожь. — Слишком много дерьма, вы слышите? Где же, мать вашу, совершенство?

Он хочет плакать, но не может. И от этого становится совсем плохо. В зеркале появилась трещина, оно больше не хочет отражать рехнувшийся мир. Оно устало.

— Вы хотите увидеть совершенство? — ровно спрашивает Заказчик.

Кристиан смотрит на мертвую Агату.

— Вы хотите увидеть совершенство?

Со второй попытки смысл вопроса доходит до фотографа, и он кивает: — Да.

Он мечтал о тихом уголке, верил, что есть спасительный рай, но ключи от него не вызывают радости. Вообще никаких чувств не вызывают.

— Дитрих получил инструкции, — спокойно сообщает Заказчик и отключается.

Главный «гвардеец» забирает коммуникатор и сообщает:

— Через десять минут на крышу отеля сядет вертолет.

— Мы должны ее забрать, — говорит Кристиан. — Похороним как положено.

— Хорошо, — соглашается Дитрих. — Не проблема.

— Я сам ее вытащу из ванны, — продолжает фотограф. — Принеси халат.

— Хорошо.

Дитрих идет за халатом, а Кристиан поднимает «шиву», ловит улыбающуюся Агату в объектив и нажимает на кнопку.

Кадр № 667. Анклав Сингапур, конец июля. Мертвая фея.

* * *

Последний Храм. Дорога верных

— Вышел к озеру! — громко сообщил идущий первым Афанасьев и, не удержавшись, добавил: — Оно большое.

— И красивое, — поддакнул Берг.

— И большое, — хмыкнул Шаров.

— Мать моя женщина! Да это же ледник!

— Черт! Правда!

— За языками следите!

— Твою мать, Берг, можно подумать, ты сам не офигел!

— Чертыхаться здесь не надо!

— Сюда черти не забредают!

Путешествие по пещере длилось третий час, и уставшие офицеры охотно воспользовались случаем потрепаться. Какой-никакой, а отдых. Тем более что открывшийся им вид и в самом деле производил незабываемое впечатление.

Перед путешественниками расстилался огромный зал, длина которого превышала двести метров — лучи суперфонарей до противоположного конца не добивали. Высотой он был метров тридцать, а стена по левую руку представляла собой сплошной голубоватый лед. Подтаявшая вода которого, по всей видимости, и образовала плещущееся у ног озеро.

— Здесь кто-нибудь живет?

— Например, раки?

— Тебе лишь бы жрать.

— Но откуда здесь взялся ледник, мужики? Мы ведь глубоко под землей.

— Я вообще не уверен, что мы еще в Пиренеях.

— Это понятно.

— А значит, мы можем быть и не очень глубоко.

— Я вообще не уверен, что мы где-то есть, — негромко произнес Берг, и все замолчали.

Дорога к Последнему Храму извилиста, и где она проходит, даже их проводник вряд ли знает.

— Но здесь все равно красиво.

— Кто бы спорил.

Мишенька вышел к озеру последним. Равнодушно оглядел

красоты, кивнул, мысленно отметив очередной рубеж, помолчал, спокойно принимая взгляды спутников, после чего произнес:

— Справа должна быть терраса.

— Есть! — подтвердил вездесущий Афанасьев.

— Широкая?

— Метра три.

Последовал еще один кивок, а за ним — приказ:

— Двигаемся в обход озера по террасе. Дистанция — два метра. — Мишенька снял очки и принялся протирать стекла. — Господа, мы почти у цели.

Расставание с Папой Джезе прошло для Щеглова, если можно так выразиться, без последствий. То ли архиепископ действительно был ошарашен полученным сообщением, то ли с самого начала решил повести себя благородно — соглядатаев за Мишенькой он не направил. Что, впрочем, не заставило Щеглова отказаться от мер предосторожности.

Покинув собор Святого Мботы, Мишенька вдоволь попетлял по Франкфурту, стряхивая несуществующих преследователей, и лишь убедившись, что чист, отправился в транспортный узел имени Аденауэра, где его поджидали двенадцать особенно доверенных офицеров из московского филиала СБА. Теперь Щеглов играл роль богатого, но слегка сдвинутого на спелеологии верхолаза, путешествующего от горы к горе в компании тренеров и телохранителей. Ни легенда, ни документы не вызвали у пограничников Исламского Союза подозрений, и до нужного места — небольшой пещеры в сердце Пиренеев — группа добралась всего за восемь часов. Сначала на частном самолете, затем на арендованных внедорожниках, а последние километры — пешком. Снаряжения с собой было мало, так что шли быстро, почти бегом.

У входа в пещеру сделали небольшой привал, во время которого просканировали тоннель и убедились, что внутри никого нет. Проверили карту подземелья — длина восемьдесят три метра, перепад высот двенадцать метров, — помолчали и, сосредоточенные, отправились в путь.

Отобранные Мишенькой офицеры знали, куда направляются, понимали, что им придется пройти гораздо больше восьмидесяти трех шагов, и были готовы к испытаниям. И каждый из них жаждал оказаться в месте, о котором неоднократно слышал, — в таинственном Последнем Храме, застрявшем между Верхним и Нижним мирами, но не в Срединном. Каждый из них знал, что такое путешествие — в нигде и в никогда — он сможет совершить лишь раз в жизни.

Красота подземного озера заставила офицеров галдеть и

шумно обмениваться впечатлениями. Кто-то клялся, что не видел раньше ничего подобного, кто-то сожалел, что не захватил фотоаппарат, а «балалайки» в этих местах не работают, одним словом, никто не любовался молча.

А вот величие внутреннего предела заставило спутников Мишеньки прикусить языки. Все-таки одно дело слышать рассказы о великолепии древней святыни и совсем другое — видеть воочию.

Храм начался вдруг — дорога, по которой Щеглов вел группу, не петляла внутри построек, а выводила прямо в Зал Богов. Из сводчатого пещерного тоннеля к главному алтарю. В обширное круглое помещение, украшенное колоннадой и статуями. С расписными стенами и столь высоким куполом, что взгляд терял его очертания. А потому казалось, что крыши у Зала Богов нет, тем более что сверху на алтарь непрестанно струился рассеянный солнечный свет.

Ошарашенные офицеры замерли, едва ли не мгновенно впитав в себя понимание того, где находятся. Что говорить здесь можно только шепотом, только по делу и только следя за словами. Причем не только произнесенными, но и теми, что в душе, ибо камни Последнего Храма слушали человека, а не модулированную волну. И то, что камни мертвы, не смущало офицеров — они знали правду.

Мишенька же, привычно появившийся последним, спокойно растолкал замерших спутников, прошел в центр зала, поднялся по ступенькам и вежливо поздоровался с человеком, тесавшим старинным инструментом восьмиугольный камень, некогда бывший алтарем Последнего Храма:

— Добрый день, господин Грязнов.

Кирилл, которого появление Щеглова заставило оторваться от занятия, вытер пот, оставив на лбу несколько новых черных разводов, с иронией посмотрел на столпившихся у входа в Зал офицеров, после чего кивнул.

— Добрый.

— Мы чуть-чуть опоздали, — извиняющимся тоном сообщил Мишенька.

— Я все равно еше не закончил. — Грязнов вернулся к работе. — Аккумуляторы здесь даже у меня не пашут, приходится все делать вручную.

Бесполезный современный инструмент валялся в стороне, рядом лишь молотки, зубила и резцы. Рубашка взмокла от пота, а на руках кровавые ссадины — работа давалась Кириллу нелегко.

— Мы подождем, — покладисто ответил Мишенька и уселся прямо на пол, внимательно наблюдая за тем, как Грязнов

выбивает на гладкой поверхности камня последние руны.

Территория: Россия.

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кайфоград.

Разведка боем — один из верных признаков близкого наступления

Позолоченные трущобы — вот какое сравнение пришло на ум Чайке при первом же взгляде на Кайфоград. Позолоченные трущобы, уникальное сочетание дерьма и роскоши. Обветшалые стены, залатанные крыши и яркие вывески: «Клуб», «Казино», «Ресторан», «Ресторация», «Бар», «Стриптиз», «Девочки» и снова «Клуб». Дорогие автомобили — выпендрежные внедорожники размером с небольшой автобус и даже спортивные купе-припаркованы у переполненных мусорных баков. Швейцары в расшитых ливреях и не скрывающие оружия громилы. Жизнь в Кайфограде кипела, несмотря на раннее утро, и на мгновение Илье показалось, что он вернулся в Москву, в Болото, однако даже там старались хотя бы внешне поддерживать порядок. А вот обитатели Кайфограда демонстрировали дикарские наклонности без стеснения, гордились ими так, словно в этой каннибальской удали и заключался сакральный смысл всего на свете.

— Значит, площадь Свободы, — пробормотал Чайка, с подозрением разглядывая грязное пространство, со всех сторон стиснутое произведениями русских зодчих.

— Как договаривались, — подтвердил водитель, принимая деньги. — Дальше или сам, или за дополнительную плату.

Парень, к которому Илье порекомендовали обратиться в Мурманске, оказался на удивление честным. Довез как договаривались, не попытавшись ограбить или сдать криминальным дружкам, и сейчас остановился подальше от вооруженных братков, в дальнем конце площади, где их уединение нарушал только мочившийся на стену пьяница.

— Дальше я сам.

— Как знаешь.

Чайка вышел на мостовую — об изобретении тротуаров в Кайфограде не слышали — и проводил отъехавший мобиль взглядом. Позолоченные трущобы, прилепившиеся к величайшему в истории Земли строительству. Их следовало бы снести хотя бы из эстетических соображений, чтобы не вызывали отвращения.

— Новенький? — Опорожнивший мочевой пузырь пьяница, шатаясь, подошел к Илье, на ходу застегивая ширинку. — Фамилия?

— Бандызарский, — немедленно ответил Чайка. Пьяница

рыгнул и не понял.

— Это как? — И тут же перешел в наступление: — Я, твою мать, офицер особого назначения Государственного агентства протии… противо… противодействия промышленному шпионажу! Ты понял, урод? Смирно стоять, когда я тебя… когда я…

Прервал пламенную речь особо назначенного офицера остановившийся «ГАЗ Тайга». Женщина в форме ОКР на пассажирском сиденье опустила стекло и холодно поинтересовалась:

— Муридзе, что за щенок с тобой?

— До-оп… рашиваю, — сообщил пьяница. Однако гонору в нем ощутимо поубавилось.

— До-оп… рашиваем новичков мы, — передразнила его женщина. — А ты занимаешься противодействием. Все понятно? — И, не дожидаясь ответа, посмотрела на Чайку: — Новенький?

— Да.

— Документы! — Я…

Продолжить ему не позволили.

— Садись в машину!

— Но…

Илья окончательно растерялся, однако вид вылезшего с заднего сиденья громилы отбил у него всякую охоту спорить.

— В машину!

Проклиная все на свете, Чайка послушно забрался в «Тайгу».

— Мы засекли твою «балалайку», — сообщила женщина, когда внедорожник отъехал от оставшегося не у дел пьяницы. — Ты правильно сделал, что высадился здесь, а не поехал на базу.

— Меня предупре…

— Но тебе не следовало болтать с посторонними.

— Он сам ко мне пристал.

— Здесь все ко всем пристают. — Женщина включила коммуникатор. — Эмира, это Фатима, мы его нашли и везем на базу…

— Он не кусается? — в очередной, третий уже раз поинтересовался Клаус.

Ему очень хотелось погладить здоровенную красную ящерицу Ежова, однако вид черных клыков и когтей вызывал у мальчика понятные опасения.

— Барсик своих не трогает, — твердо ответил Корнелиус.

— А я свой?

— Здесь все свои.

— Ну, раз свой… — Клаус неуверенно протянул руку и

дотронулся до головы Барсика. — Хороший.

Тварь покосилась на хозяина, поняла, что придется терпеть, и вздохнула. Корнелиус улыбнулся.

Они путешествовали в вагоне, который снаружи выглядел стандартным товарняком. Внутри же были установлены ряды сидений и полки для ручной клади. Окон нет, их отсутствие пытаются компенсировать экраны коммуникаторов. Четыре маленьких туалета. И сто человек, спрятанных от посторонних глаз. Сто храмовников.

— А у меня был терьер, — рассказал Клаус. — Большой и сильный. Мне его подарили, когда мне исполнилось два года. Папа сказал, что Тори всегда будет рядом и, если понадобится, защитит меня. Так и получилось. — Детская рука замерла на голове красной ящерицы. — Тори спас мне жизнь.

Корнелиус похолодел, однако прерывать мальчика не стал. Если хочет, пусть расскажет. Вполне возможно, ему надо рассказать. Очень надо.

— Сначала они убили папу, потому что он тоже в них стрелял, потом они убили маму. А Тори не подпускал их к моей комнате до тех пор, пока не пришли прятки. А потом Тори умер, потому что его слишком сильно ранили.

Барсик, словно поняв, о чем говорит малыш, ткнулся носом в его плечо. Корнелиус сжал кулаки и отвернулся.

Сто сорванных с насиженных мест последователей Милостивого Владыки. И за каждой парой глаз — история насилия. Волна погромов, что прокатилась по миру, сорвала их с мест, заставила бросить все и уйти. Сто человек в вагоне, пятьдесят вагонов в эшелоне, несколько эшелонов в день. И это только на Станцию. А ведь сюда едут далеко не все. Большинство переправляют в промышленную зону «Науком», выстроенную неподалеку, прячут в заводских корпусах и ангарах. Прячут от тех, кто хочет до них добраться.

Это называется исходом.

…База ОКР показалась Чайке чересчур укрепленной, но при этом она была ухоженной, чем выгодно отличалась от остальных строений Кайфограда. Комплекс располагался на окраине города, в самом конце проспекта Российского Величия, контролируя восточный въезд в Кайфоград, и состоял из четырех трехэтажных зданий, обнесенных высоким забором и двумя рядами колючей проволоки. Подъезд к воротам перекрыт бетонными блоками, из амбразур выглядывают пулеметные стволы, сто метров до ближайших построек, ворота из титапласта.

Внутри на удивление чисто: хороший асфальт, без трещин и провалов, двор подметен, машины вымыты. В зданиях тоже чисто

— и в коридоре, и в кабинете, куда Чайку привела Фатима. Обстановка деловая: портрет Его Высокопревосходительства господина Президента, письменный стол, кресло, два коммуникатора, один настольный, другой висит на стене, демонстрируя окрестности Кайфограда с высоты птичьего полета. Судя по всему, подключена прямая трансляция со спутника.

— Илья Соловьев. — Майор Эмира Го оказалась гораздо красивее, чем ожидал Чайка, особенно после встречи с Фатимой. Черноглазая, черноволосая и весьма фигуристая, чего не скрывал даже офицерский мундир. — Я ждала вас завтра.

— У человека, который доставлял меня из Мурманска, сбился график. Когда я прибыл в город, он уже освободился от дел, и мы немедленно выехали.

— Добрались без приключений?

— Это было бы первое, о чем я рассказал.

— Кстати, присаживайтесь.

— Благодарю.

Эмира бросила еще один взгляд на монитор, затем поднялась и прошлась по кабинету.

Позаботиться об Илье Соловьеве Эмиру попросила Патриция. Или приказала. Или все-таки попросила? Впрочем, не важно. Важно то, что отказать Эмира не могла, а вот позаботиться… В сущности, это был первый приказ Пэт, который мог нарушить конспирацию, мог указать, что Го выполняет не только приказы руководства ОКР. Но раз Патриция на это пошла, значит, дело действительно важное. Впрочем, Станция почти достроена, сейчас все дела важные.

Эмира попросила Патрицию снабдить гостя подходящими для инфильтрации в структуру ОКР документами, и Пэт, судя по всему, подключила все свои неслабые связи. Во всяком случае, вставленный в коммуникатор чип украсил монитор радостным зеленым, а в правом верхнем углу даже появилось сообщение: «Официальный осведомитель ОКР № 74524350985632-У». Хоть сейчас бери на ставку.

— Хорошие документы.

— Настоящие, — улыбнулся Илья. — Если не ошибаюсь, Пэт заплатила за них полмиллиона юаней.

— Можно было сделать и дешевле, тысяч за сто.

— Четыреста за сохранение тайны.

Что за гусь прибыл из Москвы? Для чего он нужен? С виду пацан пацаном и, когда «включает» восторженность, кажется совсем мальчишкой, но иногда взгляд выдает опытного, бывалого мужика.

— Значит, так, Илья Соловьев, с сегодняшнего дня ты

числишься вольнонаемным писарем сводного батальона ОКР «Кайфоград». Покидать базу тебе запрещено, я не хочу, чтобы тебя шлепнули на улице. Или допросили. Все понятно?

— Да.

— Вот и хорошо. — Эмира вновь посмотрела на монитор с картой.

— Наблюдаете за окрестностями? — От Чайки не укрылось, что майор, несмотря на важный разговор, периодически поглядывает на настенный коммуникатор.

— Ждем эшелон, — скупо ответила Эмира.

— Я думал, они здесь часто появляются.

— Часто, — подтвердила Го. — И каждый из них мы ждем.

— Говорит «Сокол-1», — скучно пробасил из динамика мужской голос. — В зоне ответственности чисто.

Следующий доклад пришел практически сразу:

— Говорит «Сокол-2», в зоне ответственности чисто.

— Говорит «Гусеница», доклады приняты. — Пилот отключил связь и повернулся назад — кресло коменданта поезда находилось за спинами управляющей локомотивом команды. — Доклады от «Соколов» прошли по расписанию. Все в порядке.

Офицер СБА отчетливо слышал каждое слово, пришедшее из сопровождающих эшелон вертолетов, однако порядок есть порядок: доклады принимает первый пилот локомотива и передает информацию коменданту.

— Благодарю, Сергей, — кивнул офицер, делая пометку в журнале — «Без происшествий». Последнюю пометку, потому что рейс подходил к концу.

Эшелон — локомотив и пятьдесят грузовых вагонов — шел с обычной для этого перегона скоростью, сто восемьдесят километров в час, и с обычным воздушным сопровождением. Вагоны усилены дополнительными титапластовыми листами, на крышах оборудованы пулеметные гнезда, в которых скучают безы. Пути просматриваются сотнями видеокамер, обязательная проверка полотна проводится за десять минут до прохода эшелона. Рутина, одним словом, предусмотрено практически все.

— Двадцать километров до Станции, — подал голос второй пилот локомотива. — Прошу разрешения начать торможение.

— Разрешение дано, — немедленно отозвался первый пилот, бросив взгляд на экран коммуникатора. — Сообщите на Станцию, что…

— «Гусеница», внимание! Говорит «Сокол-1»! Прием.

— Говорит «Гусеница», что у вас, «Сокол-1»?

— Ворота на Станцию заблокированы. Повторяю: ворота на Станцию заблокированы.

— Кем? — подскочил комендант…

— «Зеленые» перекрыли железку! — кричит распахнувшая дверь Фатима.

— Черт! — Эмира молниеносно вскакивает на ноги. — Тревога! — Быстрый взгляд на Чайку: — Потом продолжим! — И Фатиме: — Поднимай уличных!

— Уже!

Во двор базы выкатываются грузовики.

Укрепившись в подозрениях насчет «Остановим Ад!», Го сумела выбить сотню ребят из Обеспечения общественного порядка, натасканных на разгон митингов и уличных шествий. Сказала, что людей в Кайфограде становится все больше и нужно иметь соответствующих специалистов, просила батальон и водометные установки, получила роту и приказ не зарываться. А гранаты со слезоточивым газом обещали прислать в сентябре.

Следующий вопрос Эмира задает уже в «Тайге»:

— Сколько «зеленых»?

— Не меньше тысячи, — хмуро отвечает Фатима. Ждать, когда «уличные» рассядутся по грузовикам,

не стали, гонят к ветке на трех внедорожниках. Водитель выводит на монитор ленту новостей — ушлые журналисты уже ведут прямой репортаж, и Го вздыхает, глядя на картинку: люди, люди, люди… Вздыхает, но осведомляется очень жестко:

— Как нас обманули? Я ведь приказывала не спускать с лагеря глаз.

Фатима едва заметно пожимает плечами:

— Подобрались скрытно, небольшими группами… наши осведомители об акции не знали.

Среди внедренных в «Остановим Ад!» агентов ОКР наркоманов не было, а на железнодорожные пути, судя по всему, вывели именно их.

— Все равно прокол.

— Согласна, — понуро кивает Фатима. — Проспали.

Железнодорожные пути довольно далеко от Кайфограда — в восьми километрах, если через пустыри на внедорожнике, — и Эмира полагала, что не сможет не заметить массовый выход «зеленых». Как выяснилось — смогла.

— Они безоружны, — тихонько произносит Чайка, который прыгнул в командирский внедорожник, несмотря на только что полученный приказ не покидать базу.

— Без тебя знаю, — отрезает Го.

— А мы…

— Разберемся!

Внедорожники к толпе не приближаются, останавливаются

метрах в двухстах от железной дороги, на небольшом пригорке, и перед выскочившей Эмирой открывается прекрасный вид на всю сцену. Справа, километрах в трех, приближается эшелон, едет довольно быстро, но скорость снижает. Над ним тупо вьются две «Пчелы», пилоты которых не знают, что делать, — никто ведь не нападает.

Слева — наглухо закрытые железнодорожные ворота

Станции. Этот КПП в точности похож на «Восток», только раза в два увеличенный. И трехметровая стена тоже есть, а что за ней — неизвестно.

«Надеюсь, Слоновски, ты что-нибудь придумал…»

А между КПП и эшелоном разворачивается представление.

«Зеленых» в пределах тысячи. Плотной толпой стоят на путях. В руках транспаранты «Остановим Ад!». На приближающийся поезд смотрят весело, смеются, подбадривают себя возгласами. Вокруг, благоразумно не выходя на полотно, снуют репортеры. Бромберг поставил ногу на рельсы и с важным видом отвечает на вопросы журналистов. Увидев подъехавшие грузовики с оказовцами, распаляется, начинает потрясать кулаками. Держится уверенно, чересчур уверенно, понимает, что разогнать тысячную толпу непросто.

«Скотина ты, Бромберг! Ребят-то под поезд за что?»

«Уличные» выстраиваются. Каски, шлемы, дубинки… За ними три десятка спецназовцев с травматическим оружием. И еще два десятка с оружием обычным, на случай непредвиденных обстоятельств. Выставить больше людей Эмира не может при всем желании.

Справятся? Слоновски в стороне не останется, а значит, надежда есть.

Вокруг путей собралась приличная толпа, на шум слетелись ребята из поделивших Кайфоград спецслужб. Они вооружены, но встрянут ли в драку? Ради поезда? Сомнительно.

«Уличные» медленно направляются к путям. «Зеленые» улюлюкают. «Крутые» чуть подают назад, демонстрируя, что они ни при чем. Бромберг вещает как заведенный. Эшелон продолжает тормозить, до него около километра.

— Они остановятся? — тихо спрашивает Чайка.

— Если мы не спихнем козлов с дороги, — отвечает Эмира. — Давить людей Слоновски не станет. — А потом добавляет: — В прямом эфире не станет.

«Уличные» приближаются к толпе. Черт! Ну, почему эти сволочи из интендантской службы не прислали гранаты со слезоточивым газом? Почему?!

— А что будет, если поезд остановится?

— «Зеленые» попытаются открыть вагоны.

— Зачем?

— В этом их цель. Они хотят знать, что возят в «секретных» поездах.

— И тогда безы начнут стрелять?

— Обязательно.

Давить людей Слоновски не станет, но тайны свои не выдаст…

— А сейчас он еще выше прыгнул!

— Дай лапу!

— Пусть лучше еще раз прыгнет! У него здорово получается!

— А можно я тоже его поглажу?

Барсик, к удивлению Корнелиуса оказавшийся единственным животным в вагоне, быстро стал любимцем детей, каковых набралось почти два десятка. Сначала ящерица позволяла им только гладить себя, но постепенно разыгралась, согласилась исполнять некоторые приказы, и теперь в вагоне звучал беспечный детский смех.

— А можно угостить его колбасой?

— Или лучше конфетой?

— Да, можно мы дадим ему конфету?

— Барсик возьмет еду только от меня. — По глазам любимца Корнелиус понял, что тот совсем не против полакомиться сладким, и протянул руку: — Давай конфету. — Развернул обертку и подбросил карамель: — Взять!

Барсик овладел добычей в блестящем прыжке.

— Ух ты!

— Здорово!

Ежов усмехнулся, но в следующий миг насторожился.

— Кажется, мы останавливаемся? Поезд существенно сбросил скорость.

— Мы приехали?

Экраны коммуникаторов мигнули, а затем на них появилось изображение прелата.

— Внимание! Мы еще не добрались до нужного места. Возникла непредвиденная ситуация. Она будет устранена. Прошу всех соблюдать спокойствие.

Смех стих. Родители быстро разобрали детей, и Бар-сик с Клаусом вернулись к Ежову.

— Все будет хорошо? — тихо спросил мальчик.

— Да, — кивнул Корнелиус. — Все будет хорошо. И в этот момент на крыше вагона ударил пулемет. Очередь из «Ревуна» ни с чем не спутаешь, слишком

уж своеобразен его басовитый грохот. Обычно за ней следуют

вопли, однако на этот раз их нет — одиннадцатимиллиметровые снаряды проходят над головами «зеленых». Безы обозначают готовность стрелять, но никого не пугают.

— Они ничего нам не сделают!

Тем не менее «зеленые» заволновались. Снаряды «ревунов» и гудение винтов зависших над толпой «Пчел» способны смутить даже обдолбанных до самых печенок фанатиков. Толпа подает назад, возникает небольшая давка. «Уличные» приближаются, что тоже не добавляет спокойствия, однако сотрудники Бромберга не зря едят свой хлеб. «Зелеными» они управляют прекрасно.

— Помните: они нам ничего не сделают! Они не станут стрелять в безоружных! Мы победим мирно! Мир! Зеленый мир! Мы остановим ад!

— Остановим ад! — подхватывает толпа.

До эшелона остается меньше полукилометра.

— Остановим ад!

— Остановим ад! I

— Для чего это нужно? — угрюмо спрашивает Саймон.

— Репетиция, мой друг, репетиция, — весело отвечает Стефан. Он не там, не в толпе, но все равно разгорячен. Любое столкновение действует на Стефана как наркотик, и Хост окончательно узнает в нем старого доброго Хана. Способного вырезать человеку печень и съесть ее.

— Репетиция остановки следующего поезда? Стефан опускает бинокль, несколько секунд иронично разглядывает Саймона, после чего осведомляется:

— А как, по-твоему, мы войдем на Станцию? По пропускам?

Саймон удивленно приподнимает брови.

— На Станцию? — Через мгновение до него доходит: — Так ты репетируешь…

— Ни слова больше. — Дрогас вновь подносит к глазам бинокль. — Ни слова, мой друг, не нужно здесь говорить о том, что действительно важно.

Однако Саймон продолжает:

— Но ведь ты фактически раскрыл Слоновски свой замысел.

— Он не подумает.

— А если?

— Но что он сумеет сделать? Сейчас мы проверяем Слоновски на крепость, смотрим, на что он готов пойти. А заодно внушаем нашим людям, что они способны на все. Сегодня мы в любом случае одержим победу.

Несколько месяцев назад этот человек снес всю организованную преступность Баварского султаната. Причем половину ее — практически в одиночку. Неукротимый зверь,

которому нужно лишь показать цель. И Саймону кажется, что Стефан способен снести и Станцию.

— А если Слоновски расстреляет толпу?

— В этом случае мы одержим победу прямо сейчас, — отвечает Стефан и вздыхает: — К сожалению, Слоновски не дурак и ни за что не даст нам столь сильного козыря.

…Если верить показаниям электронного бинокля Эмиры, эшелон двигается со скоростью тридцать километров в час.

Шестьсот метров до толпы…

В которую как раз врубились «уличные». «Зеленые» не отступают, завязывают рукопашную, используя в качестве оружия древки транспарантов. Набрасываются на окаэровцев с яростью фанатиков. «Крутые» встречают подвиг одобрительными возгласами.

Двадцать километров в час. Четыреста метров.

Кровь, разбитые головы, довольные журналисты, смеющиеся «крутые» и никакого результата. Окаэров-цам удается потеснить толпу, однако главная цель — спихнуть ее с железнодорожного пути — не достигнута. Отступившие «зеленые» возвращаются на рельсы. А самые нетерпеливые из них бросаются к эшелону. Безы вновь запускают «ревуны».

Нервы на пределе.

До толпы метров двести, поезд едва ползет, кажется, что не остановится, но Эмира различает лицо пилота и понимает, что на людей он не поедет. Даже на этих обкуренных идиотов. Не поедет, и всё, потому что — человек.

Или он их задавит, или придется стрелять. Все равно дерьмо.

Нет.

Увлеченные наблюдением за поездом и дракой между окаэровцами и «зелеными», все упускают из виду Станцию. И в тот самый миг, когда «зеленые» уже готовы праздновать победу, из распахнувшихся ворот выезжают четыре «Пугача» — защищенные титапластовой броней грузовики с водометами. За ними выскакивает не менее трехсот безов, летят гранаты со слезоточивым газом, и грохочут «травматики». Тех «зеленых», что не отступили сразу, сметает струей водомета. «Крутые» рванули прочь раньше, но им тоже достается и водой, и дубинками. Ребята Слоновски не разбирают, был ты на путях или нет, лупят всех подряд.

Шах и мат.

Прекрасно организованные безы потратили на разгон толпы меньше двух минут, и поезд резко прибавляет. Акция «Остановим Ад!» не удалась. — Зачем? — удивленно развел руками Чайка, наблюдая, как последние вагоны эшелона проходят через

ворота. — Зачем все это было нужно?

— Проверка, — пожала плечами Эмира. — А если бы получилось остановить эшелон, заодно посмотрели бы, что безы прячут в «секретных» вагонах.

— Если напасть километрах в пяти от Станции, вероятность распотрошить вагон увеличилась бы.

— Это было бы простое нападение, — объяснила Го. — Безы перестреляли бы нападавших, как зайцев. Такие акции, как эта, должны проходить на виду у всех.

— Почему?

— Потому что организаторы надеялись не только поиграть мускулами, проверить на прочность Слоновски или, при удаче, вскрыть вагон, но и ударить по верхушке Станции. Открой безы огонь, Моратти немедленно поставил бы вопрос о смещении Прохорова и Слоновски. А то, глядишь, и самого Мертвого.

Но огонь безы не открыли. И даже в разразившемся побоище убитых, судя по всему, не было. Первый выпад отбит.

— Будет еще одна репетиция? — спросил Илья.

— Нет, — покачала головой Эмира. — Они убедили «зеленых», что стрелять в безоружных людей безы не станут. И в следующий раз поведут их на пулеметы. На саму Станцию.

В отличие от обычных эшелонов, «секретные» разгружались только на крытых платформах и только при закрытых воротах. Охрану на них несли безы из внутренней безопасности, которые прекрасно знали, что за груз встречают.

— Добро пожаловать на Станцию! В целях вашей безопасности и соблюдения секретности вам запрещено покидать крытые помещения. В предоставленные вам временные жилища вы будете доставлены на грузовиках. Спасибо за понимание. Добро пожаловать…

— Имя!

— Корнелиус Ежов. Я…

— Москва?

— Совершенно верно. Я…

— Один взрослый, одно животное… — Стоящий на регистрации без бросил взгляд на Барсика, тот ответил недружелюбно. — Животное кусается?

— Милейшее создание.

— Впрочем, это ваши проблемы. Вы направлены в ангар 19–32, комната В-П. Транспорт будет через четверть часа, вот ваша идентификационная карточка.

— Я хотел спросить, где размещаются прятки?

— Информация секретная, к тому же мне об этом ничего не известно. Следующий!

Корнелиус отошел от стойки и посмотрел на Барсика.

— Как ты думаешь, если бы нас принимали единоверцы, все было бы иначе?

Тот высунул язык.

— Я тоже думаю, что нет. Нас слишком много, они не успевают.

Ежов оглядел запруженный людьми перрон и побрел искать транспорт к своему ангару.

* * *

Последний Храм. Между миром Верхним и миром Нижним, но не в Срединном. В нигде и в никогда. Обрывается и начинается все, что должно

— Ее название — «Пещера Трех черных медведей», — громко сообщил Кеу шестерым выстроившимся в ряд подчиненным. — Ее описали триста пятьдесят шесть лет назад. Обычный тоннель, без ответвлений и сужений, длиной сто двадцать семь метров. Перепад высот — шестнадцать метров. Твердые породы обеспечивают…

Ляо подошел к скале и прикоснулся к камню. Ничего.

Вообще ничего — ни чужой ауры, ни чужой силы, ни даже тени дыхания Чудовища, — подушечки пальцев просто прижались к шершавому камню. Обычная скала и обычная пещера… в которую вошел мужчина с книгой Урзака в рюкзаке. Вошел и не вышел.

Дотошный Кеу просветил тоннель всеми возможными приборами и гарантировал, что внутри никого нет. И ответвлений новых нет — полученная китайцами схема полностью соответствовала туристическим планам и самой старой карте «Пещеры Трех черных медведей». И следов силы нет.

И мужчины с книгой Урзака тоже нет.

Ляо задумчиво потер подбородок.

Святые территории Традиций надежно защищены от чужаков, пройти на них без проводника нереально. Даже Чудовище, несмотря на всю свою мощь, не могло добраться до Лунного Зайца без посторонней помощи. Не в этом ли кроется загадка?

«Я ничего не вижу, потому что стою на чужой земле. И они могут просто не пустить меня внутрь».

С точки зрения безопасности и элементарной логики этот ход был бы самым правильным, однако универсальные законы всех без исключения миров сводятся к понятию равновесия, а значит, он, Ляо, ставший невольным соучастником убийства Лунного Зайца, имеет право войти в Последний Храм. Никто не может ему отказать. И не беда, что сейчас он ничего не ощущает, — придет время, и все изменится. Нужно просто войти в пещеру. Нужно просто собраться с духом. Нужно захотеть увидеть Последний

Храм, и тогда все получится. Возможно, будут испытания, но не смертельные. Для него — не смертельные, потому что Чудовище задолжало. Другое дело, что там, внутри, возможно все. Там, скорее всего, будет схватка, а потому «собраться с духом» означает следующее: «Ты готов к драке с тем, кто способен убить бога?»

— Наши расчеты показывают, что воздуха внутри достаточно, однако мы возьмем два небольших кислородных баллона…

— Товарищи офицеры!

Кеу мгновенно замолчал и, как и все остальные китайцы, повернулся к подавшему голос генералу.

— Я принял решение изменить исходный план, — спокойно произнес Ляо. — Внутрь пойду только я. Вы разбиваете лагерь здесь и ждете. — Помолчал и добавил: — Вам туда нельзя.

— Прекрасная работа, — одобрил Щеглов, разглядывая стоящий на возвышении камень.

— Не издевайся, — хмуро попросил Кирилл, посасывая сбитый в кровь палец. Поэтому ответ получился невнятным.

— Я не шучу, господин Грязнов, я действительно восхищен, — серьезно ответил Мишенька. — Времени у вас было немного, инструментом вы пользовались самым примитивным, а потому вы… вы совершили настоящий подвиг.

Глыба, бывшая некогда главным алтарем Храма, превратилась в восьмиугольный, гладко отесанный камень около трех метров в поперечнике. Исчезла древняя вязь — Кирилл стесал ее под корень, а вместо нее на каждой стороне аккуратно выбил по три руны. В строгом соответствии с той последовательностью, которую так долго искала Пэт. Двадцать четыре руны, восемь по три. Еще полусонные, но уже теплые, замершие в ожидании призыва.

Великая последовательность, открывшаяся Избранной и воссозданная в камне ее отцом.

— В пещере придется попыхтеть, — заметил Кирилл.

— На фоне того, что досталось вам, господин Грязнов, наша задача кажется предельно простой, — бесстрастно заметил Мишенька, давая знак подчиненным.

Поднявшиеся по ступенькам офицеры принялись готовить камень к транспортировке — прилаживали ремни и устанавливали на ступеньках направляющие. Другие, оставшиеся внизу, заканчивали сборку небольшой, но прочной тележки.

— Вы уйдете с нами, господин Грязнов? Или пойдете своим путем?

— Без моего участия вы не выйдете. — Кирилл усмехнулся. — Я должен сделать так, чтобы вы не встретились с

нашим гостем.

— Понимаю. — Щеглов помолчал, наблюдая за тем, как офицеры, кряхтя, начали медленно спускать камень, после чего продолжил: — Мне приказано спросить, когда вы собираетесь на Станцию.

— Я дам знать сразу по возвращении в Москву, — ровно произнес Грязнов.

Но недостаточно ровно — выслушав ответ, Мишенька удивленно поднял брови. Однако переспрашивать не стал — прочел все во взгляде Кирилла. Да и не был он с ним близок так же, как с Кауфманом, не мог не то что требовать, но даже просить объяснений.

Они не хотят видеть то, ради чего жили. Невероятно? Да. Но чтобы понять мотивы Грязнова и Кауфмана, нужно прожить столько, сколько они, и столько же сделать. Нужно хранить древние секреты, сеять новые семена, убивать богов и ждать, ждать, ждать… Не отчаиваясь и не опуская рук.

А потому Мишенька стер с лица удивленное выражение и склонил голову.

— В таком случае я хочу еще раз поблагодарить вас, господин Грязнов. Поблагодарить за все, что вы сделали для нас. Для нашего дела. И для меня лично.

Он не мог не произнести последнее предложение по той причине, что считал дело, которому служит, своим личным. Оно въелось в него, стало частью его, стало им. И Грязнов понял все правильно. Улыбнулся, глядя на стоящего перед ним офицера, потом прикоснулся к его плечу и негромко произнес:

— Ты замечательный человек, Мишенька Щеглов. Я всегда знал, что на тебя можно положиться.

Ученик Мертвого склонился еще ниже и так же тихо ответил:

— На самом деле я плохой человек, господин Грязнов, и вы это знаете. Просто я замечательно делаю то, что обязан делать.

— Ты не был обязан говорить сейчас.

— Это другое, господин Грязнов. Я уважаю ваш выбор.

Мишенька отвернулся и пошел к своим людям. А Кирилл устало присел на ступени и закрыл глаза. Больше они друг с другом не разговаривали…

— Этот зал не отмечен на карте, — тихо сказал Кеу, осторожно выглядывая из тоннеля. — Здесь должен быть простой ход.

— Мы давно не здесь, — спокойно отозвался Ляо.

— Не здесь?

Они вошли в пещеру полтора часа назад, вполне достаточно, чтобы добраться до тупика и повернуть обратно. Но не добрались.

И не повернули. И Кеу начал проявлять признаки беспокойства. Верный и смелый Кеу, настоявший на том, чтобы сопровождать генерала в путешествии. Ляо пытался приказывать, пытался уговаривать, но Кеу уперся. Качал головой и повторял: «Я не имею права вас отпускать». И не отпустил.

Верный и смелый Кеу, который сейчас отчаянно трусит, но старается держаться. Впрочем, держаться ему осталось недолго.

— Мы не здесь?

— Совсем не здесь, — повторил генерал.

— А где?

— В настоящее время мы не здесь и не там. Мы в пути. Они шли довольно быстро, темп не сбавляли, но чем

дальше отдалялись от входа в пещеру, тем меньшее пройденное расстояние показывала электронная карта. Если верить ей, Кеу и Ляо едва преодолели половину пути, едва прошли семьдесят метров. Если верить часам, должны были давно упереться в тупик. Вместо этого вышли в неизвестный зал, а это значит, что время и расстояние потеряли смысл.

— С вашего позволения, товарищ генерал, я пойду вперед, — прошептал решившийся Кеу. — Осмотрюсь…

— Если ты повернешь назад, то останешься жив, — уверенно и громко ответил Ляо. — Это твоя последняя возможность спастись.

— Я не могу вас оставить. Старик вздохнул:

— Кеу, ты и так зашел очень далеко. Я надеюсь — подчеркиваю: я могу лишь надеяться — на то, что ты отыщешь дорогу обратно. Но шанс есть. Если же ты пойдешь дальше, то умрешь.

— Вы мой учитель, я вас не оставлю. Он не понимает или не верит?

Из Кеу мог бы выйти отличный иерарх Традиции. Или блестящий офицер Генерального штаба Народно-освободительной армии. Он мог бы стать легендой…

Здесь, пребывая в нигде и в никогда, мудрый Ляо обрел способность видеть дальше, чем обычно. Судьба Кеу стала для него открытой книгой, вереницей эфемерных картинок, возникающих на сводчатых стенах пещеры, но последние слова помощника развеяли страницы жизни в дым. Не будет иерарха, не будет офицера, не будет легенды. Кеу умрет здесь и сейчас, в нигде и в никогда.

— Я иду.

Кеу сделал шаг и воткнулся в раскаленную руну «Да-газ», в огненные линии, возникшие прямо в воздухе. Кеу вскрикнул — странно, если учесть, что он почти сразу превратился в столб

пепла, — и рассыпался. Черным своим прахом обозначив дальнюю границу Последнего Храма.

— Ты был отличным человеком, Кеу, — с грустью произнес Ляо. — Я буду тебя помнить.

Помолчал, прощаясь с верным помощником, после чего уверенно шагнул в зал и огляделся.

— Красиво…

Это была еще пещера, но уже совсем не та, в которую они входили.

Неизвестно как освещенный зал являл собой буйство сталактитов. Острые желтые конусы спускались отовсюду, и некоторые из них упирались в зеленоватый пол. Зал казался лесом, растущим вниз, среди холмов стен, поросших оранжевым мхом, а вдалеке, за каменными стволами, голубела противоположная стена.

Первое восклицание стало единственным проявлением чувств, что позволил себе генерал. Единственной его реакцией на резкую смену обстановки, на переход от мрачных скал к карнавальным краскам.

Недовольный собственной несдержанностью, Ляо миновал зал очень быстро, не оглядываясь и не озираясь, и через пятьдесят шагов оказался у противоположной стены, у трех одинаковых коридоров, начинавшихся здесь. Оказался, но даже не остановился, не притормозил, выбирая. Ляо знал, что окажется там, где должен оказаться, и, не тратя времени на пустые размышления, шагнул в первый попавшийся проход…

Так тихо…

Один лишь раз в Последнем Храме стало так же тихо: когда по опустевшим его помещениям ходил покрытый кровью Урзак. Правда, стало надолго, на столетия. А теперь, после того как сонное царство древнего святилища перестали тревожить удары по камню, тишина вновь прибрала власть к рукам. На этот раз — навсегда.

Никогда больше не услышит Последний Храм летящих в Верхний мир молитв. Не будет улыбаться во время шумных торжеств и грустить на поминальных службах. Оглохли и ослепли статуи богов, превратившись в бездушных истуканов. Стали рассыпаться барельефы.

Храм умер тихо, словно уснул. Он сделал все, что мог, и отдал все, что мог, не оставив себе ничего. Его служение закончилось.

Последний Храм напомнил Кириллу старого слепого пса, который когда-то давным-давно умирал у его ног. Рекс… Здоровенный ротвейлер, отличный спутник и завидный друг. Он

тоже отдал все, что мог, всю жизнь и верность, а когда почувствовал наступление времени, пришел прощаться. Тогда Кирилл сел рядом с псом, обнял и не отпускал его до самого конца. И плакал. Последний раз в жизни Кирилл плакал именно тогда.

А вот сейчас слез не было. Потому что сегодня он своего старого друга не оставит позади. Сегодня они пойдут вместе. Так тихо…

Что даже осторожные шаги по коридору казались настоящим грохотом.

Кирилл погладил мертвое изваяние мертвого бога и улыбнулся.

Ход, который начинался естественным тоннелем, постепенно превратился в коридор. Сначала расширился примерно до трех метров, а затем выпрямились стены, оставив своды лишь под самым потолком. Шагов через сто на полу появились плотно подогнанные одна к другой плиты серого камня, а после очередного поворота Ляо увидел первый барельеф. Довольно грубая картина изображала воина, догоняющего врага, и, как понял китаец, должна была служить предупреждением.

Для всех, кроме него.

Преодолев еще около пятидесяти шагов, Ляо вышел к небольшим вратам, украшенным вырезанными из белого камня фигурами. Двери или створки отсутствовали, так что врата можно было назвать и аркой, однако китаец чувствовал, что это неправильно. Даже не чувствовал — видел, ведь теперь он мог видеть значительно больше.

Когда-то здесь висели створки, выкованные из чистого золота. Когда-то они открывались для того, чтобы впустить в сокровенный предел Храма посвященных. Когда-то они поражали красотой и величием, и даже сейчас, когда их не стало, незримая линия врат разделяла Храм на «вне» и «внутри». А вот эту линию Ляо не увидел — почувствовал.

Ощущение чужой Традиции коснулось легким дуновением, только обозначило себя, но генералу хватило. Камень мертв, Храм мертв, но там, внутри, еще бьется сердце Традиции, еще теплится жизнь, а значит — ему туда.

И Ляо пошел дальше.

И после сотен лет запустения внутренний предел Храма производил величественное впечатление. Стены широких коридоров покрывали барельефы, рассказывающие о грандиозных битвах и великих свершениях. Каменные статуи, что прятались в нишах, поражали мастерством исполнения, а сохранившиеся фрески покоряли выверенными линиями и неувядающей

яркостью красок. Здесь разговаривали с богами, и жрецы древней Традиции демонстрировали обитателям Верхнего мира стремление к совершенству.

Внутренний предел поражал даже сейчас, даже в полутьме — ведь не горела и десятая часть факелов, — каждое его сокровище требовало хотя бы остановки, хотя бы взгляда, поэтому Кирилл дал китайцу двадцать минут на то, чтобы добраться до Зала Богов. Ляо заявился через полчаса.

Мягко вынырнул из проема и замер в тени статуи. Напряженный, готовый к бою.

— Добрый день, генерал, — громко произнес Грязнов и миролюбиво поднял руки, демонстрируя пустые ладони. — Я один. Проходите, не стесняйтесь.

Несколько секунд китаец не отвечал, видимо, оценивал обстановку, затем вежливо произнес:

— Добрый день.

И медленно вышел на свет.

— Вы не чувствуете враждебности, и это, поверьте, не ловушка, — дружелюбно продолжил Кирилл.

— Здесь слишком мало силы.

— Так и должно быть. — Грязнов грустно улыбнулся. — Вы явились к финалу длинной пьесы, генерал, а не к кульминации. Скоро занавес, актеры устали.

— А театр?

— Театр закрывается.

Короткий и медленный, чтобы его не приняли за враждебный, жест. Так поседевший антрепренер указывает на ставшие ненужными декорации. На мертвые и обветшалые следы былого величия.

— Вы сдаетесь?

— Я ведь сказал: пьеса сыграна.

— Меня немного смущает отсутствие почтительноста в вашем тоне, — признался Ляо. Он все еще был готов к драке. — Ведь мы говорим о смысле вашей жизни.

— Сейчас я могу себе это позволить, генерал, — рассмеялся Кирилл и указал на припорошенные каменной пылью ступеньки. — Прошу, присаживайтесь.

Поколебавшись, старик принял предложение.

— Спасибо.

— Не за что.

— На ваших руках кровь.

— Я давно не работал с камнем.

— А пришлось?

— Как видите. — Грязнов кивнул на разбросанный

инструмент. — Несколько дней мучился.

В голосе ни тени агрессии, а главное — ни следа лжи. Таинственный каменщик отвечал искренне, и генерал почувствовал себя сбитым с толку. Он шел на битву, но встретил лишь усталого, не собирающегося драться человека.

— Могу я осведомиться, что вы создавали?

— Алтарь, — просто ответил Кирилл. И с законной гордостью добавил: — Мне было разрешено его создать, именно мне.

Вот сейчас в его тоне появилась та самая почтительность, о которой упоминал китаец.

— Новый алтарь?

— Совершенно верно.

Ляо едва сдержался, чтобы не задать следующий вопрос: «Для какого храма?!» Он догадывался, что получит честный ответ, но все равно не задал вопрос, поскольку именно этого ожидал сидящий напротив мужчина, и Ляо не хотел быть настолько предсказуемым. К тому же старик действительно чувствовал смущение. Вызванное не отсутствием почтительности, разумеется, а тем спокойствием, что излучал неизвестный.

Требовалось время на размышление.

Китаец вежливо улыбнулся, огляделся и кивнул на валяющийся неподалеку том.

— Та самая книга?

— Ага.

— Урзак действительно описал в ней путь к Последнему Храму?

— Ага.

— То есть моя охота за книгой не была напрасной?

— Вы могли испортить нам представление.

— Печально, что этого не случилось.

— Вот тут я с вами не соглашусь. Мужчины негромко рассмеялись.

— Ваше лицо кажется знакомым, но я, к своему стыду, совершенно вас не помню, — признался китаец.

— Так и было задумано, генерал, мне приходилось прилагать массу усилий, чтобы добиться этого эффекта. Вы не могли меня запомнить, вы не могли меня почувствовать. Хотя мы встречались дважды.

— Ваше имя?

— Кирилл Грязнов, антиквар.

В памяти Ляо промелькнули короткие, ничего не значащие диалоги на ничего не значащих приемах. Пятно вместо лица, светская болтовня, бокалы с легким вином.

— «Шельман, Шельман и Грязнов»?

— Если пожелаете какой-нибудь антиквариат, например свиток с автографом Конфуция, я к вашим услугам.

— Я дважды встречался с Чудовищем… Смешно.

— Я сильно рисковал, но не мог не быть там же, где и вы. У меня были дела, обязательства…

— Мне нравится, что вы используете глагол прошедшего времени, господин Грязнов.

— Прошу вас — просто Кирилл.

— Вы не обидитесь?

— Ни в коем случае.

— В таком случае вы можете называть меня Ляо.

— А может, Фань Чи?

Генерал даже не вздрогнул. Он уже понял, что рядом с ним, на ступенях мертвого храма, сидит и балагурит настоящая глыба. Человек, достигший в своей Традиции не меньших высот, чем он, великий Ляо, в своей. И было бы странно предположить, что Грязнов не знает его настоящего имени. И его настоящей истории.

— У меня есть немного вина, хлеб и сыр. Разделите со мной трапезу, уважаемый Ляо, прошу вас.

— Как я могу преломить с вами хлеб? Вы предали меня, Кирилл.

— Когда?

— На Луне.

— Вы должны были понять, что я там не был, — с легкой укоризной произнес Грязнов. — Как минимум моя комплекция… — Он похлопал себя по животу. Не свисающему из-за ремня, но объемистому. — Разве я похож на летчика?

— В таком случае кто? — Вопрос слетел с языка, а уже в следующий миг китаец догадался: — Кауфман!

— На Луну вас сопровождал Максимилиан, — подтвердил Грязнов. — С тех пор, правда, его слегка переклинило. Все-таки убийство бога не проходит даром, появляются новые инстинкты, новые желания.

— Вы создали убийцу?

— Он создал. И не убийцу — зверя. — Отвечая, Кирилл раскрыл рюкзак, достал из него чистый платок, расстелил его на ступенях, после чего положил нарезанный крупными ломтями сыр, пористый хлеб, немного зелени, поставил рядом бутылку красного вина и два металлических стакана. — С тех пор нас трое: я, Он и Максимилиан. Человек, убивший вашего бога.

— Для чего же Он создал вас?

— Я чувствую души, — после короткой паузы ответил Грязнов. — Души всего.

И протянул китайцу стакан.

Короткий взгляд — глаза в глаза, короткие сомнения и короткий жест — рука пошла вперед.

— Благодарю, Кирилл.

— Ваше здоровье, Ляо.

Не чокаясь, они выпили прекрасного красного вина, терпкого и ароматного. Грязнов закусил сыром, китаец пожевал зелени и отломил себе немного душистого, выпеченного вручную хлеба.

— Меня удивляет, что на встречу со мной не прибыл зверь. Или вы тянете время?

— Никакого подвоха, уважаемый Ляо, — вздохнул Кирилл. — Я мог бы поклясться, но здесь, в этом месте, достаточно только слова. Я не обманываю — мы никого не ждем.

— Но почему не прибыл зверь? — Генералу было все равно, с кем драться, ему на самом деле было интересно. — Директор Кауфман слишком занят?

— Знай Макс, что я здесь, он обязательно примчался бы.

— Чтобы убить меня?

— Вы ведь знаете правила: Макс специализируется на богах и не имеет пока права убивать жителей Срединного мира, — ответил Грязнов. — Он бы примчался, чтобы спасти меня. Ну и посмотреть на вашу гибель, разумеется.

— Как бы я погиб, если ни вы, ни Кауфман не имеете права лить кровь?

— Макс в этом вопросе изобретателен, словно Архимед, — рассмеялся Кирилл. — Он бы нашел способ. — Веселый смех еще не успел оттолкнуться от старых стен, а Грязнов уже говорил другим тоном, деловым и чуть задумчивым: — На самом деле вы не должны были никого встретить здесь, уважаемый Ляо, вы должны были просто сюда добраться. Увидеть место, которое искали большую часть жизни, увидеть Последний Храм. Увидеть и умереть. Когда Макс предложил эту ловушку, я сказал, что вы далеко не тот юнец, которого мы облапошили на Луне. Я сказал, что вы не придете. Я ошибся.

— Нет, не ошиблись. Я прекрасно понимал, что это ловушка, и поэтому пришел.

— Именно так и сказал Макс. Я ведь говорил, что он чертовски изобретателен. — Грязнов вздохнул. — Когда нужно кого-нибудь убить, Макс вживается в шкуру жертвы, начинает думать как жертва и находит тот самый способ, который приведет ее к гибели.

— Но я не тот наивный юнец, — хмуро отозвался китаец. — Теперь меня сложно обмануть и еще сложнее убить. До того, как зверь расправился с Лунным Зайцем, бог успел дать мне щепотку

порошка. Я бессмертен.

— Я знаю, — равнодушно ответил Кирилл.

— И убить меня необычайно трудно, — бросил генерал. — Не думаю, что вам под силу.

— Я и не претендую. — Грязнов допил вино и вновь наполнил стакан. — К сожалению, мы не совсем ровесники…

— Вы младше?

— Я старше. — Кирилл поморщился. — У вас не болит голова?

— Голова? — удивился китаец.

— Я уже давно не обхожусь без таблеток, а последние месяцы ем их горстями. Слишком долго живу, вот тело и протестует.

— Нет, у меня ничего не болит, — самодовольно ответил генерал.

— Значит, ваш метод лучше.

— Меня сделал бессмертным бог.

— Или вы не прожили столько, сколько я… — Грязнов посмотрел в стакан собеседника. — Вы совсем не пьете.

— Я хотел бы перейти к делу.

Разговор, конечно, любопытный, но сидеть в чужом капище дольше, чем это необходимо, генерал не собирался.

— Торопитесь? Или вам неприятно мое общество?

— Кто третий? Кого вы называете Он, Кирилл? Грязнов ответил китайцу улыбкой и предложением:

— Хотите, я расскажу, что делал здесь, уважаемый Ляо? Я ведь пришел в Храм не только для того, чтобы ваши шпионы засекли толстого мужика с мемуарами Урзака под мышкой. У меня было дело.

— Расскажите. Возможно, это важно.

— Я тесал камень, уважаемый Ляо, — поведал Грязнов и кивнул на разбросанные инструменты.

— Ссадины на ваших руках. Я помню.

— Я тесал тот самый камень, который был душой Храма. Тот самый камень, который был смыслом. Камень, с которого говорили с богами. Я тесал его, придавая новую форму. — Взгляд и голос Кирилла стали гордыми. — Мне было позволено сделать это, уважаемый Ляо. Именно поэтому вы встретили здесь только меня: Макс осквернил бы церемонию своим присутствием, а Он почувствовал бы сильную боль. Он до сих пор крепко связан с Последним Храмом.

— Камня нет, — заметил китаец.

— Его увезли буквально перед вашим появлением.

— На Станцию?

— Ага.

— Там будет новый Храм?

— Новый Храм уже существует, а там, на Севере, будет Станция. — Стакан Грязнова вновь опустел, и он вновь его наполнил. — Но вы отвлеклись на прагматичные вопросы, уважаемый Ляо, а у нас не так уж много времени. Подумайте над моими словами, над тем, что я только что рассказал.

— О новом Храме?

— О том, что я тесал душу этого Храма. А потом увез ее отсюда.

Генерал огляделся.

— Вы…

— Храм умирал много столетий, уважаемый Ляо, но сегодня это свершилось. Я прекратил его жизнь и вытесал зерно, из которого вырастет новый колос. Я, уважаемый Ляо, простой парнишка, родившийся в бедной русской деревне. Я стал одним из тех, кто вновь запустил колесо. Согласитесь — это великая честь.

— К чему вы это говорите, Кирилл?

— Посмотрите вон туда. — Грязнов махнул рукой в сторону врат, через которые китаец вошел в Зал Богов.

Ляо обернулся и вздрогнул: арка исчезла. И скульптуры, что ее охраняли. И стены. Была лишь тьма. Черная, беспросветная тьма, медленно пожирающая камень Последнего Храма. С другой стороны тоже, но чуть дальше. И с третьей! И с четвертой!

— Мы знали, что вас нельзя погубить силой, уважаемый Ляо, поэтому и пригласили вас сюда в этот час. В момент окончательной гибели Традиции. В безвременье. Потому что в безвременье не существует понятия «бессмертие».

Старик вскочил на ноги.

— Ты тоже погибнешь!

— Еще вина?

— Мерзавец!

Смерть подкралась слишком неожиданно. Еще несколько минут назад он был велик и непобедим. Во всяком случае — необыкновенно силен. И вот опустилась тьма. Душа покинула Храм, и все исчезает, на глазах превращается в черное ничто. То, что удерживало Последний Храм между Верхним и Нижним, исчезло, а в Средний мир он не вернется. Он растворится в нигде и никогда.

— Я не хочу!

— Неужели вы мало пожили, уважаемый Ляо?

— Я не успел так много сделать…

— Вот здесь я с вами согласен — это грустно. — Кирилл одним глотком почти осушил стакан. — В отличие от вас, я успел

все.

Китаец бешено посмотрел на Грязнова. «Убить его?»

Насладиться перед смертью хоть маленькой, но победой? Почувствовать свою силу и принять неизбежное с достоинством победителя?

— У нас есть около часа, а у меня припрятана еще одна бутылочка вина, — с дружелюбной улыбкой сообщил Кирилл. — Присаживайтесь, уважаемый Ляо, и я расскажу вам все, что вы хотите знать. Расскажу, против кого и против чего вы боролись все эти годы.

АВГУСТ

Анклав: Москва. Транспортный узел «Шереметьево». Обычная рабочая свистопляска. Обычные недоразумения

— Внимание! Эшелон 639-с, платформа 12, погрузка завершена! Повторяю! Эшелон 639-с, платформа 12, погрузка завершена! До отправления поезда осталось две минуты!

Двери вагонов закрыты, усталые железнодорожники отправляют финальные подтверждения, диспетчер открывает семафор, и эшелон медленно тянется прочь. А платформа вновь заполняется людьми и грузами — совсем скоро подойдет следующий состав.

— Внимание! До прибытия эшелона 652-с на платформу 12 осталось одиннадцать минут! Внимание…

С самого начала строительства Станции администрация Шарика отдала под нужды «Науком» добрую треть железнодорожного сектора, серьезно «подвинув» остальных клиентов. На большее корпорация претендовать не могла, иначе бы Анклав попросту встал, поэтому компенсировала недостаток мощностей все возрастающей интенсивностью их использования. Последние четыре месяца поезда на Станцию и в новую промышленную зону «Науком» отправлялись буквально один за другим, вагоны загружались «с колес», без перегрузки на складах Шарика, выплачивались гигантские сверхурочные, и Ремневу казалось, что тяжелее уже и быть не может. Он отвечал за формирование эшелонов, распределял грузы и людей, улаживал бесконечные споры, конфликты, ругался или «шел навстречу» и мечтал лишь о том, чтобы этот хаос поскорее закончился. Но после случившихся в Москве беспорядков, работы в очередной раз прибавилось. Теперь «Науком» отправлял не только грузы, но и людей, завербованных беженцев с Болота, которым обещали в северном промышленном районе работу, жилье, а главное — безопасность. Основную массу людей сажали в вагоны прямо на Колыме, однако пропускной способности идущих в промышленную зону веток не хватало, поэтому часть потока перенаправили в Шарик, превратив жизнь Ремнева и других сотрудников железнодорожного сектора Транспортного узла в кромешный ад.

— Тридцать мотоциклов?

— Да, — скромно подтвердил Зяблик. — Ровно столько.

— Где вы там гонять-то будете, а? — осведомился Ремнев.

— Как раз там и будем, — хмыкнул байкер. — Всё лучше, чем на внедорожнике.

— Тридцать не пропущу! — Железнодорожнику очень не хотелось прикидывать, куда запихнуть неожиданно возникшую технику.

— А ты и не должен пропускать, — спокойно ответил Зяблик. — Твое дело — сделать пометку, что мы грузимся, отвалить в сторону и не мешать. Ты видел сопрово-диловку из «Науком»? Так давай исполняй.

Ремнев вздохнул.

Тридцать мотоциклов, куча багажа, орущий в клетке кот и несколько десятков байкеров в живописных кожаных шмотках. Парни и девицы. Откупоренные банки пива, татуировки и нахальные взгляды прилагаются. У некоторых байкеров огнестрельные ранения — судя по всему, ребята поучаствовали в болотной заварушке. Документы, как ни странно, не липовые. Эшелон 652-с, пункт назначения — промышленная зона «Науком».

К платформе медленно подтягиваются вагоны, погрузку объявят минуты через полторы, нужно определяться…

— Мотоциклы оформляйте как багаж, — распорядился Ремнев. — Приедут следующим эшелоном.

Попытался распорядиться, потому что…

— Ага, — кивнул Зяблик. — Идея понятная, но мы против.

— Какой еще следующий эшелон?! — заволновались его приятели.

— Он смеется?

— Дайте ему пару таблеток!

— Парень, ты в своем уме?

В обычном случае Ремнев давно вызвал бы наряд безов и объяснил разошедшимся самокатчикам правила поведения в общественных местах, однако документы затянутой в кожу банде подписал вице-президент «Науком», ссориться с которым простому железнодорожнику было не с руки.

Пришлось вступить в переговоры.

— Чем не нравится идея? Следующий состав целиком грузовой, место для ваших «табуреток» найдется. А я тебе выдам большую и красивую квитанцию…

— Ты видишь, какой здесь бардак? — осведомился Зяблик.

— Я в нем работаю, — вздохнул Ремнев.

— А там, куда мы едем, бардак еще хуже, — рассудительно

продолжил байкер. — Твое дело маленькое — запихнуть нас в вагоны, а там, в зоне «Науком», нас надо разгрузить и перенаправить. Там все на ушах стоят, и мы не станем рисковать мотоциклами.

— Сейчас такое время, что имущество должно быть на виду, — хмыкнул стоящий позади Зяблика крепыш.

— Разве у тебя не записано, что мы с багажом?

— Кто-нибудь, дайте ему в репу!

Однако Ремнев чувствовал, что ехидные и обидные фразы выкрикиваются без напряжения, байкеры прекрасно знали, что оспорить их документы железнодорожник не сможет, и откровенно дурачились, ожидая неминуемой победы. И дождались.

Эшелон 652-с был смешанным, что позволило Рем-неву с честью выйти из положения. Он вывел на экран коммуникатора схему поезда и быстро поменял наполнение нескольких вагонов:

— Займете четырнадцатый, это пассажирский, и пятнадцатый — грузовой. — Погрузка еще не началась, поэтому внесенные железнодорожником изменения привели всего лишь к легкой неразберихе на платформе. — При желании сможете ходить и любоваться на свой гараж.

— Отлично! — повеселел Зяблик. — Вагон для «вагона» — то, что надо! Вы хороший человек, господин Ремнев.

— Грузите железяки, ждать вас никто не будет.

* * *

Анклав: Москва. Территория: Колыма. Фильтрационный лагерь № 4. Тот, кто хочет выжить, должен меняться в соответствии с обстоятельствами.

Пусть даже инстинктивно

— Сегодня утром администрация Шанхайчика официально обратилась к СБА с просьбой принять решительные меры по наведению на Болоте порядка. Как говорится в заявлении, продолжающиеся бои способны поставить Анклав на грань гуманитарной катастрофы, и…

На огромном мониторе, одном из двадцати, установленных безами в четвертом палаточном лагере, непрерывно транслировались картинки с Болота. То затухающие, то вспыхивающие с новой силой перестрелки, отряды Уруса, отряды китайцев, отряды вудуистов, горящие дома, заваленные мусором улицы, разграбленные магазины и трупы… На которые молча пялились собравшиеся вокруг экранов болотники.

Трупы, трупы, трупы…

Раз в полчаса шел блок новостей, во время которого обязательно показывали обновленную карту влияния. До вчерашнего дня Урус и китайцы шли ноздря в ноздрю, и те и другие захватили примерно по трети Болота. Однако ожесточенный ночной бой, отзвуки которого долетали даже до Колымы, выиграл Тагиев, и теперь положение Триады стало угрожающим.

Трупы, трупы, трупы…

И болотники, злобно взирающие на делящих их дома чужаков,

Мертвый хорошо знал, что нужно показывать лишившимся своей территории людям. А над речами дикторов работали лучшие спецы СБА — психологи и пропагандисты. Продуманные тексты не призывали к отмщению, но наполняли души обездоленных людей пониманием того, что земли у них больше нет.

— Триада не справляется, — прокомментировал Петруха Бобры последние события. — Пу откусил больше, чем мог, и подавился.

— Пу откусил нормально, — хмуро ответил Митроха. — Бейся они в старые времена, поднебесники урусам наваляли бы по самое не балуйся. А сейчас границы нет, и Тагиеву русские сородичи подмогу прислали.

— Ты еще скажи, что это не по правилам, — хмыкнул Петруха.

— Это полный п. ц, потому что ни хрена не ясно, чем закончится.

— Еще одной резней.

— Разве что.

А дикторы, словно услышав диалог братьев, обратились к поднятой ими теме:

— Тем временем российское правительство перебросило к восточной границе Анклава уже второе армейское соединение. Сегодня утром в Балашиху начали прибывать передовые части шестой мотострелковой дивизии Федерального министерства по делам перемещенных лиц. А два дня назад, напомним, в город Железнодорожный была передислоцирована десантно-штурмо-вая дивизия ОКР. Официальное заявление гласит, что данные действия предпринимаются «в связи со вспыхнувшими в Анклаве Москва беспорядками»…

— Сегодня ночью они показали, в связи с чем приехали, — пробурчал Петруха.

Как и все болотники, Бобры не сомневался, что переодетые в гражданское солдаты влились в отряды Уруса. Объяснить успехи Тагиева чем-нибудь другим не представлялось возможным.

— Дерьмо, — мрачно прокомментировал Митроха.

— Нужно отметить, что аналогичные действия предпринимает не только российское правительство. Ведущие в Анклав Франкфурт магистрали перекрыты десантной дивизией Баварского султаната, Ланданабад направил войска к Эдинбургу, а Эль-Париж — к Марселю. СБА выражает решительный протест…

— Два грузовика дерьма, — усилил Петруха. Однако мировые новости его интересовали мало. — Тимоха не зря сказал, что Болота больше нет. Пока мы здесь сидим, Урус все под себя подгребает.

— Хочешь вернуться и повоевать?

— Нет, на хрен.

— То есть вы не вернетесь?

Бобры сумрачно посмотрели на задавшего вопрос подростка. И на других болотников, напряженно ожидавших ответа. Посмотрели в их глаза и взгляды не отвели. Не потому, что были уверены в своей правоте, а в силу привычки: Бобры редко тушевались.

— Мы еще не знаем, — буркнул Петруха. — Нужно посмотреть и все взвесить.

— Наш дом разрушен, я в репортаже видел, — спокойно произнес подросток страшные слова. — Отец говорит, что там теперь чужаки.

— Теперь мы там чужаки! — выкрикнули из толпы.

— Нам некуда возвращаться!

— Болота больше нет! Там теперь Урус!

— И Шанхайчик!

Петруха хотел что-то сказать, но Митроха опередил брата:

— Вы все правильно говорите: нам некуда возвращаться!

И Петруха вдруг понял, что в этом признании прозвучало больше силы, чем в лживом обещании вернуть все как было.

И все остальные, все услышавшие его слова поняли.

И притихли, погасив нарастающее возмущение. И лишь подросток, который неожиданно стал гласом народа, продолжил:

— Так что же дальше будет?

А хрен его знает!

Всего на Колыме развернули десять фильтрационных лагерей. Каждый разбит на пять секторов по двадцать тысяч человек. Больными и ранеными занимались мобилизованные с корпоративных территорий врачи и медицинский департамент СБА Кормежка трехразовая, синтетика, конечно, зато качественная, и порции большие. Желающим предлагалась работа на Колыме и… в новой промышленной зоне «Науком». Вербовщики сновали среди палаток, как муравьи: заводили разговоры, определяли квалификацию, предлагали контракты. Многие соглашались: «Науком» — это серьезно, а гарантии безопасности СБА — еще серьезнее. Ведь переселяться предлагалось не в абстрактный город, а в корпоративную зону, которую безы будут стеречь как зеницу ока — московские беспорядки это показали.

Всё происходящее Бобры осмыслили в течение первых двух суток. Походили, посмотрели, послушали вербовщиков, забросили пару удочек на предмет перспектив, и… И неожиданно поняли, что воспринимаются болотниками не в качестве заурядных беженцев, а как своеобразные маяки. Как центры силы. Офицеры СБА, конечно, мощь и власть, но власть отдаленная, к повседневной жизни касательство имеющая поверхностное. А уж власть Кауфмана — и вовсе нечто божественное, почти непостижимое. Бобры же — свои. На одном языке говорящие, одними понятиями оперирующие и через то же дерьмо прошедшие. И рядом они, Бобры, вон, у соседней палатки курят да о чем-то переговариваются.

К братьям потянулись за советом и помощью: стоит ли принимать предложение вербовщиков? Не слишком ли малую зарплату обещают? Не замолвите ли словечко, чтобы палатку побольше выделили: у нас ведь шестеро детей. А вон там какие-то ловкачи в наперстки на последнее играть предлагают, объясните им, что не время сейчас…

И Тимоха, неожиданно для братьев, втянулся. Велел Николаю Николаевичу прикинуть выгодность предложений вербовщиков и прочитать контракты на предмет мухлежа. Петруху с Митрохой отправил поговорить с наперсточниками, а если разговоры не подействуют — переломать ноги. Сам двинул к куратору сектора по поводу палаток и нормального обеспечения водой. Заодно договорился насчет двух дополнительных медицинских блоков — пусть и временных, зато сейчас необходимых.

Вечером же, на семейном, так сказать, совете, объяснил братьям, что надо бы дней несколько с народом побыть: от них не убудет, все равно пока непонятно, что дальше, а доброе дело зачтется. Николай Николаевич старшего Бобры поддержал, вот и остались.

И хрен его знает, что будет дальше.

Но ведь так не ответишь. Потому Митроха насупился, помолчал, подбирая слова, и громко произнес:

— Я точно знаю, что навсегда мы на Колыме не останемся. На подачки Мертвого долго не протянешь. У человека должен быть дом.

— Подачки Мертвого позволяют жить!

— Существовать! — резко бросил Петруха. — На жизнь зарабатывают сами!

— У нас нет работы!

— У меня был магазин!

— А я был сантехником!

— Наши дома разрушены!

— Обалдеть, какая новость, твою мать! — перекрыл гомон Митроха. — Если тебе интересно, то мой тоже.

— Но вы можете уехать!

О «золотом» вагоне, стоявшем сейчас в одном из тупичков Шарика, никто из толпы не знал, но все болотники прекрасно понимали, что средства у Бобры есть. И на эти самые средства братья могли совершить комфортное путешествие подальше от Анклава, а не жрать синтетическую дрянь в палаточном лагере.

— Вы можете свалить отсюда в любой момент!

— Тогда почему же мы до сих пор здесь?! — рявкнул Петруха.

И вновь наступила тишина. И вновь тот самый подросток рискнул задать мучивший всех вопрос матерым бандитам:

— Почему вы до сих пор с нами?

И услышал неожиданно спокойное и ожидаемо искреннее:

— Да потому, мать вашу, что мы по жизни с вами…

— И они вас слушают?

— На Болоте других поводырей отродясь не водилось, — хмыкнул Проскурин.

— Вас не устраивает? — окрысился Тимоха. Получилось, учитывая размеры и гулкий голос старшего Бобры, весьма агрессивно.

— Мой друг просто высказал мнение, — ровно ответил Сабитов. — Имеет право.

Офицеров, прибывших в фильтрационный лагерь с верхних этажей «Пирамидома», было двое: Сабитов и Проскурин. Официально они осуществляли стандартную проверку содержания беженцев, выявляя недочеты в спасательной операции СБА, однако Бобры не вчера родились и поняли, что целью визита были именно они, установившие в своем лагере некое подобие централизованной власти.

— Странно, что люди выбрали своими вожаками именно вас, — продолжил Проскурин.

— Другие не потянули.

— А вы?

— Мы хотели отказаться.

— Что же вас остановило?

— Признаться, я тоже был удивлен, — прежним, спокойным тоном поддержал напарника Сабитов. — Я предполагал, что люди вашего круга на Колыме не задержатся.

Николай Николаевич сохранял на лице бесстрастное выражение, однако в душе едва не кричал от радости: все получалось именно так, как рассчитали они с Тимо-хой. Именно так!

Петруха с Митрохой идею сначала не поняли, предложили сматываться из лагеря на фиг, благо, деньги есть. Но… куда сматываться-то? В московские корпоративные зоны? А где гарантия, что их не тряхнет? В другой Анклав? Назовите спокойный. В какое-нибудь государство? Отчалить на кокосовый остров? Два последних варианта интересны, но что делать, если аборигены заинтересуются богатыми беженцами? Сейчас, когда закон летит к чертям, а планету медленно окутывает хаос, найти по-настоящему безопасный уголок чертовски сложно. Богатые беженцы, без силы и положения, а лишь с золотом в карманах — лакомая добыча для тех, кто сидит на своей земле. И к партнерам по криминальному бизнесу не обратишься — эти-то волчары прямо при встрече грохнут, ждать не станут.

Нет, от идеи лечь на дно Бобры не отказались, Николай Николаевич просчитывал варианты и обо всех толковых немедленно докладывал, но уезжать с Колымы пока не советовал. Потому что тут, в лагере, братья представляли не только себя. Потому что теперь за ними стояли тысячи людей, а это, что ни говори, — сила. Мертвый ведь не собирается вечно кормить беженцев, он должен их пристраивать и наверняка порадуется, если кто-то возьмет на себя часть головной боли.

— Мы остались, потому что все эти люди, мать их, наши! — рубанул Тимоха. И рубанул честно. — Среди них есть святые, и среди них есть полное дерьмо. Но в большинстве это обычные работяги, которых угораздило жить в это долбаное время. Мы выросли среди них. Мы зарабатывали на них деньги, но мы им помогали и защищали.

— И они нам доверяют, — добавил Николай Николаевич.

— Во всех других лагерях, несмотря на усилия безов, процветают азартные игры и проституция, — с прежним спокойствием продолжил Сабитов.

— Вы хреново усиливаетесь, — хмыкнул Тимоха. — Мы сутенерам и каталам ноги ломаем и спускаем в местную канализацию. А если женщине чего-то не хватает, она должна прийти к нам и поговорить.

— И вы поможете?

— До сих пор помогали.

— Бесплатно? — прищурился Проскурин. — То есть не предложите ей переспать?

Тимоха открыл было рот, но младший Бобры, который прекрасно понимал, что сейчас польется нецензурщина, успел ответить первым:

— Рано или поздно мы снова будем зарабатывать на этих людях, господин офицер. Но не сейчас. Нам противно доставать копейки из дерьма.

— Готовая община, — негромко произнес Сабитов.

— Кайфоград-2, - махнул рукой Проскурин.

— Не думаю, что все так плохо, — не согласился Сабитов. — Возможно, подчеркиваю — возможно, мы сможем объяснить, что второй Кайфоград нам не нужен. Мне кажется, что они уже дозрели до нормальных.

Офицеры изучающе смотрели на Бобры и без стеснения обменивались фразами, смысл которых от братьев ускользал.

— Ты оптимист.

— Я верю в людей.

— В одном ты прав: община действительно готова.

— А если что-то пойдет не так, Грег их в тонкий блин

раскатает.

— О чем вы, вашу мать, болтаете? — не выдержал Тимоха.

— Мы обмениваемся впечатлениями, — любезно ответил Сабитов. — А теперь, когда они закончились, мы бы хотели услышать ваше видение ближайших перспектив.

— Болота больше нет, — просто сказал Николай Николаевич. — Нашим людям некуда возвращаться.

— Рано или поздно уличные бои прекратятся, — заметил Проскурин.

— Там не будет для нас места.

— Для вас, а не для ваших людей, — вежливо уточнил Сабитов.

— Если бы наши люди хотели жить в Урусе или Шанхайчике, они бы жили в Урусе или Шанхайчике, — усмехнулся младший Бобры. — Или сбежали бы туда в самом начале беспорядков.

— На Колыме застряли настоящие болотники, — хмуро добавил Тимоха.

— Нам нужна своя территория. Пусть не такая большая, каким было Болото, но своя. Вроде Сашими. И мы хотим, чтобы директор Кауфман помог нам.

— Так все-таки вам?

— Твою мать! — разъярился Тимоха, с ненавистью глядя на Проскурина. — Мы тебе не нравимся, да? Так и скажи, б…дь, и мы уйдем! У нас есть бабло, мы можем хоть сейчас умотать из твоего вонючего лагеря на длинном лимузине, понял? Мы можем выбрать любое место этого долбаного мира и до конца жизни пить коктейли и трахать девок, понял?! Но только ты пообещай, что просьбу нашу не забудешь, ладно? Не хотят наши люди ни под Урус, ни под китайцев. Не хотят, и все. Сами хотят жить, со своими рядом, понял?

Офицеры умели быть бесстрастными не хуже, а даже лучше Николая Николаевича — сказывалась выучка. Чувства свои они братьям не показали, но искренняя речь старшего Бобры произвела на них впечатление. Офицеры переглянулись, после чего Проскурин, усмехнувшись, ответил:

— У вас будет территория, господин Бобры. Можете передать своим людям, что директор Кауфман это гарантирует.

— Где? — не сдержался Николай Николаевич.

— Гораздо более важный вопрос: когда? — ровно произнес Сабитов. И поднялся на ноги: — Мы вам сообщим.

Территория: Россия.

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кодовое обозначение — «Станция». Омраченная повседневность

Весть принес Олово.

Неестественно бледный слуга, по-стариковски шаркая, вошел в гостиную и остановился, не мигая глядя в стену. Кончики его пальцев и губы мелко дрожали, а черные татуировки, обычно яркие, приобрели серый оттенок.

— Что случилось?

— Мастер. И всё.

И всё стало понятно, потому что пронзительно закричала Мамаша Даша. Матильда похолодела, то ли от крика, то ли от едва слышного слова слуги. Филя покачнулся и вцепился рукой в стол, рядом с которым стоял. Рус тихо выругался.

— Мастер, — повторил Олово. — Его больше нет. Весть смяла его железными пальцами. Сжала плечи,

сгорбила. И не было у слуги ни сил, ни желания бороться с навалившимся горем.

— Я говорила! Я чувствовала! — Мамаша даже не кричала — выла, обратив к потолку искаженное, пошедшее красными пятнами лицо.

— Тетя!

Матильда бросилась к Даше. Таратута же подошел к Олово и неловко обнял друга за плечи. Женщины кричат, мужчины плачут без слез.

Мастер…

Рус понимал, что трагическое известие не оставит друзей равнодушными, однако то, что он увидел, превзошло ожидания. Рус понимал, что они будут опечалены и растеряны, однако увидел не скорбь, а шок. Беда ударила по ним ядерной бомбой, выжигая чувства, эмоции и саму душу. Гадалка бьется в истерике, ее неловко утешает Матильда, но в ее глазах тоже стоят слезы. Уставившись в пол, шепчет что-то никогда не унывающий Таратута. И Олово…

— Он прощался, Мата! Я, старая дура, не поняла, что он прощается! Я не поняла! Безмозглая идиотка! Я ведь знала, что в Храме будет опасно! Я…

— Мастера больше нет, — тихо повторил Олово. — Нет.

И развел руками.

— Кирилл, зачем ты так? Зачем?!

— Он умер. — Таратута закрыл глаза. — Он умер.

— Я ничего не поняла!

— Рус, принеси воды!

— Кирилл!! — Гадалка оттолкнула Матильду и бросилась в свою комнату. — Не трогайте меня!

Восклицание переросло в крик. Затем послышались удары — не помнящая себя Мамаша колотила кулаками по шкафу.

— Рус!! Ты где застрял?!

— Он ска-азал, что любит меня-а, но ведь я-а и та-ак зна-ал. — Олово жалобно посмотрел на Таратуту. — Я-а не поня-ал, что он проща-ается.

— Выпей… — предложил Филя. — Выпей воды… или вина… или выпей… или…

А потом отошел, почти отбежал к самому дальнему креслу, что стояло в углу гостиной, забрался в него с ногами, съежился, спрятал лицо в ладонях, отгораживаясь от ставшего чужим мира, и замер.

— Ка-ак же теперь? — тоскливо спросил Олово. — Ка-ак?

…Чье это плечо? Джезе? Нет, Джезе далеко. Кирилла? Нет, Кирилла больше нет. Кирилла больше нет!

Так чье же, черт побери, это плечо? Твердое и крепкое мужское плечо, так вовремя оказавшееся рядом?

Патриция подняла голову и встретилась взглядом с Мишенькой Щегловым.

«Он?!»

Да, он. Как обычно, спокойный. Однако взгляд умных глаз не равнодушный, а понимающий. Во взгляде прячется боль. Пусть Щеглов и клон Мертвого, но смерть Кирилла не могла оставить его равнодушным.

Они оба осиротели.

И только сейчас Патриция поняла, насколько сильный получила удар. Последний час вылетел из памяти. Что она делала? Какие приказы отдавала? Ругалась или кого-нибудь убила? Последний час превратился в грязное черное пятно под названием «Горе». Последний час навсегда останется самым страшным в ее жизни.

Ясно только одно: крепкое мужское плечо совсем промокло от слез.

Пэт отошла, отвернулась, и руны на руках вновь ожили, торопливо стирая с лица девушки следы рыданий. Руны словно просили прощения за то, что не смогли предотвратить трагедию.

— Случилось ли что-нибудь важное, пока я… — Она сбилась, но сумела взять себя в руки и спокойно продолжить: — …пока я была здесь?

— Ничего особенно спешного, госпожа Грязнова, — ровно ответил Мишенька. — Кроме того, что…

«Сейчас!»

Сейчас или никогда. Или они выяснят отношения в эту самую минуту, или навсегда останутся чужими. Нужно сделать шаг!

— Ты видел мои слезы. — Избранная резко обернулась к воину. — Я плакала на твоем плече, Мишенька. Ты имеешь право называть меня Патрицией. Или же просто Пэт.

Он видел ее слабость, а это позволено только самым близким друзьям.

— Хорошо… Пэт.

Она хотела продолжить о делах, хотела отвлечься, но никак не могла справиться с опустошением, пожиравшим душу. Впрочем… Какое простое слово — опустошение. Разве способно оно описать ее невыносимое состояние? Разве годятся для этого слова? Или годятся? Или не слова, а разговор? Или друг?

Прошлую катастрофу — смерть Деда — Пэт переживала одна, никого не взяв на битву с одиночеством и ужасом. А теперь рядом друг…

— Почему он так поступил? — Патриция сжала кулаки. — Почему сейчас?

— Ты лучше всех знаешь, что Кирилл здесь, — мягко и очень уверенно произнес Мишенька. — Он смотрит на тебя, Пэт. Он любит, и он гордится. Он ушел, но он тебя не оставил.

— Но почему сейчас?

«Когда отец так нужен? Когда на кону все? Когда цель его долгой, очень-очень долгой жизни так близка? Почему?»

Она промолчала, но Мишенька услышал невысказанное. Он, как выяснилось, способен был прочесть даже душу Избранной. Или… или не такая уж она Избранная? Просто человек, просто девчонка, в которой сошлись силовые нити Вселенной, но которая все равно осталась девчонкой? Может, так? И может, поэтому Мишенька услышал и смог отыскать ответ:

— Потому что все, что случится здесь, и все, что случится потом, — это твое. И только твое. Потому что они не могут нести знамя, а стоять рядом не хотят — этот уровень они давно переросли. — Щеглов помолчал. — А еще они боятся помешать тебе.

— Мертвый не приедет, — догадалась Патриция.

— Да, — подтвердил Мишенька. — Он принял решение остаться в Москве.

Один умер. Другой не приедет. Третий не станет ничего делать.

Она на самом деле одна.

Ну что же, возможно, так даже лучше. Быть по-настоящему самостоятельным — единственный способ повзрослеть.

Пэт взяла со стола забытую Прохоровым пачку сигарет, достала одну, раскурила, глубоко затянулась и деловым, даже чуть суховатым тоном поинтересовалась:

— Так что случилось, пока я была занята?

В ее голосе не было и следа пережитой трагедии.

— Они приехали, — ответил Мишенька.

— Все? — Да.

Пауза, во время которой к потолку полетел клуб безразличного дыма. Затем Пэт приказала:

— Отведи меня к ним.

Буквально через день после того, как «Науком» выкупил у русского правительства заброшенный научный центр, журналисты раскопали информацию о том, что очередной, тринадцатый по счету полигон корпорации будет располагаться на месте знаменитой некогда Кольской Сверхглубокой скважины. Именно там, где десятки и десятки лет назад вгрызались в гранитные породы буры «Уралмаша-4Э» и «Уралмаша-15000». Журналисты выяснили и задались вопросом: для чего «Науком» приобрел шахту, впервые в истории преодолевшую отметку в 12 ООО метров и вызвавшую в свое время ажиотаж в научном мире? С какой целью корпорация лезет на такую глубину? Какие тайны хочет узнать? В ответ «Науком» пригласил на будущий тринадцатый нескольких репортеров, которые своими глазами увидели царящую на приобретенных активах разруху. Бурение Кольской Сверхглубокой русское правительство прекратило еще в двадцатом веке, преобразовав скважину в лабораторию. А ее, в свою очередь, прикрыли лет за десять до Большого Нефтяного Голода. С тех пор обветшалый объект торчал в чистом поле памятником амбициозным научным проектам, памятником эпохе надежд и прорывов, памятником прошлому. И руководство федерального агентства научных комплексов места себе не находило от радости, что удалось сбыть эту помойку крупной корпорации.

«Здесь будет испытательный полигон, — с улыбкой сообщили представители «Науком». — Место далекое и дикое, здесь мы никому не помешаем».

И журналисты поверили. Поковырялись в возникшей было теме да забыли. А вслед за ними забыла и публика. Что же касается специалистов, то у них «Кольское чудо» давно перешло в разряд легенд. Специалисты по недрам работали с научными данными, поступавшими с американского проекта «Мохол-4», и не отвлекались на дремучую историю.

«Науком» же, в свою очередь, действовал аккуратно и скрытно. Выкупив лабораторию, корпорация несколько лет делала вид, что использует ее именно как полигон, проводя два-три раза в год учебные стрельбы и терпеливо выжидая, когда улягутся даже отголоски сопровождавшего сделку негромкого шума. Дождалась. Сообщила в СБА, что планирует перепрофилировать тринадцатый полигон в научно-испытательный центр морских вооружений, это позволило ей

засекретить все последующие работы, и продолжила начатое профессором Тимофеевым дело.

На полигон перебросили нанятых в «МосТех» специалистов по глубокому бурению, сформировали специальную лабораторию, занимавшуюся исключительно скважиной, задействовали последние достижения науки и техники и потребовали только одного — идти глубже.

За несколько лет скважина прибавила почти вдвое, и лишь когда ее глубина превысила двадцать километров, работы вновь остановили. Теперь уже окончательно, ибо двадцати километров, по расчетам специалистов корпорации, было более чем достаточно. Оставалось ждать, когда их можно будет использовать. «Науком» требовалась сверхглубокая дырка, но никто, кроме «Науком», об этом не догадывался.

До совершенного Ганзой открытия оставалось двадцать четыре года…

— Господин Туллиус Танг? Тишина.

Восемь прелатов смотрели на Слоновски огромными, словно у больных базедовой болезнью, глазами. Нечеловеческими глазами. Не было в этих глазах ни зрачков, ни роговицы, ни белка — лишь бесстрастный мрак. Посланцы Мутабор были мужчинами разного возраста и роста, однако худошавое сложение, одинаковая одежда, а главное — выпученные глаза делали их на удивление похожими.

— Господин Туллиус Танг? — Грег чуть повысил голос.

Восемь храмовников, прилетевших на Станцию меньше часа назад, до сих пор не произнесли ни единого слова, всем своим видом демонстрируя, что не считают возможным общаться с «недостойными». Слоновски препроводил гостей в подготовленное помещение: несколько кресел, два дивана, столик с журналами, коммуникатор на стене — и затеял дурацкую проверку, прекрасно понимая, что она вызовет у прелатов раздражение.

— Господин Туллиус Танг?

— Кто спрашивает?

— Очень хорошо, — пробормотал Грег, поставив напротив имени галочку. И невозмутимо продолжил: — Господин Маркус Конг?

— Ты что, пересчитываешь нас?

— Я должен убедиться, что собрались все, кого позвали.

Глаза прелатов резко сменили цвет, стали пронзительно алыми, однако на Грега подобная процедура не произвела никакого впечатления. Ему доводилось видеть и более странные вещи.

— Господин Маркус Конг?

— Ты нас оскорбляешь!

— Могу выдать каждому анкету.

— Человеческий дурак!

— Мутанты хреновы!

— Как ты нас назвал?

Обозленные прелаты стали медленно сжимать кольцо вокруг здоровенного Слоновски, но поскольку самый высокий из них едва доходил Грегу до плеча, угрожающее движение выглядело комично, даже несмотря на бесчеловечные алые глаза, не обещавшие здоровяку ничего хорошего.

— Ребятки, пожалуйста, не забывайтесь, — добродушно предупредил Слоновски, с иронией разглядывая взбешенных храмовников. — Кто будет стены отмывать, а?

Терпеть высокомерие прелатов Грег не считал нужным и стычки с храмовниками не боялся. Хотите «кость в кость»? Без проблем — сойдемся, только потом не обижайтесь. Однако в тот самый момент, когда казалось, что схватка неминуема, раздался скрипучий голос:

— Меня зовут Люциус Минг. Я должен быть в списке.

И прелаты остановились.

— Люциус? — удивленно спросил один из них.

— Вы есть, — с улыбкой подтвердил Грег. — Благодарю.

И поставил еще одну галочку.

— Люциус? — повторил храмовник.

— Кто из нас поздоровался с человеком Слоновски, когда мы вошли? — осведомился в ответ Минг. — Кто произнес хоть слово?

Ответом стала тишина.

— Мы в гостях у человека Слоновски, и он напомнил нам о вежливости.

— Он всего лишь слуга, — буркнул Туллиус Танг.

— Мы тоже. — И, не позволяя перебить себя возмущенным криком, продолжил: — Есть разница между гордыней и самоуважением. И сейчас… Сейчас мы должны быть чисты, как никогда. Сейчас в наших сердцах и душах не должно быть места гневу. Только не сейчас.

Прелаты отступили, обдумали услышанное, и ответом Люциусу стали глаза, постепенно возвращающиеся к мраку. Они поняли.

Грег же кашлянул и быстро прочитал оставшийся список:

— Надеюсь, господа Изус Лянг, Хориус Фенг, Кассиус Жанг, Сорус Бинг, Афус Ренг тоже здесь?

— Да, — кивнул Минг. — Здесь все, кого вы перечислили.

— Добро пожаловать на Станцию, — расплылся в улыбке

Слоновски. — Обращайтесь ко мне, в случае если вам что-нибудь понадобится. Чай, кофе, обсудить политические новости — я к вашим услугам.

— А если нам понадобится, чтобы ты вышел вон?

— Увы, по условиям игры я должен развлекать вас вплоть до особого распоряжения. — Грег уселся в кресло. — Хотите сыграть в города?

Врач вколол Мамаше Даше успокоительное и уложил спать.

Таратута от наркотика отказался, взял из бара бутылку коньяка и заперся в своей комнате. Олово куда-то убрел.

Матильда же осталась присматривать за тетей. Вышла в гостиную, где ждал Лакри, уселась на диван, подобрав под себя ноги, прижалась к любимому и разрыдалась. Выплеснула накопившуюся боль на самого дорогого человека в мире.

— Я его любила, Рус, понимаешь — любила. В детстве… я помню плохо, но его образ… Он был дядей Кириллом. Всегда улыбался, смеялся, шутил… Однажды, я точно помню, точно-точно, мы однажды ходили в зоопарк: я, мама, тетя и Кирилл. Я помню… Я еще думала, как здорово иметь такого папу…

Маленькая девочка мечтала о защитнике, о взрослом мужчине, который всегда будет рядом, раз уж настоящего отца ей не досталось. Маленькая девочка увидела такого мужчину, и он стал ее героем.

— Потом мы с мамой надолго уехали… я рассказывала… Я почти забыла Кирилла… даже, наверное, просто — забыла… Но потом, после того как вернулась… я узнала правду…

Матильда говорила с трудом. Постоянно всхлипывала, умолкала, чтобы тяжело вздохнуть и помолчать или же поплакать, потому что ничего не могла поделать со слезами. Невыносимая тяжесть заставила Матильду дать волю чувствам, и слова вырывались сами. Слова о Кирилле, маленькой девочке и обо всем, что их связывало.

— Какую еще правду? — тихо спросил Рус, поглаживая девушку по голове. — Разве я что-то о тебе не знаю?

Лакри не собирался ничего разведывать, спросил для того, чтобы лишний раз показать: я здесь, я рядом, я твой. Мы вместе, а это главное. Рус сделал все, чтобы его слова прозвучали успокаивающе, а не вопросительно, однако Матильда ответила:

— Правду о Кирилле, о Патриции, о Мамаше Даше и обо мне… о Чайке и Ганзе… о тебе. Обо всех нас. — Снова всхлипнула. — Кирилл не был обычным человеком, Рус, он обладал огромной властью. Знаешь, сколько лет ему было? Двести. Даже двести с лишним…

«Антиквар? Власть? Двести лет? Что за ерунда?»

— Но Патриция гораздо сильнее отца. И сильнее Его, потому что Он — прошлое, а Патриция — Избранная, она — будущее… Однажды Он уже находил Избранную, но она не смогла стать собой, а Патриция смогла. — Матильда глубоко вздохнула. — Ее душа запела, и она сложила последовательность, которую Он искал все эти столетия. Теперь им остался всего один шаг…

Сбивчивый рассказ окончательно запутал Руса. Патриция — Избранная? Кем? Куда? Что это значит? Что она смогла? Какую последовательность? Кто это — Он? Что искал?

Ничего не понятно, но одно инженер знал наверняка: Матильда не бредит. Она оглушена, она в шоке, возможно, она не понимает, что говорит, но ее слова — правда.

«Двести лет? Ха!»

Ложь или нет, но Матильда в нее верит. Или знает наверняка, или ее убедили.

Рус с трудом удержался от пары уточняющих вопросов. Он мечтал услышать продолжение, жаждал подробностей, но мысль воспользоваться состоянием девушки была инженеру противна.

Он закусил губу и промолчал.

Однако Матильда не остановилась. То ли не могла, то ли не хотела.

— Тебя, Чайку и Ганзу тоже искали… Каждый из вас дополняет других. А вместе вы — один человек… Даже не человек, а человеческий гений, суть гения, квинтэссенция. Вы живое доказательство того, что люди не остановились, что они ищут, идут к цели, думают… Кирилл искал вас, он сделал невероятное… Ведь гении сверкают в одиночестве. Они ярко блестят, оставляют след в истории, иногда даже меняют мир, но всегда эгоисты… Это плата. А Кирилл собрал вас, и вы начали работать вместе, как один… Это все равно что собрать в одном месте три сверхновые… И все верят, что результат окажется не просто великим — божественным…

Приятно, чертовски приятно слышать, что любимая женщина считает тебя гением. Еще приятнее осознавать, что она права, что ты действительно таков, каким она тебя видит. Однако насчет результата «трех сверхновых» у Руса было свое мнение, которое он не смог удержать:

— И что такого божественного мы делаем? Небольшую аварию, чтобы оставить Кауфмана в дураках, только и всего. — Он действительно так думал. Он понимал, чего стоит каждый из них по отдельности, понимал, чего они могли бы достичь, и горько вздыхал при мысли, что огромный потенциал растрачен на политические игры. Возможно, они предотвратят войну, возможно, они сбросят Кауфмана с диктаторского трона, до

которого ему остался всего один шаг, возможно. Однако удовлетворения от своей работы Лакри не испытывал. — Хочешь сказать, что это задача для квинтэссенции человеческого гения?

Матильда подняла голову, несколько секунд смотрела любимому в глаза, а затем, шмыгнув носом, тихо произнесла:

— Вы не устраиваете аварию, Рус. Вы запускаете Станцию.

Поездка из Сингапура оказалась стремительной и комфортабельной. То есть точно такой же, как все остальные организованные таинственным Заказчиком путешествия.

Бедлам, что творился на транспортном узле Анклава, их не коснулся. Толпы людей, желающих любой ценой покинуть охваченный беспорядками Сингапур, спекулянты, требующие за билеты небольшие состояния, драки у регистрационных стоек, озверевшие безы, подбирающиеся к границам узла террористы — все это Кристиана и его сопровождающих не затронуло. Как будто бы ничего этого не было. Как будто они заколдованы.

Вертолет сел прямо на полосу. Кристиан и Жозе прошли в заполненный пассажирами «страт», заняли свои места и через двадцать минут вылетели в Москву.

В Москву.

Большую часть дороги до русского Анклава друзья не разговаривали. Кристиан, остро переживающий смерть Агаты, угрюмо смотрел в стену, изредка проваливаясь в беспокойную дрему. А непривычный к уличным боям Жозе вытребовал у стюарда полкубика успокоительного и провалился в сон.

Они побывали в хаосе. И он им не понравился.

Выходя из «страта», Кристиан был уверен, что следующая остановка — Сити, однако им с Жозе не пришлось даже проходить контроль. Короткий разговор с двумя ожидавшими у выхода из самолета безами, короткий переход в соседний сектор и посадка в привилегированный до последнего предела «Су-1000» «Транссиб». Пятнадцать пассажиров: верхолазы из «Науком», офицеры московского филиала СБА и они с Жозе. Последний вопрос перед тем, как их запихнули в самолет: «Куда летим?» И короткий ответ.

На Станцию?!

На ту самую Станцию? Знаменитую и сверхсекретную?! Кристиан не верил своим ушам. Его, вчерашнего наркомана, умеющего только пить и фотографировать, отправляют на главную стройку Земли, куда закрыт доступ всем, включая главных верхолазов планеты? Куда пытаются прорваться все разведчики мира?

«Не стойте в проходе, пора взлетать».

«Транссиб» ждал приземления «страта», чтобы взять на борт

двух последних пассажиров. Стоял наготове, вместе со скучающими в салоне верхолазами-офицерами, и ждал.

Когда оторопь прошла, Кристиан прошептал другу, что их таинственный заказчик — Мертвый, и никто кроме Мертвого. Жозе ответил согласием и залпом махнул полстакана водки. После чего рванул в туалет. Страшного и всемогущего Кауфмана они не боялись, однако очень уж неожиданным стало это открытие.

На Станции их встретили два офицера из внутренней безопасности. То есть это потом Кристиан узнал, что они из внутренней безопасности, а на взлетном поле лишь обратил внимание на необычные красные шевроны с черной руной. Друзей доставили в жилой комплекс, в однокомнатную квартирку, чем-то похожую на номер дешевого отеля: две кровати, две тумбочки, шкаф, санузел и малюсенькая кухня. Извинились: «Все переполнено», попросили располагаться и ждать. И ушли. Любопытный Жозе выглянул в коридор — никого. На сверхсекретной Станции им доверяли, как своим.

«А ты хотел, чтобы нас посадили в камеру?»

«Пожалуй, нет».

Решили располагаться. Однако много времени им не дали. Едва Кристиан успел принять душ, как в дверь постучали. Открыл в чем был: банный халат и полотенце на шее. Ожидал увидеть ставших привычными безов, а встретил невысокого человечка с татуированной головой и невыносимо грустными глазами.

— Меня-а зовут Олово.

— Кристиан.

— Я-а зна-аю.

Человечек смешно тянул «а». А еще он был одет в расшитую рубаху, шаровары и тапочки на босу ногу. «Кто тебя так нарядил, бедолага?»

Впрочем, у верхолазов свои причуды, и со слугами они вытворяют все, что душе угодно.

Кристиан вновь взялся за полотенце, неспешно вытирая влажные волосы.

— Вас послали за мной?

— Я-а посыла-ал за-а ва-ами.

— Вы?!

— Меня-а зовут Олово. — Невысокий отодвинул ошеломленного фотографа в сторону, уверенно прошел в комнату, постоял, прислушиваясь к звуку льющейся воды — Жозе принимал душ, — после чего задрал длинную рубаху и вытащил из поясной сумки маленький коммуникатор. — Фотогра-афии.

Кристиан бросил взгляд на экран. Кадр № 94. Кадр № 123.

Кадр №… Сомнений не оставалось — в коммуникаторе странного человечка хранился весь его контракт. А это значило, что он работает не на богача-верхолаза, не на могущественного Кауфмана, а на татуированного заморыша, разгуливающего по Станции в рубахе с широким воротом, шароварах и тапочках!

Или перед ним верхолаз? Кристиан не знал, что думать.

— Сюрприз.

Невысокий прекрасно понимал охватившие фотографа чувства, однако что-то мешало ему сполна насладиться произведенным эффектом. Глаза татуированного оставались грустными.

— Вы кто?

— Олово.

— Просто Олово?

— Просто Олово.

— И это вы меня наняли? Вы заплатили несколько миллионов юаней за контракт?

— Та-ара-атута пла-атил, — сообщил невысокий. — Я-а попросил, он за-апла-атил. И все устроил.

И кивнул головой, подтверждая сообщение. Ну конечно же — Таратута! И он же все устроил. Вот и прояснилось.

Кристиану захотелось выпить. Он чувствовал себя героем комической постановки, объектом розыгрыша, однако… Однако оторопь постепенно сходила на нет, и фотограф вспомнил сказочные условия контракта, предоставленное обеспечение, охрану, пропуска в любой район, поддержку безов, терпеливо дожидавшийся их «Транссиб», Станцию, черт бы ее побрал! Вспомнил и понял, что все это сделал стоящий перед ним «заморыш». Точнее, Таратута, которого тот попросил.

Кристиан закрыл дверь, прошел в комнату и бросил полотенце на кровать.

— Зачем все это было нужно?

Спросил, а в следующий миг понял, насколько глупо прозвучал вопрос.

Олово пожал плечами:

— Па-амять. Гений умеща-ает мир в тыся-ачу фото. Весь мир. Я-а смотрю и вижу. — Еще один кивок. — Весь мир.

Перед фотографом стоял ценитель. Самый, мать его, настоящий ценитель, восхищающийся чужим талантом. Его талантом, из-за которого гибли телохранители и покончила с собой Агата. Он отразил рехнувшийся мир, его работы убедили Агату, что выхода нет, и привели в ванну.

Ценитель, Агата, смерть, хаос… Кристиан и сам не заметил, как в его руках оказался стакан с виски.

— Выпейте, — предложил невысокий. — Ва-ам на-адо.

— Да, — кивнул фотограф. А после того как сорокаградусная жидкость шарахнула по горлу, хрипло поинтересовался: — Зачем вы привезли меня сюда?

Еще один дурацкий вопрос, ответ на который известен.

— Совершенство.

— Здесь?

— Вы увидите и сдела-аете фото. — Олово помолчал. — Но сна-ача-ала тоже будет ха-аос.

Можно ли устать от тишины? Легко! Если эту тишину создают восемь странных гостей.

Представившись, если состоявшуюся перепалку можно было назвать таким словом, прелаты расселись в предложенные кресла и замерли, погруженные в свои мысли. Или же обмениваясь мыслями с коллегами — Слоновски не удивился бы, окажись храмовники телепатами.

Они скинули хламиды, оставшись в брюках и одинаковых черных водолазках, плотно облегающих тощие тела. От кофе или чая отказались, от игры в города, как ни странно, тоже, и тридцать минут молчали, действуя Гре-гу на нервы больше, чем когда орали.

За мгновение до того, как в комнату вошла Патриция, прелаты одновременно обернулись, а еще через несколько секунд, словно подчиняясь приказу остановившейся в дверях девушки, поднялись на ноги.

— Я рада вас приветствовать, досточтимые.

Голос Патриции прозвучал с холодной вежливостью. Таким тоном говорят короли, обращаясь к не самым любимым вассалам. Таким тоном можно хлестнуть по лицу, а можно, как это сделала Пэт, четко обозначить расстояние, которое разделяет собеседников.

— И мы рады тебя видеть, — за всех ответил Люциус. С уважением, отметил Слоновски, с интересом наблюдающий за разворачивающимся действом.

Здесь, в этой самой комнате, допуск Грега заканчивался. Он не знал, для чего Патриция притащила на Станцию высших иерархов Храма, но понимал, что ей требуется полное подчинение. А Люциус ответил всего лишь с уважением. Без почтительности, но с уважением. Люциус ответил наивысшей степенью признания по отношению к обычному человеку, он продемонстрировал, что считает девушку равной себе.

Однако в следующий миг стало ясно, что Патрицию такое обращение абсолютно не устроило: она не считала, что прелаты ей ровня.

Едва «всего лишь уважительный» ответ прозвучал, как глаза Пэт похолодели, словно залитые жидким азотом. Подбородок чуть поднялся, и девушка, превратившись в высокомерный памятник самой себе, отчеканила:

— Аве бор тацун у рега! Вея ханта сид у рега, аве лок! Аве бор, син доро!

Хлесткие фразы, которые Грег мысленно обозвал абракадаброй, повергли храмовников в изумление. Их выпученные глаза стали светло-зелеными, лица вытянулись, а у некоторых прелатов отвисли челюсти.

— Ты… — Ошеломленный Люциус сглотнул, сбился, но сумел продолжить: — Ты говоришь Его словом?

Патриция ответила настолько жестким взглядом, что прелат понял. Все прелаты поняли.

— Это твое слово, — прошептал Минг. — Не Его I нос.

А в следующий миг высшие иерархи Храма Истинной Эволюции опустились перед Патрицией на колени.

* * *

Территория: Европейский Исламский Союз. Пиренейская автономная область. Мадрид, склады Сулеймана Карлоса. Кровь победы

Рисковать и перевозить из Мадрида «глаз» Сорок Два не стал. Ограничился тем, что перепрятал — арендованный Дидье Почтальоном склад плохо подходил для лаборатории.

А вот на создание импровизированного научного центра ушло не три обещанных дня, а целая неделя, зато получилась лаборатория на загляденье. Сорок Два поднял связи в Университетах Анклавов и государств, лично проверил и отобрал кандидатов, лично переговорил с ними и лишь после этого, окончательно убедившись, что им можно доверять, открыл тайну и предложил поработать в Мадриде. Не отказался никто.

Десяток ученых перевезли в лабораторию — к этому времени Пума превратила ее в настоящую крепость, не имеющую связи с внешним миром, — и отдали под начало Дидье. А дальше потянулись тоскливые, наполненные нервным ожиданием дни. Сорок Два не покидал Европу, мотаясь между Анклавами и крупными городами, работал в прежнем, весьма интенсивном режиме, однако все его мысли были заняты испанскими исследованиями. Пророк связывался с Почтальоном не реже двух раз в сутки, несколько раз приезжал в Мадрид, лично подбадривая ученых, обеспечивал лабораторию необходимыми материалами, дополнительным оборудованием, а получив сообщение об удачном эксперименте, бросил все дела и примчался в тот же день.

— Получилось? — Он даже не поздоровался, вихрем влетел в подвал, превращенный в настоящий бункер, и сразу же задал вопрос. — Получилось?!

— Да!

— Да! — И Сорок Два бросился обнимать довольного, словно именинник, Почтальона. — Пума, ты слышала? Да! Они сделали!

Ответить Ева не успела: подлетевшие ученые загалдели разом, торопясь поделиться с пророком радостью.

— Мы справились!

— Сорок Два, мы открыли дверь!

— Разобрались!

— Цепочка оказалась несложной…

— Весь секрет в паре неожиданных изменений…

— Очень тонкая работа…

— Но несложная.

— Сложная! Просто мы молодцы!

— Вскрыли тайну храмовников, как банку пива!

Пророка подвели к емкости, в которой плавал небольшой, сантиметров сорок в диаметре, «глаз» — результат напряженных усилий и виновник торжества.

— Мы проанализировали раствор храмовников и выяснили, что он ускоряет деление клеток.

— Они молодцы.

— Гении, мать их!

— Полутораметровый «глаз» мы вырастим за неделю.

— Но этот уже работает! Мы проверили.

Демонстрацию Почтальон провел лично. «Глаз» осторожно извлекли из раствора, установили на хитрую подставку, после чего Дидье начал подавать сверху синтезированный обычным, всем известным способом «синдин». Небольшое углубление в верхней части «глаза» впитывало полуфабрикат, как губка.

— Процесс идет очень быстро.

Железа, из которой вытекали «синдиновые» слезы, оказалась вживленной в нижнюю часть зрачка. Неестественно, конечно, однако создавалось впечатление, что чудовищный глаз действительно плачет, причем — кровью.

Дидье собрал алую жидкость в пробирку и протянул пророку.

— Настоящий «синдин». Я лично проверил.

Тоже подвиг, если вдуматься. Почтальон вмазался неизвестным раствором, рискуя сдохнуть в жестоких страданиях, но он верил в свою удачу. И она не подвела.

— А цвет? — улыбаясь, спросил пророк, встряхивая пробирку.

— Станет обычным в течение получаса. Пума кашлянула.

— Мы научились варить «синдин», брат, — подытожил Дидье.

Больше добавить нечего.

Дидье и ученые замолчали, внимательно глядя на Сорок Два. На своего вождя. На человека, который бросил вызов всему миру и победил.

— Вы даже не представляете, что сделали, — негромко произнес пророк. — Вы объявили Эпоху Цифры, братья. Вы создали будущее.

«Синдиновое» будущее», — неожиданно подумала Ева.

— Вся наша работа, все наши усилия, все мечты, все грезы — все это вы сделали реальным. Даже изобретение троицы меркнет

на фоне вашего успеха.

— Сорок Два, не надо так.

— Мы простые парни. Пророк поднял руку.

— Нет, братья, вы те, кто есть. И вы только что изменили ход истории. — Сорок Два поцеловал пробирку и вернул ее Почтальону. — Где информация?

— Здесь. — Дидье подвел пророка к настольному коммуникатору. — Подробная инструкция по производству раствора и «глаза». В качестве бонуса — схема его установки в систему и рекомендации по предварительному синтезу «синдина». Нужное оборудование достать несложно. Если мы выложим инфу в сеть, то через пару недель «синдин» станут производить повсюду.

И наступит будущее.

Ева кашлянула. Сорок Два уселся в кресло, быстро просмотрел материалы и кивнул.

— Все в порядке.

Ева вновь закашлялась, на этот раз громко, привлекая внимание, а когда ученые обернулись, стала стрелять из снабженного глушителем «дыродела». Быстро, метко и безжалостно. Первая пуля досталась Почтальону-он был единственным, кто мог оказать сопротивление, остальные — в ученых. В так и не успевших ничего понять, в испуганных, в пытающихся убежать ученых. В братьев, которые только что изменили ход истории.

«Смерть — логичный финал для каждого из нас. Так пусть будет смерть».

Еве было плевать. Ей давно уже было плевать, кого убивать. Ведь никто не говорил, что «синдин» безопасен, правда? Никто, мать его, не говорил, а потому виноваты все.

Десять человек — четырнадцать выстрелов. Скорострельный пистолет и сноровка позволили Пуме провести операцию меньше чем за двадцать секунд и не повредить ценное оборудование.

Покончив с учеными, Ева перезарядила оружие и повернулась к пророку:

— Всё.

Теперь секрет «синдина» принадлежит им.

— Жаль, что так получилось, — вздохнул Сорок Два, с горечью глядя на мертвых братьев.

Когда пророк сказал, что ей придется убрать исследователей, Пума даже не стала спрашивать — почему? Не стала, и все. И даже удостоилась тихой благодарности от Сорок Два: «Спасибо, что не мучаешь меня, Ева. Поверь, мне нелегко далось это тяжелое решение…»

«Все для тебя», — ответила тогда Пума, чувствуя… нет, не омерзение, но предвкушение его. Ева понимала, что задумал Сорок Два, но не стала ни мешать, ни поддерживать. Просто выполнила работу, ожидая, что пророк расскажет о людоедских своих резонах. Ей хотелось в последний раз послушать человека, за которым она шла все эти годы. И который забыл ей сказать, что она умирает.

— Я многое понял, — проникновенно произнес пророк, откидываясь на спинку кресла. Горечь покинула его взор, теперь он смотрел на трупы исследователей, как на мусор. — Я осознал ответственность, которую История возложила на меня. Дать начало новой Эпохе, новому, принципиально новому миру, абсолютно новым взаимоотношениям… Я должен быть крайне осторожен. Я не имею права ввергнуть мир в хаос. Я обязан думать о каждом человеке.

— Я не понимаю.

«А разве должна?» — едва не сорвалось с языка Сорок Два. Однако пророк сдержался — не время хамить Пуме. Война не закончена, и послушная, как хорошо дрессированная собака, Ева еще пригодится. А раз не поняла, надо объяснить. Время есть.

— В результате наших действий храмовники свернули лавочку, и по всему миру наблюдается дефицит «синдина». Если мы выпустим секрет в сеть, начнется его неконтролируемое распространение, что поставит мир на грань катастрофы. Анархия, к которой привыкли тритоны, должна прекратиться. Кто-то обязан управлять постепенным, обдуманным переходом к Эпохе Цифры.

«Ему нужна власть».

Пума кашлянула.

Но Сорок Два не услышал. Или не обратил внимания.

Сорок Два вещал, мечтательно глядя куда-то поверх ее головы. Сорок Два уже не объяснял, он тешил себя своим завтра.

«Ведь у него есть завтра. Он не кашляет».

— Эпоха Цифры — это не эпоха хаоса. Мы строим мир, а не ад. А мир должен управляться, мир должен иметь четкие законы, обязательные для всех правила игры. Это логично. Первое правило: свобода. Второе правило: свобода не должна вредить другим. Ведь я обязан думать о людях. И сейчас, пока никто не знает, что тайна «синдина» в наших руках, самое время задуматься над системой управления.

— А храмовники? — угрюмо спросила Ева.

— Продолжим охоту, — махнул рукой пророк. — Сейчас они дезорганизованы, напуганы, рассеяны, а потому не опасны. Сейчас нужно брать за жабры другую рыбу.

— Но храмовники знают секрет «синдина». Что будет, если они его раскроют?

— Ни за что, потому что в этом случае все жертвы окажутся напрасными, — рассмеялся Сорок Два. — Их психованный бог ни за что не пойдет на такое унижение.

— Когда поймет, что Мутабор на краю гибели, ему станет плевать на такую мелочь, как унижение, — заметила Пума.

— Ну… — Пророк почесал подбородок. — Даже если они и откроют секрет «синдина», мы просто сменим тактику. Перехватить у нас управление процессом они не смогут при всем желании.

«Власть. Власть. Власть. Вот из-за чего погибла Красная — прокладывала маленькому человечку дорогу к неограниченной власти. А еще Крюгер, Дэн, Почтальон. А еще она сама…»

— Никто не говорил, что «синдин» безопасен, — угрюмо процедила Ева.

— Что ты имеешь в виду?

— От «синдина» умирают.

Сорок Два внимательно посмотрел на Пуму. Насторожился, отметив чуть подрагивающие пальцы и странный блеск в глазах. Попытался пошутить:

— От жизни тоже умирают, но ведь это не значит, что не нужно рождаться, правда?

— Ты прав, — прошептала Ева, поднимая пистолет. — Ты прав, любимый, умирают от жизни и от «синдина». Ты ведь знал, не так ли?

А вот теперь пророк перепугался. Попытался вскочить с кресла, но был остановлен резким возгласом:

— Сидеть!

А титапластовая дверь в подземный бункер заперта, охрана снаружи, а внутри лишь одиннадцать трупов да чокнувшаяся метелка с «дыроделом». Сорок Два покрылся холодным пбтом.

— Ева, милая…

— Ты знал, — всхлипнула Пума.

«Она с трудом сдерживает слезы? Замечательно! Женщины — существа эмоциональные, возможно, удастся ее уболтать и как-нибудь открыть проклятую дверь».

— О чем ты говоришь, любимая?

— Ты знал, что от «синдина» умирают, ведь так? «Прелат, сука! «Знаете, почему кашляет ваша Пума?

Она умирает…» Надо было сразу шлепнуть эту дуру! Но ведь верная, сучка, головы откусывала по моему приказу… А сейчас и мне! Б…дь, что же делать-то?!»

— Я не смог тебе сказать, моя любовь. Ты не знаешь, сколько

слез я пролил по ночам, когда ты спала на моем плече. Ты не знаешь, как холодела моя душа, когда я слышал твой кашель. Ты…

— Ты знал?

— Мне рассказал прелат во время той нашей встречи. Вот почему я был так мрачен. Я был в шоке.

— Из-за меня?

— Да. — Сорок Два посмотрел Пуме в глаза, изо всех сил стараясь не замечать черное дуло «дыродела». — Я ведь тебя люблю.

И проклял свое субтильное сложение, не позволяющее хотя бы попытаться начать схватку. Он не быстр и не силен, потому вынужден послушно сидеть в кресле, чувствуя, как от страха жгутом сворачиваются внутренности.

— Ты — самое дорогое, что у меня есть.

— А ты у меня. — Ева вновь всхлипнула, но «дыро-дел» в ее руке не шелохнулся. — Я спасу тебя, Сорок Два, спасу от самого себя, — срывающимся голосом продолжила Пума. — Я не позволю тебе испортить свою жизнь. Я сделаю тебя легендой, хотя ты, любимый, большая сволочь.

— Ева!

Пророк понял, что только что выслушал приговор.

— И не волнуйся насчет Эпохи Цифры, любимый, я расскажу секрет «синдина» всему миру. Сегодня же расскажу.

«Это… это… это… Это конец». Сорок Два понял, что обмочился. Язык ворочался с трудом, внутри было холодно-холодно, он видел лишь черное дуло, но все-таки нашел в себе силы на еще один аргумент:

— Но ведь «синдин» убивает. Ева, ты…

— На Земле слишком много дураков. — Голос Пумы стал очень жестким. — Пусть подыхают вместе со мной.

Территория: Россия.

Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кайфоград.

Неожиданный ход дает преимущество в дебюте

— Никогда! — зычно провозгласил Бромберг, прижимая микрофон едва ли не к губам.

Динамики грохнули призыв, и колонна послушно рявкнула:

— Никогда!!

— Сохраним Землю для наших детей!

— Сохраним Землю для наших детей!!

— Мы не сдадимся!

— Мы не сдадимся!!

— Остановим Ад!

— Остановим Ад!!

— Как и было обещано, «Остановим Ад!» проводит грандиозную манифестацию, — торопливо передавали следующие за демонстрантами репортеры. — Тысячи активистов выстроились в колонну и направляются к периметру Станции, собираясь заявить решительное «Нет!» планам «Науком». В их руках транспаранты и флаги…

— Напугает ли мирная демонстрация охрану?

— Не менее пятнадцати тысяч безоружных людей движутся вдоль периметра Станции, скандируя лозунги в защиту планеты…

— Акция «Остановим Ад!» подчеркивает обеспокоенность общества…

— Многие видные ученые разделяют точку зрения активистов…

— Похоже, происходящее стало для СБА сюрпризом…

— Где они сейчас?! — спросила Эмира, торопливо застегивая бронежилет.

— Идут к железнодорожной ветке, — уточнила Фатима. — Через тридцать минут ожидается эшелон. Полагаю, они опять попытаются его остановить…

— Нет!

— Что нет? — не поняла Тураева.

— Слоновски не дурак, узнав о манифестации, он тормознет поезд… — Эмира коротко выругалась. — Сегодня Бромберг пойдет на Станцию!

Разведка была проведена, рядовые «зеленые» поняли, что стрелять в них не будут. В СМИ прошла артподготовка, упиравшая на исключительно мирный характер акций движения, и сегодня кукловоды «Остановим Ад!» нанесут удар. Погонят «сдуренных» фанатиков на защитные периметры в надежде проломиться к строительству.

Тураева сжала кулаки и в четких, но весьма грязных выражениях описала Бромберга и его хозяев.

На базе ОКР завывала сирена, запрыгивали в грузовики поднятые по тревоге солдаты. Три бронетранспортера и обе водометные машины уже выехали, но что они могут против пятнадцати тысяч человек?

— У «Остановим Ад!» есть разрешение мэрии Кай-фограда на проведение демонстрации.

Значит, разгонять толпу можно только в случае беспорядков, а беспорядков не будет, поскольку они не вооружены и настроены «миролюбиво». Они просто пойдут на безов…

— Цугцванг.

— Что?

Илья не просто вошел в кабинет Го без стука, он еще и голос без разрешения подал, однако сейчас Эмире было не до норм поведения.

— Ты собрался? — она жестко посмотрела на ломщика.

Чайка мгновенно понял, что имеет в виду майор.

— Ну… «раллер» всегда при мне.

— Поедешь со мной, — приказала Го, возвращая в кобуру проверенный пистолет. — Фатима, обеспечь мальчика бронником…

— Отто молодец, — одобрил Дрогас, разглядывая ползущую вдоль первого периметра колонну в бинокль. — Всех поднял.

В палаточном лагере остались только дежурные, приглядывающие за сохранностью вещей. Все остальные отправились к Станции прокладывать дорогу Стефану и его команде.

— Я думал, они захлебнутся в наркоте, — хмыкнул один из помощников Дрогаса. — За последнюю неделю они дури сожрали вдвое против обычного.

— Дури не жалко, главное — результат. А он у нас есть. — Стефан опустил бинокль и покосился на ломщика: — Правда, Саймон?

— Результата еще" нет, — спокойно отозвался Хост.

Однако спокойствие далось посланцу Сорок Два нелегко. Саймон был мужиком опытным и битым, в жизни многое повидал и через многое прошел, но презрительное отношение Стефана к несчастным фанатикам его раздражало. В то же самое время Хост понимал, что никак иначе Дрогас и не может к ним относиться. Какого еще отношения заслуживают идиоты, которых сдурили и послали на убой? И даже к его, Саймона, жалости все равно подмешивалось презрение.

— Результата нет, — повторил Саймон. — Мы здесь, а не там.

— Правильно мыслишь, — одобрил Стефан, возвращаясь к биноклю. И пообещал: — Скоро будем.

Колонна медленно приближалась к железнодорожным воротам. Эшелон, как сообщили разведчики, остановился в десяти километрах. Ну и черт с ним. Гораздо больше Дрогаса интересовали безы, которые спешно занимали позиции по ту сторону периметра. Щиты, дубинки, «травматики», гранаты со слезоточивым газом и бронированные грузовики с водометными установками. Арсенал понятен, открывать огонь по «мирной» демонстрации Слоновски не будет.

— Надеюсь, они не придумали ничего нового, пробормотал помощник.

— Не могли придумать, — усмехнулся Стефан. — Здесь их

уязвимое место: железную дорогу не заминируешь и наглухо не закроешь.

— Они об этом знают.

— Только сделать ничего не могут.

— Или могут? — Саймон показал на безов, торопливо перекрывавших железнодорожные пути колючей проволокой.

— Ерунда! — уверенно заявил Дрогас.

— Ты думаешь?

— В первых рядах совсем скурвленные торчки идут, им что проволока, что мины — все едино. Они даже не поймут, что наткнулись на препятствие.

— А дальше?

— А дальше вступят в действие законы стада. Шантрапа озвереет, попрет напролом и откроет нам Станцию.

Людская масса прорвется внутрь, а за ней пойдут бравые парни, представляющие все спецслужбы мира. Шлейф, которым стремительно обрастала колонна, состоял не столько из журналистов, сколько из «крутых» обитателей Кайфограда, надеющихся воспользоваться складывающейся ситуацией. Никто из них не знал, как поведут себя безы, получится ли у «Остановим Ад!» атака, но все на всякий случай подтягивались к месту акции.

Дрогас шумно выдохнул:

— Отличная заваривается каша!

— А что ты скажешь на это?

Со стороны Кайфограда показались бронетранспортеры ОКР.

— Да ничего…

— Прохоров! Черт бы тебя побрал!

Большой экран настенного коммуникатора демонстрировал недовольного Моратти: лицо покраснело, галстук сбился в сторону, глаза мечут молнии. Однако ярость президента СБА была вызвана не очередной выходкой «зеленых», а демонстрацией вопиющего неуважения — соединение с кабинетом коменданта Станции установлено, однако в зоне действия видеокамеры никто не появился, и господину президенту целую минуту пришлось созерцать пустое кресло.

— Прохоров! Что у тебя происходит? Алексей покосился на Мишеньку. «Пора?»

Тот кивнул, неспешно прошел к коммуникатору, уставился в объектив и бесстрастно сообщил:

— Мы предполагаем начало беспорядков, господин президент.

— Щеглов? — Моратти не смог скрыть удивления.

— Так точно, господин президент, — сухо подтвердил Мишенька. — Моя фамилия Щеглов, я рад, что вы не забыли.

Слова более-менее корректны, но тон, которым они были произнесены, заставил Ника сжать кулаки. «Наглец!»

— Ты должен был слышать, что я задал вопрос коменданту Станции.

— Он вам и ответил, господин президент, — бесстрастно произнес Мишенька. — Сегодня в девять тридцать утра я, выполняя приказ директора Кауфмана, приступил к исполнению обязанностей коменданта Станции. Алексей Прохоров занимает должность моего первого заместителя.

Квадратные стекла очков издевательски блеснули, и Моратти с трудом удержал рвущиеся на свободу ругательства.

— У меня есть большие сомнения в законности этого приказа.

— Вы должны помнить соглашение о строительстве Станции, господин президент. В нем четко указано, что обеспечением безопасности занимается московский филиал СБА. Доктор Кауфман является его главой. Приказ абсолютно законен.

— Я в этом не уверен.

— В настоящий момент, господин президент, важно то, что в законности приказа доктора Кауфмана уверены все сотрудники Станции. А ваше личное мнение — это ваше личное мнение.

Не просто наглец, а наглец в квадрате! В кубе! Даже Мертвый, изредка показывающий зубы, никогда не позволял себе подобных выходок. А этот щенок не стесняется указывать ему, президенту СБА, на место.

«Они знают! — понял Ник. — Они знают, чем закончится демонстрация, а потому и сменили Прохорова на Щеглова».

У которого, по мнению составителей досье, нервы отсутствовали как физический параметр.

— Хорошо, комендант… пока оставим. — Моратти с ненавистью посмотрел на Мишеньку. — Что у тебя происходит, Щеглов?

— Как я уже сказал, Ник, мы предполагаем начало беспорядков, — небрежно ответил тот. — Но ты не волнуйся — справимся.

— Не забывай о субординации.

— Она не дает вам права говорить мне «ты». Взгляды мужчин встретились: тяжелый — Моратти и

равнодушный — Мишеньки. Пара секунд борьбы, и Ник понял, что придется отступить.

— Доложите о происходящем.

— В настоящий момент у внешних железнодорожных ворот Станции скопилось до пятнадцати тысяч человек. Мы предполагаем, что они попытаются прорваться внутрь.

— И что вы собираетесь предпринять?

— Все необходимое.

Прохоров был тверд, но по сравнению с ним Щеглов производил впечатление человека, сделанного из оружейной стали. Бесстрастный, абсолютно спокойный, а главное — абсолютно уверенный в своей правоте. Дознаватель, начальник Управления Дознаний, первый заместитель директора московского филиала СБА… Палач Мертвого и самый его доверенный помощник, об уме, проницательности и жесткости которого слагали легенды. Моратти понимал, что Щеглов, если потребуется, с приказом «открыть огонь» медлить не станет. У Слоновски появился достойный вожак.

— Если прольется кровь, вы, комендант Щеглов, отправитесь под суд.

— Станция — объект повышенной опасности, — ровно ответил Мишенька. — Мы имеем право стрелять.

— Но не в мирную демонстрацию.

— Перечитайте устав СБА, господин президент. В нем ничего не сказано о том, как должны выглядеть нарушители охраняемого периметра.

Мишенька отключил связь и посмотрел на Прохорова.

— Что у ворот?

— Шесть «Пугачей», пять бронетранспортеров и две сотни безов со спецсредствами для разгона толпы. Место узкое, возможно, задержим. — Слева и справа от железной дороги были установлены рогатки и ряды колючей проволоки. Были и мины, однако не в тех количествах, что на других направлениях. Беспрепятственно толпа могла идти лишь по полосе шириной в шестьдесят метров, и этот факт позволял Прохорову надеяться удержать «зеленых» на первом периметре. — В резерве еще три сотни…

— Обычные безы? — перебил заместителя Щеглов. — Да.

— Пусть остаются в резерве. Что со второй линией?

— Мы сменили оружие на травматическое. Жертвы будут, но в минимальных количествах. Надеюсь, это их остудит.

— Не просто остудит, они должны там захлебнуться. — Мишенька вывел на экран карту проблемного участка. — Толпа не должна пройти дальше второго периметра. Только в этом случае… — Договаривать Щеглов не стал, Прохоров и так знал, о чем предупреждали аналитики. — Что Слоновски?

— Как только ты объявил тревогу, внутренняя безопасность, согласно боевому расписанию, заняла «периметр О».

— Хорошо.

Четвертая, тайная и последняя линия обороны — «периметр 0» — проходила по крайним постройкам Станции, скрытно

соединенным в единую защитную цепь. Эти укрепления находились в полном ведении Слоновски, и там не было ни травматического оружия, ни гранат со слезоточивым газом, только боевое оружие.

— Хорошо, — повторил Мишенькаг. — Я предупредил Патрицию, что обратный отсчет включен.

Как и ожидала Эмира, приблизиться к железнодорожным воротам без помех демонстрантам не позволили. Едва первые ряды фанатиков перешли невидимую черту — приблизительно в ста метрах от периметра, — в толпу полетели гранаты со слезоточивым газом. Целый рой гранат, создавших на пути нападавших плотное облако.

Репортеры взвыли от восторга, а толпа — от ярости. Но не остановилась.

Фанатики прекрасно знали, что их ждет, и хорошо подготовились к такой ерунде, как газ. Тысячи человек едва ли не одновременно натянули на физиономии защитные маски и устремились к рядам колючей проволоки, служившей первой стеной Станции. Ломиться в запертые ворота «зеленые» не стали.

— Но ведь их здорово порежет, — пробормотал Чайка. — Неужели они не понимают?

— Ты забываешь о транспарантах, — ответила Эмира, напряженно вглядываясь в происходящее. — Ставлю сто юаней против двух рублей, что они с секретом.

К тому же, возможно, у кого-то из шествующих в авангарде «зеленых» есть при себе кусачки или ножницы. Или еще какой-нибудь инструмент для борьбы с заграждением.

— Двух рублей жалко.

— Молодец.

Защитники Станции сделали все, чтобы железнодорожная ветка — наименее укрепленный участок периметра — стала неудобным направлением для штурма. Ров перед первым рядом «колючки», ров позади. Бетонные блоки, торчащие из земли металлические штыри… А также очереди из травматического оружия, нескончаемый поток газовых гранат и водометы, включившиеся сразу, едва «зеленые» подошли к ограждению. Безы отлично подготовились к отражению атаки, однако противостоящие им фанатики не думали о себе. Они упрямо перли на колючую проволоку, натыкались на штыри, блевали от газа, корчились, схлопотав резиновую пулю в грудь или лицо, но задние ряды продолжали напирать.

— Остановим Ад!

— Остановим Ад!!

Живой поток прорвал «колючку» и рванул вперед.

— Пора, — поняла Эмира. И подозвала стоявшую у внедорожника Тураеву: — Фатима, нужно ударить придуркам в бок. Это даст безам время на перегруппировку…

— Эмира, все плохо, — тихо ответила та, виновато глядя майору в глаза. — Только что пришел приказ: ты временно отстранена и должна вернуться на базу. Мне велено не принимать активных действий, чтобы не подвергать ненужному риску личный состав.

«Молодцы!»

Эмира даже ругаться не стала — какой смысл? Спланировавшие акцию люди знали майора Го как исполнительного, верного Уставу офицера. Пока эти качества были нужны, майору Го позволяли делать в Кайфограде все, что она считала нужным. В настоящий момент ситуация изменилась, и майору Го велено не путаться под ногами. Все правильно. Лишнее доказательство того, что за «Остановим Ад!» стоит весомая структура.

— Для предотвращения беспорядков в Кайфоград направлено два десантно-штурмовых полка ОКР, — по-прежнему тихо продолжила Фатима. И вздохнула: — Похоже, Эмира, здесь начинается война.

«Зеленые» прорвутся как можно дальше, а затем в дело вступят военные. Было ли так запланировано заранее, или же командование ОКР оперативно среагировало на происходящее — не важно. Важно другое: флот в стороне не останется. День «Х» наступил.

— Когда прибудут десантники?

— Минут через тридцать.

Го помолчала, а затем, глядя бывшему заместителю в глаза, спросила:

— Ты ведь не заставишь меня возвращаться на базу? Они с Тураевой служили не один год, прошли через

кучу военных конфликтов, не раз прикрывали друг друга, делились патронами и едой, но ведь люди непредсказуемы… К счастью, не в этом случае.

— Я сообщу, что ты туда отправилась, и отвернусь.

— Спасибо.

— И… — Фатима взяла Эмиру за руку. — На всякий случай: прощай.

— Прощай.

Лишние слова ни к чему. Короткое прикосновение, короткий, полный дружеского тепла взгляд, и Тураева вернулась к внедорожнику. Она догадывалась, что у Го есть некое важное, неизвестное ей дело, и не хотела мешать. Именно потому, что они

с Эмирой служили не один год, прошли через кучу военных конфликтов, не раз прикрывали друг друга, делились патронами и едой…

Майор подошла к Чайке и сообщила последние новости:

— Ребята, которые затеяли это безобразие, перекупили мое начальство. Минут через тридцать-сорок начнется полноценный штурм Станции.

— В таком случае нам пора, — решительно оборвал майора Илья. — Звони Патриции и объясняй ситуацию…

— Не слишком ли ты смелый для ломщика? — осведомился Стефан, опустив маску на грудь. — Прямо опытный боец, будь я проклят.

— Тебя это немного беспокоит?

— Меня это немного удивляет.

Они шагали примерно в середине колонны, но не смешались с ней — группа прилепилась к левому флангу разгоряченных «зеленых», и два десятка телохранителей зорко следили за тем, чтобы к Дрогасу и Саймону никто не приближался. И даже не шагали, скорее топтались рядом с проходящими мимо первого периметра фанатиками. Голова колонны рвалась дальше, дралась с безами, пытаясь добраться до второй линии обороны, и лезть в драку Стефан благоразумно не стал, велел ждать.

— Я знаю, ради чего рискую, — хмуро ответил Хост.

Он тоже снял маску — ветер разогнал облако слезоточивого газа — и теперь жадно вдыхал воздух.

— Ты знаешь? — Если замечание о странном для «компьютерного доходяги» спокойствии Саймона стало просто поводом для болтовни, то нынешний ответ и в самом деле удивил Дрогаса. — И ради чего?

— Я всегда был ломщиком, — ответил Хост, глядя на проходящих мимо «зеленых». — Ломать самые защищенные сети — мое призвание. Смысл жизни. И просто кайф… — Пауза. — Я сломаю Станцию и войду в историю. Понятно?

— Более-менее.

— А вот ты почему здесь? Неужели из-за денег?

— Это мое призвание, — пожал плечами Дрогас.

— Посылать людей на смерть?

— И рисковать самому.

— Ты просто отморозок.

— Вроде тебя, — расхохотался Стефан. И стал серьезным: — Если пройдем вторую линию, то у нас все получится.

— А как же третья?

— Там будут другие расклады.

— Уверен?

— Я не уверен, я знаю. Кадр № 702

Человек висит на «колючке». Острые лезвия режут его плоть до самых костей, кровь льется в раскисшую землю, а человек смеется. Его друзья лезут по нему через преграду, топчут его спину, его плечи, его голову, а человек смеется. В него попадают резиновые пули, а человек смеется. Этот человек не пойдет дальше. Возможно, он так и умрет на проволоке, но человек все равно смеется.

Человеку хорошо.

— Они все под кайфом! — кричит Кристиан, отвлекаясь от видоискателя. Кристиану и страшно, и противно. — Б…дь, они же все под кайфом!!

— Кайфоград, — хладнокровно объясняет Олово.

Они между вторым и первым периметрами, примерно посередине, на небольшом пригорке. Видно отсюда отлично, а что не разглядит глаз — приблизит «шива», она зоркая, она добивает даже до первого периметра, но так далеко не надо. Все самое интересное гораздо ближе.

Вертолеты с ревом зависают над толпой и опустошают танки с «липучкой» — клеящим гелем. Она схватывает одежду и пальцы, может приклеить руку к туловищу или связать часов на двадцать двух-трех человек. Штанины «липучка» тоже склеивает, и люди падают. Но остальные продолжают идти. Гель ярко-красного цвета, как свежая артериальная кровь. Психологи говорят, что это дополнительный фактор воздействия. Но люди продолжают идти. Люди продавили безов, и те отступают. Уходят под прикрытием отплевывающихся водометов.

— Почему их было так мало?

Пять броневиков, шесть «Пугачей» и совсем немного безов.

— Мины, — коротко отвечает Олово.

И фотограф понимает. «Зеленые» вынуждены впихивать свою обдолбаную колонну в проход шириной пять-десят-шестьдесят метров. Безы надеялись их удержать небольшими силами и удержали бы, но «зеленые» обезумели. Хаос. Фотограф понимает и снова поднимает «шиву».

Кадр. Кадр. Кадр.

— Надо уходить! — озабоченно говорит Олово. — Сейчас.

Он сменил деревенские шмотки на полевую форму и вставил в глотку какую-то нанохрень, позволяющую говорить, не растягивая гласные. Он казался замухрышкой, но в его присутствии Кристиан почему-то чувствовал себя в большей безопасности, чем даже в окружении «гвардейцев».

— Безы торопятся…

— Подожди! Кадр № 703

Теперь Кристиан знал, где искать очередное мгновение ужаса. Вбок. Туда, где распаленные «зеленые» могли выскочить за пределы безопасного прохода. Вот, один…

«Получится?»

Получилось.

«Шива» запечатлела человека, наступившего на мину. Поймала эфемерный миг удивления, перед тем как взрыв разметал человека в клочья. Еще одного смеющегося человека.

Кадр № 703. Тринадцатый полигон «Науком», Станция, август.

* * *

Анклав: Цюрих. Территория: Альпийская Поляна. «Замок Ван Глоссинга». Войны выигрывают обманом, а не силой

Официально президент СБА не был уполномочен представлять Анклавы на переговорах с правительствами, и верхолазы делегировали ему это право в исключительных случаях. Как, например, сейчас.

— Ник, вы наверняка знаете, что переговоры зашли в тупик, — с напором произнес Ахмед Катран. — Мы не можем прийти к согласию.

В переводе с дипломатического: верхолазы отказываются принимать наши условия.

— Судя по всему, главы корпораций не понимают всей глубины нашего неудовольствия, — мрачно добавил Омар Аль-Бахри. — Экономика летит к чертям, на мир надвигается хаос, и у нас нет возможности ждать. Нам нужна Станция. И нужна немедленно.

— Только с ее помощью мы сможем остановить весь этот бедлам, — поддержал коллег Папа Джезе. — Людям нужна надежда.

— И уверенность в завтрашнем дне, — закончил Ту-шар Рампал. — Население должно быть уверено, что завтра будет лучше, чем сегодня. И у нас нет иного, кроме Станции, инструмента.

— Речь вдет о будущем всего человечества, — попытался сгладить остроту заявлений Моратти. — А значит, рано или поздно мы договоримся.

— Будущее уже наступило, — веско произнес Председатель.

Все. Ждать государства не собираются.

Их было пятеро. Пять лиц на пяти экранах. Пять очень-очень-очень важных лиц. Пять очень-очень-очень напряженных лиц. Премьер-министр Индии. Генеральный комиссар Европейского Исламского Союза. Исполнительный секретарь Омарского эмирата. Настоятель храма Иисуса Лоа, духовный лидер могущественной Конфедерации Католического Вуду. И Председатель, приказы которого исполняли все поднебесники мира.

Пять вождей.

Поводом для срочной встречи стал затеянный «Остановим Ад!» штурм, однако началась она задолго до того, как «зеленые» полезли на первый периметр, — аналитики правильно рассчитали последствия демонстрации и дали лидерам время для принятия решения. Точнее, решение уже принято: флот изготовился к атаке, однако пятеро вождей решили предпринять последнюю попытку уладить дело миром.

— Ник, нам нужны все секреты Станции. Нам нужны наблюдатели на ней. Нам нужны договоры о строительстве аналогичных объектов на наших территориях. И мы готовы заплатить. Сейчас еще готовы. — Председатель помолчал и с нажимом завершил выступление: — Ник, дайте нам это.

Моратти вздохнул. Он пытался связаться с Кауфманом или Холодовым, президентом «Науком», однако те молчали. Правительства наверняка предпринимали аналогичные шаги, и с точно таким же результатом. Правительства не могут ждать, а русские не хотят разговаривать. Последствия способен просчитать даже полуграмотный менгрел.

— Если я правильно понимаю ситуацию, корпорация «Науком» предпочитает придерживаться прежних договоренностей и откроет секрет технологии сразу после запуска Станции, — осторожно произнес Моратти. — Корпорация не видит причин…

— Почему вы до сих пор не арестовали Мертвого? — грубовато поинтересовался Катран.

— Поверьте, господа, я бы с удовольствием.

— Но не можете.

— Не могу, — развел руками президент СБА.

— Вы не против, если это сделаем мы?

— Планируете оккупировать Москву? — Ник натужно улыбнулся.

— Мы планируем лишить Кауфмана и Холодова преимущества, которое у них до сих пор было, — жестко ответил Председатель. — Мы захватим Станцию. Учитывая обстоятельства, мы рассматриваем атаку как акт самозащиты. У нас нет другого выхода. Мы гарантируем, что специалисты корпораций получат доступ к секретам «Науком» наравне с правительственными учеными, но нам нужна политическая поддержка.

— Кауфман и верные ему сотрудники СБА, а также вся верхушка «Науком», должны быть объявлены вне закона, — добавил Джезе. — Вы должны выступить с заявлением в нашу пользу.

В противном случае государства заберут Станцию в единоличное пользование.

Верхолазы в разговоре не участвовали, однако слушали, подключившись к коммуникатору Моратти, и теперь, не дожидаясь дополнительной просьбы, голосовали.

Сиэтл стал синим — да, соглашайся, Ник, нас придавили.

Рио покраснел — нет.

— Мы не хотим ссориться с Анклавами, — бросил Рампал. — Тритоны жрут основы цивилизации, с этой бедой нам нужно справляться вместе.

— Но именно вместе, на равных условиях. То есть Станция для всех.

Марсель… Эдинбург…

— Мы гарантируем, что Анклавы сохранят свой статус, — произнес Джезе.

В отличие от остальных лидеров, свежеиспеченный настоятель находился не в своей столице, не в Новом Орлеане. Кризис разразился во время его визита в Бразилию, и Джезе пришлось выходить на связь из кабинета местного президента.

— Нужно поскорее закончить с политическим кризисом и заняться экономическим.

Правительства боятся, что Мертвый взорвет Станцию, и хотят поделить ответственность. А еще хотят поставить верхолазов в свою колонну. Понимают, что из нее не вырваться. Что если сейчас главы корпораций примут предложение, то «сохранение статуса» станет пустой формальностью.

Понимают ли это верхолазы? Некоторые — да, и они красят свои Анклавы в красный цвет. Но большинство слишком напугано, слишком устало и слишком растерянно.

Москва… Франкфурт… Сингапур… Результаты были видны всем главам корпораций, и обсуждать их никто не собирался. Решение принято, и Нику оставалось облечь его в дипломатическую форму.

— Административный Совет Анклавов не усматривает в действиях государств противоречий Положению об Анклавах, — хрипло произнес Моратти. — Административный Совет Анклавов считает, что директор московского филиала СБА Кауфман и корпорация «Науком» нарушили Положение об Анклавах, и просят государства оказать содействие в пресечении их преступной деятельности. Соответствующие юридические акты будут составлены в течение пятнадцати минут.

Головоломка сложилась после первого же «информационного пакета», после первого видения.

Ахо вполне устраивал Кауфмана, но Патриция выбрала

Джезе, и команде пришлось в спешном порядке перекраивать планы. Визит Мертвого не был торговлей — Макс прекрасно понимал, что Пэт в любом случае поможет Папе справиться с Ахо. Максу было нужно другое.

«В определенный момент вы окажете мне ответную услугу. Сейчас я не могу сказать, в чем она будет заключаться. Возможно, я попрошу вас проявить жесткость, возможно, попрошу остаться в стороне, не вмешиваться в драку — не знаю. Гарантировать могу только две вещи: это будет весомая услуга, и она на первый взгляд покажется невыгодной странам Католического Вуду».

Кауфман так и не озвучил свою просьбу, но он знал, что Джезе изменится, переродится, выйдет на новый уровень, а значит — сам поймет, что должен следовать курсу прежнего настоятеля. Должен давить на Моратти и посылать солдат на штурм Станции. Ахо поступил бы так от незнания, а вот Джезе только в одном случае — пообещав. Потому что услуга эта, даже на «первый взгляд», не просто невыгодна Конфедерации — она вела к катастрофе.

Но лишь на первый взгляд. Потому что потом Папу захватила грандиозность ужасного замысла.

И все равно теперь, невнимательно слушая капитуляцию Анклавов, Папа продолжал размышлять, правильно ли он поступил. Имело ли смысл тогда, сразу после видения, выложить карты на стол, надавить на Кауфмана и заставить его искать другой путь? Но именно тогда, потому что сейчас уже поздно.

Потому что расскажи он о том, что знает сейчас, ему попросту не поверят…

Временная пауза…

Моратти отключил коммуникатор, ослепив всевидящую камеру, откинулся на спинку кресла и, пользуясь тем, что находился в кабинете совсем один, громко, от души рассмеялся.

Все идет именно так, как надо! Все идет отлично!

Государства купились на штурм «зеленых» кретинов и велели флоту атаковать. А Дрогас уже на подходе, почти внутри. У Дрогаса будет время взломать систему до того, как Мертвый взорвет Станцию. И секрет новой энергии станет козырем в руках президента СБА… «А если Стефан облажается?»

«Ну и что? В этом случае им тоже без меня не обойтись, потому что только я знаю, как придавить Сорок Два».

Ник поднялся, подошел к бару и плеснул себе виски. «Все, Кауфман, ты проиграл. Что бы ты ни делал, ты не успеешь».

* * *

Территория: Россия. Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кодовое обозначение — «Станция». Начало

«Вы не аварию устраиваете, а запускаете Станцию».

Слова Матильды не шли у Руса из головы. Слов было много: честных, сбивчивых, невнятных, выплаканных из души, но именно эти засели крепче всего.

«Вы запускаете Станцию».

И подозрения Чайки, от которых он, Рус, бежал, как черт от ладана, над которыми смеялся и старался поскорее забыть — эти подозрения внезапно превратились в доказанную теорию, придавив Лакри гранитной глыбой.

«Вы запускаете Станцию».

И все, что говорил Грязнов, оказалось ложью, наглым обманом с целью заставить работать трех самолюбивых и «упертых» гениев. Поправка: двух гениев, потому что лохматый Ганза, как выяснилось, с самого начала играл за Кирилла и Кауфмана. Всё правильно: кто-то должен был привести к общему знаменателю достижения команды, кто-то из умников должен был знать, чего им в действительности нужно, и двигать работу в правильном направлении. Именно поэтому Ганза так защищал шахту, которая вызвала подозрения Ильи.

Шахта!

Тогда, в разговоре с Матильдой, Лакри зацепился именно за это слово. Оно помогло Русу справиться с шоком и нащупать нить, с которой начал разматываться клубок. И сейчас, торопливо шагая по коридорам Станции, Лакри вспоминал откровения Матильды именно с этого вопроса:

«Для чего нужна шахта?»

«Ее начали бурить давно, еще в то время, когда Он рассчитывал на атомную энергию… Потом выяснилось, что расчеты не оправдались, и проект пришлось заморозить. Он ждал Ганзу…»

«Так для чего нужна шахта?»

«Чтобы правильно поднять энергетический столб. Ему нужно разогнаться вниз, а земля мешает… Копье должно пробить все три мира».

Копье? Какое, к черту, копье? Ладно, подробности позже.

«Что значит: запускаем Станцию? У «Науком» есть прототип, инженеры знают, как должен работать Энергоблок. Или все дело в размерах?»

«Нет, не в размерах… — Матильда судорожно вздохнула. — Станция не должна производить энергию. То есть она будет ее производить, но потом… Это побочный эффект. Станция нужна Ему для другой цели… — Еще один всхлип. — Я не физик, я слышала, как Ганза рассказывал Кириллу об идеальной машине, способной обеспечивать энергией саму себя, но мало поняла. Ганза говорил, что это принципиально новая теория… и если его расчеты верны, то после запуска Станция начнет черпать энергию из бесконечного источника. Он сказал: «из кочегарки Вселенной»… Но, чтобы пробиться, нужен гигантский первый толчок, нужно правильно запустить систему…»

Нужны три гения.

Лакри сжал кулаки. В бессильной ярости простонал грязное ругательство, совершенно не смущаясь присутствием девушки. Закусил губу и со всего размаха врезал кулаком по дивану. «Прости…»

«Меня обманывали. Меня обманывали все, и даже…»

«Прости…»

Рус чуть отстранился и посмотрел на заплаканную Матильду.

«Ты знала обо всем с самого начала?» «Да».

«Почему же рассказала только сейчас?» Она не отвела взгляд, не стала оправдываться. Ответила просто:

«Потому что поклялась вообще ничего тебе не рассказывать. Вообще ничего. Но не смогла».

Злиться на Матильду Лакри не мог. И требовать с нее ответа не хотел.

Ему нужна Патриция! Хитрая стерва Патриция, плюнувшая ему в душу. Она должна заплатить, и только она!

Рус шел к Патриции, чтобы посмотреть в глаза, задать вопросы и рассказать о своей ненависти. Он знал, что девушка в Главном Энергоблоке, торопился, но все равно опоздал. И чудо-пропуск, которым снабдила его лживая дочь лживого Грязнова, не помог, не открыл дверь в купольный зал.

— Что за черт?! Я имею право входить в него в любое время!

Как выяснилось — нет.

Один из двух офицеров внутренней безопасности, дежуривших у двери, невозмутимо перепроверил пропуск Руса, после чего покачал головой.

— Сейчас нельзя. Зона закрыта.

Лакри знал, что орать на людей Слоновски бессмысленно и

опасно — можно запросто угодить под арест, поэтому постарался взять себя в руки и объяснить:

— Я должен поговорить с Патрицией. Это очень важно.

— Госпожа Грязнова узнает о вашей просьбе сразу, как только освободится…

— Внимание! Всему персоналу немедленно занять места согласно расписанию «Вторжение»! Внимание! Всем гражданским лицам немедленно пройти в убежища! Внимание! Это не учебная тревога! Внимание! Всему персоналу немедленно…

Станция, еще полчаса назад напоминавшая муравейник, обезлюдела. Промчались мобильные батареи ПВО, проскочили грузовики с безами и несколько бронетранспортеров, и на этом движение закончилось: боевое расписание предусматривало перекрытие большинства улиц баррикадами из тяжелой техники. Гражданские в убежищах, остальные на позициях, если куда-то срочно нужно — иди пешком, но лучше не ходи, сиди и жди атаки. И лишь в одном-единственном месте жизнь по-прежнему била ключом — с аэродрома Станции один за другим поднимались в воздух истребители, бомбардировщики и вертолеты. Авиация готовилась к отражению Удара.

— Всем гражданским лицам немедленно пройти в убежища! Внимание! Это не учебная…

Запись включалась каждые три минуты, все остальное время завывала сирена, однако сюда, под купол Главного Энергоблока, тревожные звуки не долетали, не мешали собравшимся людям готовиться к самой важной в их жизни церемонии, не отвлекали.

Под куполом Главного Энергоблока было очень-очень тихо.

К центру гигантской площадки металлической рукой протянулась разработанная Русом конструкция. Одной стороной она упиралась в стену, другой, заканчивающейся десятиметровой окружностью, нависала над неширокой, но уходящей на невероятную глубину скважиной. Конструкция висела на двадцатиметровой высоте, однако опоры отсутствовали, многотонную «руку» удерживали стальные тросы.

Прямо над скважиной была установлена круглая металлическая платформа. К ее площадке, на которой покоился привезенный Мишенькой алтарь, вело девять ступеней. Возле алтаря, закрыв глаза и разведя в стороны руки, стояла Патриция. В обычной одежде: сапожки, кожаные брюки, короткий топ… Однако отсутствие специальных одеяний и жреческих амулетов с лихвой компенсировалось черными рунами, которые змеями скользили по обнаженным рукам девушки, по плечам, заползали на шею, исчезая под распущенными волосами, и тонкими тропинками стекали под топ, к груди, добираясь до самого

сердца.

— Аве шатан зир тоссен! У стокет шатан шадиг хас-саман!

— Аве син у кара! — хором отозвались прелаты. Храмовники стояли тут же, на площадке, но у самого

ее края, заключая древний камень в круг. Выпученные глаза их заливало небесно-голубое, выпученные глаза их отражали сверкающие огнем руны, у каждого — свои. Тонкие руки их были воздеты к небу, к застывшему над восьмиугольным алтарем металлическому кругу, и руки их были горячи, опалены дыханием разбуженного Патрицией камня.

— Сур маталла шиз ха!

Так и не открыв глаза, девушка медленно обошла площадку, пройдя мимо каждого прелата, затем спустилась по лестнице и остановилась у начала спиралевидного лабиринта, белыми камешками выложенного на полу Главного Энергоблока.

— Сур маталла инг Ха!

Патриция свела над головой руки, заключив черные руны в замкнутый круг, медленно опустила их в молитвенном жесте и сделала первый шаг. Затем второй. Третий…

Прелаты повернули головы и напряженно следили за путешествием.

Десять шагов. Одиннадцать. Двенадцать… Прелаты знали, ЧТО должно произойти, и хотели увидеть чудо своими выпученными глазами. Двадцать три шага. Двадцать четыре…

— Аве син у кара, — прошептал Минг.

И в тот же миг Патриция исчезла. Растворилась посреди лежащих на полу белых камешков.

— Где она?

— Не волнуйтесь, господин главный инженер, Патриция скоро вернется, — с улыбкой пообещал Мишенька.

Ганза взлохматил рукой волосы.

Они наблюдали за происходящим через панорамное окно Оперативного центра, только они — все остальные сотрудники оставались на рабочих местах. Ганзе, по большому счету, тоже не следовало видеть запретное, но он настоял, и Мишенька не стал отказывать. Ганза лучше всех знал, что они собираются сделать, однако знание его было однобоким: формулы и графики, чертежи и расчеты сил. Пришло время увидеть полную картину.

— Это фокус? Обман зрения?

— Поскольку для меня очень важно ваше психическое здоровье, господин главный инженер, то вынужден подтвердить: да, обман зрения. Фокус.

«Что скажешь, гений? Полезешь дальше или отвернешься, не желая отказываться от привычного фундамента?»

Полез.

— А на самом деле? — хрипло спросил Ганза.

— На самом деле в настоящий момент Патриция находится между Средним и Верхним миром. Добивается разрешения на нашу маленькую затею. Доказывает, что мы сильны не только формулами.

Патриция исчезла, на глазах растворилась в воздухе, ушла.

Ганза потряс головой. Подумал, но углубляться в подробности не стал. Спросил только:

— Что будет, если нам не дадут разрешения?

— Все взорвется.

— Черт!

— Не волнуйтесь, господин главный инженер, у нас отличные связи.

Оказывается, любимый ученик Мертвого умеет шутить!

Ганза хмыкнул.

— Как долго продлится путешествие?

— Никто не знает, поскольку это зависит от многих факторов. Но Станцию мы сможем запустить только после возвращения Патриции. — Щеглов посмотрел на часы: — Надеюсь, мы продержимся.

— А этот камень и есть обещанный вами стабилизатор, который удержит энергетический столб? — лохматый кивнул на алтарь.

— Совершенно верно.

— Не верится.

— Скоро вы сами во всем убедитесь, господин главный инженер. — Щеглов помолчал. — Штурм начался, Чайка неподалеку. Согласно плану вы должны встретить его лично.

Где-то между вторым и третьим периметром и в тот самый момент, когда туда, возможно, прилетят крылатые ракеты. Или спрыгнут десантники. Или прорвется толпа «зеленых»…

Ганза поежился.

— Не волнуйтесь, господин главный инженер, вас будут сопровождать прекрасно обученные профессионалы, а маршрут тщательно продуман. Вам ничего не грозит.

— Я понимаю… — промямлил Ганза.

На самом деле гения волновали не столько ракеты или вражеские солдаты, сколько сопровождающие его обученные», мать их, профессионалы. Ганза понимал, что в случае непредвиденных обстоятельств именно они пустят ему пулю в голову. Они, а не вражеские десантники.

И Мишенька догадался, что тревожит лохматого. Квадратные стекла очков блеснули, на губах заиграла легкая усмешка.

— Видите моих телохранителей, господин главный инженер?

Ганза машинально повернул голову и посмотрел на двух здоровяков, застывших у дверей Оперативного центра.

— Да, разумеется.

— В отношении меня существуют аналогичные инструкции, господин главный инженер: если Станция падет, все, кто владеет информацией, будут убиты.

— Даже вы? — Ганза растерялся. — Но как…

— Идите встречайте Чайку, господин главный инженер, — ровно закончил Мишенька. — У нас чертовски много дел и чертовски мало времени.

* * *

Территория: нейтральные воды. Баренцево море. Авианосец «Зенг Хе». Точка невозвращения

Приказы от политического руководства адмиралы получили практически одновременно, с разницей в пять минут. И приказы эти оказались одинаковыми.

«Действовать по плану «Северный орел».

Точка.

К чему лишние слова, если все давно решено и обговорено? Если лучшие штабные офицеры проработали каждую деталь совместной атаки на Станцию? Если цели ракетного удара определены, а время отправки первых штурмовых команд выверено до секунды?

План «Северный орел». Отмашка дана.

Техники торопливо поднимали на палубу тяжелые вертолеты, десантники нетерпеливо переминались, ожидая приказа к началу посадки.

— Атакуем, товарищ адмирал?

— Атакуем, — кивнул Бодуань. — Наконец-то настоящее дело.

Как и любой вояка, старый адмирал боялся только одного: что в последний момент политиканы уломают верхолазов и тщательно подготовленный штурм сорвется. А потому сейчас чувствовал себя как никогда хорошо. Война!

С палубы подошедших неделю назад авианосцев «Неру» и «Ахмет Керим» один за другим поднимались истребители. Отрезать проклятого Мертвого от спутников не получилось, на Станции уже знают о начале операции, и самолетам предстояло обеспечить господство в воздухе. Ликвидировать те истребители противника, которые успеют подняться.

— Спутниковая разведка докладывает, что к Станции приближаются вертолеты русских. По нашим оценкам, два десантно-штурмовых полка.

— Отлично!

— Отлично? — удивился Ли.

— Ракетный удар не сможет уничтожить всех защитников Станции, так что лишнее мясо на передовой не помешает. —

Бодуань усмехнулся. — Два полка русских существенно снизят наши потери.

Тем временем первый вертолет оторвался от палубы и направился к берегу. За ним последовал второй, третий… А в небе уже виднелись машины индусов, европейцев и вудуистов.

Флотилия отправила десант. А вскоре ударит ракетами, с таким расчетом, чтобы последняя из них взорвалась за три минуты до появления у Станции вертолетов с солдатами.

План «Северный орел» был продуман до мелочей.

* * *

Территория: Россия. Научно-исследовательский полигон «Науком» № 13. Кодовое обозначение — «Станция». Хаосовершенство

Второй периметр продержался дольше, но все равно пал.

Три ряда колючей проволоки, ежи, ров, беспощадные струи водометов, облака слезоточивого газа, свето-шумовые гранаты, «липучка» и плотный огонь из травматического оружия — ничто не могло остановить разгоряченных фанатиков.

На первом периметре толпа поредела несильно, ко второй линии подошла разогнавшаяся, видевшая бегство безов, а потому — неудержимая.

Первые ряды споткнулись на рву — задние продолжали напирать. Первые врезались в колючую проволоку — задние продолжали напирать. Первые легли под выстрелами, упали в склеенной одежде, хлебнули холодной воды, оглохли и ослепли — задние продолжали напирать.

Не штурм, совсем не штурм, а тупое движение позабывшего об инстинкте самосохранения стада, остановить которое можно только кровью.

При строительстве Станции были предусмотрены три Оперативных центра, в каждом из которых мог быть развернут штаб коменданта. Один находился в Теплом Доме и считался основным — именно из него осуществлялось повседневное управление. Второй, резервный, обустроили в зарытом под штаб-квартирой СБА бункере, способном выдержать прямое попадание ядерной бомбы. Однако Мишенька выбрал третий, находящийся в Главном Энергоблоке и объединенный с Центром управления Станцией. Выбрал потому, что хотел своими глазами наблюдать идущую в купольном зале церемонию, однако в настоящий момент был полностью сосредоточен на поступающих докладах.

— Пять минут до высадки русских!

Транспортные вертолеты противника — простые точки на мониторе — стремительно приближались к первой линии обороны. Данные радара дублировала прямая трансляция со спутника, но и без этой информации было ясно, что русские «толстяки» выбросят десант там, где фанатики из «Остановим

Ад!» разнесли железнодорожные ворота. Подлетать ближе не рискнут.

— Атакуем? — негромко спросил Прохоров. — Они идут без прикрытия, наши истребители перещелкают их, как уток.

— Что даст русским повод начать полномасштабные боевые действия.

— А сейчас они развлекаются? Мишенька покачал головой.

— Леша, я понимаю твои резоны и полностью с ними согласен, но мы обязаны до последнего играть невинную жертву. Мы подверглись коварному нападению, мы защищаемся. Так что не будем портить имидж. Кореи кая пауза. — Прикажи ПВО открывать огонь только в том случае, если русские пересекут первый периметр.

— Массовый старт вертолетов с флотилии!

— Отправьте официальный запрос по открытому каналу связи, — распорядился Щеглов. — Как только русские десантники начнут высадку, сообщите всему миру, что мы подверглись атаке. Предупредите, что мы будем рассматривать все военные летательные аппараты как враждебные.

Прохоров, диктующий распоряжение командирам зенитных батарей, улыбнулся.

— Истребителям — на перехват целей. — Мишенька помолчал. — Приказываю начать эвакуацию из второго и третьего периметров.

Когда знаешь, кто и какими силами будет нападать, знаешь цель противника и его возможности, продумывание обороны становится задачей для первокурсника военной академии. В разработанном командованием Станции плане «Вторжение» были предусмотрены практически все шаги, которые могли предпринять адмиралы, и теперь дело упиралось в людей. В пилотов и саперов, в обеспечивающих связь машинистов и Зенитчиков, в офицеров и рядовых безов — именно им предстояло исполнять полученные инструкции. Стоять насмерть.

Держаться, давая возможность Избранной провести Великую Церемонию.

Тридцать истребителей взяли курс навстречу десанту и прикрывающим его самолетам. Бомбардировщики ушли южнее, их выход на сцену запланирован на более поздний срок. Так же, как и у вертолетов огневой поддержки — двадцать машин держались километрах в двадцати от Станции. А вот оставшиеся тридцать вертолетов мирного назначения ушли еще дальше, к северной границе промышленной зоны «Науком». Их просто спасали от уничтожения…

— Подонки!

— Чего ругаешься?

В голосе Чайки не было ужаса или боли, поэтому Эмира не стала оборачиваться, бросила вопрос через плечо.

— Самолеты! — Над головами с ревом пролетело звено истребителей. — Они хотят расстрелять колонну с воздуха!

— Не будь дураком, — хмыкнула Го. — Против колонны они бы «Пчел» бросили, «ревунами» перепахали поле да ракетами добавили. Тут другое.

— Что другое?

— Флот пошел на штурм.

— Черт!

— А вместе с ним — мои бывшие сослуживцы. Эмира прищурилась, наблюдая, как из зависших

«толстяков» сыплются фигурки в пятнистых комбезах. Первый периметр вертолеты благоразумно не пересекали, однако десантники немедленно устремлялись в проделанный «зелеными» проход.

— Что дальше? — осторожно спросил Илья.

— А что может быть дальше? Будем действовать по плану.

Потому что до сих пор все шло примерно так, как рассчитывала Эмира, и нет смысла ничего менять.

Расставшись с Фатимой, Го сменила полевой китель майора ОКР на обычную куртку, предусмотрительно припасенную во внедорожнике, и они с Чайкой влились в колонну «зеленых» — это была единственная возможность пройти внутрь Станции. Влились, разумеется, не в первые ряды и даже не в середину — пристроились к арьергарду. Шагали неспешно, лозунгам поддакивали, но в драку не лезли. И в сторону старались не отходить, опасаясь мин, одним словом — почти комфортное проникновение. Однако теперь, учитывая обстоятельства, следовало ускориться.

— Мы должны как можно быстрее оказаться между вторым и третьим периметром.

Потому что линии обороны скоро перестанут существовать — по ним ударят ракетами.

— А если наводчики промахнутся и врежут по чистому полю? — спросил Илья просто для того, чтобы спросить. Чтобы услышать голос. Потому что находиться там, куда вот-вот дадут залп несколько атомных крейсеров, было довольно страшно.

— На этот случай есть одно хорошее средство, — усмехнулась Эмира.

— Какое?

— Молись!

…Истребители встретили посланную с флотилии авиацию в

тридцати километрах севернее Станции, вдали от русских ПВО, которые могли бы внести в картину боя ненужные штрихи.

Двадцать первых машин навязали бой самолетам прикрытия, а десять оставшихся, специально задержавшиеся в пути, набросились на транспортные вертолеты. План предполагал уничтожение до сорока процентов десанта, и летчики, прекрасно понимающие, что чем лучше они отработают, тем легче придется обороняющим Станцию безам, горели желанием сделать эту цифру еще внушительнее.

«Сапсаны» превосходили палубные «Ястребы» по всем параметрам. Разработанные как «самолеты-убийцы», призванные обеспечить своей авиации «чистое небо», «Сапсаны» били многофункциональные истребители противника с яростью и беспощадностью настоящих охотников. Более скоростные, более маневренные, обладающие более высоким «потолком», а значит, имеющие возможность атаковать сверху, «Сапсаны» уже через три минуты сражения обеспечили себе приятный счет «4:0» по самолетам и «7:0» по вертолетам.

В «Ястребах», конечно, тоже не «желторотики» сидели, летчиков во флотилию подбирали самых опытных, но слишком уж велика была разница в классе машин.

«10:3» по самолетам. «15:2» по вертолетам…

Однако выиграть бой у «Сапсанов» не получилось бы и при самых благоприятных обстоятельствах: с севера накатывала вторая волна «Ястребов», с востока приближались поднятые с аэродрома русские «МиГи», поредевшие вертолеты упрямо продолжали путь к Станции, летчики из прикрытия пришли в себя, озверели, осознали свое численное превосходство, и выбивать цели стало гораздо труднее.

К тому же начали заканчиваться боеприпасы, и уцелевшие «Сапсаны» один за другим выходили из боя, набирали скорость и уходили на юг, к промышленной зоне «Науком», — возвращения на Станцию план не предусматривал.

Я уже здесь или я еще там?

А была ли я там? И где это — здесь?

На Земле?

В благословенном Срединном мире, будь он трижды проклят со всей своей грязью! Разве хорошо быть здесь, то есть там, которое кажется оттуда пугающим сном? То есть не оттуда, а отсюда… То есть…

Где я?

Там или здесь?

Патриция открыла. глаза и увидела ничто.

Я, наверное, нигде, но почему я не там? Ведь там хорошо и

спокойно, там совсем по-другому. Не так, как здесь… Разве я не захотела остаться там? Ведь если захотела, я бы осталась. Там так хорошо…

Ты получила ответ? Какой ответ?

За которым ходила так далеко, что увидела «там». Разве нужен ответ?

Ты за ним ходила. Ты должна была получить их согласие.

Зачем мне согласие на то, что я сделаю в любом случае? Зачем мне согласие на то, что я должна сделать? Это ответ? Они ответили или нет? Они промолчали. Они знали, что я все поняла. Где я?

Пэт открыла глаза и увидела никогда.

Почему ты не осталась там, где хорошо? Они ведь не были против. Зачем возвращаешься в благословенный, будь он трижды проклят, Срединный мир? Зачем возвращаешься домой?

Потому и возвращаюсь.

Пэт открыла глаза. И увидела несебя.

Я должна быть здесь. Должна сделать двадцать четыре шага, которые приведут меня в настоящий дом, за стенами которого умирают люди. Настоящие люди, а не бесплотные создания из снов. Умирают, жертвуя собой ради меня. Ради того, чтобы умерло еще больше людей. Ради того, чтобы вновь раскрутить Великое Колесо.

Настоящие люди умирают, чтобы Патриция смогла сделать двадцать четыре шага, а потом еще один. Самый важный. Ради того, чтобы Избранная провела Великую Церемонию…

— Внимание! Вы находитесь в запретной зоне! Немедленно прекратите беспорядки и покиньте пределы запретной зоны! В случае неповиновения к вам будут применены…

То ли забыли остановить трансляцию, то ли специально не стали, но репродукторы орали так сильно, что перекрывали даже какофонию выстрелов, разрывов гранат и воплей «зеленых». Орали, добавляя в картину боя бессмысленный шум. Кому, скажите на милость, интересно, что будет применено в случае неповиновения?

— Внимание! Вы находитесь в запретной…

— Что дальше?! — прокричал Саймон. — Мысли есть?!

— Хочу здесь все разворотить! — весело отозвался Дрогас. — Готовлюсь!

На втором периметре безы сдерживали толпу гораздо жестче, чем на первом. Лупили из травматических пулеметов, вылили весь запас «липучки», растратили все гранаты, даже огненную стену устроили на прощанье. Отступить безам все равно пришлось, но поставленную Щегловым задачу они выполнили:

через второй периметр перевалила не толпа и не колонна, а разрозненные группки фанатиков. Запал иссяк, и даже самый отъявленный оптимист не поставил бы на то, что этим измотанным людям по силам взять еще одну преграду.

Инспирированный «Остановим Ад!» штурм закончился, а Хост так и не приступил к основной задаче: все оставленные безами бункеры были отключены от внутренней сети Станции.

— Нам нужно дальше! — Саймон снял с пояса фляжку и хлебнул воды.

— Я знаю.

— И что?

— Ничего… — Стефан приложил руку к левому уху, внимательно выслушал сообщение от оператора, сидящего в компьютерном центре «Остановим Ад!», после чего резко рванул Хоста за плечо: — Быстрее!

— Куда?!

— Быстрее!!

Дрогас буквально тащил Саймона подальше от укреплений второго периметра. Сообразительные телохранители мчались следом. Уцелевшие репродукторы продолжали голосить, но теперь в какофонию вклинился еще один звук — нарастающий гул.

— Что? — на бегу спросил Хост. — Что это?

Никто не ответил. А в следующий миг земля содрогнулась и слова стали бессмысленными…

Думаете, самое страшное — это взрыв? Ошибаетесь.

Самое страшное — его ожидание.

Взрыв — мгновение. Огонь, секунда ужаса, волна, сметающая все на своем пути, летящие прочь обломки и понимание, что на этот раз пронесло, что шарахнуло в стороне. Но миг счастья тут же сменяется тоскливым ожиданием следующего взрыва.

Ожидание.

Нарастающий вой становится все громче, все объемнее, и время тянется бесконечно. Вой закладывает уши, а потом и душу. Ты холодеешь. И начинаешь инстинктивно вгрызаться в землю, словно лишний сантиметр спасет тебя от крепкого удара раскаленной боеголовки. Или же вскакиваешь, бежишь прочь, не думая ни о чем, в бессмысленной попытке удрать от ужасающего воя. Или же просто лежишь и считаешь про себя, чтобы отвлечься. Чтобы не думать обо всем этом дерьме. Чтобы не сойти с ума.

Ожидание.

Ад.

Какими словами можно описать ад?

Чтобы понять кошмар ракетного налета, его нужно пережить.

Причем пережить в буквальном смысле. Встать, когда все закончится, пошатнуться и закричать. Закричать для того, чтобы понять: ты жив, и это, мать твою, тебе не снится…

Тренировки не прошли даром. Команды крейсеров отработали на отлично, уложив ракеты точно в заданные зоны. Одну за другой и все вместе, залпом.

Смертоносные сигары смешивали с грязью доты и стены, разносили вышки и ряды колючей проволоки, разбрасывали бетонные ежи и существенно проредили минные поля.

Команды крейсеров били уверенно, лишая Станцию ощетинившихся колец, лишая защиты, расчищая путь десантникам. Подняли тонны пыли, тонны обломков, но ни одна из ракет не попала внутрь, не задела ценнейшие сооружения загадочного полигона.

Патриция вынырнула из «ничто» настолько неожиданно, что прелаты вздрогнули.

Появилась у самого входа в лабиринт. С закрытыми глазами, капельками пота на лбу, пересохшими губами и подрагивающими пальцами. Появилась. Шатаясь, сделала еще один шаг, покинув лабиринт, и остановилась, продолжая переживать путешествие за пределы возможного.

И в тот самый миг, когда девушка вернулась под купол Главного Энергоблока, руны, вырезанные на восьми сторонах алтаря, наполнились вспыхнувшим в глубине древнего камня огнем.

— У нее получилось, — прошептал Маркус.

— У нас получилось, — поправил его Люциус. У нас. У всех.

Куда бы ни ходила Избранная, ее поход увенчался успехом. Разрешение получено. Осталось воплотить задуманное в жизнь.

Патриция медленно поднялась на площадку и подошла к стоящему первым прелату.

— Люциус…

— Я шел к этому всю свою жизнь, госпожа, — твердо произнес храмовник. — Я чист перед Владыкой и перед Мирами. Я мечтаю стать ключом. Я достоин стать ключом.

— Ты достоин стать ключом, — тихо согласилась Избранная, целуя Минга в лоб.

И подошла к Конгу.

— Я шел к этому всю свою жизнь, госпожа, — повторил за Люциусом Маркус. — Я чист перед Владыкой и перед Мирами. Я мечтаю стать ключом. Я достоин стать ключом.

А потом это повторил Изус Лянг, и Хориус Фенг, и Кассиус Жанг, и Сорус Бинг, и Афус Ренг. Повторили все. И каждый был благословлен поцелуем Избранной.

— Аскарио у ринах! — срывающимся голосом провозгласила Пэт. — Пусть свершится!

— Пусть свершится, — повторили прелаты. И глаза их стали белыми-белыми. — Пусть свершится!

И свершилось.

Отражения раскаленных рун покинули камень, закружились перед своими сторонами, перед застывшими храмовниками, перед ключами, которым предстояло открыть двери, перед жертвами… Заплясали раскаленные руны, сплетаясь в невиданные узоры, ускорились, превратившись в небольшие огненные шары, и одновременно бросились прочь от алтаря, образовав восемь упирающихся в стены Энергоблока лучей.

Восемь направлений.

Восемь дорог, прошедших через восемь сердец.

И каждый из прелатов закрыл свои огромные глаза, читая обращение к Милостивому Владыке. И каждый из прелатов скрепил собой договор Великой Церемонии, стал печатью на несуществующих листах его, стал ключом от врат. И каждый из прелатов стоически терпел невыносимую боль до самой своей смерти…

Чайка чувствовал себя изнасилованным. Истерзанным. Трижды вывернутым наизнанку. Кажется, его тошнило, но он не был в этом уверен. Кажется, он кричал, но рот был забит грязью, и он едва не задохнулся. Кажется, он собирался бежать, однако две или двести тонн земли сдавили его тело. Кажется…

— Жив? — Эмира грубо потянула Илью за ноги и вытащила на поверхность. — Жив?!

— А-у-а-м-м-у…

— Землю выплюнь, придурок.

— Тьфу! — Жив?

— Не знаю!!

— Не ори!

— Что?!!

Она ведь, мать твою, едва шепчет! Чего боится? Никто ведь не услышит! А если кто и услышит, то всем по хрену. После ракетного налета всем стало по хрену. Главное — живы. Главное…

— Что?!!

— Заткнись!

И только теперь Чайка сообразил, что немного оглох.

Эмира же, убедившись, что спутник жив и не ранен, отвернулась и внимательно огляделась, пытаясь отыскать уцелевшие ориентиры. Учитывая, что и второй, и третий периметры перестали существовать, а те доты и вышки, от

которых нужно было отсчитывать расстояния, вплавились в землю, задачка перед Го стояла непростая.

К тому же начали подниматься уцелевшие «зеленые», наверняка подтягиваются русские, и вот-вот спрыгнет на голову десант. Так что следовало торопиться.

— Туда!

— Куда?

— За мной!

Эмира побежала между воронками, и Чайка, ругнувшись, последовал за ней.

— Что мы ищем?

— Дырку.

— Куда?

— В землю, идиот!

— А как же мины?

— Здесь их нет!

Эмира спрыгнула в какую-то яму, похожую на очередную воронку, однако на дне Илья разглядел тяжеленный люк.

— Сюда!

«Дырка в землю» раскрылась, едва Го и Чайка съехали по склону на дно ямы.

— Скорее!

— Да уж, задерживаться не станем, — пообещал Илья, глядя на улыбающегося из подземного тоннеля Ганзу…

— Ты видел?

— Они спрыгнули в яму.

Саймон едва пришел в себя. Грязный, кажется обмочившийся, с диким шумом в голове, но… Но не позабывший, зачем пришел. Нервное возбуждение заставило Саймона позабыть о страхе и рваться вперед. А вот Дро-гасу, судя по всему, все по фигу. Ракеты рвали вокруг землю, долбили бетонные укрытия, поднимали тонны земли, обломки, осколки, каждый из которых мог стать смертельным, а он даже ухом не повел. Как тогда, в клубе «Ворота в рай»…

— Они спрыгнули и больше не появились! — Почуявший цель Дрогас бросился к тому месту, где исчезла странная парочка. — За ними!

— За кем? — на бегу спросил Хост.

— Девка — майор Го из ОКР, давно подозревал, что ее завербовал Слоновски… А парня не знаю! — Стефан спрыгнул в яму и пнул толстенный металлический люк. — Ворота в рай, мать его!

«Почему он сказал «ворота в рай»?

— Или в ад, — пробубнил ломщик.

— Нет, Саймон, в рай, — рассмеялся Дрогас. — В подземные ходы Станции.

— Откуда ты знаешь?

— Я делаю выводы! — «Ворота» оказались примитивными, на простых запорах изнутри, то есть даже лучший ломщик не откроет. Стефан кивнул с таким видом, словно увидел то, что ожидал, и вызвал оператора: — Меня слышно?

— Так точно! Мы уже начали беспокоиться…

— А уж как я переживал, — хохотнул Дрогас. Он вытащил из поясной сумки небольшой передатчик, установил его на люк и включил. — Я только что активизировал маяк, вы его видите?

— Минутку… Да, засекли.

— Нужен удар в эту точку. Чем быстрее, тем лучше. Разрабатывая план проникновения на Станцию,

Стефан предположил, что ему может понадобиться огневая поддержка, а потому позаботился разместить в двадцати километрах от периметра ракетную установку.

Ее смонтировали перед самым штурмом и держали наготове.

— Запуск через минуту.

— Молодцы. — Дрогас отключил рацию и с улыбкой посмотрел на Саймона: — Нужно сматываться, дружок…

— Линии обороны практически уничтожены…

— Потери личного состава не превышают…

— Президент Моратти отдал приказ о вашем аресте…

— Сообщайте только то, что относится к делу!

— Извините, господин комендант!

— Десант высаживается между вторым и первым периметром…

Мобильные батареи ПВО развернули внутри Станции, а потому во время ракетного удара они не пострадали. Работали по целям до налета, во время и после, существенно покромсав и без того потрепанную истребителями авиацию противника. Но вертолетов много, все не покромсали. Единственная радость — десант они выбросили далеко, и теперь штурмовым командам предстояли нелегкие испытания.

— ПВО временно отбой, — спокойно распорядился Мишенька. — Приказываю начать воздушную атаку. — И переключил канал связи: — «Периметр О»!

— Да, — отозвался Слоновски.

— Грег, как там у тебя?

— Тихо и спокойно.

— Приготовьтесь к отражению наземной атаки.

— Всегда готовы…

— Жаль, что не успел приехать Кауфман, — вздохнула Аня

Слоновски. — С ним было бы спокойнее.

Как и все жители Анклава Москва, она свято верила в уникальные способности Мертвого уничтожать всех осмелившихся бросить вызов врагов.

— Миша сказал, что Кауфман не собирается на Станцию, — ответила Лариса Щеглова.

— Ему здесь нечего делать, — негромко добавил Филя.

Женщины удивленно посмотрели на Таратуту:

— Почему?

— Lupus pilum mutat, поп mentem.[10]

— Что это значит?

— Это значит, что Кауфману здесь нечего делать.

— Почему вы так говорите?

— Потому что я знаю.

Они сидели в убежище Теплого Дома. Семья Щеглова: двое парней и Лариса, семья Слоновски: Аня с тремя малолетками, семья Прохорова: Галя и две девчонки, Мамаша Даша, Филя и Матильда. Кроме них — никого. Персонал Теплого Дома занял места согласно боевому расписанию, у гражданских свои убежища, в жилом секторе.

— Вы не любите Кауфмана?

— De mortuis aut bene aut nihil.[11]

— Филя! — Матильда недовольно посмотрела на Таратуту. — Не раздражай людей! Бее и так на нервах.

— Хорошо, — покладисто отозвался тот. И улыбнулся задавшей вопрос Гале: — А вы его любите?

— Он наш командир.

— Он был командиром ваших мужей, — поправил Прохорову Таратута, специально выделив слово «был». — Сейчас же они могут рассчитывать только на себя.

До убежища не долетали отголоски идущего на поверхности сражения, и о том, что там происходит, они узнавали с помощью коммуникатора, на который шли картинки с четырех установленных на Теплом Доме видеокамер. Оптика не позволяла заглянуть слишком далеко, даже третий периметр едва виднелся, однако масштаб учиненных разрушений впечатлял. Равно как и количество десантных вертолетов.

— Их все больше, — покачала головой Аня Слоновски.

— Справятся, — пообещала Щеглова, нервно погла-

живая по головам сидящих рядом мальчишек. — Справятся…

— Нашим передовая не грозит, — добавила Прохорова.

— Мой обязательно полезет в драку, — вздохнула Аня.

— Не под пули, — уточнила Галя. — Грег слишком умен и знает, что вы его ждете.

— Они все знают, что мы их ждем, — тихонько произнесла Слоновски. — Но там, там… Она судорожно сглотнула: — Там слишком опасно…

— Вы что, не верите в них? — Женщины вздрогнули и повернулись к Мамаше Даше, которая поднялась на ноги и пронзительно смотрела на них. — Вы что, не верите в своих мужчин?!

Кадр № 872

Ракета пронзает десантный вертолет. До взрыва мгновение, всего одно мгновение… Бесстрастная «ши-ва» умеет ловить эти сраные моменты, как ни одна другая камера в мире.

Огненная вспышка бьет по глазам, обломки летят в стороны, но фотограф этого уже не видит, потому что Олово рывком швыряет его в воронку.

— Замри!

В землю вгрызается огненная волна мертвого вертолета. Метрах в стах к югу месят грязь лопасти, но Кристиан этого не видит, потому что лежит на спине и смотрит вверх. На бреющем проносится самолет, и от его крыла отделяется следующая «красноголовка». Фотограф чудом успевает надавить на кнопку «шивы».

Кадр № 873

Ракета собралась в гости. Будет печь еще один огненный шар из железного теста с мясной начинкой.

Кадр № 873. Тринадцатый полигон «Науком», Станция, август.

Первая версия плана «Северный орел» предусматривала высадку десанта непосредственно на территории

Станции, однако батареи ПВО раздавили эту затею, как тапок — таракана. Защитники отработали блестяще: сначала истребители, а потом, когда оставшиеся вертолеты добрели до Станции, — ракеты «земля-воздух». Батареи ПВО создали перед вертолетчиками настолько плотную завесу, что адмиралы велели высаживать десант подальше и преодолевать оставшееся расстояние пешком. По открытому пространству, на котором десантников поджидали вынырнувшие с юга вертолеты огневой поддержки и бомбардировщики.

Перепаханная ракетами территория подверглась второму удару, менее мощному, но куда более эффективному, потому что пилоты «Пчел» и бомбардировщиков были нацелены на уничтожение живой силы. И плевать они хотели, что среди десантников носились группки обезумевших «зеленых», — вокруг Станции развернулась полномасштабная война.

В отличие от люка, через который они спустились под землю,

на этой тяжеленной двери стоял электронный замок, и Чайке пришлось подождать, пока Ганза введет код. А заодно послушать, где они оказались:

— Фактически это четвертый Оперативный центр Станции. Сначала его готовили в качестве резервного штаба внешних периметров, но когда поняли, что перед штурмом моряки врежут ракетами и командовать будет нечем, решили законсервировать. А я предложил модернизировать и превратить в запасной пункт управления Станцией. Фактически — мой кабинет.

— Но его все равно можно отключить.

— Нет.

— Почему?

— Потому что согласно действующему сейчас боевому расписанию мое место здесь. — Ганза улыбнулся. — Идушие из этого центра команды будут восприниматься как мои, а когда комендант сообразит, что все оборачивается совсем не так, как он рассчитывал, будет слишком поздно.

Чайка огляделся.

Мониторы, мониторы, мониторы… Целые шкафы с электроникой, гудящие системы охлаждения и характерный звук работающих «поплавков». Наверняка их здесь столько, что можно выложить на полу мозаику.

Центр управления Станцией — входи и работай.

Ганза плюхнулся в кресло и подтянул поближе клавиатуру.

— Посмотрим, что произошло за время моего отсутствия…

И уставился в монитор.

А Илья поставил на стол «раллер», соединил с системой и запустил. Помолчал, отчего-то припомнив ракетный удар, и негромко спросил:

— Какой теперь смысл в нашей акции?

— Что? — не оборачиваясь, спросил Ганза.

— Станцию штурмуют, — напомнил Чайка. — Мы хотели остановить Мертвого, но десантники скоро сами заберут нужную информацию. Мертвый проиграл.

— Кауфман сменил коменданта, — рассеянно сообщил Ганза. — Теперь на Станции заправляет Михаил Щеглов. Слышал о таком?

«Раллер» пискнул о готовности, и этот короткий звук ножом пронзил Илью. Перед глазами встали кадры страшного видео, которое Мертвый приказал запустить в сеть в назидание всем ломщикам планеты. Видео о последних часах Каскада…

«Мишенька Щеглов! Главный палач Кауфмана!»

Чайка пошатнулся.

— Слышал.

— Если десантники подойдут к Энергоблоку, Щеглов взорвет его, — убежденно произнес лохматый гений. — Он фанатик. — Крутанулся в кресле и посмотрел Илье в глаза. — Наш «Бум!» не только врежет по Мертвому, но и остановит штурм. Представляешь, как все перетрусят, когда увидят энергетический столбик?! Пулять друг в друга точно перестанут, и мы сделаем два добрых дела по цене одного.

Ганза вновь отвернулся и воткнул в «балалайку» психопривод.

Чайка кивнул. Себе кивнул? Да, получается, себе самому, и, продолжая стоять, набрал на «раллере» пару команд.

— Твой логин — «Ломщик-1», пароль — «Возмездие», — не отвлекаясь от монитора, сказал Ганза. — Иди через главный вход, не стесняйся.

— Хорошо. — Чайка вошел в систему.

Эмира с облегчением выдохнула, занятый своими мыслями Илья этого не заметил, — и предупредила:

— Посмотрю, что снаружи.

Кивнула обоим телохранителям Ганзы и вместе с ними вышла в коридор.

— Хорошая девчонка, да? — улыбнулся лохматый, когда за военными закрылась дверь.

— Ты ее знаешь?

Доступ Ганза организовал самый полный, и Чайка отправился изучать лежащую перед ним систему.

— Эмира уже много лет работает на Патрицию.

— А ты? — вырвалось у Ильи.

— С сегодняшнего дня, — спокойно ответил Ганза. — Потому что все, что я делал до сих пор, я делал для себя.

План был хорош, однако случайности, как это частенько бывает, внесли в него коррективы.

Ракета дело свое сделала — разворотила люк, открыв путь в подземные коридоры. Но буквально за минуту до ее прилета шустрый «Ястреб» сбил бомбардировщик, который рухнул прямо на укрывшихся неподалеку телохранителей.

Однако Стефан, как показалось Хосту, потери бойцов не заметил.

— Вперед!

Земля еще не осела, а он, в азарте раздувая ноздри, уже рвется в тоннели.

— Ты уверен?

Наверху бомбят и стреляют, внизу, похоже, только стреляют. Умом Саймон понимал, что внизу безопаснее, если это слово еше имеет смысл, но как же трудно заставить себя спуститься в

темный тоннель!

— Не дрейфь, дружище! Там ты наверняка отыщешь толстый шнурок, через который поимеешь эту гребаную Станцию!

— Я все знаю!

— В таком случае добро пожаловать в клуб, — хладнокровно ответила Пэт.

— Ты меня обманула!

— Я не сказала всей правды.

Безы, к некоторому удивлению Лакри, действительно сообщили Патриции о его появлении, и она, как только выпала свободная минутка, вышла в коридор. Усталая, измотанная — интересно, чем она занималась? — но с горящими глазами.

— Ты сказала, что будет небольшая авария без жертв!

— Я гарантирую, что на Станции никто не пострадает.

— А за ее пределами?

— О них ты не спрашивал. — Пэт помолчала. — Что это меняет?

Да, все так, все верно. Казуистика, мать ее, или как там это называется? Она не сказала всей правды, не упомянула о массовых жертвах за пределами Станции, она… Она отвечала на его вопросы так, как были они поставлены, ничего не добавляя от себя.

— Это многое меняет… — Равнодушие ответа напрочь отбило у Руса желание кричать и оскорблять. Остался лишь неровный и нервный жест, которым инженер взлохматил волосы. — Что будет с остальными?

Его руки заметно дрожали.

— По нашим оценкам, погибнет от пятнадцати до двадцати процентов населения Земли, — спокойно ответила девушка.

— Двадцать процентов? Мать твою, Пэт, ты даже не поморщилась!

— Я была готова к тому, что у нас все получится.

— Тебе плевать?

— Другого выхода нет.

— Есть!

— Нет.

— Надо было подумать.

— Мы не звери, — тихо сказала Патриция. — Мы просчитали все возможные варианты. Другого выхода нет.

И повторила его жест: неровный и нервный. Но этот жест и тихий голос — единственные проявления чувств. Сворачивать со своего пути девушка не собиралась.

— Но можно было объявить… эвакуировать… — В глазах Руса стояли слезы. — Можно было…

— Сказать правду? — помогла ему Пэт. — Да!

— И кто бы нам позволил довести дело до конца? Кто бы согласился на ТАКИЕ жертвы?

На весь тот хаос, что последует за их маленьким «Бум!», на катастрофу планетарного масштаба, на ад… «Остановим Ад!» Получается, фанатики были не так уж и не правы. Чуяли, что ли?

— Мы предотвратим гораздо худший сценарий, — продолжила Патриция. — Колесо будет перезапущено, и человеческая цивилизация пойдет дальше.

— По трупам?

— Мы всегда шли по трупам. — Голос Избранной постепенно крепчал. — Ты можешь это принимать, можешь не принимать, но если ты этого не понимаешь, ты — дурак.

— Вы что, боги?! — рявкнул Рус.

— Не боги, но их посланцы. Так нормально? Ненормально! Потому что Ад стоит на пороге. Ад,

понимаешь, Патриция? АД!

— Вас проклянут. Твоим именем будут пугать детей.

— Мы жертвы, Рус, жертвы обстоятельств или злого умысла. Мы сообщим, что на Станцию пробрался известный сетевой террорист Чайка и устроил аварию. Или же спишем все на случайно залетевшую ракету, взрыв которой вызвал необратимую реакцию. Как раз сейчас спецы просчитывают, на кого свалить ответственность. Вы же с Ганзой станете героями. Вы сумеете вернуть эксперимент в нормальное русло и спасете Землю от уничтожения. Вашими именами будут называть детей.

Холод рассуждений отрезвил Руса.

Кого он пытается разжалобить? Кого уговорить? Что он вообще тут делает? Выплескивает обиду?

И еще Лакри вспомнил, что должен- Взгляд Патриции… Тот же взгляд, что и тогда, в Москве.

«Я должен…

Стоят ли массовые жертвы спасения моего ребенка? Двадцать процентов населения… сколько это в миллиардах? Никто ничего не знает… А могу ли я предотвратить Апокалипсис?»

— Кстати, о ракетах, — хмуро произнес Лакри. — Нас штурмуют.

— Я знаю.

— Если они возьмут Станцию, вы лишитесь своего маленького предприятия.

— Нам нужно запустить Станцию, И тогда здесь останется только ее отражение.

— Не понимаю.

— И не должен, — отрезала Пэт. — Скажу проще: как только

Станция заработает, все основные постройки окажутся в зоне действия защитного поля и станут недоступными для врагов. Войти внутрь можно будет только через Арку. А уж Арку Щеглов и Слоновски удержат. — Патриция усмехнулась: — Мы всё предусмотрели.

«Да уж, всё на свете».

С кем ты собираешься состязаться, Рус? Эти люди планировали постройку Станции за десятки, а может, и сотни лет до того, как ты появился на свет. Они искали помощников и делали их бессмертными. Они ждали рождения Избранной, а когда дождались, воспитали ее твердокаменным бойцом. Эти люди…

Да, напоминают зверей. Но Кирилл уже пожертвовал собой, и каждый, в случае необходимости, не задумываясь поступит так же.

У них есть цель, Рус, и они к ней идут. Творят историю, вытаскивают человечество из дерьма, в котором оно оказалось. Перезапускают, мать его, Вечное Колесо. Ангелы Смерти, дарующие Надежду. Безжалостные и беспощадные строители новой дороги…

— Ты можешь думать обо мне все, что хочешь, — продолжила Патриция. — Ты уже сделал все, что требовалось, и в твоем присутствии нет особой необходимости. Ну, разве что на случай непредвиденной ситуации. Я могла бы выбросить тебя со Станции, но я считаю тебя другом. И только поэтому наш с тобой разговор состоялся. — Пауза. — Мне жаль, что ты узнал обо всем так рано.

«Ей жаль! А может, ей и правда жаль. Она прет к своей цели, заставляя себя не думать ни о чем больше. Она хочет сделать то, для чего рождена. Ей жаль, но поступить иначе она не может…»

— В конструкции предусмотрен небольшой дефект, — хрипло произнес Лакри. — Чайке удалось посеять во мне сомнения, и я подстраховался… На тот случай, если… Одним словом, на этот самый случай.

— Если наша затея войдет в противоречие с твоим мировоззрением?

— Да, — рубанул Рус. — Конструкция неработоспособна.

— Значит, мы все умрем, — безразлично ответила Избранная. — У тебя есть немного времени, чтобы принять решение.

Патриция развернулась и направилась к двери в купольный зал.

А едва закрыла тяжелую дверь, услышала трель коммуникатора. — Да.

— Я поговорил с Ганзой, — быстро произнес Мишенька. — Конструкция не требует изменений, Лакри пытался обмануть вас… гм… тебя.

Было бы удивительно, если бы Щеглов не слушал их разговор. Он ничего не упускает.

— Я знаю, что Рус врал мне.

— И что?

— Он мой друг. — Мишенька молчит. Мишенька ждет продолжения, и Патриция продолжила: — И ты мой друг.

И тоже умолкает.

«Ты ведь знаешь, что нужно сделать. Ты знаешь. И ты не станешь требовать приказа, потому что между друзьями так принято: не заставлять говорить больше, чем уже сказано. Ты сам знаешь, что нужно сделать. И ты видишь, как мне тяжело, ученик Мертвого, духовный сын самого беспощадного на Земле человека. Ты все видишь, все понимаешь и знаешь, что сейчас твое время».

— За господином Лакри следят мои люди. Если он попытается внести в конструкцию изменения, его убьют…

Пэт молча отключила коммуникатор.

— Первая волна десанта уничтожена на семьдесят процентов, — доложил Бодуань, глядя на взирающего с экрана Председателя. — Потеряно больше половины истребителей.

— Много.

— Мы прогнозировали высокие потери, а потому отправляли вертолеты полупустыми. В настоящее время к объекту приближается вторая волна, основная.

— Что русские? — осведомился глава государства.

— Они пригодились. — Адмирал позволил себе едва заметную усмешку. — Они начали наземное наступление и приняли на себя первый удар. Без их участия наши потери были бы еше больше.

— Хорошо.

Вмешательство русского правительства, которое ни с того ни с сего решило поучаствовать в дележе Станции, поначалу возмутило мировых лидеров. Но доклады военных успокаивали: пусть лезут на пулеметы, раз так хочется, лишнее мясо не помешает.

— То есть все развивается согласно плану «Северный орел»? — подытожил Председатель.

— К сожалению, не совсем так. — Бодуань выдал мрачный взгляд и покачал головой. — Мы уничтожили авиацию противника, все оборонительные рубежи и стационарные батареи ПВО. Однако внутри Станции развернуты мобильные комплексы, и они продолжают наносить удары по нашим вертолетам.

— Это проблема?

— Мы вынуждены высаживать десант за пределами Станции.

— Вы только что сказали, что разбомбили рубежи.

— Те, о которых знали, — уточнил адмирал. — Как выяснилось, все внешние здания основного комплекса представляют собой единую оборонительную сеть.

— Нас обманули?

— Хочу напомнить, товарищ Председатель, что мы не имели никакой информации о происходящем внутри. — Бодуань вывел на второй монитор карту. — Взять последний периметр без бронетехники нереально. Во всяком случае, в нужные нам сроки. Я прошу санкцию на точечные ракетные удары по окраинным зданиям Станции. Нам нужно организовать для десантников проходы.

— В противном случае?

— В противном случае штурм захлебнется.

Как же тяжело принимать решение в таких обстоятельствах!

С одной стороны — Бодуань, которого никто и никогда не называл нытиком. Опытный вояка, он не теряет хладнокровия в самой трудной ситуации, и если сказал, что операция на грани провала, значит, так оно и есть. Председатель не раз посещал учения Народно-освободительной армии и понимал, насколько трудно выкурить засевших на грамотно спланированном рубеже солдат.

С другой стороны — Станция. Безы отбиваются под прикрытием ее строений, и что случится в результате ракетного удара, не предскажут даже лучшие аналитики Поднебесной. Потому не предскажут, что нет у них информации.

— В этих зданиях могут оказаться необходимые для работы Станции элементы, — медленно произнес Председатель.

— Восстановим, — пожал плечами адмирал.

В настоящий момент Бодуаня интересовало лишь развитие боя. Все остальное можно оставить на потом.

— А если мы устроим катастрофу?

— Именно поэтому нужна ваша санкция. Председатель угрюмо вздохнул.

— Хорошо, адмирал, она у вас есть.

Управление обороной, говорите? Тихая штабная работа? Умение просчитать действия противника и грамотно распределить резервы?

В теории, конечно, все должно быть именно так, однако Слоновски сидеть в бункере не собирался и постоянно перемещался по «периметру 0» в сопровождении четырех штабных офицеров и десятка охранников. Грег хотел видеть глаза

своих парней, слышать цоканье пуль о броню и грохот разрывов — окружившие Станцию десантники вовсю использовали реактивные гранатометы.

— Грег!

А вот и Щеглов на связи.

— У меня все нормально, — отозвался Слоновски.

— Потери?

— Ниже ожидаемых.

Титапластовые щиты, бетон, узкие бойницы, из которых торчали стволы «ревунов», и сто метров открытого пространства впереди — вот что такое «периметр О». Десантники попытались прорваться с ходу, рывком добраться до зданий и закрепиться, но умылись кровью. Теперь долбят из гранатометов, потряхивая мощные стены зданий. Ничего более серьезного пока не применяют, опасаясь повредить Станцию.

— Думаю, минут через пять-десять тебя накроют с крейсеров.

— Знаю, — хмыкнул Слоновски. — Спутники еще дышат?

Будет ли предупреждение о старте крылатых ракет?

— Дышат, так что укрыться успеете. — Щеглов выдержал паузу. — Держись, Грег, мы еще не готовы.

— И не буду готов никогда, — бубнит себе под нос Саймон. — К такому хрен привыкнешь…

Путешествие по тоннелю оказалось недолгим. Полторы сотни комфортных шагов по скудно освещенному коридору, выход на перекресток, короткое обсуждение, куда идти дальше, и… автоматные очереди, живо напомнившие царящую на поверхности свистопляску.

Огонь, как вспомнил потом Хост, открыл Стефан. Заметил в одном из коридоров тени и сразу, не задумываясь, вступил в бой. Крикнул «За мной!», отступая влево, но Саймон бросился в противоположную сторону. Знал, что Стефан обязательно убьет его после операции, и решил расстаться со старым знакомцем, благо случай подвернулся подходящий. Рвануть следом Дрогас не успел: безы подошли слишком близко. Выкрикнул в спину ломщику несколько грязных ругательств, и… и больше Саймон его не видел. Лишь слышал звуки удаляющейся перестрелки.

«Прощай, Стефан, с тобой было весело…»

Пройдя по коридору еще шагов тридцать, Хост обнаружил распределительный шкаф, к сожалению, без сетевых кабелей, в котором и спрятался от пробежавших мимо безов. Выждал пару минут, выбрался, пошел дальше и вскоре наткнулся на толстенную титапластовую дверь с электронным замком.

«Входить или нет?»

С одной стороны, внутри запросто могли оказаться безы. С

другой — до сих пор бункеры не попадались.

Вот и думай, что делать.

Хост понимал, что добрался почти до границы Станции. А еще понимал, что все перегородки закрыты и внутрь его никто не пустит. В лучшем случае возьмут в плен, в худшем — пристрелят. А скорее всего, просто не откроют дверь. А ему позарез нужен сетевой, мать его за ногу, кабель. Необходим!

«Бункер наверняка брошен! Безы не дураки, ушли отсюда. Но вдруг забыли отключить бункер от сети? Вдруг?»

А руки уже подключают «раллер» к замку, запускают программу подбора кода, программу защиты, программу имитации подтверждения отпечатка пальца… Замок отличный, однако Саймон вскрывает его всего за две с половиной минуты. После чего глубоко вздыхает, крутит ручку и тянет тяжеленную дверь на себя. Раздающийся скрип ударяет в самое сердце.

«Сейчас!»

Если внутри безы, они наверняка на взводе, полоснут из автомата, и поминай как звали…

Тем не менее Хост не отступает. Дрожа и потея, приоткрывает дверь и видит то, на что надеялся, — компьютерный центр. Мониторы, шкафы с электроникой и четыре стола. За крайним левым сидит лохматый парень с психоприводом в «балалайке», увлечен настолько, что даже скрипа не услышал. А вот за ближайшим…

Машинист, что оккупировал ближайший стол, напряженно смотрит на Саймона. Молоденький паренек со старыми глазами. И «раллер» перед ним — самый настоящий ломщицкий «раллер».

Хост широко улыбается и уверенно шагает в комнату.

— Черт побери, Чайка, ты опять не сдох?

За прошедшее с начала совещания время каждый из пяти лидеров успел пообщаться с десятком, а то и больше человек. Принимали доклады военных и разведчиков, диктовали приказы помощникам и сообщали текущие новости членам правительства. Но все они продолжали оставаться на связи, совместно обсуждая развитие штурма и возникающие проблемы. Это было время наивысшего единения в истории человечества. Никогда еще ведущие мировые державы не действовали в столь тесном контакте против общего врага.

— Две минуты до ракетного удара!

— Русские направили к Станции еще один десантный полк.

— Верхолазы опубликовали второе заявление, выражают поддержку и пытаются успокоить общество.

— Биржи обвалились.

— Да и черт с ними! Вырастут!

— Господа, предлагаю запустить в сеть наше второе заявление. Нельзя гробить экономику.

— Согласен, — улыбнулся Джезе, поднимаясь на ноги. — А теперь прошу меня извинить, я ненадолго отлучусь.

Папа отключил камеру и оглядел находящихся в кабинете людей: президент Бразилии, пара высших армейских чинов и четверо помощников. Они, в свою очередь, удивленно смотрели на вождя.

«Настало время для небольшого чуда, ребята. Уверен, оно прибавит мне авторитета в ваш гк глазах».

— Мне только что было виденье, — громко произнес Джезе. — Духи Лоа требуют, чтобы все мы спустились в убежище.

Спорить с настоятелем храма Иисуса Лоа никто не собирался, однако президент, не сдержавшись, переспросил:

— В убежище?

— Под дворцом есть бункер? — Да…

— В нем есть необходимая аппаратура?

— Разумеется…

— Дальнейшие переговоры я буду вести оттуда. И… — Поднявшийся на ноги Папа покачнулся, прижал ко лбу ладонь и закрыл глаза. Кто-то из помощников тихонько ойкнул. Вьющиеся вокруг духи презрительно скривились на этот цирк, но промолчали. — Немедленно объявите в городе тревогу. Эвакуируйте людей из высотных зданий… И… — Джезе открыл глаза и обвел ошарашенных людей тяжелым взглядом. — И да хранят нас духи Лоа.

— Чайка, ты опять не сдох?

Ганза наконец-то слышит Саймона. Резко оборачивается и ошеломленно ругается.

Где безы, которые должны стоять у дверей? Где охрана? Где, мать их, профессионалы? «Балалайка» Ганзы полностью занята работой со Станцией, лишних мощностей нет, поэтому он тянется к тревожной кнопке, а заодно лихорадочно вспоминает, есть ли среди сваленного в ящиках стола барахла пистолет. Ганза почти в шоке, однако слегка расслабляется, слыша спокойный голос напарника:

— Это наш.

— Наш?

— Мой старый приятель. — Чайка не отрываясь смотрит на Саймона, пытаясь нащупать то настоящее, что невозможно скрыть и сотней пластических операций. Лицо можно перекроить так, что и родная мать не узнает, Илья и сам уже забыл, как выглядел десять лет назад, однако все великие ломщики, которым постоянно приходилось менять имена и внешность, не трогали

глаза. Сохраняя частичку себя настоящего, себя первого, себя того, что был когда-то задуман. — Десять Моисеев?

— Я верил, что ты меня узнаешь.

— Рожу тебе перекроили классно.

— Тебе тоже. — Хост закрывает за собой дверь.

— Ты один? — Да.

— Как добрался?

— Тебя с подружкой засекли. Правда, случайно. Чайка слегка расслабляется.

— С тобой кто-нибудь был?

— Его сейчас безы кромсают.

— Тогда все в порядке.

— Хочешь сказать, что ему можно доверять? — угрюмо спрашивает Ганза. — Надо сдать его охране. Попросим, чтобы не убивали, и все дела. — И косится на пришельца: — Ничего личного, просто у нас важное дело.

— Почему бы ему не остаться? — усмехается Илья, переводя взгляд на лохматого гения. — В конце концов, он пришел сюда за тем же, за чем и мы.

— Ломаем Станцию? — весело уточняет Саймон.

— Ага.

— В таком случае я не уйду.

Ганза пожимает плечами, однако поступивший с компьютера сигнал заставляет его вернуться к работе.

— Решай сам.

Ганза вдруг понимает, что сейчас он должен довериться напарнику.

А Чайка уже все решил. Точнее — они решили. Хост подкатывает стул и устраивается рядом с Ильей.

— Увидев меня, ты не удивился, — замечает Чайка.

— Ты уникально умен, мой друг, — я знал, что ты жив, с тех самых пор, как прочитал п-вирус. — Хост быстро просматривает установленные соединения, не находит самого интересного и спрашивает: — А как будем сливать инфу?

— Мы ломаем Станцию в буквальном смысле слова, — рассеянно отзывается Чайка. — Устраиваем аварию.

— Зачем?

— Чтобы остановить творящееся на поверхности дерьмо. — И вытаскивает из ящика стола коробочку, в которой спрятано не меньше десяти доз «синдина». — Смотри, чтобы я не натворил глупостей, ладно? Ганза занят, так что ты будешь меня страховать.

— ОК.

Когда точно знаешь, что живым тебя брать не собираются,

бегство молниеносно превращается в увлекательную, но совсем не веселую игру «чет-нечет» по самой высокой ставке. Проигрыш означает пулю в спину, а выигрыш — всего лишь переход на следующий уровень. Впрочем, Дрогас, несмотря на то что всегда предпочитал роль охотника, а не жертвы, не унывал. В конце концов, главное — сохранять хладнокровие, а все остальное приложится.

Рывок до развилки, резкий поворот, еще один рывок, чуть длиннее, а потому на последних метрах — ожидание автоматной очереди. И пули, что зацокали по стенам, воспринимаются почти с удовлетворением: не ошибся! Но ведь не опоздал! Ушел с линии огня буквально за секунду… А в голове уже просчитываются условия задачи: длина коридора, скорость безов, время, за которое они достигнут поворота. Ноги несут Стефана вперед, а левая рука срывает с пояса фанату. Два нажатия вслепую, запал выставлен на нужное время, и граната катится навстречу преследователям. А Дрогас бежит, бежит быстро и слышит смешанный с воплями взрыв.

— Он почти на Станции!

— Его встретят?

— Должны…

Кем бы ни был удирающий от них парень, он профессионал высочайшего класса. Одной брошенной практически наугад гранатой он умудряется избавиться от четырех безов. Двое убитых, двое раненых. Эмира перепрыгивает через тела и бежит дальше, один из телохранителей Ганзы следует за ней, второй остается помогать раненым.

— Куда он выйдет?

— К нулевой линии!

— А дальше?

— Зависит от того, умеет ли он вскрывать электронные замки…

Обычный! Дрогас яростно ругается и долбит проклятую дверь ногой. Обычный, мать его, замок! Закрылись изнутри и откроют только своим. А искать другую дорогу поздно, охотники уже свернули в это ответвление.

Придется их убить…

Стефан падает на землю, занимает идеальное, хоть сейчас на учебный плакат, положение и открывает огонь, едва разглядев преследователей.

Хорош парень, чертовски хорош!

До залегшего противника не меньше пятидесяти шагов, в коридоре темно, а первая же пуля, мать ее, влетает в голову беза.

Эмира бросается на землю, используя тело погибшего в

качестве укрытия, и дает длинную очередь. Над головой воют ответные пули, судя по отраженному от всех стен звуку, противник подползает ближе, не желая ждать, когда из двери за его спиной появятся враги. Эмира улыбается — она не прочь сыграть огневую дуэль с двадцати шагов…

А в следующее мгновение глохнет. Видит, как проседает потолок, и понимает, что ракеты вминают «периметр 0» в землю.

— Как дела у вас?

— Надеемся на лучшее, доктор Кауфман, — ровно отвечает Мишенька. — Первый этап завершен, и теперь все зависит от одного известного вам наркомана.

— Как Патриция?

— Она молодец.

— Вы уже подружились?

— Мы близки к этому.

— Вот и хорошо, — кивает Мертвый с таким видом, словно ничего важнее в данный момент не было. — Сколько времени у вас осталось?

— В настоящий момент противник добивает ПВО и «периметр 0». Через десять минут высадится десант.

Возможно, через двадцать минут Мишеньке придется отдать приказ об уничтожении Станции, однако понять это невозможно ни по жестам, ни по тону — Щеглов абсолютно невозмутим.

— Удачи, господин комендант, — тихо произносит Максимилиан.

— Благодарю, доктор Кауфман. Не буду скрывать: нам она понадобится.

Мертвый отключает связь и некоторое время молча смотрит в монитор, бездумно разглядывая «горящие» вызовы: Моратти, де ла Крус из Рио, Хаммер, Холодов… Ни с кем из них Мертвый говорить не собирается. Он отключает коммуникатор и вызывает секретаря.

— Ядвига Сигизмундовна, пожалуйста, объявите общую тревогу. Всему персоналу «Пирамидома» немедленно спуститься в убежище. Заодно распорядитесь насчет эвакуации из всех высотных зданий Анклава. — Мертвый откидывается на спинку кресла и сводит перед собой руки. — А еще я бы рекомендовал вам помолиться.

«Чтобы они не погибли…» Люди.

Миллионы невинных людей по всему миру.

Они могут остаться в живых, если он, Рустам Лакри, испортит придуманную им конструкцию. Ничего сложного, просто отключить пару чертовых блоков, и весь план полетит к чертям. Не поднимется энергетический столб, не шарахнет по

мирозданию, не вывернет мир наизнанку, но…

Но в этом случае Мишенька Щеглов взорвет Станцию. Сожжет в бешеной вспышке тайну разработанной Ганзой энергии, а самое главное — сожжет Матильду и их нерожденного ребенка. Уничтожит всё, что имеет смысл.

Нависающая над алтарем часть — всего лишь путепровод, передаточное звено, основное внутри, в огромном тоннеле, где прячется сейчас Рус. Прячется от всех. Прячется от самого себя. Пытается спрятаться.

«Миллионы…»

Он — маленькая букашка рядом с железным червем, что протянулся от гребаного котла к гребаному алтарю. Жалкое насекомое, мечтающее спасти рой таких же бесполезных созданий. Никому не нужных. Невинных. Он — крупица совести, оставшаяся у рехнувшегося мира. Он — боль его. Огонек безнадежной тоски. Миллионы…

Охраны не видно, да в любом случае мешать ему никто не станет — у Руса наивысший допуск. Ему даже инструмент никакой не нужен, потому что он гений и прекрасно знает, что нужно сделать.

Нужно решиться.

Точнее, решить, что важнее: принципы или любовь? Миллионы чужих жизней или белокурая девушка, которая прячется сейчас в убежище? Сможет ли он жить после такого решения?

Рус медленно садится на пол и закрывает лицо руками. Его колотит. Он уже не прячется, он пытается убежать.

— Бункер 9 — прямое попадание!

Слева ухает посланный из реактивного гранатомета подарок.

— Бункер 4 отрезан! Ребята не могут выбраться!

Гудит вертолет, орут его «ревуны», десантники начинают скользить по фалам с десяти метров. По ним бьют изо всех щелей, изо всех сохранившихся окон, изо всех оставшихся стволов. Трупы падают вниз и смешиваются с другими трупами. Камни красные от крови и мяса, но десантников это не останавливает. Вертолетов до черта! Второй, третий… Третий и четвертый сносят реактивными гранатометами, но есть еще пятый. И шестой. И…

— У Энергоблока сожгли три «вертушки»!

Все переносные ЗРК распределены между Теплым Домом, Энергоблоком и башней ЛТП-1. Каждое из этих зданий — цитадель. И каждое будет держаться до конца. Собственно, если падет хоть одно, это и станет концом. Поэтому сделано все, чтобы десант не прошел. «Периметр 0» сейчас — это вся Станция. Офицеры внутренней безопасности смешались с безами и

взявшимися за оружие гражданскими. Все попрятались по щелям и стреляют, не желая сдаваться. Просто не желая сдаваться, отвечая силой на силу.

— С запада еще шесть «вертушек»!

— Восемь с востока!

От штаба Слоновски остался один человек — кто-то должен поддерживать связь, остальные бьются на передовой. Как и сам Грег, который отвлекается от стрельбы лишь для того, чтобы отдать самые необходимые распоряжения.

— Бункер 4 разблокирован! Потерь нет! Еще полсотни бойцов…

Грег укрывается за остатками стены и выводит на на-ноэкран общую карту. Оценивает и вызывает Мишеньку:

— Организованный бой продлится еще минут десять.

— Ручаешься?

Перед глазами — Аня и дети, совсем малые… Слоновски морщится.

— Ручаюсь. Через десять минут они йойдут в ЛТП-1. А это смертный приговор.

Над головой ревет очередной вертолет.

Кадр № 987

Олово защищает Станцию. Или: Олово режет десантников. Или: Олово спасает меня. Или: Олово… Кадр № 987 Страшно.

В последнее время смерть часто стояла за плечом Кристиана. Или пробегала мимо, весело подмигивая на ходу. И даже прижималась к нему, обжигая затылок горячим дыханием. Но так близко, как сегодня, смерть еще не находилась. Почти вцепилась в фотографа. Почти потащила за собой…

Реактивная граната ухитрилась влететь в узкую бойницу. Титапластовый щит, который должен был захлопнуться, почуяв приближение столь крупного объекта, не сработал, на «периметре 0» ни черта уже не работало, так что страховки у безов не было. Реактивная граната…

Реактивная граната взорвалась внутри, положив девятерых парней, засевших в остатках дота. Пятеро погибли сразу, четверо еще дышали, еще стонали, один кричал… и ворвавшиеся десантники добили их из автоматов. Расстреляли в упор, и Олово озверел.

Они с Крисом подбежали к доту почти не скрываясь, знали, что внутри свои, но за те минуты, что не было связи, все поменялось. Они влетели в проем и увидели расстрел. А потом Крис увидел, как десантник наводит на него автомат. И услышал:

— Замри.

И мощный удар ногой швыряет фотографа в стену, по

которой он тут же сползает на землю.

Пули проходят мимо, а Олово, неизвестно как преодолевший три разделявших их метра, бьет десантника в шею.

Кадр.

Кровавый фонтан на стену.

А ножи уже кромсают остальных солдат. Самого Олово не видно, проследить его путь можно лишь по десантникам, падающим один за другим. И еще «шива»… «Шива» успевает взять в кадр невысокого. А ошарашенный Крис не думает о том, что Олово движется чересчур быстро. Крис просто держит палец на кнопке и не чувствует капель крови, что брызжут на его лицо. Вообще ничего не чувствует. Он видит лишь черный ствол. Он видит пули, что летели в него. Пули, от которых спас Олово. Крис больше не человек и не зеркало, он — механизм для нажимания кнопки. Он в ступоре. Он покрыт чужой кровью и не замечает, как Олово хватает гранатомет и выскакивает наружу, потому что к доту приближается вертолет. И не замечает взрыва, не понимает, куда его тащит вернувшийся Олово. Ничего не понимает.

Кадр № 987. Тринадцатый полигон «Науком», Станция, август. Страшно.

— Мы не успеваем обрабатывать!

«Поплавки» визжат, но не справляются с управляемой аварией, которую задумали три гения. Системы работают нештатно, мощность нагнетается, однако даже суперпроцессоры не способны корректно просчитывать происходящее. Только с погрешностями. С огромными, мать их, погрешностями, которые положат всех в гроб.

— Чайка! — орет Ганза.

— Я стараюсь!

— Хреново стараешься!

Ганза ругается по-черному, и это плохо. Это значит, что все очень-очень плохо, потому что Ганза никогда не ругается и всегда весел. А еще Ганза лучше всех понимает, что происходит, и если он ругается…

— Чайка, твою мать!

— Я стараюсь!

Объять грандиозный организм, который несколько лет строили крупнейшие корпорации.

Огромную систему неспособен удержать под контролем один-единственный человек, она не рассчитана на подобное. Она слишком сложна. Потому и надрываются «поплавки», и даже тот, в «балалайке», не прочитывает все приходящие сообщения. Потому что суперпроцессор становится тормозом, затычкой между колоссальным массивом данных и самым уникальным во

Вселенной компьютером — человеческим мозгом.

— Чайка!

— Еще «синдин»!

Саймон колет наркотик, но этого мало. Мало, мать его, мало! Чайка чувствует, как «синдин» вливается в кровь и таранит организм изнутри. Выжигает все пробки и затычки, всю защиту против перегрузки, но при этом дает силу. Нажимает на нужные клавиши, активизирует нужные программы, но мощности маловато. Система «Чайка» не выходит на пик, потому что между ней и системой «Станция» есть самая главная затычка — «поплавок». И гробятся приходящие данные. Приказы не успевают отдаваться, и Ганза белеет:

— Чайка!!

Энергетический котел пыхтит, грозя разразиться неуправляемым штормом.

— Еще дозу!

— Сдохнешь! — рычит Саймон.

— Делай!

Чайка понимает, что уже рядом, но еще не вместе. Он оседлал цифровой поток, но не сделался его частью. Биты остаются битами. Соседями, а не родными. Океан информации ласкает ноги, но не пускает дальше пляжа. Ганза белеет. Все летит к чертям, а вонючий Саймон…

— Еще дозу!! Я должен раствориться в этой гребаной системе!

Ганза слышит и понимает. У Ганзы расширяются зрачки.

— Он обезумел!

Но Саймон уже колет.

— Еще!

И Саймон колет еще.

Очень много и сразу. То, что прелат Туллиус Танг пытался когда-то объяснить Сорок Два. Много и сразу. И что-то лопается в голове… Смерть? Жизнь?

И Чайка понимает, что смерти нет, есть лишь Колесо. И еще понимает, насколько был глуп, пытаясь раствориться в системе. Насколько глупы были великие ломщики прошлого и нынешние тритоны. Глупы и наивны.

Зачем растворяться в мире, если ты уже его часть? Ты — Человек.

И компьютер должен служить тебе.

И все, что нужно, — показать это. Выйти на другой уровень. Увидеть не холодное железо, не компьютер, а новый элемент мира. Новую часть мира. Живую, хоть и мертвую. Но ведь все когда-то было мертвым. Всё на свете когда-то было мертвым. В

этом и прелесть мира — он вечно обновляется, меняется, становится другим. Нужно просто увидеть его очередное обновление, понять, что сеть стала частью грандиозной живой картины, понять, что она ждет не растворения, а…

Сеть стала частью мира, но не обрела душу. Она принимает тонущих в ней, но ждет не растворения, а Слова. Поэтому она пока мертвая. Поэтому мечтает стать живой. Сеть понимает, что еще не совершенна. И Сеть ждет Слова.

И Чайка знает Слово.

И что-то лопается в голове.

И Чайка понимает, что он только что сжег мешающий ему суперпроцессор.

И реки информации сливаются в один поток. Вся инфа от всех машин Станции, триллионы бит в наносекунду, не поток, а цифровой цунами — приходит к нему. Но Чайка не становится потоком, не растворяется в нем. Он не часть нового элемента мира, он им правит. Потому что он — Человек, а поток — всего лишь Цифра.

Поэтесса дура. Сорок Два — дурак. И каждый тритон, мечтающий слиться. Потому что настоящая мечта-в достижении невозможного. В том, чтобы взойти на вершину.

Суперпроцессор прогорает, и Чайка видит Станцию так, как Читающая Время видит будущее, — насквозь. Как Гончий Пес видит врагов. Как Избранная видит Срединные миры.

Чайка чувствует работу каждого органа Станции, каждой мышцы, каждой клеточки. Он знает, что должен сделать, и задача вызывает у него радостную улыбку. Он знает, что справится. Он знает, что изменился.

Он знает, что такое Совершенство…

Светло-зеленый столб чистой энергии рождается над древним алтарем, устремляется к небу и в землю. Не магнитные поля его удерживают и не сталь, а Слово. Чистая Энергия сошлась с Чистым Словом, образовав идеальное сочетание невозможного, найденное в душе Патриции.

— Да будет так! — провозглашает замершая у камня Избранная.

И Копье вгрызается в небо. И проходит сквозь землю. Вылетает за пределы атмосферы. В секунду заполняет двадцать километров скважины. Не останавливается. Копье несется к звездам. Копье целится в раскаленное сердце Земли.

— Да будет так!

И Копье насилует мир. И ему отзываются миллиарды ртов. Все мониторы Земли транслируют происходящее на Станции, но почти никто не смотрит, потому что земля уходит из-под ног.

Корчится мир, пронзенный в день великого соития энергетической пикой. Смешиваются в нем прошлое с настоящим, в муках рождая будущее. Сливаются наука с мистикой, холодный расчет с необъяснимым чудом, прагматизм и надежда, разум и сердце. Сливаются, заново раскручивая Великое Колесо, на деле доказывая, что там, где нет прошлого, не будет и будущего.

Сливаются…

А Копье вдруг оставляет звезды и землю и прячется в камень, раскаляя алтарь до температуры безумия. Копье сжимается, собираясь с силами, и разлетается в восемь сторон, повинуясь пляшущим на алтаре рунам. Чертит восемь спиц, упирая их в стены, и на кончике каждой набухает переполненный мощью шар. И каждый шар, повинуясь громогласному приказу Избранной, сплющивается в вертикально стоящий круг и навсегда впечатывается в стену. И под огромным куполом Главного Энергоблока рождаются восемь круглых, наполненных бесконечным черным глаз. Восемь черных тоннелей в восемь неизведанных миров. Восемь дорог под новые звезды.

Восемь…

— Отец, — шепчет обессиленная Патриция. — Мы победили, отец.

Она садится у алтаря и закрывает глаза.

— Мы сделали, — вторит Избранной Мишенька. Он бьет ладонью в толстенное стекло панорамного окна и повторяет: — Мы сделали, чтоб меня наизнанку вывернуло! Мы сделали!

А позади кричат вскочившие на ноги офицеры.

Мамаша Даша обнимает Матильду.

Плачет Рус.

Улыбается Мертвый. Он стягивает перчатки, смотрит на лишившиеся страшных отметин руки и улыбается. Страшно улыбается.

Смеется Грег, глядя на падающие после столкновения с зеленоватой сферой вертолеты. На перепуганных десантников, которых добивают окрыленные успехом защитники Станции.

Сидит на земле ошарашенный Кристиан, а вокруг приплясывает Олово. Приплясывает и кричит:

— Совершенство!

И Крис наводит «шиву» на пронзившее Землю Копье.

Кадр № 1000. Тринадцатый полигон «Науком», Станция, август.

— Сегодня мир стал совершенен! Она построила кольцо миров! Сегодня…

…был ад.

«…прямое попадание крылатой ракеты в производственный

блок № 11 привело к гибели пятидесяти трех человек и вызвало неконтролируемый энергетический выброс огромной мощности. Мы не в силах предсказать, чем обернется для Земли эта катастрофа. Да хранит вас бог!» (из срочного заявления коменданта тринадцатого полигона «Науком» Михаила Щеглова).

Расчеты Ганзы оказались верны: тысячекилометровая зона вокруг Станции практически не пострадала. Нетронутым остался и весь меридиан.

А вот остальным пришлось несладко.

Шесть первых минут — сто миллионов первых по-

гибших. Изнасилованная энергетическим копьем планета огрызнулась волной землетрясений, самое слабое из которых тянуло на восьмерку по Рихтеру. Новосибирск, Дели, Куала-Лумпур, Сиэтл, Берлин, Денвер, Кито…

Жертвами землетрясений стали не только люди и города. По всему миру к ним присоединились тридцать пять атомных электростанций. Тридцать пять новых Хи-росим…

Потревоженная вода бьет наотмашь. Тридцатиметровые волны разбегаются по Индийскому океану и Атлантике, а огромный Тихий порождает пятидесятиметрового монстра. Цунами захлестывают Лос-Анджелес и Новый Орлеан, Нью-Йорк и Бостон, Калькутту, Сингапур, Шанхай…

Вулканы Исландии и Камчатки «отзываются» почти мгновенно, а через два часа после запуска Станции в ста милях от Солт-Лейк-Сити начинает пыхтеть первый из «новых вулканов», заливая окрестности вырвавшейся из глубин лавой…

Приходят в движение плиты, вздрагивают разломы земной коры, уходят под воду острова и возникают новые. В других морях и океанах. Или рядом, по соседству…

Все рушится.

А под куполом Главного Энергоблока Станции таинственно поблескивают переливчатым черным ворота в неизведанные миры.

эпилог

Оставшиеся за пределами Станции десантники прекратили огонь почти сразу, сообразили, что толку от него нет, что пули и гранаты растворяются в окутавшем Станцию силовом поле, и перестали стрелять. А те, что оказались внутри, заняли было круговую оборону, но Слоновски распорядился силу не применять. Хватит, настрелялись. Окруженным солдатам предложили беспрепятственный выход за пределы Станции. Десантники сначала отказались, но, увидев гибель посланных на выручку вертолетов — два из них разбились, столкнувшись с силовым полем, — предложение приняли и ушли через Арку.

Война закончилась.

Остатки десанта заняли позицию между вторым и третьим периметром, перегруппировались, но активных действий не предпринимали, ждали приказов. А их не было. Флотилия в катаклизме не пострадала, однако правительствам стало не до Станции.

Война закончилась.

И наспех зализавшая раны служба внутренней безопасности немедленно занялась организацией экспансии. Именно им, самым преданным Патриции офицерам, предстояло первыми отправиться в новые миры.

— Что железнодорожники?

— Работают.

— Это понятно! — хмыкнул Грег. — Меня интересует, как идут дела.

— Обещают восстановить пути за сутки.

Сеть железнодорожных веток — от складов и производств к куполу Главного Энергоблока — была изрядно повреждена. К тому же предстояло пробить несколько дополнительных ворот в купольный зал, проложить через него пути к Вратам и дальше, за пределы Земли…

— Что с веткой в зону «Науком»?

— Ею занимаются ребята из корпорации.

— Я знаю, кто ею занимается. Когда будет восстановлено сообщение?

— Не раньше завтрашнего вечера.

— Сойдет.

Тем более что пока в поставках «Науком» нет необходимости. Все, что нужно на первое время, на Станции есть.

Мимо беседующих офицеров медленно проехал тягач, на открытой платформе которого стоял четырехместный вертолет с опознавательными знаками Картографической службы. Грег прищурился: все правильно, разведчики уже ушли, теперь готовятся картографы. За ними пойдут геологи и проектировщики. И одновременно железнодорожники подгонят тяжелую технику и начнут предварительные работы.

Согласно плану колонизации первые эшелоны в лишенный пока имени «Мир-1» должны пойти через неделю. На поездах через половину галактики. К другой земле. К другой жизни.

Тягач скрылся в воротах купольного зала. Слоновски тряхнул головой и улыбнулся:

«Мы сделали!»

— Миллион… еще один миллион… еще один миллион, и это будет двадцать четыре. Нет… это будет двадцать девять! Нет…

Рустам Лакри подсчитывал погибших. Упер бессмысленный взгляд в черный экран отключенного коммуникатора и подсчитывал. «Слушал» новости и подсчитывал, постоянно сбиваясь и начиная заново. Не замечая никого и ничего. Пребывая один на один со своим кошмаром.

— Тридцать четыре… тридцать восемь…

А рядом, в четырех шагах от него, сидела в кресле заплаканная Матильда. Иногда, когда Рус начинал кричать и размахивать руками, словно отбиваясь от навалившихся тварей, она подходила и гладила любимого по голове. Прижимала к себе. Шептала что-то и плакала.

Ее тепло успокаивало Руса. Он замирал, на какое-то время переставал дрожать, но через десять-пятнадцать минут продолжал свой страшный подсчет:

— Сто пятьдесят три… сто семьдесят… Двести…

— Она меня ненавидит? — негромко спросила Патриция.

— Она еще не знает, — честно ответила Мамаша Даша. И тяжело вздохнула: — Сейчас Матильда думает только о Рустаме.

— Но возненавидит.

Гадалка положила руку на плечо Пэт.

— Мата сама рассказала Русу правду.

— И что изменила?

Они говорили в коридоре, у входа в апартаменты Лакри. Говорили шепотом. Но не потому, что Матильда или Рус могли их услышать, совсем нет. Просто шепот лучше всего подходит для горьких слов. Тььне произносишь их в полный голос, и от этого немного легче.

— Ты прекрасно знаешь, что она изменила, — заметила Мамаша. — Если бы не вмешательство Маты, ты обманула бы Руса так же, как и остальных. Сказала бы, что виной всему ракета, что все вышло из-под контроля, что катастрофа — трагическая случайность…

— Он слишком умен, он бы не поверил. Патриция улыбнулась, но в глазах ее застыла боль.

Не раскаяние, не сожаление — боль.

Матильда должна была стать ее совестью, ее жалостью. Матильда! Сознательно или нет, она поделилась своим грузом с любимым, и Рус не выдержал.

— Он захотел бы поверить, — с нажимом продолжила гадалка. — Так же, как сейчас он захотел от всего сбежать. Он заставил бы себя поверить.

Пэт понимала, что гадалка права, но легче не становилось. Потому что все пошло не так, как должно. Потому что ее любимая сестра убивается сейчас рядом с сумасшедшим мужчиной и

готовится ее возненавидеть. Потому что обмануть не получилось.

— Ты сможешь его вылечить?

Патриция машинально посмотрела на скользящие по кистям рук руны.

— Только в том случае, если Рус этого захочет.

— Но ты попытаешься?

— Должно пройти время.

Оно ведь не только убивает, оно еще и лечит. Притупляет пережитый ужас. Сейчас Лакри один, но рано или поздно он, возможно, захочет вернуться к Мате и ребенку. И тогда Патриция поможет ему вырваться на свободу. Но только тогда.

Боль постепенно уходила из взгляда Пэт. Не исчезала, но пряталась, поскольку, вспомнив о времени, Избранная вспомнила и о делах — день ее был расписан по минутам.

— Ты решила, что будешь делать дальше? — Патриция посмотрела на гадалку. — Отправишься с нами или останешься здесь?

— Куда же я от вас денусь? — Мамаша Даша слабо улыбнулась. — Буду рядом, пока смогу.

— Здесь твоя жизнь будет длиннее.

Десять лет против одного года, который останется у бессмертного, если он пройдет в другой мир. Огонь, что питал Его команду все это время, угас во вспышке Великой Церемонии, и теперь выбор был именно таким: десять лет против одного года. Колесо перезапущено, старые договоренности рухнули.

— Я хочу увидеть то, ради чего мы все это затеяли, — твердо ответила Мамаша Даша — Я хочу увидеть новый мир.

— Вы пилот Картографической службы?

— А кто спрашивает? — хмуро отозвался невысокий крепыш в летном комбинезоне.

— Persona suspecta.[12]

— Кто? — не понял пилот.

— Ваш пассажир, — объяснил Филя. — Мы летим вместе.

Разведчики сообщили, что обстановка в «Мире-1» спокойная, атмосфера пригодна для дыхания, первичный медицинский анализ не показал наличия опасностей, погода замечательная. Доклад пришел сорок минут назад, и к вратам Люциуса Минга сразу же подтянули вертолет Картографической службы. Тягач замер у Врат, ожидая приказа отправляться, экипаж слегка нервничает, и тут…

— У меня уже трое пассажиров, — недовольно сообщил летчик.

— Один из них полетит следующим рейсом, — уверенно произнес Филя, демонстрируя пилоту подписанную Щегловым

бумагу. — Я личный представитель руководства.

— По какому вопросу?

— По всем сразу. — Филя потряс потрепанным портфелем. — Специалист широкого профиля.

— А имя у тебя есть?

— Таратута.

— Внимание Картографической службе! Готовность одна минута.

— Нам пора, — улыбнулся Филя и полез в кабину вертолета. — Посмотрим на новый мир вместе.

— Чрезвычайный исполнительный комитет Европейского Исламского Союза призывает граждан соблюдать спокойствие и порядок. Беженцам из районов стихийного бедствия рекомендуется зарегистрироваться в лагерях Службы спасения…

Глобальная сеть практически легла, от прежней паутины сохранились лишь островки, трафик которых забит призывами о помощи, отрывочными сообщениями о происходящем да бестолковыми вопросами. Кое-какой охват в мировом масштабе давали спутниковые каналы, но их плотно заняли государственные информационные службы. И не забывали вставлять между срочными сообщениями пропаганду:

— Чрезвычайный исполнительный комитет Европейского Исламского Союза считает катаклизм результатом чудовищного эксперимента корпораций. Военная операция проводилась в полном соответствии с тщательно разработанным планом, и ни одна ракета…

— Теперь не отмоетесь, — пробормотал Мертвый. Как ни старайтесь.

Дороги разрушены, мосты разрушены, города разрушены. Радиоактивные острова на месте атомных станций. Полностью уничтожена прибрежная инфраструктура. Географические карты устарели. Кладбищ не хватает. Впрочем, сейчас мало кто заморачивается такой ерундой, как ритуалы. В тех районах, где действовали Службы спасения или военные, покойников старались хоронить быстро, чтобы не допустить эпидемий, бульдозерами зарывали во рвы. Во всех остальных местах мертвыми никто не занимался.

— Беженцы из Анклава Франкфурт продолжают прибывать в…

— Официальный Эль-Париж заявил, что в связи с уничтожением Ланданабада власть на островах переходит…

— Кто-нибудь выходил на связь с Санкт-Петербургом? Что там происходит?

Трясти не трясло, но шестиметровая волна до столицы

докатилась…

В Москве же главной проблемой стали перебои с электричеством — большинство русских станций вышло из строя. Впрочем, Кауфман ничего сложного в этом не видел. Работающие на новой энергии резервные генераторы «Пирамидома» продержатся месяц. Воду можно качать из предусмотрительно оборудованных скважин. Арсенал не пострадал, запасов продовольствия хватит на месяц. А самое главное — люди. Тысячи московских безов готовы выполнить любой приказ Мертвого. Сила…

— Кауфман! Черт бы тебя побрал! Ответь! Моратти уже в третий раз пытался связаться с Максом. Не погиб, заморыш, уцелел в цюрихском своем бункере. Тем лучше — поквитаемся лично.

Мертвый подошел к окну и улыбнулся.

Хаос — это первый шаг к Совершенству.

— «Хаосовершенство»? — переспросила Патриция.

— Да-а, — подтвердил Олово. — Оно.

— Красиво.

— Он сдела-ал. — Слуга ткнул пальцем в Кристиана.

— Я о названии.

— На-азва-ание сдела-ал я-а.

— Не ожидала. — Патриция медленно перевернула несколько страниц альбома. Подняла голову и посмотрела на Олово: — Не ожидала от тебя.

— Са-амо пришло.

— Теперь я говорю о твоем хобби.

— А-а… — Слуга погладил голову и коротко объяснил: — Па-амять. — Подумал и добавил: — Ва-ажно.

Вот так: память. Потому что важно. Потому что как ни крути, а без прошлого нет будущего, не вырисовывается оно, не складывается. И святость дальше идет, и мерзость, и подвиги, и грехи. Все накручивается на Колесо. Ни о чем нельзя забывать.

— Сколько у тебя альбомов?

— Этот — двена-адцатый. — Олово вздохнул: — Я-а не сра-азу понял, что па-амять можно снима-ать на-а фото.

— Ты и так сделал много, — прошептала Патриция, вновь возвращаясь к страницам альбома.

Разные города и Анклавы. Разные люди и разные эмоции. Здесь они убивают, а здесь смеются. Здесь умирают, а здесь целуются. Вот горящий вертолет, а вот горящее сердце: юноша несет подруге букет цветов. Тысяча отражений огромного мира. Тысяча последних шагов к Станции. Сингапур и Марсель, Эль-Париж и Ландана-бад… Половина запечатленных зданий уже

сгинула, как и многие запечатленные люди, но не все. Главное, что не все. И у тех, кто выжил, есть надежда.

— Вы прекрасный мастер, Кристиан.

— Спасибо.

Последняя страница, последняя фотография контракта.

Кадр № 1000 Энергетическое Копье.

Тринадцатый полигон «Науком», Станция, август. «Совершенство».

— Вам спасибо, Кристиан, — мягко произнесла Патриция, закрывая альбом. — Есть планы на будущее?

— Так далеко я стараюсь не заглядывать, — грустно пошутил фотограф.

— Отчего?

— Все слишком быстро меняется.

Была мысль отправиться в мир, в Европу или на юг, посмотреть, что творится, отразить последствия аварии, но Жозе отговорил. Куда идти? В ад? Большая часть атомных электростанций бабахнула, большая часть городов в руинах, связь обрывками, власть местами, военные пытаются организовывать зоны безопасности, гражданские вооружаются и закрывают свои районы от чужаков… Хаос.

«Неужели тебе не хватило дерьма?»

Хватило, даже слишком.

Задумавшись, Кристиан пропустил момент, когда Патриция снова начала говорить:

— Колонизация — это очень тяжелый, но и очень интересный труд. Мы будем строить новый мир: города и дороги, заводы и фермы, порты, мосты, храмы… Уверена, ваш талант позволит в полной мере отразить грандиозность происходящего.

Эх, Агата, чуть-чуть ты не дождалась. Чуть-чуть.

— Наверное… — Фотограф встал с дивана и посмотрел на сидящую в кресле девушку. — Я… я, наверное, соглашусь, да… Но позвольте мне все обдумать?

— У вас будет столько времени, сколько вам потребуется, Кристиан, — кивнула Патриция.

Она проводила вышедшего фотографа взглядом, после чего посмотрела на Олово. Тот улыбнулся:

— Ты ста-ала взросла-ая.

— Это плохо?

— Это зна-ачит, что все не зря-а.

— Спасибо. — Пэт помолчала, а затем задала волнующий ее вопрос: — Пойдешь со мной?

Слуга ответил виноватым взглядом.

— Нет?

В голосе Патриции не было удивления, лишь безмерная грусть.

— Я-а хочу побыть один, — глухо ответил Олово. — Совсем один.

Гончий Пес устал. Гончий Пес потерял хозяина, и никто в мире, даже великая дочь великого мастера, даже девушка, которую Гончий Пес любил всей душой, не сможет занять место Кирилла. Не сможет, и все. Гончий Пес просит его отпустить. Гончий Пес заслужил одно желание.

— Мне будет тебя не хватать.

— Мне тебя-а тоже.

Девушка отвернулась. Помолчала, пытаясь проглотить застрявший в горле комок, справилась и вновь посмотрела на Олово.

— Я выбрала «Мир-1», Владыка сказал, что возьмет «Мир-3». Еще пару планет мы будем колонизировать в ближайшие два-три года, остальные останутся свободными лет шесть-восемь.

— Мне хва-атит и одного года-а. Или двух. Я-а не протя-ану дольше.

— Выбирай любой мир, — тихо сказала Пэт. В ее глазах стояли слезы. — Даю слово, что тебя никто не побеспокоит…

— Спасибо тебе за все, — глухо повторил Ганза. А потом оторвал взгляд от свежей могилы и виновато посмотрел на Саймона. — Понимаю, что прозвучало пошло, но что, черт возьми, я еще могу сказать?

Что Чайка был велик? Это все знают. Что он совершил невозможное? Стал одним из трех гениев, прорубивших землянам дорогу к звездам? Об этом не узнает никто. Потому что это правда. И еще правда в том, что

Чайка похоронен так, как жил: под чужим именем, на чужой земле, и лишь выбитая на камне птица подскажет знающим, кто именно покоится на кладбище Станции. И еще правда в том, что легенды не умирают.

— Я верил в него. Мы были знакомы всего пару месяцев, много ругались, но я знал, что он сможет… — Ганза покачал головой: — Но не думал, чем ему придется заплатить.

— Ты сделал его счастливым, — тихо произнес Саймон. — Ну, или не ты, а ваша затея… Вы сделали для него больше, чем кто бы то ни было.

— Что ты хочешь сказать?

— Чайка ушел на глубину, в бинарный, мать его, код. — Хост улыбнулся. — Стал системой.

Улыбнулся, потому что помнил не валяющегося на грязном полу друга, не глаза его, полные крови и «синдина», не

скрюченные пальцы, не перекушенные губы, а слова… Тихий, едва различимый в предсмертном хрипе шепот: «Я там, Десять Моисеев… Я там… Завидуй, сука…»

— Прощай, брат. «Прощай…»

Саймон вздохнул и посмотрел на Ганзу.

— Что теперь?

— Пойдем дальше, — пожал плечами гений. — Будем придумывать что-нибудь новое.

«Интересно, а какой ответ я планировал услышать на свой идиотский вопрос?»

— Если хочешь остаться, оставайся, — продолжил Ганза. — Гарантирую — будет интересно.

— Как бы это сказать… — Десять Моисеев кашлянул. — Я немножко вне закона.

— Да нас всех следовало бы повесить, — равнодушно ответил Ганза. — Так что не бери в голову.

Развернулся и зашагал к Энергоблоку.

Саймон помялся, бросил последний взгляд на могилу Чайки: «Рано или поздно увидимся, брат», и торопливо догнал гения.

— Зарплата хорошая?

— Никогда не задумывался о деньгах.

— Тогда я согласен. Где расписаться?

— Мы не бюрократы.

— «Мир-1»… — Щеглов покачал головой. — Ты уже придумала имя?

— Еще нет, — тихо ответила Пэт. — Не хочу привязываться к чему-то известному. И не хочу наполнять слово глубоким смыслом. Имя должно быть естественным.

— С этой точки зрения Земля — идеальный вариант, — усмехнулся Мишенька.

— Но оно уже занято.

— Что верно, то верно. — Щеглов помолчал. — Ты уже была там? За воротами?

— Да. Не утерпела.

— И как?

Он читал отчеты, видел фотографии и видеозаписи, беседовал с разведчиками и картографами, однако жаждал услышать мнение Избранной, мнение той, кто поведет их вперед.

— Там красиво. И планета… — Пэт прищурилась, вспоминая пейзажи нового мира. — Планета наполнена дыханием самой Природы. Она совсем невинная.

— Там еще не было людей, — пошутил Щеглов.

— Постараемся не испортить.

— А руны? — Голос Мишеньки едва заметно дрогнул. — Ты

проверяла руны?

Останутся ли они теплыми под новым солнцем? Сохранит ли Избранная силу? Не превратится ли в обычного человека?

— Это важно?

— В первую очередь — для тебя.

— В первую очередь для всех нас. — Патриция улыбнулась и ласково провела рукой по щеке Щеглова. — Люди, которые идут за мной, знают, что мы построили ворота не только благодаря науке. Люди, которые идут за мной, — верят.

И поэтому руны не могут не дышать. Ведь питает их не звезда и не планета, не гравитационные силы или жар вулкана. Силу им дает нечто, не описываемое формулами и цифрами. Силу им дает чудо.

А чудо есть Любовь.

* * *

Сухие ветки потрескивали в пламени костра, однако света и тепла почти не давали — мало их было. Они только обозначали огонь, не пытаясь разогнать битумный сумрак ночи.

Впрочем, ни тепла, ни света Олово и не требовалось. Вечера в этих широтах выдавались хоть и свежими, но не холодными, а слишком яркий свет мог помешать созерцанию поразительного танца, что каждую ночь устраивали в небе две луны: желтая, которую Олово так и называл — Желтая, и Красная.

Олово не был исследователем, не описывал новый мир — он просто жил в нем, — а потому избегал давать имена землям и лунам, рекам и островам. Зачем? Ведь для того, чтобы наслаждаться величественным хороводом, совсем не обязательно что-то придумывать, достаточно просто поднять взгляд к звездам.

И улыбнуться.

И подумать, что разноцветные красавицы даже не знают о его существовании. И никогда не узнают, потому что жизнь его, хоть и была долгой, не идет ни в какое сравнение с тем сроком, что отпущен звездам, лунам и мирам. А сейчас она, долгая эта жизнь, подходит к концу и совсем незаметно угаснет под двумя разноцветными лунами, не оставив после себя ни следа, ни ненужных имен.

Угаснет, оставив мир в покое.

Нет, не так! Как можно оставить в покое то, что не потревожил? В гармонию чего лишь ненадолго влился, стараясь остаться незаметным и безвредным, беря только то, что нужно, и тратя время исключительно на созерцание.

В покое он оставил прежний мир, родной. Не в прямом, конечно, смысле — в покое. Оставил в хаосе, в огне, с робкой надеждой вновь подняться на ноги, однако оставил, отстал, перестал тревожить, поскольку сделал все, что мог. Все, что должен. И мысль, что он действительно сделал все, что должен был сделать, заставляла Олово улыбаться еще шире. И удовольствие от завораживающего танца ночных проказниц становилось острее.

«Я сделал все, что должен».

И поэтому остался один. Ведь после того, как все сделано, дороги расходятся.

Он потерял тех, кого любил, но грусть не владела душой Олово — у каждого свой путь. И у тех, кто умер. И у тех, кто отправился дальше. Они боролись, и они победили, они сделали,

и они разошлись, так зачем грустить? Счастливы те, кто идут. Упокоены те, кто умер. А грусть не имеет смысла.

Луны сместились в том направлении, которое охотник по привычке называл западом, танец подходил к концу, но спать не хотелось. Олово вообще мало спал в последнее время, наслаждаясь оставшимися мгновениями.

Он подбросил в костер дров, раздул угли, сходил в пещеру и вернулся с водонепроницаемым рюкзаком, из которого достал толстую пачку стянутых резинкой фотографий. Одну из двенадцати пачек, что взял с собой в путешествие. Одну из тех пачек, что связывала Олово с прошлым.

Двадцать лет назад. Примитивная лодка на фоне сингапурских небоскребов. Старик с удочкой. Отрешенный, полностью поглощенный своим занятием…

Тот гениальный фотограф, чье имя давно выветрилось из памяти Олово, рассказывал, что старик выходил в море каждый день, и в уединении предавался размышлениям обо всем, не поймав за тридцать лет ни одной рыбы. Тот гениальный фотограф подмечал последние

кусочки мира, постепенно стираемого оцифровкой современности. Тот гениальный фотограф видел, ЧТО они теряют…

Олово взял следующую карточку.

Пожилой японец вскрывает живот на платформе станции метро… Нет, это уже другой фотограф, который работал раньше, потому что Япония потеряла независимость сорок… Или пятьдесят лет назад?

Да какая разница?

При желании Олово мог бы запомнить все исторические даты своего мира, но зачем? Его сокровища, любовно созданные величайшими художниками, служили не учебником и не летописью. Это был альбом. И у этого альбома была одна-единственная цель — радовать своего обладателя, напоминать ему о мире, который он помог ввергнуть в хаос, дабы распустился на нем цветок совершенства. Сказочный альбом, состоящий из фотографий, изображающих то, чего уже нет.

Олово закрывает глаза и улыбается. Он знает, что изображено на следующей карточке. Она очень ему нравится. Она заслуживает того, чтобы закрыть глаза и улыбнуться. Олово умиротворен.

Огромная Луна вот-вот коснется скалистого утеса, на котором сплелись в объятиях молодые любовники. Тела едва читаются в серебряном свете, зато страсть пронзает насквозь.

Жизнь есть движение. А еще — любовь.

А еще любовь есть невозможное, открывающее путь за пределы воображения, дальше самых смелых мечтаний. Любовь есть невозможное, невозможное открывает новые дороги, приводит в движение, увлекает далеко-далеко, но нельзя забывать о том, с чего все началось, что было раньше. Потому что то, что было раньше, будет и потом. Потому что смерти нет, лишь крутится Великое Колесо, делая бессмысленным всё, кроме любви.

Словарь

dd (dark dog, «темная собака») — 1) сетевое сообщество наемников; 2) агенты сетевого сообщества наемников.

АММИЯ — аравийский диалект арабского языка.

АСА (Административный Совет Анклавов) — структура управления Анклавами, координационный совет, решения которого носят рекомендательный характер.

АССОЦИАЦИЯ (Всемирная Ассоциация Поставщиков Биоресурсов) — трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на работорговле, поставке оригинальных (неклонированных) органов и похищении людей.

АРАВИЯ — территория Анклава Москва, заселенная выходцами из стран Европы, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Аравийского полуострова.

БАЛАЛАЙКА (сленг) — чип беспроводного подключения к информационной сети, вставляемый во вживленный в голову разъем. Сленговое название объясняется треугольной формой устройства. Первые Б. управлялись голосом, а роль экрана выполняли специальные очки, подключаемые к Б. с помощью психопривода (см.). В настоящее время экран наносится на глаза, а помимо голосового управления предусмотрено вживление активных элементов в подушечки пальцев.

БАТАРЕЯ ЛЛЕЙТОНА — аккумулятор большой емкости, применяемый в качестве источника питания для двигателей мобилей (см.). Изобретение БЛ позволило в краткие сроки перевести наземный транспорт на электричество.

БЕЗ (множ. безы) (сленг) — сотрудник СБА.

БЛОХА (сленг) — нелегальный пассажир, пытающийся попасть в Анклавы на суперсобаке (см.).

БОЛОТО (сленг) — территория Анклава Москва.

БОЛЬШОЙ НЕФТЯНОЙ ГОЛОД — топливный кризис, разрушивший предыдущую версию мировой экономики. БНГ стал результатом непродуманной политики и неоправдавшихся надежд на открытие новых месторождений нефти. Постоянное увеличение объемов добычи и оказавшийся пузырем проект «Атлантические скважины» привели к тому, что ни одно государство мира не оказалось готово к кризису. Мировую экономику лихорадило в течение пяти лет. Прошла череда локальных конфликтов, получивших название Нефтяные войны (см.), в ходе которых государства пытались установить контроль над последними разведанными месторождениями. В настоящее

время потребности мировой экономики в перевозках удовлетворяются с помощью электричества (см. «Батарея Ллейтона» и «Суперсобака»), основным поставщиком которого стали атомные станции. Добыча нефти осуществляется на Тихоокеанских глубоководных месторождениях и полярных скважинах Русского Севера.

ВЕРХОЛАЗ {сленг) — человек, обладающий высоким положением в обществе. Как правило, капер (см.) высшего звена.

ВАГОН (сленг) — общее обозначение клана байкеров.

ВИРТУАЛ (сленг) — обозначение человека с вымышленной биографией.

ВУДУИСТ (сленг) — адепт Католического Вуду.

ГАДЖЕТ (сленг) — небольшое электронное устройство.

ГЕМОДИФИКАЦИЯ — операция по изменению человека с целью получения дополнительных, передаваемых по наследству свойств.

ГЕНАВР — человек, прошедший гемодификацию (см.).

ГЕТРАНСПЛАНТАЦИЯ — операция по трансплантации натуральных или специально разработанных органов. Используется для получения тех или иных качеств (улучшение зрения, слуха, вживление ядовитых желез, когтей и т. п.). Изменения не передаются по наследству, Г. влияет на чистоту генетической карты.

ГРАВЕР (сленг) — специалист по производству электронного оборудования: наносхем, процессоров и т. д.

ДРЕЛЬ (сленг) — пистолет-пулемет Р16-88 м разработки «Науком». Сленговое название получил благодаря высокому звуку, издаваемому при стрельбе очередями.

ДЫРОДЕЛ (сленг) — пистолет крупного калибра. Пример: «Рудобой» производства «Науком».

ЕВРОДИН (Европейский динар) — денежная единица Европейского Исламского Союза.

ЕВРОПОЛ (Европейская полиция) — полицейская служба стран Европейского Исламского Союза.

ЗАНЗИБАР — территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Африки и Северной Америки, исповедующими Католическое Вуду (см.).

ЗАМБИЕЦ (множ. замбийцы) — монах Католического Вуду (см.), член огэдена Замби Всемогущего.

ЗАПРЕТНЫЙ САД — особо охраняемая зона на территории Шанхайчик, место проживания и работы лидеров китайской диаспоры.

КАНТОРА (сленг) — организованная преступная группировка.

КАНТОРЩИК (сленг) — член организованной преступной

группировки.

КАПЕР (сленг) — сотрудник корпораций.

КАТОЛИЧЕСКОЕ ВУДУ — религиозное течение, основанное на смешении классического католичества и культа Вуду. КВ зародилось в Северной Америке и сравнительно быстро стало религией мирового масштаба. В настоящее время КВ исповедуют в странах Южной и Центральной Америки и большей части Африки, которые образуют Конфедерацию стран Католического Вуду.

КОЛЫМА (сленг) — территория Анклава Москва, на которой размещены промышленные объекты корпораций.

КОНСОРЦИУМ (Консорциум Транснациональных Перевозчиков) — трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на контрабанде.

КОНСТРУКТОР (сленг) — хирург (как правило — подпольный), специалист по трансплантации.

ЛОМЩИК (сленг) — специалист по несанкционированному извлечению информации из компьютерных сетей.

МАМБО — женщина-священник Католического Вуду (см.).
МАШИНИСТ (сленг) — специалист по работе с компьютерами и информационными сетями.

МОБИЛЬ — общее название электромобилей, работающих на батареях Ллейтона (см.). В силу невысоких тактико-технических данных (мощность двигателя, запас хода) М. рекомендуется использовать на дорогах с хорошим покрытием и не удаляться от станций подзарядки.

МОЛОТОК (сленг) — ПС9399 «Молотов», станковый пулемет производства «Науком».

МУТАБОР — 1) — транснациональная корпорация, лидер в области генной инженерии и генной медицины; 2) территория Анклава Москва, занимаемая корпорацией Мутабор (см. также: Храм Истинной Эволюции).

НЕВЫНИМАЙКА (сленг) — «балалайка» (см.), в обязательном порядке вживляемая гражданам некоторых государств.

НЕЙК, Эммануэль Мария — автор романа «Числа праведности», считавшегося библией машинистов (см.). В своих работах Нейк поднимает сложные вопросы жизни человека в современном обществе и выводит идеалы, к которым следует стремиться. Не рекомендуется к прочтению. Если вы обнаружите электронную или печатную копию романа «Числа праведности», немедленно сообщите об этом представителям власти. Спасибо за понимание.

НЕЙКИСТ — последователь учения, сложившегося под влиянием романа Нейк (см.) «Числа праведности».

НЕФТЯНЫЕ ВОЙНЫ — локальные конфликты, ставшие следствием Большого Нефтяного Голода (см.). Отличались особым ожесточением и широким применением биологического оружия.

ОКР — Объединенный Комитет Расследований, спецслужба РФ. Находится в прямом подчинении президента РФ.

ОРДЕН ЗАМБИ ВСЕМОГУЩЕГО — монашеский орден Католического Вуду (см.).

ОТКРЫВАЛКА (сленг) — сыворотка правды.

ПИНГВИН (сленг) — Индивидуальный Боевой Комплекс (ИБК).

ПЛАСТИК (сленг) — специалист в пластической хирургии.

ПОДНЕБЕСНИК (сленг) — китаец.

ПОПЛАВОК (сленг) — процессор, построенный по «плавающей» технологии Копперфильда-Найденова. ПОЭТЕССА — см. Нейк.

ПРЯТКИ (ед. число прятка) (сленг) — генавры (см.), находящиеся на службе Мутабор (см.).

ПСИХОПРИВОД — устройство подключения «балалайки» (см.) к компьютерным системам.

ПУШЕР (сленг) — торговец наркотиками.

РАЛЛЕР (сленг) — сверхбыстрый компьютер ломщика (см.). Не следует думать, что так можно называть любой мощный компактный компьютер. Настоящий Р. производится граверами (см.) вручную, по индивидуальному заказу, все его параметры, вплоть до формы корпуса и положения кнопок, подогнаны под конкретного человека. Не бывает двух одинаковых Р.! При этом даже в эпоху наноэлектроники размеры Р. достаточно велики (до десяти дюймов длиной), а весит средний Р. порядка пятисот граммов.

РЕВУН (сленг) — Тяжелый Штурмовой Комплекс (ТШК) 9899 разработки «Науком». Калибр снарядов 11,4 мм, стандартный боезапас 400 выстрелов, расширенный — 600 выстрелов. Возможна ленточная подача боеприпасов. Также в стандартную комплектацию входит подствольный гранатомет.

РУБЛЬ — денежная единица Российской Федерации. РУКАВА — территории Анклава Москва, плохо приспособленные для жизни человека.

САМУРАЙ (сленг) — выходец из Японии. САРАНЧА (сленг) — Индивидуальный Боевой Комплекс (ИБК).

САШИМИ — территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Автономной Восточной Провинции КНР.

СБА (Служба Безопасности Анклавов) — охранная структура. СБА разбита на филиалы, во главе каждого из которых стоит

директор. Общее руководство осуществляет президент СБА (должность выборная). Центральная штаб-квартира расположена в Анклаве Цюрих. СБА исполняет полицейские функции в Анклавах и обеспечивает безопасность корпораций. СБА выступает перед государствами гарантом соблюдения корпорациями Положения об Анклавах.

СИНДИН — синтетический динамический наркотик. По некоторым данным, С. был разработан Мутабор по специальному заказу машинистов (см.), поскольку при определенных обстоятельствах позволяет необычайно глубоко погрузить сознание в виртуальную реальность.

СИТИ — территория Анклава Москва, занятая корпорациями.

СОСЬЕТТЕ — монастырь Католического Вуду, в котором, в том числе, проходит обучение будущих жрецов.

СТРАТ (сленг) — самолет межконтинентальных рейсов, в процессе полета выходящий за пределы атмосферы.

СУПЕРСОБАКА (сленг) — суперскоростной экспресс на электромагнитной подушке. Основное средство международного транспорта.

ТАБУРЕТКА (сленг) — мопед на электродвигателе.

ТРАНСЕР — человек (животное), прошедший гетранс-плантацию (см.).

ТРИТОН (сленг) — человек (как правило, машинист (см.), принявший Троицу Сорок Два (см.).

ТРОИЦА СОРОК ДВА — «поплавок» (см.), «синдин» (см.) и особые наноботы — три компонента, обеспечивающие машинисту широчайшие возможности в сети.

УРУС — территория Анклава Москва, заселенная выходцами из России.

УНИВЕРСИТЕТ — территория Анклава Москва, занимаемая одноименным учебным заведением.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР — территория Анклава Москва, занимаемая представительствами государственных организаций России.

ХРАМ ИСТИННОЙ ЭВОЛЮЦИИ — 1) религиозное учение, исповедуемое Мутабор (см.); 2) второе название корпорации Мутабор.

ХРАМОВНИК (сленг) — адепт Храма Истинной Эволюции (см.).

ХУНГАН — священник Католического Вуду (см.). ЧЕРНОБУРКА (сленг) — женщины-офицеры ОКР. Как

правило, сироты и полукровки, отбираемые в детских домах и исправительных учреждениях. Неоднократно доказывали преданность Президенту.

ЧЕРЕНОК (сленг) — подросток.

ШАРИК (сленг) — Центральный Транспортный узел «Шереметьево», включающий в себя аэропорт, терминал скоростных поездов, четыре станции метро и складской комплекс.

ШАНХАЙЧИК — территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Юго-Восточной Азии, преимущественно из Китая.

notes

Примечания

1

Католическое Вуду — одно из основных религиозных течений современности. Значение некоторых других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (Прим. редактора.)

2

Причина причин (лат.).

3

Никто не обязан делать что-то сверх возможного (лат.).

4

Если бы ты молчал, сошел бы за философа (лат.).

5

В природе вещей (лат.).

6

Колесо вечно вращается вокруг оси (лат.).

7

В прямом (буквальном) смысле (лат.).

8

Ибо зовусь я львом (лат.).

9

Добродетель возрастает, если ее подвергают испытаниям (лат.).

10

Волк меняет шерсть, а не натуру (лат.).

11

О мертвых — или хорошее, или вообще ничего (лат.).

12

Подозрительная личность (лат.).